

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

(3)23'2007

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

(3)23'2007

Научное издание

Екатеринбург 2007

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

(3)23'2007

Editor-in-Chief

A.P. Chudinov

Editorial Board

E.V. Budayev

B.M. Igoshev

N.B. Ruzhentseva

A.M. Strelnikov

M.B. Voroshilova

Yekaterinburg 2007

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ,
кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Члены редакционной коллегии:

ректор УрГПУ, профессор Б. М. ИГОШЕВ
доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА,
кандидат филол. наук, доцент А. М. СТРЕЛЬНИКОВ

П 50 Политическая лингвистика. Выпуск (3)23 / Урал. гос. пед. ун-т;
Главный ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2007. – 190 с.
ISBN 5-7186-0083-X

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает два основных раздела – «Язык в политической коммуникации» и «Язык – политика – культура». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ВЫПУСК (3)23

Подписано в печать 26.11.2007. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 13.0. Тираж 150 экз. Заказ 2371.
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0083-X

© ГОУ ВПО «УрГПУ»

© Политическая лингвистика, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ		6
РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ		
Базылев В. Н. Москва, Россия	Языковые императивы «политической корректности»	8
Белт Т. Хило, США	Газетные метафоры и политическое убеждение: экспериментальное исследование	10
Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Сказка о справедливой войне в средневековом политическом дискурсе	19
Будаев Э. В., Чудинов А. П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия	Эволюция лингвистической советологии	22
Вайс Д. Цюрих, Швейцария	Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении	34
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Игры в слова: <i>население</i> вместо <i>народа</i>	60
Ворожцова О. А. Нижний Тагил, Россия	Прецедентные феномены в российском и американском предвыборном президентском дискурсе 2004 года	69
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Креолизованный текст в политическом дискурсе	73
Иньиго-Мора И., Делиджорджи К. Севилья, Испания, Брайтон, Великобритания	Стратегия уклонения в политическом интервью: анализ телевизионных интервью Тони Блэра	78
Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х. Омск, Россия	Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы)	90
Керимов Р. Д. Кемерово, Россия	Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ	96
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Прецедентное имя <i>Наполеон</i> в отечественных СМИ	107
Скребцова Т. Г. Санкт-Петербург, Россия	Образ мигранта в современных российских СМИ	115
Червиньски П. Катовице, Польша	Семантика негативно оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности	118
РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА		
Иванова Е. В. Челябинск, Россия	К проблеме исследования экологического дискурса	134
Кабаченко Е. Г. Екатеринбург, Россия	Метафорическое представление оратора и аудитории	138
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Расширение коммуникативного пространства: специфика текстов электронных СМИ в сравнении с печатными	140
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Прецедентные имена, восходящие к текстам Н.В.Гоголя, в современной коммуникации	143
Сергиенко Н. А. Сургут, Россия	Приемы аргументации в экологической рекламе	148
РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ		
Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	Г. Лассвелл и Д. Блюменсток о языке коммунистической пропаганды в США	151
Лассвелл Г., Блюменсток Д. Чикаго, США	Методика описания лозунгов	152
РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ		
Гиниатуллин И. А. Екатеринбург, Россия	Диссертационный совет К 212.283.05 в 2007 году	172
Пирогов Н. А. Екатеринбург, Россия	Диссертационный совет Д 212.283.02 в 2007 году	174
Бенито Г. А., Диас Г. Ф., Иньиго-Мора И. Севилья, Испания	Первая международная конференция «Political discourse strategies» («Стратегии в политическом дискурсе»)	176
Веснина Л. Е., Кабаченко Е. Г. Екатеринбург, Россия	История – политика – культура: Польско-Российская Школа	180
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Международная научная конференция «Изучение русского языка и приобщения к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России»	181
Красильникова Н. А., Чудинов А. П. Новоуральск, Екатеринбург, Россия	Десятилетие «Политического дискурса в России»	185
Суспицына И. Н. Екатеринбург, Россия	О пейзажах, написанных словесными красками (рецензия на книгу И. Кожневской-Берчинской «Мосты культуры»: Диалог поляков и русских»)	186

CONTENTS

EDITORIAL		6
	PART 1. LANGUAGE IN POLITICAL COMMUNICATION	
Bazylev V. N. Moscow, Russia	Language Imperatives of «Political Correctness»	8
Belt T. Hilo, USA	Newspaper Metaphors and Political Persuasion: An Experimental Study	10
Budaev E. V. Nizhnii Tagil, Russia	Fairy Tale of the Just War in Mediaeval Political Discourse	19
Budaev E. V., Chudinov A. P. Nizhnii Tagil, Yekaterinburg, Russia	The Evolution of Linguistic Sovietology	22
Daniel Weiss Zurich, Switzerland	Stalinist vs. Fascist Propaganda: How Much Do They Have In Common?	34
Vasilyev A. D. Krasnoyarsk, Russia	Word Play: Population for Nation	60
Vorozhtsova O. A. Nizhnii Tagil, Russia	Precedent Phenomena in Russian and American Presidential Election Campaign in 2004	69
Voroshilova M. B. Yekaterinburg, Russia	Creolized Text in Political Discourse	73
Iñigo-Mora I., Deligiorgi K. Seville, Spain, Brighton, UK	Evasion in Political Interviews: An Analysis of Televised Interviews with Tony Blair	78
Issers O. S., Rakhimbergenova M. H. Omsk, Russia	Image of Ethnic «Alien» in Modern Russian Press	90
Kerimov R. D. Kemerovo, Russia	Textile Conceptual Metaphors in Political Discourse of FRG	96
Nakhimova E. A. Yekaterinburg, Russia	Precedent Name 'Napoleon' in the Russian Mass Media	107
Skrebtsova T. G. St. Peterburg, Russia	Images of Migrants in Contemporary Russian Mass Media	115
Czerwinski P. Katowice, Poland	Semantics of Negative Attitudinal Categories in Naming Persons in the Language of Soviet Reality	118
	PART 2. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE	
Ivanova E. V. Chelyabinsk, Russia	On the Problem of Researching Ecological Discourse	134
Kabachenko E. G. Yekaterinburg, Russia	Metaphorical Representation of the Speaker and the Audience	138
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Widening the Communication Environment: Texts of Electronic Media vs. Texts of Print Media	140
Nakhimova E. A. Yekaterinburg, Russia	Precedent Names Dating Back to Texts by N. Gogol in Modern Communication	143
Sergienko N. A. Surgut, Russia	Argumentation Strategies in Ecological Advertisement	148
	PART 3. CLASSICS OF POLITICAL LINGUISTICS	
Budaev E. V. Nizhnii Tagil, Russia	H. Lasswell and D. Blumenstock on the Language of Communist Propaganda in the USA	151
Lasswell H., Blumenstock D. Chicago, USA	The Technique of Slogans	152
	PART 4. CHRONICLES AND REVIEWS	
Giniatullin I. A. Yekaterinburg, Russia	Dissertation Council K 212.283.05 in 2007	172
Pirogov N. A. Yekaterinburg, Russia	Dissertation Council D 212.283.02 in 2007	174
Benito G. A., Dial G. F., Inigo-Mora I. Seville, Spain	The First International Conference «Political discourse strategies»	176
Vesnina L. E., Kabachenko E. G. Yekaterinburg, Russia	History – Politics – Culture: Poland-Russian School	180
Voroshilova M. B. Yekaterinburg, Russia	International Scientific Conference «Studying the Russian Language and Entering the Russian Culture as a Method of Adaptation of Migrants to Their Life in Russia»	181
Krasilnikova N. A., Chudinov A. P. Novouralsk, Yekaterinburg, Russia	The Tenth Anniversary of «Political Discourse In Russia»	185
Suspitsina I. N. Yekaterinburg, Russia	About Landscapes Painted in Words (The Critical Review on the Book by I. Kozhenevska-Berchinska «The Bridges of Culture»: The Dialogue Between the Russians and the Polish».	186
LIST OF CONTRIBUTORS, EDITORS AND TRANSLATORS		

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый третий выпуск «Политической лингвистики». Мы начинали 12 лет назад как межвузовский сборник научных трудов «Лингвистика», но постепенно происходила специализация издания и изменение его характера. Сначала в сборнике появился раздел «Политическая лингвистика», затем – этот раздел стал основным, а двадцатый выпуск уже вышел с новым названием.

У нас по-прежнему многонациональный состав авторов. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои статьи известные зарубежные специалисты по политической лингвистике профессора Тодд Белт (Хило, Гавайи, США), Даниэль Вайс (Швейцария), Петр Червиньски (Польша), Катерина Делиджоржи (Великобритания), Изабель Иньиго-Мора (Испания).

Мы благодарны за предоставленные для публикации исследования ведущим российским специалистам профессорам Владимиру Николаевичу Базылеву (Москва), Татьяне Георгиевне Скребцовой (Санкт-Петербург), Александру Дмитриевичу Васильеву (Красноярск), Оксане Сергеевне Иссерс (Омск), а также доцентам Руслану Джаваншировичу Керимову (Кемерово) и Наталии Анатольевне Сергиенко (Сургут).

Уральскую школу политической лингвистики и лингвокультурологии представляют доценты Эдуард Владимирович Будаев (Нижний Тагил), Мария Борисовна Ворошилова (Екатеринбург), Светлана Леонидовна Кушнерук (Челябинск), Елена Анатольевна Нахимова (Екатеринбург), кандидаты филологических наук Ольга Александровна Ворожцова (Нижний Тагил), Елена Валерьевна Иванова (Челябинск), Екатерина Геннадиевна Кабаченко (Екатеринбург) и профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов (Екатеринбург).

В первом разделе традиционно представлены исследования по политической коммуникации. Здесь рассматриваются общие принципы изучения политического языка, методология политической лингвистики, грамматические свойства политической публицистики, общие закономерности метафорического представления власти в различных языках, а также проблемы политической коммуникации в России (СССР), Соединенных Штатах, Западной и Центральной Европе, в постсоветских государствах и иных регионах мира.

Во втором разделе сконцентрированы статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы межкультурной коммуникации, религии, рекламы. Все эти проблемы, разумеется, связаны с политикой, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел. По свидетельству Патрика Серио, французские исследователи 60-х и 70-х годов прошлого века были единодушны в том, что высказывания «никогда не бывают нейтральны или «невинными» и какое-нибудь высказывание литературного характера, например, «Маркиза вышла в пять часов», не менее *идеологично*, чем высказывание «Франция французам». Далее П. Серио делает вывод о том, что «в любом высказывании можно обнаружить властные отношения» (Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 2002: 21). Этот вывод представляется полемически заостренным, однако следует согласиться с мыслью о том, что идеологические коннотации обнаруживаются в текстах значительно чаще, чем это может показаться неспециалисты.

Третий раздел, как и в предыдущих выпусках, называется «Классика политической лингвистики (новые переводы)». Здесь представлена седьмая глава, посвященная технологии описания лозунгов, из знаменитой монографии Гарольда Лассвелла и Дороти Блюменсток (Lasswell H.D., Blumenstock D. World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study. New York; London: Alfred A. Knopf, 1939). Эта новаторская для того времени книга широко признана во всем мире, но по разным причинам она до сих пор не переведена на русский язык.

Мы выражаем особую благодарность переводчикам – Евгению Евгеньевичу Аникину, Анне Бернольд, Ольге Владимировне Григорьевой, Елизавете Анатольевне Владимировой и Елене Владимировне Лекаревой. Каждый наш переводчик активно занимается политической лингвистикой, а поэтому хорошо знает соответствующую методологию и терминологию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 июня и 1 ноября. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Срок выпуска каждого сборника – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.naod.ru. На этом же сайте размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал теперь включен в Каталог Роспечати (индекс 81955) и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России.

***С уважением и надеждой
на сотрудничество:***

Анатолий Прокопьевич Чудинов

Эдуард Владимирович Будаев

Мария Борисовна Ворошилова

Борис Михайлович Игошев

Наталия Борисовна Руженцева

Александр Михайлович Стрельников

РАЗДЕЛ 1.

ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Базылев В. Н.

Москва, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ
«ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ»**

Abstracts

The article contributes to the study and analysis of political correctness. The author presents some methods and ways of its investigation that exist in European and Russian linguistics.

Императив «политической корректности» (political correctness) чрезвычайно широко развился в последние годы в США и довольно быстро начал оказывать влияние на политическую культуру западноевропейских стран. «Политическая корректность» представляет собой отраженное, в первую очередь в речевом поведении, современном идеологии западной демократии, основывающейся на концепции «справедливости» и, как следствие, достижения «равноправия» и «соблюдения прав человека». «Политическая корректность» рассматривается некоторыми исследователями, например в США – историком А. Шлесинджером и литературоведом П. Фасселом, в Германии – этнологом Х.-П. Дюрром, как следствие крупных неудач, в частности, американской внутренней политики, характерных для современной Америки и всего мира процессов расслоения по этническому или расовому признаку, нарастания угрозы социальных конфликтов, влияния феминизма, антирасизма, движений за права меньшинств. В Европе возрастающий успех идей «политической корректности» связан прежде всего с процессами политической интеграции и некоторыми социально-культурными изменениями последнего времени, сходными с американскими. «Политическая корректность» представляется ее идеологам как средство избежания конфликтов в поликультурном обществе – между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д. – путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям. «Политическая корректность» в языке приводит к целому ряду изменений в лексике, словоупотреблении, и даже грамматике.

Политическая речь из-за сферы своего употребления и по прагматическим причинам является одной из наиболее богатых эвфемизмами стилей речи. По-видимому, любая

публичная речь на любом языке, в большей или меньшей степени, характеризуется заметной выраженностью, которые говорящий считает неприличными, грубыми, оскорбительными для данной категории адресатов, на более нейтральные или принятые в данном языковом сообществе в виде подходящей замены. Процессы и мотивировка эвфемизации сходны в различных языках, во всяком случае, в европейских с их взаимопроникающими культурами. Наиболее ранней, в историческом плане, причиной переименования с употреблением эвфемизмов было табу на открытое употребление некоторых прямых обозначений денотата, считавшихся опасными и часто связывавшихся с какими-то мистическими силами. Например, в восточнославянских культурах *нечистая сила*, *лукавый* вместо *черт*, *бес*; в немецком языке, соответственно, *der Schwarze*, *der Boese*, *der Versucher*. Переименования подобного рода часто либо существовали недолго и быстро сменялись другими, либо приводили к исчезновению табуированной единицы. Вторая причина замены слов на эвфемизмы – это запреты, обусловленные требованиями этикета. Например, во многих культурах неэтикетно употреблять в адрес людей многие из прямых физических или умственных характеристик, например, в немецком языке такими запретными являются слова *dick*, *dumm*, *kleinwuechsig*, а иногда даже *behindert*, которое уже является эвфемизмом. Другая важная функция эвфемизации действует, когда адресант пытается скрыть подлинную сущность обозначаемого, и тем самым смягчить реакцию адресата на свое высказывание. Все эти свойства эвфемизмов политики и общественные деятели, по-видимому, абсолютно всех культур широко используют в своей речи.

Трудно точно установить время начала массового употребления эвфемизмов политиками и общественными лидерами, однако нельзя не согласиться с некоторыми авторами, которые связывают возрастание эвфемизации с развитием в Европе придворного этикета. При европейских королевских и княжеских дворах такие церемониальные формы речи служили для подчеркивания и демонстративного прославления подданными власти и могущества своего государя. Об этом свидетельствует и укоренившееся в немецком языке слово *hoeflich*. Даже И.-В. Гете, известный своими либеральными взглядами автор «Страданий молодого Вертера», приняв высокий государственный пост в Веймаре, с готовностью подчинился придворному этикету и в своих официальных письмах четко различал между *wohlgeboren* и *hochwohlgeboren*. Как и табу вообще, нормы этикета очень подвержены влиянию политических и общественных перемен, например, норм вежливости при стирании кастовости в обществе. Например, в современном

немецком языке от *Sie* к более частотному употреблению *du*. А тем более, тот факт, что в эпоху социализма в ГДР формы этикета были во многом полностью заменены, и не только традиционные обращения уступили более «сердечному» *Genosse*, но и обращение всех к друг другу на «ты» на партконференциях и съездах (т.н. *Kongressduzerei*), а на «Вы» – в обыденных ситуациях стало обычным среди политиков из СЕПГ.

Так или иначе, введение нового этикета, появление новых табу, выбор и частота употребления эвфемизмов политиками неразрывно связаны, по крайней мере, с господствующей политической и общественной идеологией, актуальными или популярными социально-культурными и политическими ориентирами, такими как гражданский мир, равноправие и т.п.; сменой политических систем, идеологий, направлений общественного развития (напр., в Германии на протяжении второй половины XX века – это постоянное стремление отмежеваться от нацистского прошлого); поиском поддержки у той или иной категории населения – этнических групп, женщин, инвалидов; необходимостью отвечать требованиям других культур при возрастании поликультурности общества; необходимостью удовлетворять международной политической конъюнктуре (напр., при международной политико-экономической интеграции и членстве в международных организациях или межгосударственных блоках, таких как ООН или ЕС, а также под влиянием гуманитарной политики сверхдержав, в первую очередь – США. Учащающееся употребление эвфемизмов заметно также в «сложных политических ситуациях», когда необходимо избежать развития конфликта или когда говорящий – политик – сомневается в устойчивости своего положения. Например, в ФРГ в последние годы стало принято любые, даже очень серьезные межпартийные разногласия по политическим вопросам именовать *Dialog*. В Германии вообще экстралингвистические факторы, поочередно или в комплексе, оказывали и продолжают оказывать очень большое влияние на политическую речь, в целом, и на мотивировку и употребление эвфемизмов, в частности. Причем воздействие этих факторов трудно поддается разграничению и требует очень детального изучения политического и культурного контекста в данную историческую эпоху: *Fremd-/ Gastarbeiter* → *unser auslaendischer Mitbuenger* – в стремлении к социальному равенству и желании воспитать у коренного населения терпимость к иммигрантам.

С появлением «политической корректности» под ее «защитой» оказались, в первую очередь, две категории граждан: иммигранты – представители иных рас и национальностей – и женщины. Особая осторожность в слово-

употреблении, когда речь идет о расовых или этнических меньшинствах, в Европу пришла вслед за США и по примеру американцев. В американской речи, стремление избежать даже малейшего намека на дискриминацию уже привело к возникновению, вместо обычных указаний на цвет кожи, сложных, но с точки зрения «политической корректности», находящихся вне подозрения, выражений *Native Americans, African Americans, Asian Americans*. В Германии такие явления наметились в связи с притоком иммигрантов из стран третьего мира, а также были продиктованы необходимостью войти в Европейский Союз с его открытыми государственными границами без ксенофобии и расизма. Наряду с уже упоминавшимися словами *Fremd -/ Gastarbeiter*, в число нежелательных попали *Asylant, Aus- Umsiedler*, а также, вслед за английским языком, появились новые эвфемизмы для названий национальностей, например, *Sinti und Roma = Zigeuner*. Сегодня в Германии в определенных аудиториях даже нейтральное слово *Jude*, единственное для обозначения еврейской национальности, вызывает гневные обвинения в расизме.

Вслед за английским языком в США и Англии, где под подозрение попало даже слово *manager (man?)*, «политическая корректность» в отношении женщин все чаще дает о себе знать и в Германии. О влиянии феминизма на немецкую лексику и даже грамматику в последние годы достаточно много писалось. В этой области «политическая корректность» в немецком языке сталкивается со значительными трудностями, по сравнению с английским, прежде всего из-за развитой категории рода имен существительных. Эта трудность чаще всего возникает в связи с обозначениями профессий и рода деятельности. Кроме попыток феминизации имен существительных, не имевших ранее женского рода, например, *der Dekan – die Dekanin, der Nachrichtensprecher – die Nachrichtensprecherin*, в последнее время в обиход, часто официальными директивами, вводятся многочисленные замены. Поскольку, например, употреблять *Schueler und Schuelerinnen* в официальных документах системы образования ФРГ не всегда удобно из-за длины слова, сложного склонения по падежам и неясности того, какое слово в этом словосочетании писать первым, а «политическая корректность» не позволяет писать только *Schueler*, то школам и гимназиям рекомендовано использовать слово *die/ der/ die Studierende (-n)*. «Основные правила» (*Grundordnung*) для университетов земли Северный Рейн – Вестфалия предписывают называть *Dekanin* по истечении ее полномочий *Prodekanin*, чтобы исключить *psychologisch wirksame Benachteiligung von Frauen*. Интересно, что феминизация в средствах массовой

информации пока успешно избегают, пожалуй, только два слова – *der Investor*, *der Kapitalist*.

Проявления «политической корректности» имеют место в очень разнообразных коммуникативных: чаще всего, однако, она приводит к появлению очень «неуклюжих» слов и выражений, которые Э. Хеншайд окрестил в своем одноименном словаре как *Dummdeutsch*, приводя такие примеры новых лексических образований в речи официальных лиц ФРГ, как *Lernzielkontrolle*, *Qualifizierungsoffensive*, *Wertegemeinschaft*, *Kontaktbereichsbeamte*.

«Политическая корректность» не может иметь значительных социально-культурных последствий, которые здесь нет возможности обсуждать пока более подробно. Однако, говоря о социальной пользе или вреде «политической корректности», не стоит забывать о том факте, что люди общаются не словами, а текстами, так что контекст может быть семантически настолько четко построен, что это исключит любую вероятность неправильного понимания сообщения. По этой причине искусственные мероприятия по утверждению «политической корректности» как социального (директивы), так и лингвистического (изобретение новых лексических единиц) плана не имеют смысла. В этой связи интересна тенденция, наметившаяся в отношении табуированных «политической корректностью» слов, таких как *Lesbe* и *Schwuler*, которые сексуальные меньшинства пытаются внедрить в широкое употребление, а «расистское» слово *nigger*, исключенное из американской речи, сегодня пытаются вернуть сами же афроамериканцы.

По мнению немецких лингвистов, распространение «политической корректности» ведет к возникновению, в лучшем случае, «новой цивилизованности», в худшем – надежного репрессивного аппарата: в университетах США уже широко практикуется цензура «политической корректности». Известен случай с писателем С. Рушди, который вынужден был скрываться от мести религиозных фанатиков; а в английском Бирмингеме, чтобы не оскорблять чувства представителей других религий, из рождественского облика города исчез Санта-Клаус. «Политическая корректность» по специфическим для немцев причинам вряд ли получит такое же распространение в Германии, как в США. Однако, если широкие слои немецкого общества, например, в порыве европейской интеграции все же воспримут этот новый кодекс речевого поведения, мы станем свидетелями многих интересных явлений в лексике немецкого языка и культуре Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Henseheid E. "Dummdeutsch". Ein Woerterbuch. – Stuttgart: Verlag Philipp Reclam jun., 1993.

© Базылев В. Н., 2007

Белт Т.

Гавайский Университет, г. Хило

Перевод: Аникин Е.Е.

ГАЗЕТНЫЕ МЕТАФОРЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Abstract

The results of an experiment conducted on 98 subjects reveal that metaphorical language is persuasive and assists in subjects' learning about a topic. Subjects who read newspaper stories containing metaphors took away significantly more factual knowledge from the stories than subjects who read stories without metaphors. Moreover, subjects reading stories which contained metaphors favoring one group over another tended to sympathize with the favored group. The results of this study not only deepen the body of knowledge on metaphor through empirical testing, but also supplement the scholarly work on political persuasion.

Метафора часто используется политическими деятелями и репортерами с целью упростить сложные политические явления. Метафоры достигают этого, смешивая разнообразный жизненный опыт людей с общеизвестными истинами. Но тем способом, которым используется метафора, можно добиться большего, чем простое улучшение понимания новостей. Когда метафора используется с целью некоторым образом очертить рамки политической проблемы или события, то она, вероятно, привлечет внимание к тем аспектам темы, которые могут благоприятно сказаться на той или иной группе. Вследствие этого выбор метафор, используемых для передачи политической информации, может иметь мощный воздействующий эффект на новостную аудиторию. Данная статья исследует то, какой эффект метафоры, используемые в газетах, оказывают на читателей в трех различных измерениях: 1) какую информацию получают читатели; 2) принимает ли аудитория доминирующую метафорическую модель (фрейм) при размышлении о содержании; 3) воздействует ли метафора на представления читателей о соответствующей проблеме. Экспериментальные данные дают подтверждение мнению о том, что метафора влияет на политическое мышление во всех трех данных областях.

Теория и гипотезы. Для целей данного исследования, анализируемый эффект – политическое убеждение – определен через наличие трех отчетливых измерений: 1) усвоение (информации); 2) ассимиляция модели (фрейма); 3) формирование суждения.

Измерение усвоения определено как количество фактической информации, которое индивидуум оказывается способным получить из коммуникации. Исследования метафоры показали, что важно провести грань между содержанием, которое запоминается и содержанием, которое убеждает (*De Landtsheer and De*

Vrij, 1998 г.). Посредством автономного рассмотрения этих измерений представленное исследование сможет определить, действительно ли метафора убеждает или же она скорее лучше запоминается. Второе измерение – ассимиляция модели – определяется тем, насколько близко индивидуум пересказывает сводку к терминам, связанным с доминирующим фреймом коммуникации (см. Johnson and Taylor, 1981; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999; Zhou, 1995). Измерение формирования суждения определено как степень ответственности, которую индивидуум возлагает на действующих лиц симметрично тону структуры коммуникации.

Метафоры принимаются как важные агенты усвоения, если они увеличивают фактуальные воспоминания по теме. Если на индивидуума оказано воздействие с целью заставить его сосредоточиться на некоторых аспектах проблемы таким образом, который имплицитно метафорой (то есть в пределах фрейма) при обсуждении темы, то употребление метафоры может быть признано успешным в плане моделирования мышления и дискуссии. Метафоры будут влиять на суждение, если они структурируют событие таким образом, чтобы оказать предпочтение одной интерпретации над другой, а индивидуум принимает эту интерпретацию (Bowers and Osborn, 1966; Brown, 1966; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999).

Во-первых, если, как утверждает теория, метафоры действительно дистиллируют сложную информацию в форматы, которые проще для понимания (Lakoff, 1987), тогда следует, что метафоры должны способствовать приобретению знания. Таким образом, присутствие метафор в содержании коммуникации должно увеличить количество фактуальной информации, которую человек способен получить из коммуникации. Чтобы проверить, действительно ли это имеет место, будет проведено тестирование количества фактов, которые индивидуум способен вспомнить из сводки. Соответственно предлагается следующая гипотеза относительно роли метафоры в усвоении:

Гипотеза усвоения: Индивидуумы, которые получают информацию, содержащую метафоры, будут способны вспомнить больше информации о теме, чем индивидуумы, которые получают ту же самую информацию без метафор.

Второй элемент в определении убеждения связан с процессом моделирования (фрейминга). Теория убеждающей силы метафоры, выдвигаемая здесь, утверждает, что метафора дистиллирует сложный материал, и через этот процесс, моделирует его специфическим образом. Например, метафора “Саддам – это Гитлер”, подразумевает фрейм “конфликта”. Фрейм конфликта создается потому, что метафора использует Гитлера как метафорическую

оболочку, которая передает основной набор характеристик, включающий референтную модель “война”, а также модель “добро против зла”. Вполне возможно, что другие метафоры могли бы использоваться, чтобы создать различные фреймы для Саддама. Например, фраза “Саддам пытается перехитрить Организацию Объединенных Наций” (дословно, “бросает в нее кривой мяч”) представляет собой спортивную метафору, которая создает фрейм “игры” (в данном случае, игры в бейсбол). Это происходит потому, что метафора ставит Саддама в роль подающего в бейсболе. Оболочка данной метафоры – подающий, бросающий кривой мяч, а основание включает следующие характеристики: «хочет одурачить отбывающего», «хитер» и «является ключевым игроком команды-соперника». Исследование политических новостей показывает, что “фрейм игры” является одним из наиболее широко используемых фреймов (Capella and Jamieson, 1997; Patterson, 1994).

Таким образом, основание метафоры создает “фрейм игры”. Этот фрейм, порожденный спортивной метафорой, предлагает абсолютно другой ход мысли о Саддаме, нежели чем фрейм “конфликта”. Фрейм “игры” представляет международную ситуацию в виде почти товарищеского соревнования с Саддамом в качестве ключевого (хоть и коварного) игрока команды-соперника. Напротив, фрейм “конфликта” метафоры Гитлера подразумевает отчаянную борьбу между стороной добра и стороной зла во главе с Саддамом.

Исследования использования моделирования проблемы в СМИ показали, что индивидуумы, которым были навязаны определенные модели проблемы, с большей вероятностью примут эти модели при размышлении над проблемой (Entman, 1993; Gamson, 1992). Чтобы обнаружить, действительно ли фрейм принят индивидуумом, Уильям Гамсон проанализировал терминологию, используемую индивидуумами при объяснении рассматриваемой проблемы другим индивидуумам (Gamson 1992, стр. 17-27). Развивая аргументы, выдвинутые Гамсоном о метафоре, если индивидуумы способны выбрать больше информации из сводок, содержащих метафоры, вследствие моделирования, то, до определенной степени, должно быть очевидным принятие фрейма индивидуумом при обсуждении данных сводок. Исследователи, изучающие эффект метафоры, назвали принятие аудиторией такого языка термином “эффект ассимиляции” (Johnson and Taylor, 1981; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999; Zhou, 1995). Соответственно предлагается гипотеза ассимиляции фрейма:

Гипотеза Ассимиляции Фрейма: Индивидуумы, которые получают информацию, включающую метафоры, которые активизируют определенный фрейм, будут использо-

вать этот фрейм при обсуждении фактов по теме и их значимости чаще, чем те индивидуумы, которые не получали информации, включающей такие метафоры.

Как отмечено выше, именно основание метафоры создает фрейм сообщения. Часто характеристики оболочки, содержащиеся в основании, не нейтральны с точки зрения ценности. Скорее, характеристики основания могут быть ценностно нагружены, таким образом придавая отчетливый тон фрейму. Если фрейм имеет тон, то он может оказывать предпочтение одному специфическому суждению по теме относительно другого суждения (Entman, 1993). То есть на первый план может выдвигаться суждение, которое кажется более совместимым с фреймом, созданным метафорой (Bowers and Osborn, 1966; Brown, 1966; Lakoff, 1991; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999), таким образом предоставляя силу убеждения. Это ведет к гипотезе формирования суждения:

Гипотеза Формирования Суждения: тон фрейма, созданного метафорой, будет влиять на суждение индивидуума образом, соответствующим тону.

Метод. С целью проверить три предложенных гипотезы, касательно убеждающих свойств метафоры, был проведен эксперимент. Проект включил четыре различных экспериментальных режима, в каждом из которых изменялась одна из независимых переменных, а также контрольную группу. Искусственность эксперимента, представленного в исследовании, является следствием того, что стимулы полностью гипотетичны и связаны с областью проблемы, в значительной степени незнакомой большинству участников этого эксперимента, – областью международного кризиса, в который не вовлечены Соединенные Штаты. Поскольку, как показывают исследования, американцы в значительной степени неосведомлены о международных делах (Holsti, 2004), недостаток знаний в области проблемы вместе с гипотетичностью ситуации обеспечивает относительно чистое испытание теоретической силы метафоры

Стимулами в эксперименте послужили версии одной и той же сводки из газеты *Los Angeles Times* об арабо-израильском мирном процессе, тщательно переделанной так, чтобы изменить все ссылки на людей и места с целью создать вымышленную обстановку. Вследствие гипотетической природы предмета новостей, используемого в качестве стимула, участники не имели никаких фоновых знаний, которые могли бы опровергнуть полученные ассоциации и таким образом противостоять убедительной силе метафорической риторики. Это становится очевидным потому, что, когда участников спросили, где в мире, по их мнению, имела место данная гипотетическая международная ситуация, большинство указали

"Африку" (статья была переписана так, чтобы сделать вид, будто все это произошло в Африке). Следовательно, имевшиеся ранее знания, возможно, не должны были оказать влияния на результаты эксперимента.

Стимулы. Статья была переписана четырьмя способами, в зависимости от четырех различных экспериментальных режимов. Каждый из четырех режимов изменился в зависимости от трех независимых переменных: присутствия или отсутствия метафор, фрейма, имплицитного метафорами, и тоном фрейма относительно одной из сторон (см. Таблицу 1). В первоначальной версии, метафорическим фреймом являлся "мирный процесс". Примеры метафор, создающих фрейм "мирного процесса", включают "остановившийся мирный процесс", или "мирный процесс нуждается в радикальном хирургическом вмешательстве." Фрейм "мирного процесса" в общем включает метафоры движения, стабильности и здоровья (Контент-анализ статей об Арабо-израильском конфликте в *New York Times* и *Los Angeles Times* выявил, что 96% всех метафор, имплицитных фрейм "мирного процесса" подпадают под категории движения, стабильности и здоровья (Belt and Cowperthwaite, 1998)). Другие примеры этих метафор внесены в список в Приложении А. [Приложение: Таблица 1]

В первом режиме, участники читают версию, в которой первоначальные метафоры мирного процесса были удалены. Участники во втором режиме читают версию, содержащую реальные метафоры "мирного процесса" в первоначальной статье, с тоном метафор, измененным так, чтобы оказать предпочтение одной из вымышленных сторон (Ukaba). Процесс изменения метафор заключался в "поднятии тона" метафор – главным образом, путем замены реальной метафоры метафорой с тем же, но только более сильным значением. Участники в третьем режиме читают ту же самую статью, что и участники во второй группе, но только метафоры в версии, которую они читают, изменены так, чтобы оказать предпочтение другой вымышленной стороне (Sangali). Например, фраза, предложенная второй группе, – "эту северную провинцию вновь потрясла волна насилия, когда войска Укабы открыли огонь по толпе протестантов Сангали" – в третьем режиме содержала метафору "мучиться от болезни" вместо метафоры "потрясти". Обе метафоры предполагают фрейм мирного процесса – стабильность и здоровье. Тем не менее, метафора "потрясеный" менее действенна, чем метафора "мучающийся", и моделирует мирный процесс таким образом, который оказывает предпочтение народу Укаба – в этом случае он представлен меньшим врагом "мирного процесса". Это различие кажется тонким, но существует много подобных различий между версиями для групп 2 и 3.

Кроме того, теоретики метафоры считают, что именно так метафора фактически и работает – что буквальное сообщение является собой голос, тогда как метафора в большей степени походит на соблазнительный шепот (Bowers and Osborn, 1966).

Участники в последнем режиме читают сводку, в которой метафоры имплицитно фрейм "игры" (то есть спортивные состязания и азартная игра, см. Приложение А), а тон сбалансирован. Все версии содержали одно и то же самое количество фактической информации, как-то места, даты, время, названия и имена, события. До эксперимента, переписанные статьи были показывались двум репортерам, чтобы гарантировать степень подлинности и удобочитаемости. Приложение В представляет текст каждой из версий.

Участники и Процедура. Участниками являлись 98 студентов младших курсов, посещающих занятия по политологии на факультете политических наук Южно-Калифорнийского Университета, а также Университета Штата Калифорния в г. Лонг-Бич (Одобрение было получено от Наблюдательного Совета Университета Южной Калифорнии). Участники были полностью информированы относительно их права не участвовать, им было объяснено, что их участие подразумевает их согласие. Участникам были даны гарантии, что их ответы останутся анонимными. Поскольку пул участников состоял из студентов университета, эксперимент вовсе не обязательно представляет собой случайный выбор американского населения в плане образования, дохода, политических взглядов, и т.п. Однако совокупность обеспечивала преимущество определенного (примерного) паритета в плане когнитивных способностей, полное отсутствие которого могло внести путаницу в результаты. Ожидалось, что другие демографические различия между участниками и остальным населением (например, доход и политические предпочтения) не будут влиять на результаты исследования.

Участники были случайным образом распределены по четырем режимам посредством вытягивания жребия. Студентам давали статью, соответствовавшую номеру режима, который они вытянули, и просили прочитать сводку. Студентам предоставлялось пять минут на чтение. После чтения участники заполняли пост-экспериментальную анкету, которая включала демографические, а так же зависимые показатели. Опросники были закодированы номерами, которые соответствовали одному из четырех экспериментальных групп, и это соответствие не было известным во время кодирования. Экспериментальные стимулы и опросник были опробованы на нескольких студентах с целью заранее найти решение потенциальных проблем, а так же чтобы вычислить

полную расчетную продолжительность эксперимента. Участников досконально опросили после эксперимента.

Существовали три зависимые переменные, измеряемые в анкете. Первым зависимым маркером было количество фактического запоминания, который формирует зависимую переменную, используемую для проверки гипотезы усвоения. Количество фактического запоминания оперировалось как число правильных фактов, запоминаемых из сводки. Просьба к участникам (в форме открытого неоконченного вопроса) перечислить "любые из фактов и деталей статьи, которые они могли вспомнить о сводке, которую только что прочитали, и если возможно, объяснить, почему они важны", использовался с целью измерить фактическое запоминание (см. Приложение С с формулировкой вопроса).

Гипотеза ассимиляции фрейма постулирует, что те индивидуумы, которые получили версии с метафорами, актуализирующими определенный фрейм, используют данный фрейм при обсуждении фактов из сводки. Вторая зависимая переменная оперировалась как то количество раз, которое определенный фрейм использовался в обсуждении запоминаемых фактов – какой из фреймов и сколько зарегистрировано комментариев, соотносящихся с данным фреймом. Вопрос, используемый для измерения данной переменной, совпадал с вопросом, использованным для измерения фактического запоминания.

Гипотеза формирования суждения постулировала, что тон фрейма, имплицитного метафорами, будет влиять на формирование суждения соответственно тону. Зависимая переменная оперировалась как направление и величина приписывания ответственности за ухудшение дипломатической ситуации, изображенной в статье. Для того, чтобы измерить эту переменную, участников (в форме открытого неоконченного вопроса) просили определить, которая из двух сторон в большей степени несет ответственность за ухудшающуюся ситуацию. Неоконченные вопросы имеют прецеденты в литературе о влиянии СМИ на приписывание ответственности, и ссылки на литературу по приписыванию ответственности демонстрируют, что открытые системы измерений достигают более высокого уровня прогнозируемой точности, чем закрытые, вследствие более низкой степени реактивности (Iyengar, 1991; Расселл, McAuley and Jerico, 1987).

Кодирование зависимых показателей включало перечисление удержанных в памяти фактов, количество метафор, используемых при объяснении важности фактов, а также фрейм (если он присутствовал), которому соответствовала каждая из метафор, и распределение ответственности по шкале от одого до

пяти. Была выбрана шкала от одного до пяти для оценки направления и величины приписывания ответственности каждым участником. Схема кодирования ответственности может быть представлена следующим образом: показатель «один» означает, что участник считает Сангали намного более ответственными за ситуацию; показатель «два» демонстрирует, что данная группа немного более ответственна; показатель «три» являлся маркером того, что испытуемый считает обе стороны в равной степени ответственными за ситуацию, показатель «четыре» – что объект эксперимента приписывает несколько большую степень ответственности Укабе, а показатель «пять» – высокую степень ответственности Укабы. Участники, которые не смогли назвать сторону, более ответственную за ситуацию, были закодированы отсутствием знака.

Результаты. Процедура случайной выборки привела примерно к равномерному распределению объектов по группам. Для того, чтобы проверить, эквивалентен ли состав участников в группах, полученных методом случайной выборки, мы сравнили в группах важные демографические показатели и показатели политических взглядов. Эти переменные включали возраст, пол, расовую принадлежность, количество внимания, уделяемого международным делам, использование газет и то, является ли английский родным языком испытуемых. Внимание к международным делам и чтение газетных новостей было включено для того, чтобы удостовериться, что внимание политике уделялось в равной степени во всех группах. Эти четыре группы отличались по только одному основному критерию – использование английского в качестве первого языка (см. Таблицу 2). Однако данное различие между группами не имело никакого влияния на результаты этого исследования, т.к. те, чьим первым языком не являлся английский, не отличались в сколь бы то ни было значительной степени от других участников ни по одной из оставшихся трех зависимых переменных. [Приложение: Таблица 2]. Участники, родным языком которых не являлся английский, могли вспомнить то же количество фактов из статей, что и те, чьим родным языком является английский (соответственно: 7,52 vs. 8,34, $F(1, 96) = 0,834$, н.з.); они не использовали серьезно отличавшееся от других участников число метафор мирного процесса при описании важности фактов (соответственно: 0,90 vs. 74, $F(1, 96) = 0,639$, н.з.); они также не проявили большей склонности приписывать ответственность иным образом, нежели чем остальные (соответственно: 3,88 vs. 3,91, $F(1, 79) = 0,006$, н.з.).

Гипотеза Усвоения. Гипотеза усвоения предполагает, что индивидуумы, которые получили информацию, включающую метафоры,

будут способны получить больше знаний о теме, чем индивидуумы, которые получили ту же самую информацию без метафор. Если эта гипотеза верна, то испытуемые в режимах 2-4 (обе группы читали статьи с метафорами мирного процесса, плюс группа, читавшая статью с метафорами игры), как ожидалось, вспомнят больше фактов из сводки, чем испытуемые в первом режиме (группа, которая читает статью без метафор).

Как и было предсказано гипотезой усвоения, показатель степени запоминания фактической информации оказался более высоким среди участников групп, читавших сводки с метафорами, чем среди участников, читавших сводки без метафор (в сводке содержалось 28 фактов, Таблица 3 демонстрирует среднее число фактов, о которых сообщается каждой группой). Испытуемые, читавшие статьи с метафорами (группы 2-4), смогли вспомнить в среднем 8,64 фактов, что на 2,3 факта больше, чем у тех, кто читал статью без метафор (группа 1), у которых запоминание в среднем составило 6,34 факта на участника ($F(1, 96) = 5,756$, $p < 0,05$). Таким образом, оказалось, что присутствие метафор помогало испытуемым узнать о теме статьи. Но существует другая опасность – может быть, сам по себе фрейм "мирного процесса" привел к улучшенной запоминаемости среди тех, кто читал статьи с метафорами. Вполне возможно, что "мирный процесс" стимулировал большую запоминаемость, чем метафоры "фрейма игры", потому что фрейм "мирного процесса" более привычен в контексте освещения международных дел, чем "фрейм игры". Так, Belt and Cowperthwaite [1999] считают, что фрейм "мирного процесса" используется намного более экстенсивно, чем фрейм игры при освещении международных событий, тогда как "фрейм игры" более часто используется в сообщениях о внутренней политике. [Приложение: Таблица 3]

Для того, чтобы определить, действительно ли это имело место, был проведен тест. Он подтверждает данные опасения – те участники, которые читали статью с "игровым фреймом" (режим 4), вспомнили наименьшее количество фактов (превзойдя лишь контрольную группу). Этот факт, наиболее вероятно, связан с тем, что "фрейм игры" не является типичным фреймом, используемым репортерами для освещения подобного типа международных новостей, что могло смутить испытуемых. Поскольку "фрейм игры" не является наиболее ярким фреймом для данного типа статей, недостаток знакомого фрейма помешал участникам вспомнить факты из сводки. Этот вывод соответствует тем, что мы находим в литературе по "градуированной яркости" (Fodor, 1983; Giora, 1999; Giora, Fein and Schwartz, 1998) и "неожиданным контекстам" (Peleg, Giora and Fein,

2001) метафоры. Тезис о “градулируемый яркости” предполагает, что более яркие значения активируются с большей легкостью, нежели чем менее яркие (Giora, Fein and Schwartz, 1998). Тезис о “неожиданных контекстах” постулирует, что, метафоры менее понятны реципиентам, если они используются вне их обычных контекстов. Тот факт, что метафоры, создающие “фрейм игры”, ожидалась в меньшей степени и являлись менее яркими, чем те, которые создавали фрейм “мирного процесса”, помогает объяснять более низкий уровень усвоения, имевший место у тех участников, которые читали статью с метафорами “фрейма игры”. Дальнейшие результаты предоставляют дополнительное свидетельство подобному объяснению.

Гипотеза Ассимиляции Фрейма. Гипотеза ассимиляции фрейма предполагает, что индивидуумы, получающие информацию, включающую метафоры, которые активируют определенный фрейм, будут использовать данный фрейм при обсуждении фактов по теме и их значимости. При внесении в список фактов, которые они могли вспомнить, испытуемых просили объяснить их важность. Число соотнесенных с фреймом замечаний, использованных испытуемыми при объяснении фактов, которые они могли вспомнить, было подсчитано и категоризировано соответственно имплицированному фрейму: “мирный процесс”, “игра”, или “иное”. Еще раз резюмируем раздел, посвященный Гипотезе: Если метафоры структурируют то, как индивидуумы думают о теме, тогда испытуемые в режимах 2 и 3 будут скорее использовать метафоры мирного процесса в обсуждении важности оставшихся в памяти фактов, в то время как испытуемые четвертой группы должны использовать язык, совместимый с метафорами игры. Именно так и произошло.

Все соотносимые с фреймом замечания, использованные участниками для объяснения запомненных ими фактов, подпадали либо под категорию “мирный процесс” либо под “фрейм игры”. Пример замечания, имплицировующего фрейм “мирного процесса”, получен от участника группы 2, который написал, что “недавнее мирное соглашение было разорвано”. Как предсказывалось гипотезой ассимиляции фрейма, замечания, подразумевающие фрейм “мирного процесса”, использовались значительно чаще среди участников групп 2 и 3, чем среди испытуемых в других режимах. Испытуемые в группах 2 и 3 сделали в среднем 1,06 замечания, имплицировавших фрейм “мирного процесса”, тогда как вместе взятые тестируемые в Группе 1 (статья без метафор) и Группе 4 (фрейм игры) сделали в среднем 0,41 замечаний, которые бы подпадали под категорию фрейма “мирного процесса” ($F(1, 96) = 14.759, p < 0,001$). Испытуемые в группах

“фрейма мирного процесса” (Группы 2 и 3) также показали значительно более высокий уровень использования фрейма “мирного процесса” в сравнении с двумя другими группами, взятыми независимо. Различия между группами “фрейма мирного процесса” и контрольной группой (статья с удаленными метафорами) было существенным ($F(1, 73) = 9.770, p < 0,01$), как и различия между группой “фрейма мирного процесса” и группой “фрейма игры” ($F(1, 73) = 6.673, p < 0,05$). Хотя результаты тестов наглядно демонстрируют действенность гипотезы, необходимо дальнейшее внимательное исследование данных результатов.

Поскольку тестируемые в режиме “фрейма мирного процесса” могли вспомнить больше фактов, чем испытуемые в других режимах (9,19 против 6,87 соответственно), предполагается, что они обязательно сделают больше замечаний в рамках фрейма “мирного процесса”, т.к. у них будет больше фактов для объяснения при открытом, неоконченном вопросе. По этой причине был проведен многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA – Multivariate ANalysis Of VAriance) с целью контроля за эффектом запомненных фактов. Тест показал, что группы “фрейма мирного процесса” по-прежнему использовали значительно больше замечаний, соотносимых с мирным процессом даже после контроля запомненных фактов ($F(2, 95) = 7,822, p < 0,01$).

Что касается замечаний, связанных с фреймом игры, испытуемые, читавшие статью с “фреймом игры” (режим 4), значительно отличались от тестируемых из трех других групп, поскольку они были единственными, кто делал замечания в стиле “фрейма игры” при объяснении фактов, количество которых в среднем составило 0,13 на человека ($F(1, 96) = 11,020, p < 0,01$). Таким образом, гипотеза относительно фрейминга выдерживает экзамен и в терминах фрейма мирного процесса и в терминах фрейма игры. Интересно, однако, обратить внимание на то, что, в то время как участники в Группе 4 были единственными, кто использовал связанные с игрой замечания, они предпочли использовать метафоры мирного процесса более чем в три раза чаще (см. Таблицу 4). [Приложение: Таблица 4]

Интересно обратить внимание на то, что все участники так или иначе использовали фрейм “мирного процесса” в своих объяснениях, независимо от того, читали ли они статью с метафорами мирного процесса или нет. В то время как первая группа читала статью, вообще не содержащую метафор, которые могли бы имплицировать фрейм “мирного процесса”, испытуемые в этой группе тем не менее сделали несколько замечаний, связанных с “мирным процессом”, – в среднем по 0,35 на человека – при объяснении запомненных ими фактов. Даже те тестируемые, которые читали

статью с метафорами, имплицитными фрейм "игры" (Группа 4), также использовали замечания "мирного процесса" при обсуждении событий, при частотности 0,48 замечаний на человека. Нежелание участников использовать предложенный им "фрейм игры" и их склонность чаще выбирать вместо него фрейм "мирного процесса" объясняется нетипичностью "фрейма игры" при описании международных дел. Использование фрейма мирного процесса, даже не имплицитного метафорами, отражает тот факт, что людям комфортно мыслить о новых проблемах в той манере, к которой они привыкли (например, "Мирный процесс в Северной Ирландии" и "палестинско-израильский Мирный процесс"). Очевидно, объекты используют фрейм "мирного процесса" при размышлении о свежих международных новостях, даже если эти новости представлены вне данного фрейма. Это указывает на то, что человек может ассимилировать фреймы с течением времени. Кроме того, он может извлекать фреймы для облегчения понимания и объяснения проблемы даже тогда, когда ничто не предполагает такой возможности.

Гипотеза Формирования Суждения. Наконец, гипотеза формирования суждения постулирует, что люди будут склонными делать суждение, совместимое с тоном фрейма, когда тон отдает предпочтение или относится с пренебрежением к определенному суждению. В данном эксперименте, объекты в режиме 2 читали сводку с метафорами, которые имплицитно фрейм, оказывающий предпочтение вымышленному народу "Укаба". В этой статье, народность Сонгали представлена группой, в большей ответственной за препятствование мирному процессу. Испытуемые в Группе 3 читали версию, в которой тон фрейма был противоположным – в данном случае, он поддерживал Сангали.

Соответственно, если метафоры убедительны, объекты в режимах два и три должны разойтись в суждении, активированном как приписывание ответственности за ухудшение ситуации, описанной в статье. Участникам был задан открытый незаконченный вопрос о том, какая из групп, по их мнению, более ответственна за ситуацию. Для их ответов была выбрана шкала от 1 до 5, где более высокое значение указывало на большую ответственность Укабы. Значение 3 показывает то, что испытуемый считал обе стороны в равной степени ответственными, или то, что он не мог определить, которая из сторон более ответственна. Когда эти данные были протестированы, гипотеза формирования суждения получила подтверждение.

В соответствии с гипотезой формирования суждения, объекты, которые читали статью с предубеждением против Укабы (режим 3), бы-

ли в большей степени склонны обвинить Укабу в инциденте, нежели чем испытуемые в Группе 2, которые читали статью с предубеждением против Сангали (4,53 против 3,75 соответственно, $F(1, 41) = 4,279$, $p < 0,05$, см. Таблицу 5). Даже при том, что было обнаружено существенное различие, интересно обратить внимание на то, что Сангали получили одобрение обеих групп – групп 2 и 3, поскольку средний показатель в каждой из этих групп превышал средний показатель 3. [Приложение: Таблица 5]

Дополнительный, более сложный тест может быть проведен для гипотезы формирования суждения. Поскольку первая группа читает версию со сбалансированным тоном и не содержащую метафор, было бы оправдано ожидать, что показатель при распределении ответственности за сложившуюся ситуацию станет промежуточным между группами 2 и 3, которые читают версии с фреймами, противоположными по тону. К нашему удивлению, проявилась именно такая закономерность, поскольку средний показатель приписывания ответственности для контрольной группы составил 3,88 – показатель между режимом 2 (показатель 3,75) и режимом 3 (показатель 4,53). Однако, данная закономерность ставит под сомнение тест дисперсионного анализа для модели трех режимов ($F(2, 56) = 2,236$, $p = 0,116$). Неудача данного теста, вероятно, связана со средним показателем приписывания ответственности, т.к. показатель контрольной группы был значительно ближе к показателю Группы 2, нежели чем к показателю Группы 3. Таблица 6 демонстрирует результаты во всех режимах для простоты сопоставления. [Приложение: Таблица 6]

Обсуждение и Заключение. Данное исследование подвергло верификации три гипотезы относительно убеждающего эффекта метафоры. Эти гипотезы постулируют, что метафора облегчает усвоение, моделирует политическую дискуссию и влияет на формирование суждения. Экспериментальные свидетельства, представленные в работе, подтверждают все три гипотезы и дают утвердительный ответ на вопрос "убеждает ли метафора?" Кроме того, были также обнаружены и объяснены интересные и неожиданные закономерности.

Тестирование первой гипотезы показало, что включение метафоры в новостные сводки помогло читателям усваивать информацию о теме. Участники, которые читали сводку новостей с удалением первоначально содержащихся там метафор, запомнили меньше информации из статьи, чем участники, читавшие версии с сохраненными метафорами. Два участника даже отметили, что статья без метафор была "скучна", указав на то, что небольшое риторическое украшение в новостях ожидается, или по крайней мере, ценится. Это откры-

тие поддерживается в теоретической литературе по метафоре, в которой утверждается, что метафоры помогают в усвоении информации, а также в теоретической литературе, отмечающей, что метафоры являются “необходимыми, а не просто красивыми” (Ortony, 1975, с. 45; см. также Allbritton, McKoon and Gerrig, 1995; Lakoff, 1987) компонентами, помогающими человеку узнавать о новых темах. Но вопрос о влиянии вовсе не является столь простым – для облегчения усвоения должны использоваться правильные *типы* метафор.

Интересное открытие, вытекающее из проверки первой гипотезы, состояло в том, что участники, читавшие версию с метафорами “фрейма игры” могли вспомнить меньше фактов, чем те, кто читал версии, содержавшие метафоры фрейма “мирного процесса”. Человеку должна быть представлена сводка именно в том фрейме, к которому он привык, для наиболее эффективного усвоения. Эта находка имеет подтверждения в литературе по “градуированной яркости” (Fodor, 1983; Giora, 1999) и “неожиданным контекстам” (Peleg, Giora and Fein, 2001) метафоры. Следующие аргументы предоставляют дальнейшее подтверждение данному объяснению.

Второе главное открытие этого исследования состоит в том, что определенный фрейм, имплицитный метафорами, может систематически влиять на то, как человек думает о теме. Соответственно второй гипотезе, объекты, читавшие статью с метафорами определенного фрейма, более вероятно, чем другие, используют этот фрейм при изложении важности информации, которую они могли вспомнить. Эта находка подтверждается исследованиями эффектов метафоры, которые установили, что индивидуумы ассимилируют язык, имплицитный данной метафорой (Johnson and Тэйлором, 1981; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999; Zhou, 1995). Этот результат еще раз подтверждает понятие “утверждения повестки”, развиваемое в литературе по СМИ и политологии, которое указывает, что хотя СМИ не могут сказать людям, что думать, они на самом деле говорят им, “о чем думать” (Cohen, 1963, р. 13), и более того, фреймы говорят им, как думать об этом (Entman, 1993; Gamson, 1992).

Тот факт, что все группы прибегли к использованию фрейма “мирного процесса”, независимо от того, что они читали, показывает, что участники не просто выдавали то, что они читали. Напротив, он указывает, как уже упомянуто выше, что людям приходится сталкиваться со сложностями при обработке информации, если она не представлена им в том виде, к которому они привыкли. Кроме того, тот факт, что объекты, читавшие версию с “фреймом игры”, в три раза чаще делают замечания, подпадающие под “фрейм мирного процесса”,

чем замечания, подпадающие под категорию “фрейма игры”, также является показательным. Если индивидуумы получают информацию, структурированную тем способом, с которым они не знакомы, они могут применить более знакомую модель, т.е. ту, к которой они привыкли. Это означает, что *содержание* коммуникации не может быть столь же важно как то, как *аудитория* интерпретирует ее.

В литературе по политической коммуникации не прекращаются споры между теми исследователями, которые занимаются исключительно “эффектами СМИ” и теми, кто ведет исследования с использованием теоретической парадигмы, известной под названием “конструктивизм”. Исследователи, работающие в рамках парадигмы “эффектов СМИ”, предпочитают фокусировать внимание на содержании сообщения с целью объяснения его эффекта на аудиторию в манере стимул-реакция (см. Bryant and Zillman, 2002; Lang, 1994; Искры, 2002). Открытие того факта, что аудитория приносит свои собственные модели при интерпретации сообщения, предполагает, что некий более сложный процесс происходит в сознании адресата. Адресаты – не пассивные получатели, как считают многие исследователи “эффектов СМИ”. Напротив, они извлекают свое собственное значение из сообщений СМИ, основанное на моделях, которые уже содержатся в их головах. Эта находка подтверждает понятия “конструктивисткой” парадигмы о том, что индивидуумы привносят их собственный личностный и межличностный опыт в рассмотрение сообщений СМИ при их осмыслении (см. Crigler, 1996).

Наконец, данное исследование находит подтверждение убеждающему эффекту метафоры. Тон фрейма, имплицитного метафорой, как оказалось, влияет на суждение объектов в плане приписывания ответственности. Третья гипотеза относительно метафоры и убеждения нашла подтверждение в данных, демонстрирующих, что люди, которые читают версии, структурированные моделью “мирного процесса”, с наибольшей вероятностью припишут ответственность за кризис таким образом, который был бы совместим с тоном модели. Кроме того, тот факт, что люди, которые читают тонально сбалансированную версию без метафор, показывают промежуточные результаты между читающими версии с предубеждением в плане приписывания ответственности, также предполагает валидность гипотезы формирования суждения (хотя различия не были статистически существенны). Эти результаты предоставляют подтверждение теориям, постулирующим убеждающую силу метафоры (Bowers and Osborn, 1966; Brown, 1966; Lakoff, 1991; Ottati, Rhoads and Graesser, 1999).

Вне этих трех основных результатов, еще одна находка относительно убедительности метафоры была сделана среди объектов, которые читали версию с метафорами, имплицитными "фрейм игры". Эта группа отличалась от других тем, что ее участники дали более сбалансированную оценку ответственности. Все остальные группы, независимо от тона предубежденности в прочитанных ими версиях, казалось, предпочитали обвинять одну из враждующих сторон больше другой (в большей или меньшей степени, в зависимости от версии, которую они читали). Это, вероятно, связано с замешательством, вызванным неожиданной моделью. Поскольку этим участникам было труднее понять статью, им также труднее было приписать ответственность. Фактически испытуемые в данном режиме дали самое большое количество ответов "не знаю" на вопрос об ответственности. Участники в этой группе наиболее вероятно умили свои суждения, вследствие отсутствия модели, на которой они могли бы базировать свои оценки.

Несмотря на то, что приведенные здесь аргументы кажутся доказательными, необходимо сделать несколько предостережений. Данное исследование лишь затрагивает поверхность потенциально глубокой и многосторонней проблемы. Было бы опасно преувеличить результаты данной работы по трем важным причинам.

Во-первых, данное исследование анализировало только один тип коммуникации – письменный текст. Метафора может существовать более чем в одном типе коммуникации. Визуальные образы или звуковые треки могут также использоваться для создания метафорической связи между оболочкой и темой (см. Grand, 1994). Результаты данного исследования не могут быть экстраполированы на другие типы коммуникации, и дальнейшее эмпирическое исследование потребовалось бы, чтобы сделать подобное заключение.

Во-вторых, данное исследование анализировало только две из множества различных моделей, типичных для политического дискурса. Возможно, что модели могут варьироваться в плане убедительной силы. Дальнейшее исследование необходимо, чтобы определить, являются ли некоторые модели более убедительными, чем другие. Это, в свою очередь, может также зависеть от темы и типа коммуникации.

Наконец, показатель убеждения в данном исследовании можно назвать относительным. Неясно, имеет ли на самом деле обнаруженная здесь убедительность пропорциональное влияние на политическое поведение. Могут ли подобные проанализированным в данном исследовании сообщения подстрекать людей к насилию или оказывать влияние на выборах?

Необходимо дальнейшее исследование с показателями поведения, для того чтобы ответить на эти вопросы.

Несмотря на эти предостережения и заявление перспектив будущего исследования, данная работа вносит вклад в развитие и верификацию теоретической основы для будущего изучения эффектов метафоры на политическое убеждение. Данные, представленное здесь, также предоставляют определенную базовую информацию для будущих работ, темами которых могли бы стать типы коммуникации, модели и зависимые показатели. Надеемся, что данное исследование делает первый шаг на пути к такому исследованию.

REFERENCES

- Allbritton, David W., Gail McKoon and Richard J. Gerrig. 1995. "Metaphor-Based Schemas and Text Representations: Making Connections through Conceptual Metaphors." *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition* 21:612-25.
- Belt, Todd and Gabriela Cowperthwaite. 1998. "Media Coverage of the Arab-Israeli Conflict: Frames and Metaphors." Paper presented at the Annual Meeting of the Western Political Science Association. Los Angeles, CA.
- Bowers, J. W. and M. M. Osborn. 1966. "Attitudinal Effects of Selected Types of Concluding Metaphors in Persuasive Speeches." *Speech Monographs* 33:147-55.
- Brown, Stephen. 1966. *The World of Imagery: Metaphor, and Kindred Imagery*. New York: Russell and Russell.
- Bryant, Jenninigs and Dolf Zillmann (eds.). 2002. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Joseph N. Cappella and Kathleen Hall Jamieson. 1997. *Spiral of Cynicism: The Press and the Public Good*. New York: Oxford University Press.
- Cohen, Bernard. 1963. *The Press and Foreign Policy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Converse, Philp. 1964. "The Nature of Belief Systems in Mass Publics." In David Apter (ed.). *Ideology and Discontent*. New York: Free Press.
- Crigler, Ann N. (ed.). 1996. *The Psychology of Political Communication*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
- De Landtsheer, Christ'l, and Ilse De Vrij. 1998. "Dutch Governmental Discourse Regarding Srebienica: A Test of the Crisis Communication Combination Hypothesis." Paper presented at the International Congress of Applied Psychology, San Francisco, CA.
- Entman, Robert M. 1993. "Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm." *Journal of Communication* 43:51-58.
- Fodor, Jerry A. 1983. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Gamson, William. 1992. *Talking Politics*. New York: Cambridge University Press.
- Giora, Rachel. 1999. "On the Priority of Salient Meanings: Studies of Literal and Figurative Language." *Journal of Pragmatics* 31:919-29.

Giora, Rachel, Ofer Fein and Tamir Schwartz. 1998. "Irony: Graded Saliency and Indirect Negation." *Metaphor and Symbol* 13:83-101.

Grand, Steven Lee. 1994. *The Battle for Imagery: Visual Metaphor and Televisual Persuasion in The Gulf War*. Ph.D. Diss.: University of Southern California.

Holsti, Ole R. 2004. *Public Opinion and American Foreign Policy* Revised Edition. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Iyengar, Shanto. 1991. *Is Anyone Responsible? How Television Frames Political Issues*. Chicago: University of Chicago Press.

Johnson, J. T. and S. E. Taylor. 1981. "The Effect of Metaphor on Political Attitudes." *Basic and Applied Social Psychology* 2: 305-16.

Lakoff, George. 1991. "Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf." *Journal of Urban and Cultural Studies* 2:59-72.

Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press.

Lang, Annie. 1994. *Measuring Psychological Responses to the Media*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

Ortony, A. 1975. "Why Metaphors are Necessary and not Just Nice." *Educational Theory* 25:45-53.

Ottati, V., Rhoads, S. and Graesser, A. C. 1999. "The Effect of Metaphor on Processing Style in an Persuasion Task: A Motivational Resonance Model." *Journal of Personality and Social Psychology* 77:688-97.

Patterson, Thomas E. 1994. *Out of Order*. New York: Vintage.

Peleg, Orna, Rachel Giora and Ofer Fein. 2001. "Saliency and Context Effects: Two Are Better Than One." *Metaphor and Symbol* 16:173-92.

Russell, Daniel, Edward McAuley and Valerie Jerico. 1987. "Measuring Causal Attributions for Success and Failure: A Comparison of Methodologies for Assessing Causal Dimensions." *Journal of Personality and Social Psychology* 52:1248-57.

Sparks, Glenn G. 2002. *Media Effects Research: A Basic Overview*. Belmont, CA: Wadsworth.

Zhou, Ling-Yi. 1995. *Changes In the Affective Meaning of Topic and Vehicle Terms After Metaphor Comprehension*. Ph.D. Diss.: Miami University.

© Белт Т., 2007

© Аникин Е.Е. (перевод), 2007

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

**СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ
В СРЕДНЕВЕКОВОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ***

Abstract

Researches into contemporary political discourse all over the world reveal the typical narrative of justification of war. This narrative contains three agents

(HERO, VILLAIN, and VICTIM) and seems to be a universal cognitive structure framing political picture of the world in a crisis situation. This paper verifies the trinity model by researching into medieval political discourse. It is argued that the medieval gothic Fairy-Tale of Just War is binary, as the agent of VICTIM is omitted.

Современный интерес к когнитивным структурам и процессам, находящим отражение в политическом дискурсе, довольно высок, но, как показывают специальные исследования, этот интерес преимущественно современностью и ограничивается [Будаев, Чудинов 2007]. В центре внимания настоящего исследования – когнитивная модель «Сказка о справедливой войне», реализуемая в средневековом политическом сознании.

В рамках риторического направления политической лингвистики было показано, что в основе конструируемой в политическом дискурсе «Сказки о справедливой войне» лежит необходимость в морализации конфронтации, а сама «сказка» содержит в себе редуцированную историю с заданным набором типичных агентов: Герой, Злодей, Жертва. Три агента этого типичного нарратива (далее – тринарная модель) зафиксированы на примере анализа политического дискурса во многих странах мира. Так, Дж. Лакофф регулярно указывал на тринарную модель «Сказка о справедливой войне» в политическом дискурсе США, выявив несколько ее вариантов («сказка о спасении», «сказка о самозащите») [Lakoff 1991; Lakoff 2004]. Вслед за ним многие исследователи фиксировали эту модель в американском политическом дискурсе [Hiebert 2003; Kennedy 2000; Mowlana et al. 1992]. Аналогичную модель рассматривает А. П. Чудинов на примере анализа российской метафорики [Чудинов 2003]. Ряд исследователей обнаружили эту модель в итальянском политическом дискурсе [Bassi 1996; Rolandi 2005; Zaccarella 2005]. А. Абрантес демонстрирует актуализацию тринарной модели в португальской и немецкой прессе [Abrantes 2001], а Р. Кусисто показала ее распространенность на примере сопоставительного анализа политического дискурса лидеров США, Франции и Великобритании [Kuusisto 1998].

Исследователи выяснили, что «Сказка о справедливой войне» может реализовываться в разных культурно-специфичных вариантах (вестерн, крестовый поход, битва на Косовом поле и др.). Например, в роли Героя может выступать *ковбой, полицейский, рыцарь-христианин, партизан* или просто *цивилизованный человек*, а Злодей объективируется в образах *кровожадного индейца, сексуального маньяка, уголовника, нациста, зверчеловека* и т.п. Вместе с тем фреймовая, типизированная структура (тринарная модель) остается неизменной.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

Столь обширное распространение тринарной модели наводит на мысль о ее межкультурном изоморфизме. Более того, универсальность этой модели прослеживается на примере анализа политического мирового интердискурса на протяжении последних ста лет, что наводит на мысль о том, что эта модель обладает диахроническим изоморфизмом.

В настоящем исследовании предпринята попытка выяснить, является ли «Сказка о справедливой войне» архетипичной моделью осмысления и оправдания войны или ее фреймовая структура видоизменяется с течением времени. Для этого обратимся к материалу, отстоящему от современности на 15 столетий.

Для решения поставленной задачи необходимо выбрать адекватный материал для исследования. В средние века не было ни газет, ни радио, ни телевидения, которые служат благодатными источниками для исследователей современного политического дискурса, поэтому при выборе материала необходимо обратиться к источникам, которые до известной степени содержат наиболее значимые характеристики, релевантные для изучения «Сказки о справедливой войне». Другими словами, необходим источник: 1) наиболее полно представляющий политическую историю рассматриваемой эпохи; 2) изобилующий описанием военных конфронтаций; 3) оправдывающий военные действия определенного сообщества; 4) написанный с идеологических позиций этого сообщества и являющийся элементом дискурса власти.

Учитывая изложенные требования, для анализа было выбрано произведение «De origine actibusque Getarum» («О происхождении и деяниях Гетов»).

Во-первых, «De origine actibusque Getarum» – одно из крупнейших произведений эпохи раннего средневековья, дающее широкую картину европейской военно-политической истории. Во-вторых, описываемые в нем события относятся к «эпохе переселения народов». Этот период особенно насыщен военными конфликтами, связанными с грандиозными миграциями племен, крушением Римской империи, образованием варварских королевств. Иордан, автор «De origine actibusque Getarum», описывает историю готов, начиная с того времени, когда они покинули Скандинавский полуостров и доводит события до 551 г.

«De origine actibusque Getarum» представляет собой сокращенное изложение несохранившегося труда «История готов», написанного Кассиодором, приближенным остготского короля Теодориха. Вместе с тем у Иордана было в распоряжении только три дня, чтобы ознакомиться с трудом Кассиодора, поэтому произведение содержит его собственные вставки и интерпретации. Сам Иордан служил нотарием

у крупного остготского военачальника Гунтигиса Базы. Таким образом, выбранное произведение удовлетворяет и двум последним требованиям: его «авторы» (учитывая Кассиодора) – представители готского сообщества, пишущие о войнах готов в интересах готской власти.

Не вдаваясь в политические подробности той эпохи, отметим, что в сочинении Кассиодора содержалось утверждение права остготов на полную независимость их королевства от империи, а перед Иорданом, очевидно, стояла задача сгладить этот аспект, чего требовала текущая политическая ситуация. В произведении Иордана присутствует «почтительность» по отношению к империи, которой, вероятно, не было у Кассиодора. Иначе не было бы и смысла создавать переработку «Истории готов». Однако это обстоятельство не могло отразиться на типичных для той эпохи средствах оправдания войны, тем более оно не могло изменить количество агентов в фреймовой структуре «Сказки о справедливой войне».

В изложении Иордана не всегда можно однозначно отделить локальные военные столкновения от войн в виду сбивчивости изложения, разной степени детализированности в описании разномасштабных конфронтаций. Наконец, некоторые события сомнительны с точки зрения исторической достоверности. Вместе с тем то, что представляет проблему для исторического исследования, не является препятствием для лингвокогнитивного изыскания: актуализация фрейма «Сказки о справедливой войне» проявляется в повествовании независимо от точности изложения событий или даже их достоверности.

В ходе исследования методом сплошной выборки фиксировались военные нарративы и определялись их агенты (участники военных конфликтов), которые распределялись по фреймовым ролям: Герои, Жертвы и Злодеи. Таким образом, были рассмотрены военные конфликты, в которых врагами готов были ульмеруги, вандалы, спалы, египтяне, греки, персы, македоняне, римляне, квады, маркоманы, гепиды, троянцы, герулы, парфянцы, чудь, весь, мерь, мордва, эсты, гунны, свавы, бриттоны, бургудзоны, анты, садаги и скиры. Многие конфликты не исчерпывались одной войной. Так, готы несколько раз воевали с персами, римлянами, гуннами, вандалами.

Анализ готских военных нарративов показывает, что в описываемых Иорданом конфликтах актуализирована *бинарная модель* «Сказки о справедливой войне», включающая только два агента: Герой и Злодей. Для морального оправдания войны не нужна беззащитная Жертва. Достаточно доблестного Героя, чья моральность как раз и заключается в его доблести, способности сокрушить против-

ника. Злодей, конечно, плох, но не потому, что обидел Жертву, а потому, что Злодей слабее Героя. Слава Героя напрямую зависит от его военной мощи, количества убитых врагов, обращенных в рабство иноплемеников. На этом и основывается логика войны. Оправданием для ее начала служит слабость соседнего этноса.

С современной точки зрения, подобные действия – вероломная агрессия, направленная на ограбление соседних народов и не имеющая каких-либо моральных оснований. Ср.: *Pos cuius decessum Criva, exercitum dividens in duas partes, nonnullos ad vastandum Moesiam dirigit, sciens eam negligentibus principibus defensoribus destitutam* [101]. После его смерти Крива, разделив войско на две части, многих направил на опустошение Мезии, зная, что и императоры ею пренебрегают, и защитников она лишена.

Quod in omni lascivia resoluta Respa et Veduco Tharuaroque duces Gothorum sumptibus navibus Asiam transierunt, fretum Ellispontiacum transvecti, ubi multas eius provinciae civitates populatas opinatissimum illud Ephesiae Dianae templum [107]. Дав волю своему буйству, Респа, Ведук и Тарвар, предводители готы, взяли корабли и, переправившись через Геллеспонтийский пролив, достигли Азии; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли известнейший храм Дианы.

Unde mox promoventes ad sedes Ulmerugorum, qui tunc Oceani ripas insidebant, castra metati sunt eosque commisso proelio propriis sedibus pepulerunt, eorumque vicinos Vandalos iam tunc subiugantes suis aplicavere victoriis [26]. Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов, которые жили тогда на берегах океана; там они расположились лагерем, и, сразившись, вытеснили ульмеругов с их собственных поселений.

Подобные нарративы «славной войны» типичны при описании наступательных военных действий. Мораль состоит не в том, чтобы защитить слабую Жертву, а в том, чтобы повергнуть Злодея-иноплеменика (слабого по определению). В готских военных нарративах нет места для Жертвы.

Вместе с тем готская бинарная модель контрастирует только с одним из вариантов «Сказки о справедливой войне», предложенным Дж. Лакоффом, а именно «Сказкой о спасении». Возможно, «Сказка о самозащите» проявит тринарную структуру?

В нескольких конфликтах, описываемых Иорданом, готы не были инициаторами военных конфронтаций, но и в этих случаях они не рассматриваются в данных контекстах как жертвы, страдающие от насилия иноземцев. Более того, даже «праведные жрецы» или безоружные женщины, т.е. члены готского общества, не специализирующиеся на войне и,

казалось бы, как никто другой подходящие на роль Жертвы, способны легко справиться с целой армией иноплемеников. Как и готы-воины они обладают атрибутами доблестного и сильного Героя, но не слабой Жертвы.

Так, Иордан описывает случай, когда македоняне планировали осадить готский город, в котором не было воинов. Готские «праведные жрецы» внезапно вышли из города «с кифарами» и стали петь религиозные песни. Иордан так описывает результат этого маневра: *Macedones sic fiducialiter sibi occurrere contuentes stupiscent et, si dici fas est, ab inermibus terrentum armati, nec mora soluta acie quam ad bellandum construxerant...* [65]. Македоняне, увидев их, так уверенно к ним приближающихся, остолбенели, и тогда, если можно так сказать, – безоружные привели в ужас вооруженных. Македоняне немедленно распустили войско, которое они построили для нападения...

Еще более показателен пример, в котором описывается, как безоружные женщины управляют с иноплемениками агрессорами, а, вооружившись, покоряют огромные территории. Ср.: *Post cuius decessum et exercitu eius cum successores ipsius in aliis partibus expeditione gerentibus feminae Gothorum a quadam vicina gente temptantur in praeda, quae doctae a viris fortiter resisterunt hostesque super se venientes cum magna verecundia abigerunt, quae patraetae victoria fretaeque maioris audacia invicem se cohortantes arma arripiunt elegantesque duas audentiores Lampeto et Marpesia principatui subrogarunt. quae dum curam gerunt, ut et propria defenderent et aliena vastarent, sortitae Lampeto restitit fines patrios tuendo, Marpesia vero feminarum agmine sumpta novum genus exercitui duxit in Asiam, diversasque gentes bello superans, alios vero pace concilian, ad Cauchasum venit* [49-50]. После его кончины, когда войско при его преемниках совершало походы в других странах, некое соседнее племя попыталось захватить готских женщин как добычу. Они же, наученные мужьями, сильно сопротивлялись и прогнали наступавших на них врагов с большим позором. Достигнув такой победы и полагаясь на еще большую свою отвагу, они, воодушевляя друг друга, быстро вооружились и избрали двух храбрейших жен, Лампето и Марпезию, которых и поставили во главе государства. Обе они в заботе о том, чтобы и свои владения защитить и чужие опустошать, бросили жребий, причем Лампето осталась охранять родные границы, а Марпезия, собрав ополчение из женщин, повела такой новый род войска в Азию. Она покорила войной различные племена, а иные присоединила, заключая мир, и таким образом дошла до Кавказа.

Таким образом, в готских нарративах оборонительной войны не востребован третий агент (Жертва). Даже «прототипические жерт-

вы» военной агрессии (с современной точки зрения) не требуют спасения со стороны Героя, а сами являются Героем в силу принадлежности к готскому сообществу.

По мнению Дж. Лакоффа [Lakoff 1996], основной вопрос политического дискурса – вопрос морали. Однако основания морали в разные исторические эпохи неравнозначны. Готы приносили своим богам человеческие жертвы (культ бога войны Арея фракийского), и военнопленные были средством умиловать богов, поэтому и война – средство умиловать богов, а значит улучшить свое благосостояние, отвести от своего народа беды и несчастья. При таком мировоззрении война моральна по определению, для ее оправдания не нужна «слабая Жертва». «Слабая Жертва» – это и есть враг-Злодей, потенциальный кандидат занять место на жертвенном алтаре. Для средневековой готской «Сказки о справедливой войне» достаточно *бинарной модели*.

Как отмечает А. П. Чудинов, «логика развития науки такова, что достижение поставленных целей открывает новые горизонты» [2001: 223]. В контексте настоящего исследования возникает вопрос, почему же бинарную модель «Сказки о справедливой войне» вытеснила тринарная модель?

Во времена Иордана христианизация варварских германских племен еще только началась. Можно предположить, что позднейшее становление или заимствование тринарной модели связано с распространением среди германцев христианства, с формированием в общественном сознании мелиоративных признаков концепта жертвенности, становлением этики защиты слабого, императивом соблюдения десяти заповедей. Однако для подтверждения или опровержения этой гипотезы об экстралингвистических факторах трансформации *бинарной модели* в *тринарную* требуются дополнительные исследовательские изыскания.

Хронологические варианты фрейма «Сказки о справедливой войне» варьируется в военных нарративах в корреляции с конфессиональными и этнокультурными факторами, поэтому полученные данные не являются основанием для экстраполяции выводов на весь раннесредневековый европейский политический дискурс. Однако они заставляют осторожнее относиться к хронологической универсализации полученных в рамках анализа современного политического дискурса закономерностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2007.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2007.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.

Abrantes A. M. As Dimensões Semântica e Pragmática do Eufemismo na Imprensa. Uma abordagem cognitiva. Lisboa, 2001.

Bassi S. *I sistemi metaforici concettuali nella politica contemporanea*. Torino, 1996.

Hiebert R. Public Relations and Propaganda in Framing the Iraq War: A Preliminary Review // *Public Relations Review*. 2003. Vol. 29. № 3.

Kennedy V. Intended tropes and unintended metaphors in reporting on the war in Kosovo // *Metaphor and Symbol*. 2000. Vol. 15. № 4.

Kuusisto R. Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action // *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35.

Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. White River Junction, 2004.

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm – 1991.

Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, 1996.

Mowlana H., Gerbner G., Schiller H. Triumph of the image: The media's war in the Persian Gulf: A global perspective. Boulder, 1992.

Rolandi F. Just or unjust wars: la stampa italiana e le guerre contro l'Iraq (1991-2003). Milano, 2005.

Zaccarella P. Politica estera e comunicazione: La prima guerra del golfo secondo "La Repubblica" e "L'Unita". Torino, 2005.

© Будаев Э.В., 2007

Будаев Э. В., Чудинов А. П.

Екатеринбург, Нижний Тагил, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ*

Abstract

The paper investigates the genesis and development of linguistic sovietology. The analysis of researches carried out in the USA and the UK delineates three stages in the evolution of this trend. The first stage is bounded by the time interval stretching from the October Revolution to World War II. The peculiarities of this stage are linked to a simultaneous formation of political communication research against the background of popularity of left ideology in the USA and the UK. The next stage covers the years of the Cold War, when ideological struggle was especially tensed. Finally, the article surveys the period embracing perestroika and the break-up of the Soviet Union.

Выступая в Колумбийском университете 26 сентября 2003 года, президент России

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

В.В. Путин призвал «упразднить советологию», поскольку «СССР уже нет, а советология до сих пор существует». Далее президент пояснил, что он имеет в виду такую науку, которая была чрезмерно политизирована и служила «инструментом, чтобы нанести друг другу как можно больше ударов, уколов и всяческого вреда» (официальный сайт Президента России www.kremlin.ru). Несмотря на то, что рассматриваемое высказывание В.В. Путина воспринимается как шутовское, целесообразно еще раз обратиться к истории советологии, ее основным разделам и этапам развития.

В зарубежной науке и публицистике термин «советология» (sovietology) получил широкое распространение в середине прошлого века для обозначения научного направления, посвященного изучению политики, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза (Малиа 1997). Оксфордский словарь отмечает его первое употребление 3 января 1958 г. в лондонском еженедельнике "Observer". В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно. На рубеже 1950-60-х гг., как писал Д. Армстронг, «основатели американского изучения СССР все еще отвергали определение «советология», отдавая предпочтение более банальному «изучению российского региона». А. Улам отмечал в середине 1960-х гг., что «советология» – ужасное слово, но как можно его не использовать?» К такой позиции был близок и С. Коэн, для которого «советология – неэлегантное, но полезное слово». (Меньковский В. <http://newsletter.iatp.by/ctr3-4.htm>). В зарубежной традиции рассматриваемый термин не имеет какой-либо оценочной коннотации, тогда как в Советском Союзе его обычно использовали с уничижительными определениями.

В близком значении иногда использовался термин «кремлинология» (kremlinology), внутренняя форма которого подчеркивала повышенный интерес соответствующих специалистов к дискурсу советских лидеров, которые жили и работали в Кремле. Поэтому кремлинология нередко определяется как исследование дискурса советских (а теперь и российских) политических лидеров.

Вместе с тем следует отметить, что советология и кремлинология – это еще и обозначения соперничающих научных направлений. Классические советологи акцентировали эвристичность своих методов и достоверность прогнозов, тогда как кремлинологи подчеркивали, что их внимание к деталям приносит весьма существенные результаты. Например, советологи гарвардской и чикагской научных школ скептически относились к «кремлинологам», сосредоточившим внимание на мельчайших изменениях в языке, поведении, образе жизни «хозяина Кремля» и его ближайшего окруже-

ния. Так, «гарвардцы» считали поспешными выводы кремлинолога М. Раша [Rush 1958], указывавшего на становлении «культы Хрущева» на основании того, что в газете «Правда» от 1955 г. привычную подпись «первый секретарь» вдруг написали с заглавных букв («Первый Секретарь»), а в речи Хрущева обнаружилось «типичные словечки Сталина». Кремлинологи же любят вспоминать, как они, уделявшие пристальное внимание протокольности коммунистической элиты, обратили внимание на то, что как-то в Большом театре среди большевистских лидеров не оказалось Берии, и сделали вывод о его смещении. Скептики говорили о том, что, может быть, Берия не любит балета, но через несколько дней Берия был объявлен предателем [Bell 1958].

В вышедшем в постсоветский период исследовании этапов развития рассматриваемого научного направления М. Малиа представляет советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением «изучение региона», а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием «советология». По мере накопления исследований и дифференциации научных интересов появились политическая, экономическая, социологическая, юридическая и иные виды советологии (Малиа 1997). Несмотря на позднее «терминологическое оформление» указанных исследований под наименованием «советология», точкой отсчета для этого направления стало возникновение на политической карте мира Советской России и СССР, потому что первые советологические исследования появляются сразу после возникновения советского государства.

В комплексе советологических направлений важное место занимает лингвистическая советология, предметом исследования которой служат языковая политика в СССР, особенности советского тоталитарного дискурса, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза. Вполне закономерно, что основное внимание советологи уделяли русскому языку как языку «межнационального общения», который никогда не признавался государственным, но реально был таковым все годы существования советской власти.

Представляется возможным говорить о четырех этапах существования лингвистической советологии. Первый – этап становления – относится к периоду с 20-х гг. до конца второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах.

Следующий этап приходится на период холодной войны, когда идеологическое противо-

стояние было максимально обостренным и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны. Именно в эти годы многие западные советологи стремились найти общие черты в советском и фашистском политическом дискурсе, хотя советским специалистам кощунственной казалась уже сама попытка такого сопоставления.

Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения миновала, но сохранялась острая идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных регионах.

Четвертый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты все чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России.

Исследования российского политического языка, по-видимому, уже выходят за рамки советологии и в последние годы нередко обозначаются зарубежными специалистами как «постсоветология» (post-sovietology), но этот термин представляется нам крайне неудачным.

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на клевете на социалистическое государство, а советологи – малограмотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. Вместе с тем всегда были специалисты, которые изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

Рассмотрим основные этапы становления и развития лингвистической советологии в Северной Америке и Западной Европе.

1. Становление лингвистической советологии.

К числу основоположников лингвистической советологии и политической коммуникативистики в целом справедливо относят Уолтера Липпманна (1889-1974), который в годы Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, а затем занялся изучением проблемы эффективности политической агитации и пропаганды. Многие его идеи уже давно воспринимаются как аксиомы и прописные истины, соответствующие исследования стали своего рода базой для формирования понятийно-терминологического аппарата политической лингвистики. Например, в современной науке активно используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса определения повестки дня» (agenda-setting process), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил такие явления, как реальная актуальность той или иной проблемы и ее «значимость» в восприятии общества, а также охарактеризовал определение повестки дня как важный прием манипулирования политическим сознанием.

У. Липпманн разработал эффективную методику применения контент-анализа как инструмента для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, еще в 1920 году У. Липпманн совместно с Ч. Мерцем опубликовали исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции в России. Анализ показал, что среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих событиях ввиду антибольшевистской предвзятости публикуемых текстов (Lippmann, Merz 1920).

Теоретические выводы У. Липпманн совмещал с практической политической деятельностью и оказывал влияние на принятие решений на самом высоком уровне. Так, будучи советником президента В. Вильсона, исследователь участвовал в составлении знаменитых «14 тезисов», в корне изменивших внешнеполитический курс США.

Важную роль в становлении политической лингвистики сыграл Пол Лазарсфельд (1901-1976), активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по изучению воздействия радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – исследовательского института, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фо-

кус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к различным политическим проблемам, среди которых важное место занимало отношение к тоталитарным идеологиям и соответствующим режимам.

Среди ведущих американских советологов называют также профессора Гарольда Лассвелла (1902–1978), которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии. Использование этой методики позволило сделать вывод о том, что политический язык советской элиты на протяжении двадцатых-сороковых годов все дальше и дальше уходил от демократических традиций.

Среди первых европейских исследований советского политического языка выделяются изданные в Париже книги А. Мазона [Mazon 1920] и Э. Мендра [Mendras 1925], в которых отмечаются активизация аббревиации, экспансия варваризмов и жаргонизмов, а также переименования городов, новые личные имена. Среди первых книг следует отметить небольшую монографию С. И. Карцевского «Язык, война и революция» (1923). Рассматривая лексико-семантические изменения в политической речи после Октябрьской революции, автор указывает на партикуляцию значений в «старых» словах, на повышенную эвфемизацию и инвективность политической речи. Как пишет исследователь, «погоня за экспрессивностью и вообще субъективное отношение к жизни ведут к тому, что мы постоянно прибегаем к метафорам и всячески описываем, вместо того, чтобы определять» (Карцевский 1923: 11). Помимо анализа собственно речевых фактов исследователь обратил особое внимание на то, что язык как «социальное установление» чутко реагирует на политические изменения и отражает деление общества на различные группировки.

В публикациях того времени не всегда акцентировалась политическая составляющая языковых изменений, и особенности советской

политической коммуникации нередко рассматривались как новообразования в русском языке в целом. Среди исследований подобного рода монография шведского специалиста Астрид Бэклунд [Baecklund 1940], посвященная изучению сложносокращенных слов, столь характерных для советского политического языка.

Сопоставляя публикации исследователей из Европы и Америки, можно заметить, что европейские специалисты обращаются преимущественно к вопросам изменений в системе языка, обусловленным революцией и новым политическим режимом, тогда как американские исследователи предпочитают рассматривать методы и приемы использования языка как средства воздействия, к прагматике речевой деятельности в политической коммуникации.

2. Лингвистическая советология в период холодной войны. После Второй мировой войны отношения Советского Союза со странами Западной Европы и США резко изменились. На смену военному союзу объединенных наций пришли холодная война, железный занавес, равновесие страха и охота на ведьм.

Непредсказуемость в поведении советских вождей требовала от исследователей расширения методологической базы изучения дискурса с целью добиться более адекватного представления о советском политическом мышлении и решения задач по прогнозированию политической деятельности. Анализируя развитие советологии в это время, Д. Белл писал: «Если ад, как однажды сказал Томас Гоббс, это слишком поздно обнаруженная истина, то дорога в ад должна быть уже два раза устлана тысячами книг, утверждающих, что им известна истина о России, а адские пытки уготованы для тех (преимущественно дипломатов), кто полагал, что в состоянии правильно предсказать, как будут действовать советские вожди, и в самонадеянном убеждении вершил судьбы миллионов людей» [Bell 1958: 44].

Одним из нововведений лингвистической советологии стало расширение исследовательского инструментария за счет методов количественной семантики. В 1949 году была опубликована коллективная монография «Язык власти: Исследования по количественной семантике» (Language of Power 1949), значительная часть которой была посвящена политической коммуникации в Советском Союзе. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи на основе анализа коммуникативной практики коммунистов и иного подобного речевого материала выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц, их частотностью и политическими процессами. Так, в совместном исследовании Сержа Якобсона и Гарольда Лассвелла «Первомайские призывы в Советской России (1918–

1943)» было выделено 11 категорий ключевых символов (обозначение «своих» и «чужих», использование национальной и интернациональной символики, обращение к внутренней и внешней политике и др.), а затем проведено исследование их частотности на различных этапах развития СССР. Авторы показывают, что такое исследование позволяет лучше понять динамические процессы в господствующей идеологии и нюансы советской политики.

В конце 40-х гг. советские языковые новообразования привлекают внимание и европейских специалистов, но в отличие от американских исследователей, определяющих свои публикации как изучение советского политического языка, европейцы предпочитали говорить о новых явлениях в русском языке, хотя политический контекст подобных исследований не вызывал сомнений. Среди таких исследований монография Г. Кляйна, посвященная изучению советских аббревиатур [Klein 1949].

По мере того как военное сотрудничество между СССР и странами Запада переросло в холодную войну, зарубежные исследователи стали обращать самое пристальное внимание на внутри- и внешнеполитические средства советской пропаганды. В это время появляется книга Алекса Инкелеса «Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion» («Общественное мнение в Советской России: Исследование массового убеждения») (Inkeles 1950). Помимо рассмотрения советской информационной политики она содержала анализ интервью с бывшими гражданами СССР. А. Инкелес пришел к выводу об «абсолютном» контроле СМИ советскими властями. Вместе с тем автор резюмировал, что «система советской коммуникации далека от того, чтобы обеспечивать тотальное убеждение населения, ее эффективность гораздо ниже того уровня, которого советские лидеры хотели бы достигнуть» (Inkeles 1950, p. 319).

Еще одним методологическим новшеством стала монография Натана Лейтеса «A Study in Bolshevism» (Исследование большевизма) (Leites 1954). Будучи американским исследователем, Н. Лейтес ставил перед собой прагматические цели: советский язык интересовал его в первую очередь как способ распутать механизмы загадочного большевистского (русского) мышления, как шаг к прогнозированию политических реакций коммунистических лидеров.

В этом труде Н. Лейтес исследовал образы, фантазии, характерные метафоры, используемые большевистскими лидерами (в основном Ленина и Сталина), а также «литературные модели», с которыми большевики себя идентифицировали, или которые отвергали. По словам Н. Лейтеса, существует мало культур, которые смогли так рельефно запечатлеть в своей литературе типы национального ха-

рактера. В частности, автор выделяет поведенческие модели, связанные с образами Карамазова, Раскольникова, Мышкина, Верховенского, Рудина, Чичикова, Обломова, чеховских героев. Анализируя отношение к этим поведенческим моделям в большевистском дискурсе, автор определил какие «психологические маски» принимаются, а какие отвергаются большевистскими лидерами, а соответственно с какой моделью мышления и поведения они себя идентифицируют.

Используя эти модели, Н. Лейтес обратился к методам фрейдизма в попытке высветить «латентные значения» большевистских образов. Проанализировав около 3 тысяч большевистских цитат, Н. Лейтес отмечает такие фобии как «страх импотенции», «фобия заражения» («чистка партии»), «боязнь быть избитым» (как например, в знаменитом выступлении Сталина перед управленцами советской промышленности в 1931 г., в котором образ избития и избиваемого используется одиннадцать раз в одном параграфе) и др.

Исследователь приходит к выводу о том, что модель большевистского поведения формировалась как отрицательная «реакция на Обломовых, которые проспали свою жизнь; на Рудиных, болтунов высокого полета, которые ничего не делают; на философию толстовского Каратаева». Большевистский дискурс пронизывает новый принцип – «КТО КОГО», который Н. Лейтес разворачивает в радикальную формулу «кто кого убьет». Противопоставление дискурса большевистской элиты с мировоззрением русской интеллигенции 19 в. привело Н. Лейтеса к выводам о том, что основоположником этого принципа был В. И. Ленин, «отец» большевистского дискурса и большевистского образа, которому и следовали «детиленинцы». Если элита 19 века легко поддавалась перемене настроения и для нее были характерны «задумчивость», «интроспективность», «поиски души», то представители большевистской элиты характеризуются исследователем как жесткие, подозрительные, неподатливые, агрессивные.

К слову, фашистские ученые перед вторжением в СССР тоже изучали русский характер по литературе, но они не сопоставляли эти данные с большевистским дискурсом (очевидно, что фашистской элите не нужны были «открытия» в области исследования тоталитарных дискурсов). В результате, фашистская армия ожидала увидеть на полях сражений апатичных чеховских героев и Обломовых, а встретила Маресьевых, Матросовых и Панфиловых.

Среди публикаций, авторы которых максимально полно демонстрируют неприятие советской власти и всего, что с ней связано (в том числе и изменений в русском языке), особой непримиримостью выделяется книга Анд-

рея и Татьяны Фесенко «Русский язык при советах», изданная в Нью-Йорке (Фесенко А., Фесенко Т. 1955). Один из основных факторов, формирующих советский дискурс, по мнению авторов, заключается в следующем: «Неприглядность советской жизни, расхождение многообещающей пропаганды и невеселой, подчас трагической действительности вызвали у властей необходимость в словесном одурманении, правда, часто разоблачавшемся в народе. Самолюбование и самовосхваление являются ширмой, прикрывающей безотрадное существование советских республик, за которыми установились восторженные эпитеты: цветущая Украина, солнечная Грузия и т.п.» (Фесенко А., Фесенко Т. 1955, с. 30). Рассматривая многочисленные случаи неудачного словоупотребления, авторы стремятся найти подлинную причину ошибок и делают следующий вывод: «Как бы это ни звучало парадоксально, но именно Революция создала в России исключительно благоприятную почву для засилия всякой канцелярщины, бюрократии и соответствующего им языка» (там же, с. 24).

Вместе с тем в рассматриваемой книге можно обнаружить весьма интересный обзор публикаций (особенно созданных вне Советского Союза) и немало конкретных замечаний об экспансии заимствований, а также просторечных, жаргонных и диалектных слов, о умеренном использовании сложносокращенных слов и необоснованном отказе от множества традиционных для русского языка лексических единиц. Обобщая свои наблюдения, авторы пишут: «Но все же основным процессом в советском языке, конечно явилась не архаизация, а политизация его при широком применении сокращений. Если Ленин пытался определить новый общественный строй формулой:

советы + электрификация = коммунизм,
то говоря о состоянии русского языка в начальный период существования советской власти, можно для образности воспользоваться аналогичным построением:

политизация + аббревиация = советский язык» (там же, с.25).

Далее сообщается, что «новые формы жизни, а с ними и соответствующая лексика были чужды народу, так как в значительной степени создавались не им самим, а где-то в правительственных кругах» (там же, с. 25-26).

Подобный характер (немало метких наблюдений, сопровождающихся чрезвычайно язвительными комментариями и решительными обвинениями) носят и публикации ряда других эмигрантов из Советского Союза (Л. Ржевский 1949, 1951; Л. Тан 1950).

3. Лингвистическая советология в период разрядки. Зарубежные специалисты тщательно исследовали преобразования в советском политическом дискурсе, начавшиеся в

период оттепели. Эти процессы рассмотрел Д. Холландер в книге «Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin» («Советское политическое внушение: изменения в СМИ и пропаганде со времен Сталина») (Hollander 1972). Автор констатировал, что на смену сталинской системе тотального контроля над массами пришла более гибкая и свободная система управления общественным сознанием, которая характеризуется относительно благоприятными возможностями для диалога и выражения различных точек зрения, в том числе и в официальных СМИ. Вместе с тем исследователи отмечали, что даже в период оттепели советские СМИ во многом придерживались традиций пропаганды, сложившихся при Сталине (Kecskemeti 1956).

Параллельно с исследованиями собственно языка пропаганды проводились исследования изменений в русском языке, произошедших после 1917 г. Очевидно, что большинство этих изменений были связаны не только с естественной эволюцией языка, но и с влиянием на него целого ряда социально-политических факторов. Наиболее известной работой такого рода стала монография Бернарда Корми и Джералда Стоуна «The Russian Language since the Revolution» («Русский язык после революции») [Comrie, Stone 1978].

Вместе с тем появляются специализированные работы по анализу отдельных аспектов советского политического языка, как, например, исследования И. Земцова [Земцов 1985; Zemtsov 1984], посвященные изучению манипуляционного потенциала советской политической терминологии. Специальные работы по изучению советского политического дискурса проводились так называемой «гренобльской группой» (см. сборник «Essais sur le Discours Soviétique: Semiologie, Linguistique, Analyse Discursive» [1981]).

Широкую известность получили семантико-синтаксические исследования П. Серию, суммированные в монографии «Analyse du discours politique Soviétique» («Анализ советского политического дискурса») (Seriot 1985), своего рода итогом которой стала метафора «деревянный язык», который определялся как некая «пародия на научный дискурс». В нашей стране хорошо известна статья П. Серию «Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций» (Серию 1999), которая была написана и опубликована на французском языке еще в середине предыдущего десятилетия. Отталкиваясь от изучения, казалось бы, частного вопроса о функциях отглагольных существительных в докладах Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева на XXII и XXIII съездах КПСС, автор приходит к весьма серьезным выводам. По его мнению, причиной высокой частотности номинализаций является

общая тенденция к обобщенности, неопределенности и переложению ответственности: «введенное номинализацией «внетекстовое» не проявляется на эксплицитном уровне, оно не *показано*, а лишь *указано*, использовано, *введено под именем* некоторого объекта реальности» (Серио 1999: 379). Автор доказывает, что «советский политический дискурс характеризуется двумя противоположными тенденциями: декларируемыми гомогенностью, единством и монолитностью, с одной стороны, и лежащей в его основе неоднородностью – с другой» (Серио 1999: 381). Показательно, что однородность, стандартность, следование установкам на единство постоянно подчеркивается; соответственно инновации подаются как следование заветам классиков марксизма и предшествующим политическим решениям.

Метафора «деревянного языка» получила широкое распространение во Франции и за ее пределами. Известный советолог и профессор Сорбонны Франсуа Том так и озаглавил свою книгу о коммунистическом новоязе: «La langue de bois» («Деревянный язык») [Thom 1987] (в английском переводе [Thom 1989]). Помимо анализа лексико-синтаксических особенностей новояза Ф. Том указывает на закрепленное в «деревянном языке» особое отношение к Другому, который независимо от личностных качеств автоматически приписывается к враждебному сообществу, угрожающему коммунистическим ценностям.

Отдельное внимание исследователей было направлено на изучение прагматики советской политической коммуникации: эффективности советской политической пропаганды, лингвистических и концептуальных средств убеждения, используемых в советских СМИ (Lendvai 1981; Mickiewicz 1981; White 1980 и др.).

Политическая лингвистика часто оказывается значительно более инертной, чем живая политическая история. Уже М. С. Горбачев был избран лидером советских коммунистов, а многие советологи не могли отказаться от прежних подходов к исследованию советского политического языка. Их изыскания варьируются от изучения общественно-политической терминологии (Bruchis 1988) и исследования коммунистических нарративов (Bourmeyster 1988) до детального анализа новостной политики в конкретных советских СМИ (Roxburgh 1987) и структуры сигнификации в обращениях генеральных секретарей КПСС (Urban 1987). Но новая политическая ситуация и нарастающий общественный интерес к происходящим в Советском Союзе изменениям все настойчивее требовали принципиально новых подходов к изучению советской политической коммуникации.

4. Лингвистическая советология в период демонтажа социалистической системы (от перестройки к постсоветскому периоду).

Отношения между Советским Союзом и западными странами резко изменились в середине 80-х гг., что в значительной степени обусловило наступление нового этапа в развитии как общей, так и лингвистической советологии. В новых условиях все чаще появляются исследования явлений, связанных с новыми политическими процессами. В этот период американские и западноевропейские специалисты по советской политической коммуникации все чаще выступают в зарубежных изданиях качестве экспертов по новым процессам в советской (и российской) политической коммуникации. Эти же специалисты нередко выступают в советских СМИ как своего рода консультанты по демократизации языка и общества в целом.

Наибольшее внимание в середине и конце 80-х гг. привлекает дискурс М. С. Горбачева и формирующийся дискурс перестройки (Benn 1987, 1989; Downing 1988; Goban-Klas 1989; McNair 1989; Urban 1988; Woodruff 1989). На фоне особого внимания к социально-политическим процессам, проходящим в СССР, возникла потребность в исследованиях, позволяющих объяснить дискурсивные новообразования в советской политической коммуникации. Активно используемая в период перестройки политическая лексика нередко сбивала с толку западного читателя. Так, в СССР *консерваторами* называли коммунистов, в то время как на Западе консерваторы были традиционными противниками коммунизма. В СССР словосочетание *черный рынок* содержало мелиоративные коннотации, потому что черный рынок был единственным эффективно действующим экономическим механизмом, основывающимся на законе спроса и предложения. Специалисты отмечают, что слова *русский* (*Russian*) и *советский* (*Soviet*), традиционно воспринимаемые на Западе как синонимы, уже не являются взаимозаменяемыми и нередко употребляются в СССР для выражения антитезы между приверженцами советского режима и сторонниками демократических перспектив развития страны.

Интерес к дискурсу перестройки сохранился и в последующие десятилетия (DeLuca 1998; Erol 1993; Gibbs 1999; Mossman 1991; Russell, Carsten 1996; Walker 2003). Так, в монографии профессора Калифорнийского университета в Беркли Э. Уолкера (Walker 2003) были рассмотрены семантические трансформации ключевых символов советского политического дискурса в период перестройки: «суверенитет», «союз», «федерация», «конфедерация», «независимость». По мнению автора, активное употребление этих понятий привело к неожиданным для идеологов нового мышления результатам, потому что под одну и ту же форму выражения подводились самые различные и даже противоположные смыслы. Например, центральным партийным руково-

дством «независимость» понималась как новое и привлекательное название для автономности, тогда как демократические (а также сепаратистские и националистические силы в союзных и автономных республиках) понимали независимость как подлинное самоопределение. Подобные «коммуникативные недоразумения» сыграли существенную роль в дезинтеграционных процессах и становлении постсоветских государств.

А. Р. ДеЛюка (DeLuca 1998) проследил, как смена риторики М. С. Горбачева влияла на внутривнутриполитическую ситуацию в СССР и взаимоотношения Советского Союза с остальным миром. Автор последовательно демонстрирует, что новый политический и медийный дискурс, пропаганда политических символов *перестройки, гласности и нового мышления* меняли общественное мнение и привели не к реформированию, а к развалу системы.

Многие западные исследователи сходятся во мнении, что, изменяя советский политический дискурс, М. С. Горбачев надеялся ослабить тоталитарную дискурсивную практику, но не подозревал (или не до конца осознавал), что изменение краеугольных для политического дискурса концептов приведет к фундаментальному преобразованию самой действительности.

Не меньший интерес среди советологов вызвали проблемы функционирования политического языка начала 90-х гг., в период последнего кризиса советской государственности (Belin 2002; Downing 2002; Dunn 1999; Urban 1993). Исчезновение Советского Союза несколько не уменьшило интерес ученых к советскому политическому дискурсу. Сфера исследовательского интереса варьируется в самом широком диапазоне: от исследования языка революции и детального анализа генезиса советского «новояза» [Gorham 2003] до изучения эволюции идеологического дискурса с 1917 г. до 1991 г. и его роли в распаде СССР [Robinson 1995].

Более того, для советологов открылись новые перспективы. Демократические преобразования на постсоветском пространстве позволили объединить усилия отечественных и зарубежных специалистов, что привело к появлению совместных исследований (см. коллективную монографию *Political Discourse* 1998). В последнее время все чаще появляются переводы зарубежных исследований советского политического дискурса на русский язык (Вайс 2007; Лассвелл, Якобсон 2007; Лейтес 2007; Серю 2002 и др.).

Среди других особенностей современной советологии следует отметить возросший интерес к сопоставительному анализу. В частности, были проведены исследования советского политического дискурса переходного периода в сравнении с политической коммуникацией

других стран, в которых протекали схожие политические процессы (Downing 1996; Jones 2002; *Political Discourse* 1998). Немецкие исследователи Кристина Шеффнер и Сильвия Троммер сопоставили закономерности употребления метафоры «Наш дом – Европа» / «Европейский дом» в советском, британском и американском политическом дискурсе (Schäffner, Trommer 1990).

Появились исследования, посвященные диахроническому сопоставлению. Так, М. Дьюирст предпринял попытку сопоставить цензурные ограничения в дискурсе советских и российских СМИ 1991 и 2001 гг. (Dewhirst 2002), Дж. Терпин сопоставила содержание советских СМИ при Л. И. Брежневе и М. С. Горбачеве (Turpin 1995), а в монографии Дж. Меррея проанализирован медийный дискурс от эпохи Л. И. Брежнева до президентства Б. Н. Ельцина (Murray 1994).

Как известно, в современной России практически прекращено когда-то весьма активное изучение языка и стиля В. И. Ленина. На этом фоне несколько неожиданно выглядит изданная в Мюнхене книга Маркуса Хубеншмида, посвященная исследованию речей основоположника советского государства (Hubenschmid 1998).

Отдельного внимания заслуживает многоаспектная исследовательская программа Р. Д. Андерсона, направленная на сопоставление тоталитарного советского и демократического российского дискурсов. Основываясь на идеях, высказанных Г. Лассвеллом, Р. Д. Андерсон предпринял попытку найти практическое обоснование положению о том, что процесс коммуникации служит индикатором, позволяющим определить, разделено ли общество на управляющих и управляемых или представляет собой единое гражданское общество, в котором избиратели поддерживают тех или иных претендентов на власть. Излагая дискурсивную теорию демократизации [Anderson 2001a], исследователь пишет о том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. По Р. Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают

тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляются от народа).

Для подтверждения своей теории Р. Д. Андерсон обращается к сопоставительному анализу советско-российских политических метафор [Anderson 2001b; 2005]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период).

Другим направлением исследовательской программы Р. Д. Андерсона стали психолингвистические исследования, в ходе которых анализировалась способность рядовых российских граждан видеть различия между разнохарактерными политическими текстами. К примеру, в одном из исследований изучались реакции россиян на текст политического выступления, относящегося к одному из трех этапов коммунистической эпохи, или текст постсоветского периода, который предъявлялся случайно отобранному жителю Москвы, Воронежа и Пскова. Тексты постсоветского периода принадлежали или «демократам» и центристам или националистам. В каждом городе респонденты легко определяли принадлежность текста постсоветского периода к одному из двух типов, в то время как с определением текста коммунистического периода возникали трудности [Anderson 1997]. Эксперимент показал, что одно из различий между демократическим и авторитарным дискурсами состоит в способности граждан дифференцировать языковые особенности политических лидеров.

К числу крупнейших зарубежных специалистов по лингвистической советологии относится профессор Цюрихского университета Даниэль Вайс [Weiss 1995, 1998, 1999, 2000, 2002 и др.], который возглавляет исследовательскую группу по изучению советского и восточноевропейского политического дискурса. Д. Вайс отличается опора на объемный и разнообразный речевой материал, детальная многоаспектная аргументация, стремление к сопоставлению различных дискурсов («сталинского», «хрущевского» и «брежневского», польского, восточногерманского и советского). Исследователь способен увидеть существенные различия в, казалось бы, похожих тенденциях. Например, в названных странах существовал своего рода культ молодости, чистоты и здоровья. Собственное здоровье как полюс, противоположный болезням и немощи политических врагов, демонстрировалось во время различных массовых спортивных мероприятий,

которые были тогда неотъемлемой частью политических ритуалов и олицетворяли пышущую здоровьем сплоченность собственных рядов. Как отмечает исследователь, об этом культе здорового тела красноречиво свидетельствует изобразительное искусство тоталитарной эпохи. Физическая закалка молодого поколения считалась одной из наиболее важных задач государства.

Значительное место в публикациях Д. Вайса занимает исследование советских отзоомимных метафор в советской прессе, которое показало, что зооморфное представление образа врагов особенно характерно для сталинского и хрущевского периодов, тогда как в дальнейшем роль вербальной и невербальной (плакаты, карикатуры и др.) зоосимволики заметно сократилась. Показательно, что в 30-50-х гг. прошлого века для характеристики «своих» применялись всего две метафоры из мира живой природы – орел и сокол: например, Сталин образно назвал Ленина «горным орлом», а летчики постоянно обозначались как «сталинские соколы».

Для обозначения «чужих» в рассматриваемых политических текстах использовалось более двадцати зооморфных образов. В советской зоосемиотике отсутствуют медведь и лиса – главные персонажи национального фольклора, зато широко упоминаются чуждые ему насекомые и ползучие гады. Вместе с тем до известной степени советская пропаганда была «гуманнее» нацистской: на политических карикатурах в Германии врагов (евреев) изображали в виде крыс и прочих мерзких тварей, тогда как в СССР такие образы не использовались. Хрущевская оттепель ознаменовалась помимо прочего смягчением зоологических метафор: например, у сталинского прокурора Вышинского образ собаки был представлен во фразе «расстрелять как поганых псов», а у Хрущева – в выражении «моська, лающая на слона» (об армии ФРГ).

Важное место в исследованиях Д. Вайса занимает сопоставительное изучение «новояза» в Польше, Германской Демократической Республике и Советском Союзе, а также сопоставление фашистского и коммунистического тоталитарных дискурсов. Показательно, что сопоставляя дискурсы сталинской и гитлеровской пропаганды, автор последовательно отмечает их однотипные черты («новояз», языковой эстремизм, аксиологическая поляризация, преобразование лексических значений, стандартность и повторяемость образов, метафоры войны, движения и будущего и др.). Например, с соответствием с принципом языкового экстремизма в национал-социалистической пропаганде использовались следующие устойчивые формулы: *неповторимые в мировой истории успехи; неслыханное в истории великое время; историческая речь; доверие*

верующих; несгибаемое решение; непреклонная воля; brutальная решимость; беспощадная энергия; неповторимое славное прошлое и т. д. Весьма похожие по организации сочетания были широко распространены в советском дискурсе: *небывалый успех; всемирно-историческая победа; титаническая деятельность КПСС; беспощадная борьба; беззаветная преданность; действенные шаги; твёрдое и последовательное проведение в жизнь; полное и безоговорочное присоединение; неуклонный прогресс; незыблемая основа; величайшее благо; глубочайшая благодарность; целиком и полностью* и т. д. (Вайс 2007).

С другой стороны, швейцарский исследователь постоянно выделяет существенные особенности сталинского и фашистского дискурса: для первого характерен интернационализм, а для второго – национализм; для первого коллективизм, а для второго индивидуализм; для первого обращенность к будущему, а для второго – культ прошлого. Фашисты умудрялись едва ли всех своих врагов представлять как евреев и им сочувствующих, тогда как образ врага в сталинском дискурсе был значительно разнообразнее; для фашистского дискурса было характерно обращение к природе и «корням», а в советской пропаганде воспевалась индустриализация как победа человека над силами природы. Сталин всегда позиционировал себя как последователя ленинских идей, воплощающий в жизнь «заветы Ильича», тогда как Гитлер считал себя единственным создателем нацизма. В отличие от ряда других исследователей, Д. Вайс акцентирует не сходство, а существенные различия между советским и фашистским «новоязом» (Вайс 2007).

В круг интересов современных советологов входит не только политический дискурс в СССР, но и средства манипуляции общественным сознанием при формировании образа СССР в политическом дискурсе других стран. Так, Р. Айви продемонстрировал, что в период холодной войны в США регулярно использовался эффект размывания границы между буквальными и метафорическими выражениями. Как пишет исследователь, в американском политическом дискурсе сложилась такая ситуация, при которой «мы перестаем говорить об одной сущности в понятиях другой сущности и начинаем воспринимать различные понятия (например, «дикарь» и «советский человек») как одно целое... Мы руководствуемся фигуральными выражениями, но действуем так, как будто они буквальные, не понимая, что две различные смысловые сферы сплелись в единое целое» (Ivie 1997, p. 72). Подобное исследование провел и Дж. Беккер, но предметом его анализа стал образ США в советской и российской прессе (Becker 2002).

Отдельного внимания заслуживают монографические исследования, в которых предпринимаются попытки комплексного обзора изменений в русском языке XX в. Среди работ такого рода выделяется монография Ларисы Рязановой-Кларк и Теренса Вэйда [Ryazanova-Clarke, Wade 1999]. Авторы рассматривают новообразования в русском языке по хронологическому критерию: выделяется восемь этапов в развитии языка от Октябрьской революции и Великой отечественной войны до Перестройки и постсоветского периода. Несколько другие критерии структурирования материала положены в основу коллективной монографии «The Russian Language in the Twentieth Century» («Русский язык в XX столетии») [Comrie et al. 1996]. Исследователи последовательно рассматривают изменения в произношении, интонации, морфологии, лексике, синтаксисе, орфографии, пунктуации, способах обращения и других аспектах. В обеих монографиях изменения рассматриваются в корреляции с социально-политическими изменениями.

Сопоставление исследований советского дискурса и публикаций по изучению образа СССР в западных государствах показывает, что некоторые явления, традиционно приписываемые тоталитарному дискурсу, были характерны и для формирования образа врага в политической коммуникации демократических стран. Чрезвычайно далеко от реальности навязываемое противопоставление благородных героев, распространяющих правду и воспевających идеалы свободы, гнусным лжецам, которые заботятся только о собственной выгоде. В условиях острой политической борьбы невозможно было всегда оставаться правдивыми и объективными, и это относится к практикам политической коммуникации, находящимся как по одну, так и по другую сторону идеологических баррикад.

Исследования коммуникативной практики в официальном политическом дискурсе Советского Союза продолжают до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогическими формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем. Сюда же следует отнести кардинальные различия между дискурсом господствующей партии и дискурсом оппозиции, существование наряду с официальным

дискурсом (новоязом) еще и «языкового сопротивления», «антитоталитарного дискурса».

Вместе с тем можно заметить, что большинство зарубежных «советологов» оказались не в силах обнаружить какие-либо достоинства в советском политическом языке. Читая подобные исследования, иногда невозможно понять, почему коммунистическая пропаганда добилась столь впечатляющих успехов во всем мире, чем можно объяснить чрезвычайную прагматическую эффективность советской политической коммуникации. Враждебность к коммунистической идеологии у некоторых советологов оборачивалась неприятием и острой критикой едва ли не всех аспектов соответствующей политической коммуникации и даже собственно языковых инноваций.

Остается надеяться, что в будущем как российские, так и зарубежные исследователи советского политического дискурса смогут объединить усилия и дать объективную характеристику лингвистических причин успехов и поражений советской пропаганды. По-прежнему остается актуальной задача разграничения общих закономерностей политической коммуникации, специфики тоталитарного дискурса и особенностей политической коммуникации в Советском Союзе. Значительные перспективы имеют сопоставление современного политического языка с политическим языком эпохи тоталитаризма и исследования постсоветской истории развития отечественного лингвополитического дискурса. Но это будет уже совершенно новый этап развития политической лингвистики, когда на смену лингвистической советологии придет не лингвистическая постсоветология, а наука, посвященная российской политической коммуникации в условиях политической свободы и демократии. Именно об этом и говорил Президент Российской Федерации, выступая перед сотрудниками и студентами Колумбийского университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006.

Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3 (23).

Вайс Д. Новояз как историческое явление // Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. – Санкт-Петербург, 2000.

Земцов И. Советский политический язык. – Лондон, 1985.

Карцевский С. Язык, война, революция. – Берлин, 1923.

Лассвелл Г., Якобсон С. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. – 2007. – № 1 (21).

Лейтес Н. Третий Интернационал об изменениях политического курса // Политическая лингвистика. – 2007. – № 1 (21).

Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. – 1997. – № 5.

Меньковский В. Англо-американская советология в системе гуманитарных и социальных наук. Режим доступа: <http://newsletter.iatp.by/ctr3-4.htm>

Путин В. Выступление в Колумбийском университете 26.09.2003. Режим доступа: www.kremlin.ru.

Ржевский Л. Язык и тоталитаризм. – Мюнхен, 1951.

Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – Москва: ОАО ИГ «Прогресс», 2002.

Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советском. – Нью-Йорк, 1955.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта; Наука, 2006.

Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога после 1945 года. // *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)* / ed. D. Weiss. – Bern; Frankfurt, 2000.

Anderson R. D. 'Look at All Those Nouns in a Row': Authoritarianism, Democracy, and the Iconicity of Political Russian // *Political Communication*. – 1996. – Vol. 13. – № 2.

Anderson R. D. Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities // *British Journal of Political Science*. – 1997. – Vol. 27.

Anderson R. D. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // *Postcommunism and the Theory of Democracy*. – Princeton: Princeton University Press, 2001a. – P. 96-125.

Anderson R. D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. – 2001b. Summer.

Anderson R. D. The Causal Power of Metaphor: Cueing Democratic Identities in Russia and Beyond // *Metaphorical World Politics: Rhetorics of Democracy, War and Globalization*. – East Lansing: Michigan State University, 2005.

Belin L. The Russian Media in the 1990s // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. – 2002. – Vol. 18. – № 1.

Bell D. Ten Theories in Search of Reality: The Prediction of Soviet Behavior in the Social Sciences // *World Politics*. – 1958. – Vol. 10.

Benn D. Glasnost in the Soviet Media: Liberalization or Public Relations? // *Journal of Communist Studies*. – 1987. – Vol. 3. – № 3.

Benn D. Persuasion and Soviet politics. – Oxford, 1989.

Bourmeyster A., Soviet political discourse, narrative program and the Skaz theory // *The Soviet Union: Party and Society* / Ed. by P. J. Potichnyj. – Cambridge, 1988.

Bruchis M. The nationality policy of the CPSU and its reflection in Soviet socio-political terminology //

The Soviet Union: Party and Society / Ed. by P. J. Potichnyj. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Comrie B., Stone G. The Russian Language since the Revolution. – Oxford, 1978.

Comrie B., Stone G., Polinsky M. The Russian Language in the Twentieth Century. – Oxford; New York, 1996.

DeLuca A. R. Politics, Diplomacy, and the Media: Gorbachev's Legacy in the West. Westport; London: Praeger Publishers, 1998.

Dewhirst M. Censorship in Russia, 1991 and 2001 // Journal of Communist Studies and Transition Policies. – 2002. – Vol. 18. – № 1.

Downing J. Issues for media theory in Russia's transition from dictatorship // Media Development. – 2002. – Vol. 1.

Downing J. Internationalizing Media Theory. Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary 1980-95. – London: Sage Publications, 1996.

Downing J. Trouble in the Backyard: Soviet Media Reporting on the Afghanistan Conflict // Journal of Communication. – 1988. – Vol. 2.

Dunn J. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995. – Basingstoke: Macmillan Press, 1999.

Erol N. Ideology as political discourse: a case study of print media discourses on Glasnost and Perestroika. – East Lansing: Michigan State University, 1993.

Essais sur le Discours Soviétique: Semiologie, Linguistique, Analyse Discursive, III. Université de Grenoble, 1981.

Gibbs J. Gorbachev's Glasnost. The Soviet Media in the First Phase of Perestroika. – College Station: Texas A & M University Press, 1999.

Goban-Klas T. Gorbachev's Glasnost: A Concept in Need of Theory and Research. // European Journal of Communication. – 1989. – Vol. 4. – № 3.

Gorham M. S. Speaking in Soviet tongues. Language culture and the politics of voice in revolutionary Russia. – DeKalb, Ill., 2003.

Hollander D. Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin. – New York: Praeger Publisher, 1972.

Hubenschmid M. Text und Handlungsrepräsentation: Ein Analysemodell politischer Rede am Beispiel V.I. Lenins. – München: Sagner, 1998.

Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950.

Ivie R. L. Cold War Motives and the Rhetorical Metaphor: A Framework of Criticism // Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology. – East Lansing: Michigan State University Press, 1997.

Jones A. The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. – Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 2002.

Kecskemeti P., The Soviet Approach to International Political Communication // The Public Opinion Quarterly. – 1956. – Vol. 20. – № 1. (Special Issue on Studies in Political Communication).

Klein H. Die Abkürzungen in der heutigen russischen Sprache. – Graz, 1949.

Language of Power: Studies in Quantitative Semantics / Ed. by H. D. Lasswell, N. Leites. – New York: George W. Stewart, 1949.

Leites N. A Study of Bolshevism. – Glencoe, Ill., 1954.

Lendvai P. The Bureaucracy of Truth. How Communist Governments Manage the News. – London: Burnett Books, 1981.

Lippmann W., Merz, Ch., A Test of the News // The New Republic. – 1920. – Vol. 33(2).

Mazon A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. – Paris, 1920.

McNair B. Glasnost, Restructuring and the Soviet Media. Media, Culture and Society. – 1989. – Vol. 11. – № 3.

McNair B. Glasnost, perestroika, and the Soviet media. – London; New York: Routledge, 1991.

Mendras E. Remarques sur le vocabulaire de la Révolution russe. – Paris, 1925.

Mickiewicz E. Media and the Russian Public. – New York: Praeger, 1981.

Mossman E. Changing Patterns of Russian Political Discourse: A Dictionary of Russian Politics 1985-Present. – Washington: National Council for Soviet and East European Research, 1991.

Murray J. The Russian Press from Brezhnev to Yeltsin. – Aldershot: Edward Elgar, 1994.

Petersson B. The Soviet Union and peacetime neutrality in Europe: A study of Soviet political language. – Lund, 1990.

Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991 / Ed. by P. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey. – Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins Pub, 1998.

Robinson N. Ideology and the collapse of the Soviet system. A critical history of Soviet ideological discourse. – Aldershot, 1995.

Roxburgh A. Pravda, Inside the Soviet News Machine. – London: Victor Gollancz, 1987.

Rush M. The Rise of Khrushchev. – Washington, 1958.

Schäffner Ch., Trommer S. Zum Konzept des 'gemeinsamen Hauses' im Russischen und Englischen // Gibt es eine prototypische Wortschatzbeschreibung? Eine Problem Diskussion / Hrsg. von Ch. (Christina) Schäffner. – Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1990.

Russell J. S., Carsten S. The impact of Gorbachev's new thinking on the Russian language // Russistika. – 1996. – № 13.

Ryazanova-Clarke L., Wade T. The Russian Language Today. – London, 1999.

Schramm W. The Soviet Communist Theory // Four Theories of the Press / Ed. by F. S. Siebert, T. Peterson, W. Schramm. – Urbana: University of Illinois Press, 1956.

Thom F. La Langue de Bois. – Paris: Julliard, 1987.

Thom F. Newspeak. The Language of Soviet Ideology. – London: The Claridge Press, 1989.

Turpin J. Reinventing the Soviet Self. Media and Social Change in the Former Soviet Union. – Westport: Praeger, 1995.

Urban M. Political language and political change in the USSR: notes on the Gorbachev leadership // The Soviet Union: Party and Society / Ed. by P. J. Potichnyj. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Urban M., The Russian Free Press in the Transition to a Post-Communist Society. The Journal of Communist Studies. – 1993. – Vol. 9. – № 2.

Urban M. The Structure of Signification in the General Secretary's Address: A Semiotic Approach to Soviet Political Discourse // Coexistence. – 1987. – Vol. 24. – № 3.

Weiss D. Alle vs. einer. Zur Scheidung von good guys und bad guys in der sowjetischen Propagandaspache // Slavistische Linguistik 1999. Referate des XXV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Konstanz / ed. W. Breu. – München, 2000b.

Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chruščev's Umgang mit „alt“ und „neu“ // Vertogradъ mnogocvĕtnyi. Festschrift für H. Jachnow / W. Girke, A. Guski e.a. (eds.). – München, 1999a.

Weiss D. Die Entstalinisierung des propagandistischen Diskurses (am Beispiel der Sowjetunion und Polens) // Schweizer. Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress 1998 in Krakau / Locher, J.P. (ed.). – Frankfurt/Bern, 1998.

Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščev's Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / D. Weiss (ed.). – Bern/Frankfurt, 2000a.

Weiss D. Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“ // Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien, 15.-18.9.1998. / R. Rathmayr, W. Weitlaner (eds.). – München, 1999b.

Weiss D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chruščev im Vergleich // Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Goehrke / (Hrsg.) N. Boškowska, P. Collmer, S. Gilly u.a. – Bern/Frankfurt, 2002.

Weiss D. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1994. Referate des 20. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / D. Weiss (ed.). München, 1995.

Walker E. W. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

White S. The Effectiveness of Political Propaganda in the USSR // Soviet Studies. – 1980. – Vol. 32. – № 3.

Zemtsov I. Manipulation of a Language. The Lexicon of Soviet Political Terms. – Fairfax: Hero Books, 1984.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2007

Даниэль Вайс

Цюрих, Швейцария

Перевод: Анна Бернольд

**СТАЛИНИСТСКИЙ
И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ
ДИСКУРСЫ ПРОПАГАНДЫ:
СРАВНЕНИЕ В ПЕРВОМ ПРИБЛИЖЕНИИ**

(Настоящая публикация осуществлена в рамках проекта по исследованию истории вербальной пропаганды в Советском Союзе и Народной Польше при содействии Швейцарского Национального фонда с 1996 по 2001 гг. Кроме цитируемых здесь работ Р. Куммер [2000], В. Юровского [2000], [2001], а также самого автора, сюда относятся статьи, опубликованные в [Weiss 2000a], а также в «Forum für osteuropäische Zeit-und Ideengeschichte 5/1 2001»)

Abstract

This article tackles a challenging topic: how much does Stalinist propaganda have in common with the public discourse of the Third Reich, and in what respects do they diverge? At the surface, one certainly finds striking parallels: in both codes, the general tendency to phraseological boundness results in semantically identical expressions reflecting common preference for extreme values, for semantic totality, dynamic and militaristic metaphors, etc. But if we dive beneath this surface, we will detect much more important and deeply rooted ideological divergencies, all of which are reflected in different linguistic strategies. To mention but the most salient ones among them: both systems are fascinated by modern technology, but at the same time the Nazi regime propagates the return to nature and agrarian society, which is completely alien to Stalinism. In the same vein, in Nazi propaganda the opposition 'old vs. new' is by no means axiologically unequivocal since the cult of the new society contrasted sharply with the idealizing attitude towards the myths of Germanic history, which produced a revival of archaic social terms; again, this had no counterpart in Soviet Union, even if the rise of Soviet patriotism also led to the reevaluation of Russia's feudalistic past and engendered an archaizing "Soviet folklore" as the most exotic flower of propaganda. The same contradictory attitude marked the Nazi attitude to science: on the one hand, it served as the source of technological success, on the other hand, the Nazi propaganda praised the role of instinct as the decisive force; again, this kind of antiintellectualism was totally absent in Soviet Union. And finally, the linguistic manifestation of the mechanisms of terror (image of the enemy) and of the cult of personality in both systems reveals a host of essential divergencies which in the final account prevail on the seeming parallels.

Новый толчок к сравнительному исследованию фашистской и коммунистической диктатур был вызван дебатами вокруг «Чёрной книги коммунизма» [Courtois / Werth / Ranné и др. 1998]. Как показывает обзор Д. Шмихен-Акермана [Schmiechen-Ackermann 2002], вопрос о

смысле и бессмыслии сопоставления национал-социалистической и фашистской итальянской системы с одной стороны, и советского строя с другой обсуждается сегодня как никогда остро. Споры вызывает не только *правомерность* сравнения как такового, но и *методология* сравнения: определение временных и географических рамок подобного сопоставления (то есть можно и нужно ли соотносить национал-социалистическую систему только со сталинским периодом или со всей советской историей, а также с историей других социалистических государств, например ГДР, или даже, как в «Чёрной книге», с Народным Китаем и кампучийскими «Красными кхмерами»), обоснованность применения понятия «тоталитаризм», определение значимости *личностного* компонента (Гитлер и Сталин) и соответствующих *аппаратов власти* и единых партий (НСДАП и КПСС), роли *культы личности, террора, границ претензий на господство, способности населения к сопротивлению* и т.д.

Принимая во внимание постоянное акцентирование неравнозначности историографического освещения данных дискурсов (что отчасти объясняется задержкой доступа к советским архивам, рассекреченным лишь после распада Советского Союза (В случае с некоторыми западными авторами, например, Д. Шмихен-Акерманом [2002] (см. выше), замечание об асимметричной ситуации в данной области исследования, очевидно, также связано с отсутствием доступа к русскоязычным источникам. В указанной монографии не учитывается ряд новых работ американских исследователей советского периода (в разделе «Оппозиция и сопротивление» речь идет лишь о фашизме и ГДР, Советский Союз в рассмотрении не входит))), можно отметить, что сравнительная перспектива в изучении обеих политических систем стала неотъемлемой чертой большинства исследований, породив значительное количество эмпирически обоснованных и достаточно убедительных наблюдений. В данном очерке использовались сравнительные биографии Гитлера и Сталина, созданные А. Буллоком [Bullock 1991] и (с психиатрической точки зрения) А. Ноймайром [Neumaier 1995]. Далее необходимо упомянуть подробнейшую монографию Д. Беринга [Bering 1982], в которой рассматривается история понятия «интеллигенция» в обеих идеологиях, а также ряд статей в [Emmerich/Wege 1995], посвященных техническому дискурсу гитлеровской и сталинской эпох.

Однако сопоставление соответствующих языков пропаганды продолжает оставаться «бедным пасынком» контрастивного подхода к национал-социалистической и коммунистической системам. При этом имеющиеся до сих пор статьи в тематических сборниках материалов научных конференций под редакцией

Р. Водак [Wodak 1989] и К. Штайнке [Steinke 1995] не привносят ясности в этот вопрос, так как в связи с узкоспециальной и гетерогенной направленностью этих работ они не охватывают всю тему в целом. Необходимо, следовательно, как можно более всесторонний контрастивный анализ языка пропаганды национал-социализма и советского «новояза»; только такой подход может дать удовлетворительный ответ на вопрос, существовал ли «язык тоталитаризма» в XX веке и каковы могут быть его диагностические признаки (Ср. аналогичный тезис И. Голомштока [1994], который утверждает, что «тоталитарное искусство» – в его понимании искусство Третьего рейха, Италии Муссолини и сталинизма – было, наряду с модернизмом, вторым доминирующим направлением в искусстве XX века). Настоящий очерк задуман как первый шаг в этом направлении. Сопоставление советского дискурса пропаганды ограничивается собственно сталинским периодом «новояза» (приблизительно 1930-1956 гг.) (Подробнее о ступенчатом процессе десталинизации советской пропаганды по направлению от периферии к центру канона в период между 1953 г. и 1956 г. ср. [Weiss 1998]. Нижняя граница (1930 г.) выбрана скорее произвольно; критерии периодизации здесь не совсем ясны, во всяком случае они не могут быть теми же, что и после смерти Сталина) с целью достижения максимальной сопоставимости не только с точки зрения временного периода (Что касается рассмотрения других социалистических государств, то возникновение соответствующих дочерних «новоязов» еще входит в поздний сталинский период, однако включение их в рассмотрение вряд ли приведет к новым выводам, поскольку они во многом оказываются дериватами советского оригинала. Слепое подражание оригиналу Польшей («powotowa») доходит до того, что нарушаются нормы собственного языка; об этом подробнее см. [Weiss 2003]), но и для наиболее полного раскрытия двух центральных тем: первая из них – это террор и формирование образа врага, а вторая – культ личности и культ фюрера. Нужно отметить, что с самого начала в центре внимания были скорее глубоко скрытые различия двух языков пропаганды, нежели их явные сходства, если исходить из предположения, что последние доминируют на поверхностном уровне, в то время как число первых растёт по мере приближения к предмету анализа. Мои ожидания в этом отношении совпали с мнением И. Кершоу о том, что сопоставление этих двух крайних форм современных диктатур скорее выявляет различия между двумя системами, нежели их сходства [Цит. по: Schmiechen-Ackermann 2002: 82]. Этим, разумеется, объясняются другие координаты отбора, чем если бы исходная гипотеза гласила, что в обоих случаях речь

идет о более или менее едином «тоталитарном языке».

В процессе исследования рассматривались различные источники: в электронной версии была доступна не только «Трилогия сталинизма» [Добренко 2000], а именно биография В.И. Ленина, биография И.В. Сталина и «Краткий курс истории КПСС», но и 12-томное собрание сочинений И.В. Сталина (www.magister.msk.ru/library/stalin/htm). Разумеется, данное предварительное исследование не имело целью количественный анализ как можно более репрезентативных данных, поэтому сведения о языке Третьего рейха были взяты исключительно из соответствующей тематической литературы, оказавшейся достаточно содержательной. В первую очередь, интересной представлялась объёмная лексикографическая разработка К. Шмиц-Бернинг [Schmitz-Berning 2000], в которой история отдельных слов прослеживается вплоть до XIX века: так, «духовные» корни лексикона национал-социализма ведут к основателю немецких спортивных союзов «Турнфатеру Яну», к молодёжному движению «Вандерфёгел» и т. п. Все ещё актуальными являются свидетельства современника В. Клемперера [Klemperer 1946/1982]; далее следует упомянуть материалы Л. Винклера [Winckler 1970], У. Мааса [Maas 1984], Г. Бауэра [Bauer 1988], К. Элиха [Ehlich 1995], а также Дж. Дизенера / Р. Гриза [Diesener / Gries 1996]. В дополнение к изданию К. Шмиц-Бернинг необходимо назвать ещё один лексикографический источник (хотя и меньший по объёму), а именно: словарь В. М. Мокиенко / Т. Г. Никитиной [1998], также посвященный теме советско-русского «новояза» сталинской эры, тогда как словарь И. Земцова [1985] по большей части не охватывает интересующий нас период; кроме того, собрание цитат К. Душенко [1996] также относится к сталинской эпохе. История лексикографического кодирования сталинистского «новояза» иллюстрируется и в [Купина 1995] на примерах из словаря Д. Н. Ушакова. Генезис отдельных политических языковых инноваций времён Сталина можно проследить из переписки И. В. Сталина с В. М. Молотовым, а также из протоколов заседаний политбюро (ср. [Weiss 2000б: 195]). Конкретные политические меры цензурного ведомства Третьего рейха в области языка документированы в виде так называемых нацистских инструкций прессе [Schmitz-Berning 2000: IX], в то время как имеющиеся сегодня в распоряжении источники по истории советской цензуры, в частности [Горяева 1997], содержат мало материалов, относящихся к нормативному регулированию «новояза».

В исследовании языка сталинизма использовались работы Е. Добренко [2000] и М. Вайскопфа [2000], источником материалов послу-

жили также наблюдения современников Л. Ржевского [1951] и А. и Т. Фесенко [1955]; картину проявлений культа личности в песнях о Сталине удачно дополняет Н. Щербинина [1998] (Подробнее о нацистском пропагандистском плакате см., например, [Heуen 1983]; о советском пропагандистском плакате сталинской эры см. прежде всего [Bonnell 1997], тогда как Ф. Кэмпфер [Kämpfer 1985] затрагивает только начальный период сталинизма). Рамки теоретического анализа диагностики и истории советского «новояза» определяют помимо [Sériot 1985] прежде всего работы самого автора, см. [Weiss 1986, 1995, 2000а и 2000б]. Следует особо отметить, что под термином «язык сталинизма» подразумевается не индивидуальный стиль Сталина, а стиль целой эпохи (к обоснованию ср. [Weiss 2002]).

1. Поверхностный уровень: параллели и схождения. Прежде чем обратиться к различиям между двумя языками пропаганды, представляется необходимым рассмотреть сначала их сходства. Одним из часто (и неспециалистами) отмечаемых признаков языка национал-социалистов является высокая степень предсказуемости или иначе:

1. Принцип фразеологической связности: Создаётся впечатление, будто фашистских риториков преследовал синдром навязчивых идей, что объясняется их стремлением расширять с помощью рекурсивных приёмов синтаксис всех членов предложения, несущих синтактико-семантическую роль, и отягощать их семантику. [...] Во многих случаях атрибуты – идиоматически устойчивы, т. е. определение становится украшающим эпитетом [Volmert 1995: 142-143]

Это отличительное свойство фашистского языка является отнюдь не единственным. Приведённая выше характеристика совпадает во многих аспектах (синтаксическое расширение, идиоматическая устойчивость, «навязчивые состояния») с моими собственными наблюдениями о советском «новоязе». Ср.: Наблюдается общая тенденция к *дву- или много-сложным* синтагмам. Существительное – «один в поле не воин». Как правило, к нему подбирается соответствующее определение или обстоятельство.... Таким образом, в новом языке преобладает присущий ему синтаксический *horror vacui*, который встречается практически в каждой форме бюрократического языка. [Weiss 1987: 273-274]

Функционирование этого типа фразеологической связи подробнее излагается там же с опорой на работы И.А. Мельчука [с. 270-274]. На с. 270 и далее отмечается, что это характерное свойство общественного дискурса в СССР уже давно было не только диагностировано, но и часто подвергалось критике. Так, приблизительно, писал в «Литературной газете» от 25.12.1954 К. И. Чуковский: «Если ты

написал "отражают", нужно прибавить "ярко"; если "протест", то "резкий", если "сатира", то "злая и острая". Десятка полтора таких готовеньких формул зачастую навязываются учащимся еще на школьной скамье...». Начало подобной языковой критике положил Г. Винокур [1925], первое сатирическое пародирование цитирует А. М. Селищев [1928: 41].

Учитывая широкое распространение схожих эпитетов, их общее приписывание к «украшающим» (см. выше цитату из [Volmert]) представляется не очень убедительным. Десятилетиями доминирующей функцией таких эпитетов является, по крайней мере в СССР, ритуальная функция в сочетании с функцией выражения преданности или принадлежности к властным структурам; в довершение всего, орнаментальные эпитеты в разные эпохи служили разным целям: агитации, во времена кампаний террора, и поддержания внешнего декорума власти в сталинский период (ср. атрибуты *родной*, *гениальный* и т. д.) (Показательным в этой связи является анализ Н. Щербининой [1998]. В. Клемперер [1946 / 1982: 129] предвосхищает в своей книге «Lingua Tertii Imperii» идею украшающего эпитета: «Такое впечатление, будто в гитлеровской империи каждый германец во всякое время излучал "солнечное" сияние, подобно тому как Гера у Гомера всегда "волоокая", а Карл Великий в "Песни о Роланде" – белобородый»).

2. Принцип языкового экстремизма. Далее возникает вопрос, что же в данном случае является *семантически* предсказуемым. Помимо ключевого понятия «отягощение» в вышеприведенной цитате из Фольмерта, важной является также вышеупомянутая цитата из К. И. Чуковского: здесь действует принцип языкового экстремизма. Иными словами: если значение вершинного имени или модифицируемого глагола представляет собой шкалируемую величину, то модификатор состоит из одного или более лексических либо грамматических (= суперлатив) интенсификаторов, которые показывают экстремум шкалы. Этому приёму можно найти множество примеров в обеих системах, ср. следующие устойчивые формулы национал-социалистической пропаганды:

(1а) неповторимые в мировой истории успехи; неслыханное в истории великое время; историческая речь; доверие верующих; негибаемое решение; непреклонная воля; брутальная решимость; беспощадная энергия; неповторимое славное прошлое и т. д.

О советско-русских соответствиях и их интерпретации в соответствии со значениями общепринятой в Московской Семантической Школе лексической функции Magn ср. [Weiss 1986]. Здесь можно привести несколько примеров, практически идентичных с их нацист-

ским вариантом (Ср. в особенности сочетания, содержащие элементы *мир* и *исторический*). На суперлативный характер немецких соответствий *Welt-* и *historisch* уже указывал В. Клемперер [1946 / 1982: 234] в LTI):

(1б) небывалый успех; всемирно-историческая победа; титаническая деятельность КПСС; беспощадная борьба; беззаветная преданность; действенные шаги; твёрдое и последовательное проведение в жизнь; полное и безоговорочное присоединение; неуклонный прогресс; незыблемая основа; величайшее благо; глубочайшая благодарность; целиком и полностью и т. д.

Тем не менее представляется необходимым отметить различия двух языков пропаганды. Нарастающее фортиссимо в случае языка национал-социалистов, очевидно, быстрее ведёт к изнашиванию отдельных интенсификаторов, что требует их повторного повышения: лексическое значение функции Magn, которое уже сигнализирует непревосходимый экстремум, дополнительно повышается грамматическим суперлативом. Ср.:

(1в) самые жизненно важные вопросы, самое возвышенное оправдание, громаднейшая концентрация сил, неслыханнейшие усилия; на веки вечные.

Примечательно, что НСДАП, по всей видимости, добивалась монополии на такого рода языковой экстремизм: так, Клемперер [Klemperer 1946: 233] в связи с этим замечает, что в Дрездене инструктивным письмом было запрещено использование превосходной степени в рекламных объявлениях; например, «самые квалифицированные специалисты» сокращалось до «квалифицированные кадры».

Для советского «новояза» еще со времен Ленина характерна другая разновидность суперлатива, а именно: «Суперлатив_{Sg} + из Суперлатив_{P1}» (тип *мудрейший из мудрейших*). Наряду с этим продуктивный способ семантической деривации новых качественных прилагательных из имеющихся относительных ведёт к образованию нового материала, обладающего признаком градуальности, ср. *вполне советский* [подр.: Weiss 1986: 316-318], *совсем ленинский* или (из московских показательных процессов) *самый падший из всех...* Синонимичные парные формулы типа «всех и всяких» или «всех и каждого» приводят нас к связующему звену между семантикой интенсификации и семантикой тотальности; см. ниже. Характерные для языка нацистов слова экстремальной семантики, такие как *фанатический*, *инфернальный*, *истерический* будут также рассмотрены ниже в главе 3. И тот, и другой принцип подчиняются в обоих языках третьему принципу, который в свою очередь составляет доминанту любой пропаганды.

3. Принцип аксиологической пол-
ризации, привносящий в референциаль-

ное противопоставление «свое : чужое» дуализм «друг-враг». Разнообразные его проявления в рамках советского «новояза» описываются в [Weiss 1986: 275-291]. Из них не все можно привлечь здесь для сравнения в необходимом объёме. Поэтому для начала я бы хотел проиллюстрировать два принципа словарного структурирования (аксиологическое расщепление понятий и монополизацию определенных понятий), а затем остановиться подробнее на избранных для анализа гнездах метафора.

Изречение «Когда двое делают одно и то же, то это уже не одно и то же» находит отражение, пожалуй, в любого рода пропаганде в виде тенденции к расщеплению идеологически центральных понятий по дуалистической схеме «друг-враг». Это может 1. выражаться в том, что имеющиеся синонимы получают аксиологически противоположное смысловое наполнение и таким образом способствуют языковому делению мира. Зачатки этого процесса, разумеется, наблюдаются уже в повседневной речи, ср. нем.: *berühmt* / *berüchtigt*, то же в русск.: *славный* / *пресловутый*. Однако в советском «новоязе» этот процесс выходит далеко за рамки таких сопоставимых пар, как *соглашение* / *сговор*, *почин* / *происки*, охватывая (ср. в [Weiss 1986: 285 и сл.]; далее [Купина 1995]) такие скорее неожиданные сочетания, как *визит/вояж*, *миролюбие* / *пацифизм*, *интернационализм* / *космополитизм*, и даже юридические термины: *гражданство* / *подданство*, *договор* / *пакт*. За языковой биполярностью отчасти скрываются явные идеологические расхождения: так, распространённое в 1946-48 г. контрпонятие *космополитизм*, употребление которого перед смертью Сталина было доведено до крайности в связи с так называемым «делом врачей», камуфлирует не только антисемитские настроения, но и позднее может быть интерпретировано как рефлекс ксенофобных тенденций, возникновение которых знаменует момент принятия решения строить социализм в своей стране и которые начиная с 1929 г., то есть со времён кампании против «старых специалистов», олицетворявших «буржуазные науки», беспрестанно подрывают притязания марксизма-ленинизма на «интернационализм».

В языке национал-социалистов равным образом просматривается тенденция к аксиологическому противопоставлению синонимов. Ср., к примеру: *Verstand* (*разум*) / *Intellekt* (*интеллект*) (*интеллект*, по Шмиц-Бернинг [Schmitz-Berning 2000: 315], можно перифразировать как «разлагающий своей критикой, бесплодный разум») (У Геббельса это разграничение еще более отчетливо: *интеллекту(ализму)* противопоставляется *здравый смысл* или *естественный*, *не испорченный образованием инстинкт*. Противоположное

понятие к *Intellektuelle* остается не ясным; скорее всего на этот статус может претендовать *geistiger Arbeiter* (*работник умственного труда*). Об истории понятия *Intellektuelle* и о колеблющейся оценке этого понятия нацистами и социалистическими партиями в общем см. [Bering 1982]). Тем не менее, для национал-социалистической пропаганды характерна скорее другая разновидность 2., при которой расщепление понятий создается за счет образования неологизмов (атрибутов к уже существующим понятиям либо их включения в новые сложные слова). В результате возникают следующие парные сочетания: *германской веры* (*deutschgläubig*): *христианский* или *германская демократия*: *парламентская демократия*. Примечательно, что марксизм-ленинизм тоже испытывал потребность в двояком толковании понятия «демократия» с целью отмежевания от буржуазного понимания демократии. Ср. русск. *народная демократия*: *буржуазная демократия* (О широко распространенном ошибочном мнении о том, что понятие «народная демократия» является плеоназмом, а также о подтверждении тому в западнославянских языках см. [Weiss 2003: 269-270]. Нижеследующий политический анекдот берет «на прицел» двоякое понимание демократии: «— Какая разница между просто демократией и социалистической демократией? — Такая же, как между просто стулом и электрическим»). Этот языковой приём распространяется вплоть до судебных приговоров; так, *революционная законность* сталинской эры и её аналог в национал-социализме "*das völkische Recht*" служили основанием для поправки кодифицированного права. Второй приём может также выступать в комбинации с первым, ср. *социалистическое соревнование* как встречное понятие к капиталистическому *конкуренция* (Словарь Д. Н. Ушакова цитирует здесь для краткости только те определения этой парной пары, которые дал лично Сталин). Следующий приём состоит в том, что приводится только одно понятие, а существование соответствия противоположного полюса умалчивается; этот вариант мы находим в словаре Д. Н. Ушакова на примере словарной статьи «политзаключенный»: 2. *Политзаключенный* (нов.). *В капиталистических странах* — лицо, находящееся в тюремном заключении за революционную деятельность.

Знаменательным для всех перечисленных здесь модификаций аксиологического расщепления понятий является то, что оценка передается, как правило, только имплицитно, т.е. толкование значения соответствующей лексемы получает модальную рамку типа «говорящий считает, что это хорошо / плохо» (Также понятие *модальная рамка* принадлежит Московской Семантической Школе; для пояснений см. [НОСС 2000: XXIX-XXX]. В западной

лексикографии компонент оценки зачастую по умолчанию приписывается *коннотациям*, однако Московская Семантическая Школа дает более узкое и более точное определение данного понятия, ср. там же, XXVII); это отличает её от, например, эксплицитно оценивающих качественных прилагательных, таких как «хороший», «дурной» или же «неполноценный» (см. ниже) и т.д.

Мания абсолютного разделения «своего» от «чужого» обнаруживается, как известно, не только в области терминологии: фатальными были последствия и в истории развития науки обеих систем. Хотя «немецкая техника» и появилась в Третьем рейхе всяческие лавры, продвижение «арийской физики» в конечном счете воспрепятствовало созданию немецкой атомной бомбы [цит. по: Nerf 1995: 88]; в Советском же Союзе генетические лжеучения Мичурина, пропагандировавшиеся под ярлыком «советской науки» как контрмодели «идеалистической, буржуазной биологии» менделеевского направления и продолженные Лысенко, отбросили развитие генетики на десятилетия назад, что причинило огромный ущерб советской экономике (См. на эту тему подробнее [Medwedjew 1974], который в качестве первой причины краха лысенковской доктрины называет «ошибочное стремление охарактеризовать науки либо буржуазными, либо пролетарскими и социалистическими», охватившее в период между 1929 и 1931 гг. вслед за общественными науками науки естественные. Результатом «экспорта» этой доктрины в другие народные демократии также были тяжелые «дисфункции» в сельском хозяйстве; о последствиях в ГДР ср. [Hartmann/Eggeling 1995: 192-195]). Это же верно для многих других наук, таких как физиология, психология, математика и физика, чьи видные авторитеты (И. П. Павлов, К. Н. Корнилов, В. М. Бехтерев, А. Ф. Иоффе и др.) вдруг оказались в начале 1930-х гг. «буржуазными идеалистами». Такая же участь постигла в национал-социалистическом государстве ученых еврейского происхождения.

В сравнительном исследовании систем встречается подчас противоположная поляризация. Так, русск. *интернациональный* в соответствии с интернационалистическими корнями марксизма-ленинизма (см. выше!) воспринимается позитивно (ср. эвфемизм *интернациональный долг*, употребляемый еще в Афганистане в качестве оправдания вторжений советских вооруженных сил за границей). В национал-социалистическом движении, которое уже в своем обозначении поднимает на щит национальный принцип, напротив, можно предугадать пейоративную оценку слова *интернациональный* (ср. толкования „undeutsch“ (не-немецкий), „vaterlandslos“ (не имеющий отечества) в [Schmitz-Berning 2000: 322 и сл.]), тем

более, что оно связывается с ненавистным интернациональным социализмом, еврейством, масонством и христианскими церквями; самая распространенная негативная коллокация – *интернациональное еврейство* – может даже иметь индивидуальную референцию, ср. «интернациональный еврей Айзнер» и дальнейшие выдержки из «Майн кампф», например: *интернациональный финансовый капитал* или *интернациональный червь народа*. В отличие от Советского Союза, где Лениным было закреплено разграничение терминов *пропаганда* и *агитация*, – что правда редко соблюдалось позднее на практике, и им же настоятельно рекомендовались оба метода для достижения собственных целей, – в языке национал-социалистов только *пропаганда* воспринимается позитивно, *агитация* же понимается как «травля» и, соответственно, предназначена для врага.

Одновременно с тенденцией аксиологического расщепления понятий в обоих языках пропаганды прослеживается еще одна характерная тенденция, которая заключается в монополизации определенных ключевых понятий в собственных целях. В национал-социализме зафиксированы соответствующие нормативные вторжения, касающиеся, например, слова *Führer*: после того как постепенно были запрещены все до одного обозначения руководящих постов, включавших слово *Führer* (*Betriebsführer*, *U-Bootführer* и др.), и заменены другими образованиями, ср. *командир подводной лодки* (*U-Bootkommandant*), *фюрер* стало именем нарицательным, обладающим уникальной референцией (аналогично в речевом обиходе *Папа*, *солнце* и т. д.). Попытки католической и евангелической церковью ввести это понятие для обозначения Христа были резко осуждены Геббельсом [Schmitz-Berning 2000: 244]. Кроме того, режим нацистов использует также следующие понятия, претендующие на исключительность: *Старая гвардия* (*Alte Garde*): (в 1942-1943 гг. для обозначения старых членов НСДАП); *родословная* (*Ahnentafel*) (объявления, в которых это слово употреблялось для обозначения генеалогии породистых собак, воспринимались как нечто предосудительное) и *штандарт* (*Standarte*) (1935 г. для обозначения штурмовых отрядов СА и формирования СС). Подобно и в экономике употребление слова *пропаганда* в смысле *реклама* было запрещено уже в 1933 г., а в 1937 г. это понятие и вовсе определяется так: «Пропаганда в понимании нового государства стала в некоторой степени понятием, защищенным законом, и не должна использоваться для обозначения вещей, вызывающих пренебрежение», что исключало такие сочетания, как *пропаганда зверств* или *большевистская пропаганда* ([Schmitz-Berning 2000: 480]; о стремлении ограничивать употребление превосходной

степени в рекламных объявлениях см. выше ссылку на Клемперера). Соответствующее языковое нормирование с советской стороны до сегодняшнего дня почти не зафиксировано, однако фактическая монополизация позитивных понятий в парах *visit: вояж*, приведенных выше для иллюстрации темы расщепления понятий, не вызывает сомнений.

Совпадения в области некоторых гнёзд метафор выглядят скорее тривиально. В особенности это касается военных метафор, применение которых с обеих сторон уже ранее подвергалось критике многочисленными наблюдателями; сюда относятся всякого рода *кампании, штабы, фронты, штурмы, мобилизации* и др., которые, впрочем, в случае национал-социалистической пропаганды часто представляют собой заимствования из фашистской пропаганды Италии, ср. вдохновенные *battaglia del grano (бумба за хлеб умал.)*. Муссолини *Arbeitschlacht* или *Erzeugungsschlacht*. На фоне испытаний Первой мировой войны (и последовавшей Гражданской войны в стране Советов), а также агрессии левых и правых движений, популярность такого рода вокабулярия вряд ли может вызвать удивление. Несмотря на то что эффект мобилизации вследствие чрезмерного его употребления с обеих сторон длился недолго, эта лексика, тем не менее, создавала подобие военной дисциплины и сплоченности собственных рядов и тем самым отвечала семантике единства. В случае нацистов, эффекту самодемонстрирования которых в значительной мере способствовали массовые парады, языковой милитаризм был своевременен милитаризации всей *народной общности*. В Советском Союзе в 1930-ые гг. мы также сталкиваемся с забавным случаем, когда метафора *битва за урожай* находит прямое воплощение в колхозных фильмах-комедиях А. Пырьева, как, например, в построении *баб* в «Богатой невесте», направляющихся закрытым формированием с граблями на плечах на уборочные работы, или в соединении аграрной и патриотической тематики в «Трактористах», когда новый бригадир оказывается испытанным в боях танкистом и камера плавно переходит от сцены колхозной идиллии к сцене движущихся танков (Протесты против загромождения политического дискурса военными метафорами не затихают и в сегодняшней России; ср. [Чудинов 2002]. Выводы этого автора о ментальном состоянии русского гражданского общества можно принять лишь с оговоркой на то, что большинство приводимых им военных метафор встречаются и в немецкоязычной среде – обществе, переживающем нарастающий процесс демилитаризации не одно десятилетие, ср.: «В сознании граждан стирается граница между войной и мирной жизнью, суровые боевые законы как бы рас-

пространяются на гражданскую жизнь» [там же, с. 46]).

Тесно связаны с милитарными метафорами многочисленные *динамизмы*: здесь ярким разнообразием отличается нацистская пропаганда, ведь не зря НСДАП была по своей сути *движением*. Скорость как таковая становится позитивным началом. Ср. следующую цитату:

(3) «Мы дали этой борьбе импульс, *горячее дыхание, дикий темп*, зажигательные лозунги и *штурмовую* активность.... Темп! Темп! Это был лозунг нашей работы» [Goebbels 1934]

Штурм – следующая ключевая метафора. Ср. боевую газету «*Штурмер*» и *штурмовой отряд* (=СА), – понятие, в котором «кипит пережитое целого поколения» (цит. в [Schmitz-Berning 2000: 552]) и которое как сокращение производит впечатление ускоренного темпа («*Сжатый, твердый ритм* этого слова стал для миллионов чем-то святым»). В «почётной книге» СА тоже речь идет о «*надвигающемся штурмовом* наступлении СА» (там же). Риторике штурма соответствует притягательность *блицкрига*, лишнего изнуряющих битв на истощение позиционной войны, ставших знаком Первой мировой. Примечателен также контрлозунг нацистов лозунгу противников по предвыборной кампании «Железный Фронт стоит недвижимым»: «Железный Фронт стоит недвижимым – мы маршируем!» Куда маршируем – не имеет больше значения, второй актант опускается: именно эта редукция валентности лежит в основе неосемантизма «маршировать (*marschieren*) = неудержимо пробивать себе дорогу» [Schmitz-Berning 2000: 398]. Если цель все же указывается, то эта цель – *будущее*.

Неудивительно, что среди нацистских динамизмов важное место занимают метафоры «удара», «взлома», «толчка» и «взрыва» [Bauer 1988: 48]. Ср.: *тяжеловесный (wichtig), отбивать (ausstampfen), стучать (hämmern), резкий (schlagartig), подхлестывающий (aufpeitschend), будоражащая ударная сила (aufrüttelnde Stoßkraft), сосредоточив силы удара (mit geballter Schlagkraft)* и т. д. Следующим понятием, связанным с милитаризмами, является ключевое слово *zackig* (бойкий, лихой, молниеносный), на происхождение которого из солдатского жаргона времен Первой мировой войны, а также графическое сходство с руной-молнией SS уже указывал Клемперер [Klemperer 1946 / 1982: 72-73]. В обоих языках излюбленные атрибуты *твёрдый, железный, стальной* носят скорее оборонительный характер (ср., с одной стороны, название романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и, с другой стороны, требование, согласно которому немецкий юноша должен быть „flink wie ein Windhund, zäh wie Leder und hart wie

Kruppstahl («...быстрым, как борзая, упругим, как кожа, и твердым, как сталь Круппа» (нем.)), или нацистский военный плакат с лозунгом „Der Kampf ist hart, wir sind härter!“ («Борьба тверда – но мы тверже!» (нем.)) [Parole der Woche 1943/4]). Нацистская пропаганда добавляет еще и атрибут *drahtig* (*жесткий*).

Символом национал-социалистической динамики как таковой является автомагистраль. Какие коннотации с ней были связаны, становится ясно из следующего высказывания её главного строителя Фрица Тодта в 1933 г. [Цит. по: Bauer 1988: 44-45] (курсив мой – Д.В.):

(4) «Нашей национал-социалистической сущности соответствует новая магистраль Адольфа Гитлера, *Автобан*. Мы хотим видеть нашу цель *далеко* впереди себя, мы хотим продвигаться к нашей цели *неуклонно и быстро*. *Препятствия* мы преодолеем, переплетения нам чужды. *Уклоняться* мы не хотим, мы создадим достаточно дорог для *продвижения вперед*, и нам нужна дорога, которая позволит нам придерживаться нужного нам *темпа*.

Так мы строим в Третьем рейхе дороги, так воспитываем людей, так создаем целое национал-социалистическое государство».

По всей видимости, решающее значение имеет отсутствие препятствий: это позволяет не только продвигаться более быстрыми темпами, но и прежде всего способствует безостановочному стремлению вперед, к дальним целям. С этим перекликается также положение о том, что основным мотивирующим фактором строительства автодорог были стратегические соображения, опиравшиеся на опыт подвоза снабжения со стороны французов в битве при Вердене во время Первой мировой войны. Категорически против этого утверждения, поддерживаемого также Ф. Киттлером [Kittler 1995], выступает Э. Шюц (в том же сборнике [Schütz 1995]): для него это объяснение относится к области легенд в той же степени, как и представление о том, что идея строительства автодорог исходила от Гитлера и имела целью, в первую очередь, задействовать рабочую силу (говорить во время воздушной войны о военной пользе автострады, хорошо просматриваемой сверху, действительно затруднительно). По мнению Э. Шюца, строительство автострады имело, напротив, совсем иную функцию – эстетическую. Тот же Ф. Тодт, которому принадлежит приведенная выше цитата, в другом месте подчеркивает главенствующую связь техники и искусства [там же, 127]; последнее подразумевало ландшафтное оформление новых путей сообщения и их органичное вплетение в растительные пространства, которым придавалось большое значение. При этом, с ссылкой на тот факт, что немецкий народ по сути является «лесным народом», трассировка должна была пролегать как можно

дольше через лес, а придорожные рестораны должны были подчеркивать региональные особенности того или иного округа (*gau*) и т. д. Другое определение подобного стремления к гармонии природы и техники гласит: «Так гениально и так просто, как они [= дороги фюрера] гармонируют с природой, так гармонично включают они одновременно и едущего по ним в блаженное единство природы, принимающей человека, [...] как сына, наконец вернувшегося к матери» [там же, с. 143]. Свобода передвижения служит здесь не безостановочному, агрессивному стремлению вперед (как выше в примере 4), а гедонистско-мифической программе, которая подобно более раннему движению «Вандерфёгель» в конечном счете, имеет целью единение народа [с. 138]. В этих источниках совершенно не упоминается лишь об одном назначении строительства автомагистралей, а именно: о расширении и разгрузке дорожной сети!

Если икона нацистского динамизма оказывается в итоге на удивление многоуровневой, то её аналог в советском варианте скорее идеологически одномерен: метафорика локомотива и железной дороги, заданная ленинским *локомотивом истории*, идеально вписывается в массовую песню 1922 г. «Наш паровоз, вперед лети! Коммуна остановка» (О возникновении и росте популярности этой песни см. [Weiss 1999б: 305-306]; там же см. о том, как слова из этой песни цитирует в своей речи Н. С. Хрущев, но в более современном виде (социалистический экспресс приводится в движение уже не паровозом, а электровозом и тем самым опережает капитализм)) в марксистско-ленинскую риторичку движения вперед, красной нитью проходящую через всю ленинскую иконографию. В знаменитом плакате *Поезд идет от ст. Социализм к ст. Коммунизм* (приводится в [Бабурина 1993: 99]), где изображен поднимающийся в гору поезд с надписью *И. Сталин* впереди и выглядывающий из окна Сталин в роли машиниста локомотива (надпись в правом нижнем углу: *Испытанный машинист локомотива революции т. Сталин*), это радостное путешествие в «коммунизм» принимает художественную форму в сочетании с графикой, подчеркивающей экономический подъём.

Картина была бы незаконченной, если оставить без внимания авиацию. В Советском Союзе пропагандистская инструментализация мифа летчиков охватывает период с 1934 г. (спасение с воздуха экипажа корабля «Челюскин», затертого в паковые льды) до 1938 г. (авиакатастрофа Чкалова); ср. [Günther 1993: 155-174] (О языковых особенностях обмена телеграммами между Политбюро и тремя летчиками, совершившими в 1938 г. рекордный перелет из Москвы на Дальний Восток, см. [Weiss 1995: 355-358]; сравнительный анализ

гlorификации в публицистике героев-летчиков 30-х гг. и космонавтов 60-х гг. проводит В. Юровский [2001]). За неимением необходимых для сравнения текстов об авиации в нацистском государстве, проведение сопоставительного анализа пропаганды в этой области представляется невозможным; следует лишь отметить, что мифологический потенциал авиации был, естественно, другого рода, чем в случае со строительством автобана, так как он позволял, помимо высоких достижений собственной техники, также подобающим образом чувствовать героизм участников. Различия можно констатировать и в отношении к природе: в советском мифе о летчике неблагоприятные условия преодолеваются в борьбе, тогда как в немецком мифе об автобане гармоничное приспособление к природе представляет наивысшую ценность.

Миф о летчике идеально вписывается в советскую систему ценностей: риторика движения вперед, которую воплощает метафора железной дороги, в прямом смысле слова переходит в вертикальную плоскость (ср. цит. в [Günther 1993: 166] лозунги Горького «вперед и выше!») и тем самым соответствует «внушающей силе» общей семантики интенсификации, например, при искусственном завышении действующих производственных показателей. Эйфорию рекордов приглушила катастрофа самолёта-гиганта «Максим Горький», в строительстве которого в течение двух лет была занята целая фабрика из 800 рабочих. Самолёт разбился в результате столкновения с истребителем сопровождения в свой первый же рейс 18 мая 1935 г., при этом погибло 49 человек; вырубленный из камня самолёт-памятник на московском Новодевичьем кладбище еще напоминает об этой трагедии. Для внешних связей молодого Советского Союза подъём авиации имел двойное значение: проектомания подобного рода должна была продемонстрировать техническое превосходство в соревновании с капиталистическим Западом, однако в панегирическом отзвуке рекордных полетов все сильнее слышится идеологема *бдительности* к окружающим Советский Союз врагам, в особенности характерная для 1930-х гг.

Систематическое сравнение различных техник в соответствующих языках пропаганды мы оставим вне рамок данной работы. Одного взгляда уже достаточно, чтобы установить значительное различие: в метафорике нацизма глаголы, заимствованные из области механики, но имеющие одушевленные объектные актаны, как, например: *ankurbeln* (заводить), *gleichschalten* (подключать (Именно так обозначается насильственное приобщение к господствующей идеологии)), *aufladen* (заряжать), *auflaufen* (всходить), *auf Hochtouren laufen/bringen* (идти полным ходом; привести в полный ход), – оказывают прежде всего эф-

фект дегуманизации, в то время как советская метафорика электричества, унаследованная от 1920-х гг., вызывает за счет таких образов, как «лампочка Ильича», ассоциативную цепочку 'Свет → Просветление, Просвещение → цивилизационный прогресс'.

В заключение следует отметить, что параллели при сравнении систем очевиднее на тех явлениях, которые уже по причине их широкого распространения кажутся скорее тривиальными: тенденция к языковому экстремизму или гигантизму – не изобретение сталинизма или национал-социализма, а аксиологическое деление мира на две части составляет доминанту любой политической пропаганды. Возвращаясь к расхождениям в трактовке природы и окружающей среды, что в свою очередь находит отражение в техническом дискурсе (к чему мы еще вернемся в главе 3), следует констатировать, что в конце настоящей главы наметились, в частности, уже довольно значительные различия.

2. Первые расхождения. Разумеется, советский миф о летчике, как отмечает Юровский [Jurovskij 2001], восхвалял сплоченность и единство собственного лагеря. Соответственно, именно в этой сфере учащается число маркеров семантики тотальности. И это не удивительно: ведь в универсуме советской пропаганды противопоставление квантора общности и квантора существования как историческая константа целиком определяет поляризацию «друг-враг»; подробнее на эту тему см. [Weiss 2000b]. Здесь напрашиваются параллели с нацистской пропагандой, где *тотальный* было ключевым словом (ср. лозунг *тотальная война*, которое на самом деле исходит от Э. Людендорфа), а такие понятия, как *фольксгемайншафт* («народная общность»), *партайгеноссе* («соотечественник»), *партайгеноссе* («член нацистской партии»), наряду с лозунгами «Единый народ, единая Германия, единый фюрер», «Общее благо впереди личного», «Ты ничто – твой народ всё!», «Твое тело принадлежит Твоей нации!» (обращение Шираха к немецкой молодежи), также присягали идеалу единства. При этом стремление к устранению социальных противоречий, по видимому, совпадает с марксистским пониманием единства:

(5) Трудовой фронт не должен *больше иметь разделения социальных слоев*, понятий *предприниматель* и *работодатель* просто не должно больше существовать, эти слова должны быть запрещены, должен быть немецкий человек труда. [Р. Лей, Почетная книга труда]

Однако уже в следующей цитате из ключевых понятий *сообщество крови* и *божественная воля творца* становится ясно, что здесь, в сопоставлении с Советским Союзом, речь идет о коллективизме другого рода:

(6) Понятие 'народное сообщество' как сообщество крови или судьбы находится в центре германского народного мировоззрения. Из факта органической связи людей возникает новая нравственность. Лицо, оторванное от народной целостности, теряет смысл существования, так как жизнь каждого человека по божественной воле творца связана с надличностным жизненным единством его народа. Единичное существование возможно только через существование сообщества. [Я. Граф, Теория наследственности...]

В довершение всего, языковые эквиваленты квантора общности в нацистской пропаганде, в отличие от Советского Союза, далеко не исключительно относятся к разряду «своего», ср.: *alljüdisch* (всееврейский), *Alljuda* (всеюда). Систематическое сравнение именно этой центральной оппозиции <тотальность: обособление > возможно только с включением в рассмотрение различных форм культа личности, поэтому оно будет произведено не здесь, а ниже в главе 5.

Теперь же обратимся к рассмотрению противопоставления, выводимого из основополагающей дихотомии, а именно к оппозиции '(физически) целый, невредимый: больной'. Для обстоятельного разбора потребуются прежде всего (относящаяся к полюсу врага) подгруппа метафор болезни и разложения. Роль данных метафор в советской пропаганде подробнее освещается в [Weiss 2000a]; здесь будут проиллюстрированы их соответствия в языке нацистов. Тут мы сталкиваемся с последней (согласно [Guldin 2000]) в европейской истории попыткой диффамации другого как инородного тела, паразитов и возбудителей болезней в собственном социальном теле. Ср. следующие слова-ругательства из сочинений Гитлера в адрес евреев (Текстовые примеры из «Майн кампф» приводятся по Л. Винклеру [Winckler 1970: 84-85] и А. Ноймайру [Neumaier 1995: 178]; прямые источники там не указаны). Винклер иллюстрирует [с. 96 и сл.] дальнейшее использование некоторых из этих метафор в языке национал-демократической партии Германии (НДП) и газеты «Байернкурир» в конце 60-х гг.; ср.: «отравители народного организма, управляемые извне», «плесневые грибы»; «Рассадник разложения нужно уничтожить, как вырезают язву, чтобы она не распространила свой яд на весь организм». Об античной генеалогии этой метафоры социального хирурга см. [Münkler 1994: 134-138]:

(7а) *Еврей – личинка в гнойнике на теле германского народа; трутень, который крадывается в остальное человечество; паук, медленно высасывающий кровь из народа; стая голодных грызунов, друг с другом крыс; вечная пиявка; вампир народов; паразит на теле других народов; паразиты, которые*

подобно бациллам распространяются дальше, вечный грибок человечества; еврейский возбудитель; ужасное отравление народного организма; чума, хуже той «черной смерти»; заражение нашей крови; разложение нашей крови/ нашего народного организма.

На этом фоне диффамация марксистов выглядит просто скромно:

(7б) *революционные клопы; трупный яд марксистских представлений*

По сравнению с советской пропагандой здесь по меньшей мере намечается незначительная разница: хотя советской пропаганде и были знакомы «трутни» и «высасывающие кровь пауки» (эта метафора использовалась главным образом в диффамации духовных лиц), а также «гноиники», «падаль» и некоторые другие метафоры гниения, разложения и паразитирования, которые часто пускались в ход для диффамации противника до и после Н. С. Хрущева (Ср., например, *гнилой, тухлый, разлагаться, растлевать, тлетворный* и т. п.; см. [Weiss 2000a]), это пристрастие, насколько нам известно, не доросло до «личенок», «клопов», «крыс» и «трупного яда» (В случае с *пиявками* (в советской пропаганде, по моим наблюдениям, это слово не используется как маркер «чужого») необходимо отметить, что в то время, очевидно, преобладало отталкивающее представление (черви), а не лечебные цели их использования для кровопускания). Личные obsessions Гитлера, в том числе его склонность к некрофилии – диагноз, поставленный Эрихом Фроммом, – принимают формы, вызывающие особое отвращение. Дальнейшие примеры можно найти в современном медицинском дискурсе (см. выше о *бациллах*) (Согласно А. Ноймайру [Neumaier 1988: 202], в начале 1941 г. Гитлеру принадлежит следующее высказывание: «Я ощущаю себя Робертом Кохом в политике. Он открыл бациллу и показал медицине новые пути развития. Я разоблачил еврея, как бациллу, которая разлагает общество». Подобная метафорика имеет, как ни странно, своих предшественников. Так, уже в 1888 году П. де Лагард выдвигал принятие следующего «окончательного решения»: «С трихинами и бациллами не ведут переговоров и не перевоспитывают их, а стараются уничтожить как можно скорей» (цит. по [Heid 1995: 240])). В словесных эксцессах Гитлер превосходит себя вплоть до катахрезы; ср., например, один из отчетов о расплате с Рёмом и его соратниками (цит. по: [Neumaier 1995: 190]):

(7в) *...и я приказал расстрелять заговорщиков. Все язвы нашего общества – все "отравители колодцев" – должны быть выжжены калёным железом.* (В данном случае русские переводчики удачно избежали катахрезы. Тем не менее она налицо. Ср. более дословный вариант перевода: «...и я приказал выжечь ка-

лёмным железом язвы внутреннего "отравления колодца"»)

Подобного рода грубый садизм, по моим данным, не зафиксирован в сталинистской пропаганде (Разумеется, насильственный характер языка сталинизма неоспорим: также и здесь даже в мирное время политического противника, реального или мнимого, немало душили, закалывали, раздавливали, уничтожали и т. д. Достаточно недвусмысленна, например, следующая политическая частушка: «Я умею молотить / умею помолочивать / кулакам бока ломать / скулы выворачивать»).

Характерным для нацистской пропаганды является также (наблюдаемое в последнем примере (2)) семантическое наполнение понятия *кровь* значением 'сущность' (в советской же пропаганде *кровь* фигурирует в значении пролитой крови жертвы). В основе, разумеется, лежит облеченная в высшую степень «святости» науки расовая доктрина Х. Чемберлена и А. Розенберга. Она ведет также в словообразовании к продолжению ряда референциальной оппозиции <свое: чужое> (ср. *чуждый нашей расе (artfremd)*, *безрасовый (artlos)*, *дегенерированный (entartet)*, *расово-чуждый (fremdrassig)*), которая в дальнейшем получает аксиологическое наполнение на основе социал-дарвинизма (ср. *расово высший/низший*). Здесь мы сталкиваемся с решающим для лингвистики расхождением между двумя языками пропаганды: аксиологическая составляющая, выступая в советской пропаганде лишь как коннотация или (в терминологии Московской Семантической Школы) модальная рамка, в нацистских понятиях эксплицитна, более того, она становится ядром значения (асертивной частью в толковании значения данной единицы), ср. также *недочеловек (Untermensch)*. Ввиду таких естественных различий ценностей между расами, *соблюдение чистоты крови* представляется «священным правом человека» (цит. по: [Winckler 1970: 91]). Вряд ли нужно подчеркивать, что все это указывает на облик человека совсем иного склада, нежели в советской пропаганде: если советская пропаганда ставит во главу угла влияние общества на человека (ср. приводимую всеми словарями цитату из В. Каверина «Советское общество сделало его человеком»), результат которого в лучшем случае сводится к тому, что можно сформулировать горьковским пафосом «человек – это звучит гордо!», – то позиция нацистов гласит: «Так же, как собака собаке рознь, – при этом здесь не может оспариваться разница между высшими и низшими расами, – так и человек человеку рознь» (Из азбуки национал-социализма, цит. по [Schmitz-Berning 2000: 407]).

Интересным в этой связи представляется различное парадигматическое закрепление

метафоры чистоты. В советской пропаганде *чистый* активно используется благодаря ключевому понятию *чистка*, т.е. ритуалу чистки общественного организма; в качестве антонимов выступают, как и следовало ожидать, маркеры непринадлежности – *грязный, грязь* (ср. *липкая грязь прошлого*) и *нечистый*, а также собирательное *нечисть*, которое благодаря своей полисемии охватывает такие значения, как «паразиты», «сброд», и в то же время «нечистые духи» (ср. *нечистая сила*) (Об исторически изменчивом референциальном потенциале маркера непринадлежности *нечисть* см. [Weiss 2000a: 224-226], о лексикографической истории понятия *чистка* см. [Weiss 1986: 261]). Тем не менее, в словаре нацистов слово *чистый (rein)* фигурирует в ином значении, а именно в смысле *чистокровный (reintrassig)*; соответственно, антонимом является не *грязный (schmutzig)* или *гадкий (dreckig)*, а *смешанный (ой расы) (gemischt (rassig))*, что в свою очередь является частью целого поля метафор. Ср.: *смешанец* = представитель смешанной расы (*Mischling*) (О потенциале чуждости, к примеру, слова *смешанец* свидетельствуют его коллокации; ср. следующую выдержку из одного учебника по биологии, приводимую К. Шмиц-Бернинг [Schmitz-Berning 2000: 622]: «Вместо этого, *неполноценный* наследственный материал в виде большевистского *недочеловечества* размножился, как *сорная трава*, и таким образом в 1941 г. в бой вступила огромная армия, которая большей частью состояла из *преступников, неграмотных и смешанцев самого худшего сорта*»), *скрещивание рас (Rassen-(Kreuzung)*, *гибридизация (Bastard (isierung)*, *каша народов (Völkerbrei)*. Иное истолкование получает и традиционное *смешанный брак (Mischehe)*, который отныне – уголовно наказуем. Квантификация соотношений смешанности ведет к возникновению таких юридически релевантных терминов, как *еврей на три четверти (Dreivierteljude)*. В какой степени пуризм нацистской языковой политики, её восхищение немецкостью относятся сюда идеологически, не является предметом данного очерка; пуризм характерен и для вильгельминской эпохи (уже в 1878 г. только в терминологии железной дороги и почты были искоренены сотни галлицизмов).

Собственное здоровье как полюс, противоположный болезням противника, воплощается в реальный образ в массовых спортивных мероприятиях, которые в обеих странах были неотъемлемой частью важнейших политических ритуалов (партийные съезды рейха, первомайские парады на Красной площади) и олицетворяли пышущую здоровьем сплоченность собственных рядов. О тесно связанном с этим культе тела красноречиво свидетельствует изобразительное искусство того и другого

лагеря (Впрочем, изображение голого тела в нацистском искусстве не было табуировано, тогда как в Советском Союзе соответствующие части тела отчасти стыдливо прикрывались. Так, Альберт Шпеер был поражен во время своего пребывания в оккупированном Киеве в 1942 г. целомудренно одетыми статуями в спортивном стадионе [Голомшток 1994: 236]). В национал-социалистическом государстве *физическая закалка* (онемеченная форма "training") как составная часть воспитания *нового человека* входила в одну из задач государства. Из следующей цитаты из «Майн кампф» становится ясно, чему уделялись приоритеты (цит. по: [Schmitz-Berning 2000: 358]): «Принимая все это во внимание, народническое государство будет видеть главную свою задачу не в том, чтобы накачивать наших детей возможно большим количеством "знаний", а прежде всего в том, чтобы *вырастить вполне здоровых людей*. Лишь во второй очереди будем мы думать о развитии духовных способностей».

С точки зрения языка, *здоровый* в советской пропаганде в значительной степени ограничивается метафорической областью. Ср. в первую очередь фразу *здоровые силы* (употребляемую еще Горбачевым). В области национал-социализма общеизвестное *здоровое чувство народа* достигает статуса юридического термина [Schmitz-Berning 2000: 270-272]. Здесь, как и в вышеприведенной цитате из Гитлера, снова выдает себя влияние расовой доктрины (ср. такие композиты, как *erbgesund* (потомственно здоровый)). Тем самым мы сталкиваемся с решающим отличием двух идеологий: оппозиция <здоровый: больной>, используемая в советском варианте чисто в метафорических целях отмежевания «своего» от «чужого», в расово-теоретическом контексте национал-социалистического движения вновь обретает своё прямое (первоначальное) значение и служит в оправдание ригористичной программы, направленной на селекционирование путем выращивания так называемого *полноценного* и искоренения так называемого *неполноценного наследственного материала*. Стало быть, предупреждение зачатия *дефектного потомства* становится «самым гуманным деянием человечества» (цит. по: [Winckler 1970: 91]). То, что здесь возвещает пропаганда, было, как известно, в скором времени реализовано на практике в качестве евгенистической программы: словосочетание *жизненно неполноценное лицо*, введенное некими юристом и психиатром в 1920 г., становится устойчивым, согласно К. Шмиц-Бернинг, уже в 1920-е гг. [Schmitz-Berning 2000: 382], а с 1940 г. денотатом этого сочетания уже является не *предотвращение*, а *уничтожение* (в программе эвтаназии Гитлера). Подобного рода лексику, выражающую презрение к лю-

дям, можно тщетно искать в советской пропаганде (Особенно показательны в этом отношении высказывания А. Хохе – врача и соавтора упомянутой теории, приводимые в [Schmitz-Berning 2000: 381]: «пустые стручки», «люди-балласты», «дефектные люди», «разрешение на уничтожение абсолютно бесполезных духовных мертвецов»).

Дальнейшим плодом нацистской расовой доктрины являются сочетания, включающие смысл 'хозяин, господствующий'. Ср.: *господствующий человек (Herrenmensch)*, *господствующий народ, народ-хозяин (Herrenvolk)*, *господствующая раса (Herrenrasse)*. Изображающим тут является не первый элемент, а второй, показывающий соответствующую область превосходства: ко второму семантическому актанта слова *господствующий* относятся другие человеческие индивиды, а именно *недолюди (Untermenschen)*, возникшее не как противопоставление ницшеанскому сверхчеловеку, а зафиксированное уже у Жана Поля и Т. Фонтане, или целые *расово нижестоящие* нации (В пропагандистском плакате прибегают к самому банальному средству диффамации, изображая противника с гротескно искаженным негроидным или еврейским лицом; ср. примеры из [Neuеп 1983: 72-73]). Впрочем, союзники были не менее сдержанны: на англосаксонских плакатах японцы предстают в виде обезьяноподобных существ; см. [Finková / Petrová 1986: 5]). В противоположность этому, второй актант у русск. *хозяин* (оставим без внимания одинаково звучащее неофициальное имя Сталина) всегда выражается территориальной единицей. Ср. следующие самые частотные коллокации *подлинный хозяин своей страны* (о советском человеке) и *[Мы] молодые хозяева земли*. Последняя формулировка получила широкое распространение как строфа из «лирической массовой песни» в кинокомедии (1934 г.) «Весёлые ребята». Еще в большей степени это верно для слов «Человек приходит как *хозяин / Необъятной родины своей*» распеваемой миллионами массовой песни «Широка страна моя родная» из кинофильма «Цирк». Претензия на господство здесь совсем иного рода: необходимо обладать собственной страной со всеми её природными богатствами (не считаясь, впрочем, с ущербом для экологии). Кроме того, в перестановке местами с бывшими господствующими классами находит отклик историческая компенсация; это иллюстрирует прежде всего коллокация *сами хозяева (своих фабрик, своей земли и жизни своей)* (Так же в сказке о Ленине 1970 г.; см. об этом: [Weiss 1995: 378-379]). Иначе функционирует книжное *гегемон*, ставшее популярным с приходом Ленина. В этом случае речь идет о господствующем классе, именно поэтому данное слово некоторое время выступает синонимом *пролетариата*, при этом в качестве второго актанта

чаще всего фигурирует *народных масс*. В этой связи необходимо напомнить о том, что диктатура пролетариата, согласно господствующему учению, ограничивалась временным пространством двух поколений; впоследствии в Советской Конституции 1977 г. на смену ей придет *общенародное государство* (В лексикографической практике это явление фиксируется уже раньше; ср. [Weiss 1986: 317]).

В качестве предварительного итога можно отметить заметные расхождения между сталинистским и национал-социалистическим дискурсом: сталинистский дискурс в своей принципиальной позиции все еще эгалитарен, тогда как национал-социалистический дискурс эксплицитно антиэгалитарен, что допускает намного более неприкрашенные вербальные маркеры «чужого», открыто выражающие презрение к людям. Что касается «Словаря нечеловека» Д. Штернбергера, то здесь пальму первенства, без всякого сомнения, заслуживает национал-социалистическая система.

3. Глубинный уровень: важнейшие расхождения. Из рассматриваемых в дальнейшем расхождений двух языков пропаганды три первые имеют определенные общности: в них, по сравнению с марксизмом-ленинизмом, выражаются более сильные внутренние противоречия нацистской идеологии. Первое противоречие относится к противопоставлению ориентации на прошлое и будущее, что в языковом отношении выражается оппозицией <старое : новое>. В чистом виде это противопоставление выступает как соответствующая понятийная пара, причастная к основополагающему дуализму «друг-враг», причем 'новое', как и следовало ожидать, включается в позитивный, а 'старое' – в негативный полюс. В Советском Союзе высший расцвет риторики 'старого – нового' приходится, правда, не на времена Сталина: антитеза '*старый мир: новый мир*' господствует прежде всего в пропаганде 1920-х гг., затем отходит скорее на второй план и переживает свое возрождение во времена Н. С. Хрущева (см. об этом [Weiss 1999a]). При этом её референциальный потенциал со временем растет: первоначально эпитет 'старый' относится только к дореволюционной России или капиталистическому Западу, однако в период «оттепели» этого ярлыка могут также достаиваться пережитки сталинизма. Подобные изменения находятся в тесной взаимосвязи с равным образом переменчивой историей идеологемы создания *нового человека* (Подробнее об этом см. [Müller 1998], который видит начало этой идеологемы в выступлении М. Горького на первом съезде Союза писателей 1934 г. О *новом человеке* в сравнительном анализе тоталитарных систем с точки зрения истории искусства см. [Голомшток 1994: 187-194]). В риторике национал-социализма оппозиция <старое : новое> занимает

менее видную позицию, тем не менее она встречается во многих фраземах, таких как: *новая Германия (!), новая Европа, новый европейский порядок*, хотя и здесь 'старое' представляет собой негативный полюс, в первую очередь период Веймарской республики. *Новый человек* (в смысле 'человек труда') существует и как постулат: по Альфреду Розенбергу, задача нашего времени заключается в том, чтобы «из нового жизненного мифа создать нового человека». В следующем текстовом примере новый человек олицетворяет снятие социальных противоречий между «белыми» и «синими» воротничками, посредством чего устанавливается связь с семантикой единства (см. выше пример 5):

(8) Они вновь должны научиться уважать друг друга, *работающий головой – работающего руками* и наоборот. [...] и из этих двоих должен выкристаллизоваться *новый человек* – человек грядущей Германской империи. [Гитлер, Речь 24.4.1923]

Впрочем оппозиция 'старого' и 'нового' в нацистском дискурсе порой сглаживается за счет неожиданных формул гармонизации. Это относится, например, к академической среде, где, как показывает Маас [Maas 1995], в большей мере действовала политика невмешательства; отсюда появляются такие фразы, как «обмен *нового* мировоззренческого познания и *дошедшего до нас* научного наследия и учения» или «синтез *традиции* и *новой* перспективы» [Там же: 180-181]. Резкий контраст этому являет одинаковый по времени раскол советской науки на старые «буржуазные» и новые «советские» исследования; см. выше комментарий в связи с делом Лысенко в главе 1.

Оппозиция <старое: новое> может помимо понятийной реализации также находить проявление в противопоставлении определенных пластов языка, при котором производятся сознательные внутриязыковые заимствования исторических или историзированных терминов. В нацистской системе, на фоне характерного для нее прославления германского мифического прошлого, предсказуем не только сам факт таких заимствований, но и их аксиологическая принадлежность: в отличие от только что рассмотренной понятийной оппозиции, 'старое' получает теперь положительное наполнение. Обращение к прошлому обнаруживается на различных уровнях, а именно: а) лексически – в предпочтении архаизированных терминов из социальной и политической областей, а также в возрождении старогерманских личных имен; б) семиотически – в обращении к более древним письменным системам (руны, фрактур) и символам (свастика) (Нельзя не отметить определенную долю иронии в том, что та же свастика как символ солнца была предметом дискуссий молодой советской власти при

выборе символа государства до того, как было принято решение о пятиконечной звезде (символ пяти континентов)) и в) мифологически – в возврате к миру германских саг, в особенности к эпосу о Нибелунгах, что сопровождается попыткой возрождения германских обрядов наподобие праздника солнцестояния.

Группу а) иллюстрируют такие понятия, как племя (*Stamm*), племенное сообщество (*Stammesgemeinschaft*), дружина (*Gefolgschaft*), гау (*Gau*), гауляйтер (*Gauleiter*), Восточная марка (*Ostmark*), род, клан (*Sippe*), рыцарский замок (*Orden(sburg)*), тинг (*Thing*) или солнцестояние (*Sonnenwende*), а также наименования военных формирований, которые характерным образом закрепились за военизированными подразделениями СА и СС, как, например, *Rotte* (ячейка), *Schar* (отделение), *Trupp* (взвод), *Sturmbann* (батальон). Определенной популярностью пользуются также подражающие старине перифрастические образования, к примеру, *Reichsnährstand* (кормящее сословие империи) для обозначения 'крестьянства'; аналогично *Arbeitsmaid* («арбайтсмайд» – девушка, состоящая в Германском трудовом союзе) или курьёз *Reichsbräuteschule* (имперская школа будущих невест). При всем том степень историчности не имеет значения: очевидно, что некоторые из приведенных понятий относятся уже не ко времени германских племенных союзов, а к феодальному средневековью (орден, кормящее сословие) (Мир средневекового рыцарства находит распространение и в плакатной графике того времени: так, например, на одном из плакатов, посвященных имперскому партийному съезду 1934 г., изображена в профиль фигура рыцаря по пояс, в доспехах и с поднятым в руке мечем; его щит украшает свастика и дубовые ветви (www.webshots.com)); *Восточная марка* как обозначение 'Австрии' совершенно аисторично, так как нигде не зафиксировано в исторических источниках, а слово *Gefolgschaft* (сопровождение-дружина) восходит к исторической терминологии XIX века, в которую оно вошло как калька с известного из Тацита *comitatus* и расширяет теперь свое значение вплоть до обозначения служащих коллектива (*Betriebsbelegschaft*) (Так, если умершим был владелец фабрики, то помимо некролога вдовы, также «содружники» („*Gefolgschaft*“), т. е. сотрудники были обязаны опубликовать отдельный некролог от своего имени; ср. [Klempereger 1946 / 1982: 131]). К XIX веку восходят, кроме того, многие из реставрированных теперь понятий, в частности к движению «Вандерфёгель» и «Турнфатеру» Ф. Л. Яну. Так, немецкое *Schaft*, путем грамматикализации давно ставшее суффиксом, которому Ф. Л. Ян хотел вернуть статус свободной номинальной корневой морфемы, в противовес двум другим

кандидатам, а именно суффиксам *Heit* и *Keit*, пользовалось успехом у нацистов, ведь *Schaft* выступало теперь как один из вариантов слов *Jungenschaft* и *Mädelschaft* и, в свою очередь, стало входить в состав сложных слов (ср. *Schaftsführer (in)*).

Помимо древнего периода германской истории и немецкого средневековья можно выделить третий источник вдохновения – Римскую Империю: тайное восхищение Гитлера вызывали отнюдь не германские варвары, а император Август. Как показал недавно проведенный сопоставительный анализ текстов, отчетный доклад Гитлера 1939 г. был даже построен по образцу описания одного из деяний римского императора 13 г. н. э.; см. об этом [Grimm 2002].

К коллективной ориентации на прошлое примыкает, наконец, индивидуальный возврат к прошлому, навязываемый уже расовой теорией и ее реанимацией генеалогического принципа, что находит отражение в таких административных терминах, как *генеалогическое свидетельство (Abstammungsnachweis)*, *паспорт предков (Ahnenpaß)*, *родословная (Ahnentafel)*, – более того, руководитель имперского сельского хозяйства В. Дарре рекомендует устраивать в домах уголок для почитания предков! И без таких псевдорелигиозных акцентов архаизированный терминологический пласт, проиллюстрированный выше, безусловно, являет собой резкий контраст на фоне прочего модернизма языка нацистов с его техницизмами, динамизмами и милитаризмами: находясь в сердцевине официального языка, 'старое' и 'новое' вряд ли сочетаются здесь гармоничными узами (В пропагандистском плакате есть блистательные примеры странного сочетания элементов современности и доисторического сказочного мира. На одном из плакатов с надписью «Deutschlands Sieg – Europas Freiheit» (Победа Германии – свобода Европы) изображен немецкий «ландсер» в стальном шлеме, наступающий на красного дракона с пятиконечной звездой во лбу. При этом две молнии, исходящие из рук наступающего, образуют клин, пронзающий дракона).

Рост популярности германских личных имён, наблюдаемый в общественной практике уже со времен вильгельминской эпохи, ощущается во времена нацистского режима соответствующими указами; тем не менее, этот период «не оставил глубокого следа в истории имен» [Kunze 1998: 53]. К примеру, популярность имени *Адольф* в Киле падает уже после 1933 г. С другой стороны, благодаря канонизированной нацистами фигуре Хорста Весселя, популярным становится имя *Хорст*, которым еще в средние века называли лошадей. Мода на «германскость» оказала, впрочем, свое влияние также на наименования типов оружия; так, одно из новых орудий было названо име-

нем «Тор». Попутно отметим архаизированные элементы синтаксических структур в речи Гитлера, которые привлекают к себе внимание маркированным порядком слов (ср.: „die deutsche Nation hat doch bekommen ihr germanisches Reich“ («Немецкая нация все-таки получила свою германскую империю» (нем.)) [Речь фюрера во время партийного съезда труда, Мюнхен 1937, 19], что служит лишь средством к возвышенному пафосу.

Следующая вышеприведенная группа б), т. е. семиотическое архаизирование, не требует дальнейших комментариев, в то время как группа в), напротив, заслуживает нашего внимания, ведь речь идет о пропагандистской инструментализации целой средневековой эпической традиции. Х. Мюнклер и В. Шторх [Münkler / Storch 1988: 86 и сл.] указывают на то, что мотив коварного убийства Зигфрида Хагеном является больше, чем метафорой "Dolchstoß" (*предательского удара ножом в спину*): он служит равным образом объяснительной моделью поражения будто бы непобедимой на фронтах германской армии, причиной которого послужил, как утверждалось, прорыв внутреннего фронта в 1918 г. Распространяя тезис «об ударе ножом в спину», Гитлер и Геббельс лишь эксплуатировали это выражение; миф о Нибелунгах облекается нацистами в высшую степень святости благодаря Герману Герингу, который сравнивает битву за Сталинград с битвой Нибелунгов в замке Этцеля; полное уничтожение целой армии было таким образом «разыграно как героическое самопожертвование» [там же, с. 105]. То, что трагической гибелью племени Нибелунгов был предначертан закат Третьего рейха, многие исследователи не расценивают как внутреннее противоречие: пессимистическая альтернатива, принимавшаяся в расчет уже в «Майн кампф» («Германия либо победит, либо прекратит свое существование») и с самого начала включавшая в себя индивидуальное ожидание смерти («Завтра мы идем на смерть», – цитирует Г. Бауэр одну из ранних песен немецких штурмовиков СА [Bauer 1988: 93]), нашла грандиозное воплощение в гитлеровском предвидении заката; «миф о Нибелунгах, будучи военным самообманом в конце Первой мировой войны, был возведен в ранг политического девиза в конце Второй мировой» (Münkler/Storch [1988: 106]. О мистике жертвенности и смерти в национал-социализме см. также [Bauer 1988: 93-94]).

В итоге можно констатировать следующее: подобно нацистской идеологии, национал-социалистический дискурс пропаганды был охвачен неразрешимым противоречием между ретроградными и модернистскими элементами; аксиологическая оппозиция <старое : новое> обращается перед лицом положительной переоценки отдаленного прошлого в ничто. Как

с этим обстоит дело в сталинском Советском Союзе? От марксизма-ленинизма как идеологии, ориентированной, в первую очередь, на будущее, нельзя ожидать историзирующих элементов. Однако в период сталинизма 30-х гг. меняется общественно-политический контекст: нарастающий советский патриотизм и уже состоявшаяся переоценка национальной истории России делают вновь возможной ориентацию на прошлое как добавочный ориентир. И всё же, в пределах центрального пропагандистского канона не обнаруживаются явления, даже отдаленно соизмеримые с подражающим старине нацистским жаргоном. В области лексики возрождаются лишь некоторые понятия, сошедшие со сцены со времен Октябрьской революции, такие как *родина* или *отечество*; о пропагандировании древнерусских имен не может быть и речи (вместо этого еще с 1920-х гг. успехом пользуются «футуристические» имена типа *Революция*, *Октябрин* или даже *Электрификация*); печатный и письменный шрифт также не переживает возврата к допетровским, церковнославянским временам.

Несмотря на это, возврат к покрытым вековой пылью легендам и преданиям имеет место: в соответствии с соцреалистическим требованием большей *народности*, вымирающая традиция устной эпики и причитаний, сохранившаяся еще в отдаленных регионах (прежде всего на севере России), с 1934 г. начинает вновь возрождаться с поощрения властей. Так, оставшиеся сказители (зачастую преклонного возраста и неграмотные) берутся сочинять – под руководством консультантов в области научной фольклористики – новые былины о Сталине и достижениях советского государства, вместе с причитаниями по убитому С. Кирову, погибшему лётчику-герою В. Чкалову и по давно ушедшему из жизни Ленину (О политических условиях, а также об отнесении этого архаичного жанра советского фольклора к определенному языковому и пропагандистско-историческому контексту ср. [Weiss 1998: 470-493] и [Weiss 1999b]. Исчезновение этого жанра после смерти Сталина рассматривается в [Weiss 1998] как первый шаг в сторону десталинизации советской пропаганды). В языковом отношении эти произведения созданы на подлинном фольклорном интердиалекте, резкий контраст которому, разумеется, представляют многочисленные советизмы. На фоне простой, аксиологически совершенно единой антитетики «старого / нового» 1920-х гг. возобновление интереса к древности должно было казаться разрывом с существующей пропагандистской системой ценностей; в свете марксистской веры в науку, вновь почитаемые мотивы преданий, такие как живая вода, волшебное кольцо или звери, спешащие на помощь к оказавшимся в беде советским пограничникам, требовали особого обоснования. По этой же

причине Н. Леонтьев, который сам раньше был консультантом народных бардов, язвительно озаглавил в 1953 г. свою статью-расплату с фабрикацией всего псевдофольклора как «Волхование и шаманство».

В нацистской пропаганде подобного архаического шаманства не наблюдается: там не рождаются эпосы о Гитлере или причитания по Хорсту Весселю, сфабрикованные на какой-либо неcodифицированной разновидности немецкого (или даже на средневерхненемецком). Скорее тривиальное тому объяснение заключается в отсутствии аутентичной устной традиции. В этом отношении нацистская пропаганда, несомненно, более гомогенна с языковой точки зрения, чем ее советский аналог. С другой стороны, соответствующие жанры советского фольклора относятся к абсолютной периферии пропагандистского канона, не вторгаясь в него даже в форме цитат (Исключение, впрочем, весьма знаменательное, составляет «Краткая биография» Сталина, где на с. 242 можно прочесть следующее: «Мы идем со Сталиным, как с Лениным, говорим со Сталиным, как с Лениным, знает все он наши думки-думушки, всю он свою жизнь о нас заботится», говорится в одном из замечательных русских народных сказов». Этот жанр оказался весьма благодатной почвой, если учитывать, кто был главным адресатом советского фольклора), в то время как центральные жанры канона продолжают последовательно внедряться в сферу современного языка. Притом их функция заключается отнюдь не в пении дифирамбов феодальному прошлому России, а, парадоксальным образом, в прославлении советской действительности: в отличие от эпоса о Нибелунгах, который использовался нацистами в целях исторической аргументации, эпический советский фольклор, наряду с панегирическим преподнесением общественных достижений, служит прежде всего культу героя и культу личности (не только Сталина, но и многих других знаменитостей советского пантеона). Лишь во время Второй мировой войны мотивы древнерусского эпоса порой инструментализируются в аргументативных целях; так, на одном военном плакате изображен красноармеец, пьющий из шлема воду из Днепра, – явное заимствование из «Слова о Полку Игореве» – со следующим комментарием: «Пьем воду родного Днепра, будем пить из Прута, Немана и Буга!», – что возвещает о неудержимом продвижении советских войск на Запад. Существование угрозы немецкого агрессора способствует теперь реанимации национального прошлого и по содержанию: воскрешаются прежние победы над вражескими захватчиками, этот отрезок истории должен-де еще повториться. При этом нельзя забывать и о семантике преемственности «новояза» (ср. формулу «Так было – так будет!» из военных пла-

катов с изображением наколотых на штыки немецких рыцарей, Наполеона и Гитлера).

В заключение можно констатировать, что и в том и в другом дискурсе наряду с 'новым' в языке также 'старое' относится к собственному лагерю и тем самым к положительному полюсу дуальной картины мира, однако в сталинистской пропаганде 'новое' и (позитивное) 'старое' вступают в конфликт только в периферийных жанрах, в то время как в национал-социалистической пропаганде соотношение между ними напряжено в рамках центрального дискурса. Кроме того, сталинистская реанимация 'старого' ограничивается языковой формой, что обусловлено освоением пропагандой традиционных фольклорных жанров (Небезынтересны попытки использования фрагментов былин в пропагандистском фильме. В киносценарии к колхозной идиллии И. Пырьева «Свинарка и пастух», вышедшей в 1939 г., на с. 124 в качестве эпизодической фигуры появляется «пастух, седобородый дед, как будто вышедший из былин», которому отводится целая строка в былинном сказе; в экранизированной версии эта сцена, к сожалению, не вошла в фильм. Свадебное причитание (из этого же фильма) по сути является одним из типов подлинной севернорусской традиции причитаний, однако, в фильме это скорее оперная ария); в Третьем рейхе, напротив, связанные с германской древностью содержания при всей их расплывчатости представляют собой позитивные ценности.

Наше следующее идеологическое противоречие тесно связано с оппозицией <старое : новое>, правда оно характерно только для нацистской пропаганды: речь идет о восхищении и техникой с одной стороны, и, с другой стороны, о ностальгии по простой деревенской жизни и естественности природы, что находит выражение в лозунге «Кр о в ь и почва». Увлечение техникой было уже проиллюстрировано в главе 1; что касается «крово-почвенной» идеологии, то здесь необходимо упомянуть такие ключевые понятия, как *коренной (bodenständig)* или *органический (organisch)* и, кроме того, *коричневую рубашку* – цвет, символизирующий землю. Наиболее содержательными в этой связи являются контрпонятия, относящиеся к негативному полюсу: сюда относятся *не имеющий корней (wurzellos)* и часто употребляемые Геббельсом сочетания с компонентом *асфальт*, как то: *человек асфальта (Asphaltmensch)*, *асфальтовое чудовище (Asphaltungeheuer)* и т. д., которые возводят в образ искусственное отчуждение жителей города от «органического грунта». Город также является благоприятной почвой для смешения рас. Следующая цитата из А. Розенберга эксплицитно устанавливает желаемые соотношения (цит. по [Bering 1982: 132-133]):

(9) *Город мирового значения* начал свою работу по *уничтожению рас*. Ночные кафе *людей асфальта* превратились в ателье [...] Вокруг свирепствовал *расовый хаос* из немцев, евреев, *отчужденных от природы уличных поколений*.

Большевистской же идеологии было глубоко чуждо как прославление "органически выращенного", так и очернение городской жизни. Коллективизация сельского хозяйства не только физически уничтожила миллионы крестьян, но и полностью разрушила традиционную русскую деревенскую культуру. С другой стороны, в ходе форсированного развития тяжелой промышленности в одночасье были построены целые города. Разумеется, из-за постоянной нехватки продовольствия не обошлось без мобилизации сельских масс, хотя при этом подчеркивались достижения новой колхозной жизни (противопоставление 'старого' и 'нового' постоянно превозносилось, например, в многочисленных советских поговорках, построенных на антитезе *раньше – теперь*; см. [Weiss 1998: 479-480]), а вместо приверженности земле чествовались так называемые достижения механизации – недаром трактор стал ключевым символом 'нового'. Это же относится к иконографии пропагандистского плаката, в которой крестьянка за рулем трактора гармонично соседствует со Сталиным за рычагом управления новой электростанцией.

Скорее попутно следует отметить различные идеалы женской красоты: если в нацистской системе ценностей крестьянская внешность оценивалась позитивно (Ср. следующую выдержку из брачного объявления «врача, чистокровного арийца» (цит. по [Baueg 1988: 60]): «Здоровая арийка, целомудренная, молодая, скромная, бережливая, *привычная к тяжелому труду, с широкими бедрами; должна носить обувь на низком каблуке, не носить серёг, по возможности не иметь собственности*»), то в советском плакате 30-х годов даже при изображении колхозниц одно время доминировал тип спортивной, подтянутой женщины, мало отличающейся от жительницы города (Bonnell [1997: 105 и сл.]. Особенно показателен в этой связи плакат К. Зотова (комментарий там же, 118-119) с цитатой-надписью из Сталина: «Любой крестьянин, колхозник или единоличник, имеет теперь возможность Жить по-человечески, если он только хочет работать честно...»). На плакате изображена семья реально существующего ударника и тракториста (Н. В. Лебедев). Помимо имплицитной отрицательной оценки прежней сельской жизни как недостойной человека, бросаются в глаза прежде всего атрибуты новой жизни «по-человечески», как то: электрическая лампочка, книжная полка с сочинениями Горького, Ленина и Сталина, а также – граммофон! Образцом, несомненно, служила городская культура, в

отличие от нацистской пропаганды, где она порицалась Геббельсом). Приход *колхозницы* на смену традиционной *бабе* как очередная инкарнация «нового человека» был отмечен отказом от традиционной косынки. Лишь в конце 30-х гг. в связи с новым акцентом материнской роли на плакатах вновь появляется *дородная крестьянка* в традиционной одежде (В военном плакате вновь доминирует защита традиционных ценностей от фашистских варваров: так, на плакате «Воин Красной Армии, спаси!» *крестьянка*, прижимающая к себе ребенка, снова изображается в традиционной косынке).

Трактование аграрной темы в сталинистской пропаганде, в отличие от её аналога в Третьем рейхе, проходит полностью под знаком 'нового', под знаком внедрения техники. И это не удивительно, ведь сельскохозяйственные предпосылки были абсолютно разными: необходимо было всеми силами преодолеть отсталость традиционного сельского хозяйства. То, что «органически выращенному» не полагалось бережное отношение, наглядно демонстрируют различные воплощенные и не воплощенные в жизнь мегапроекты того времени, будь то гигантские гидроэлектростанции вместе с прилежащими водохранилищами или такие комплексы рудников, как Магнитогорск, или же изменение направления сибирских рек на юг, оставшееся сокровенной мечтой. Природа была достаточно часто чуждым элементом, который нужно во что бы то ни было покорить. В сравнении с этим, стремление немецких строителей автострады (глава 1) причинить как можно меньший урон ландшафту звучит на удивление современно. За такими противоположными подходами к окружающей природе скрываются не только несхожести идеологических установок, но и, не в последнюю очередь, различия в топографических условиях: в Советском Союзе пространственные ресурсы были безграничны, тогда как в плотно населенном Третьем рейхе «народу без пространства» («Volk ohne Raum») приходилось бережно обращаться с природой, ведь новое «жизненное пространство» на европейском востоке еще предстояло завоевать.

Одним из интересных для лингвистики следствий идеологически противоположных подходов к деревенской культуре является различное отношение обоих режимов к диалектам. В Третьем рейхе, как показал Я. Виррер [Wirrer 1995], отмечается, несмотря на централизм языковой политики нацистского режима, терпимость в отношении территориальных «языков племён» в области пропаганды, как в случае с нижненемецкими диалектами. В качестве мотивации, наряду с повседневными теориями, к примеру, теорией объединяющего воздействия регионального языка якобы в силу его большей выразительности,

эмоциональности и образности, подчеркивалась также его действенность в качестве орудия в пограничной войне против датчан и поляков. В Советском Союзе, напротив, единственное, что никогда не использовалось в пропагандистских целях, это – территориальные варианты русского языка, тогда как просторечие или фольклорный интердиалект (правда, также базирующийся на региональных разновидностях) ставились очень высоко, не говоря уже об арго, жаргонах и сленге, которые в 1920-х гг. служили материалом для большевистской пропаганды.

Третье и последнее противоречие, которое нам предстоит рассмотреть, это – противоречие между рационализмом и иррационализмом, между приверженностью науке – с одной стороны – и восхвалением инстинкта и эмоций – с другой. Данное противоречие фигурирует только в нацистской пропаганде и указывает на уже отмеченный выше разрыв между увлечением современностью и подражанием древности. На обращение к науке как инстанции, способной придать законность нацистской идеологии, указывают прежде всего многочисленные заимствования из терминологии животноводства, расовой теории, социал-дарвинизма, истории и языкознания, которые уже частично упоминались. Некоторые из этих понятий меняют в результате идеологического захвата свое значение, при этом, однако, притязание на «научную точность» сохраняется, а двусмысленность, получающаяся в результате использования термина не по назначению, вполне осознается. Так, например, старое (хотя уже расширенное) значение слова *арийский* – «индогерманский», относящееся к истории языка, вступает в конфликт с новым значением «нееврейский», в результате чего при трактовке нового Закона о чиновниках потребовалась специальная оговорка, разъяснявшая, в частности, что «мадьярский» не является «неарийским» языком; из-за неясности это понятие даже было отклонено одним школьным учебником как «непригодное» [Schmitz-Berning 2000: 57] и заменено в законодательстве на *deutschblütig* (немецкой крови). Не лучшая участь постигла слово *антисемитский*, употребление которого из внешне-политических соображений (в особенности с учетом арабского мира) было запрещено министерством пропаганды специальными инструкциями прессе [там же: 38]; его субститутом стало *антиеврейский*.

На фоне такого рода приверженности науке ярким контрастом выступает часто отмечаемый в литературе антирационализм нацистской идеологии, который проявляется в позитивной оценке таких ключевых слов, как *слепота* (*blindlings*), *слепая вера* (*blinder Glaube*) и прежде всего часто комментируемого *фанатичная клятва / признание* (*fanatisch* (es

Gelöbniß / Bekenntniß etc.)). Недаром папа римский Пий XI выразил протест против размытия границ между языком политики и языком религии. В очередной раз показательны в этом плане коллокации. В качестве значений лексической функции *Magin* от *фанатизм* выступают оба термических экстремума (ср. *mit kaltem Fanatismus und heißem Hass* (с холодным фанатизмом и горячей ненавистью), но и также: *mit heissestem Fanatismus* (с горячайшим фанатизмом)). Это особенно примечательно тем, что *холодный* на языке нацистов обычно имеет коннотацию 'мёртвый', 'обескровленный', 'стерильный' и т. п. (ср. *холодный разум, холодная интеллектualityность* [Bering 1982: 11-12]). Следующие экстремумы иллюстрируют сочетания *со святым / диким / упрямым фанатизмом* (Schmitz-Berning [2000: 228]). Употребление характерных слов самим Гитлером первоначально не было закреплено за определенной референтной группой, поскольку в «Майн кампф» речь идет о *фанатически настроенном коммунисте* и о *фанатической дикости русских евреев*. В новом издании, вышедшем во время войны, в последнем примере «*фанатическая*» было заменено на «*дьявольская*»). Позитивное оценивание потери контроля над собственным «рацио» становится еще более явным в ключевом слове *инстинкт*, которое часто снабжается атрибутами *здоровый, природный, расовый* и т. д. (так, «*политический инстинкт* нового немецкого руководящего слоя» должен «реагировать естественно и непринужденно»). В «Майн кампф» даже *истерические страсти* расцениваются положительно. Всё это не находит соответствий в сталинистской пропаганде: ни *слепоты*, ни *фанатичный / фанатический* не входят в характеристику «наших», а *инстинкт* не служит руководством к политическому действию.

Всё это еще не подразумевает, что интеллект полностью порицался нацистской идеологией; скорее здесь, как подробнее излагает Беринг [Bering 1982: 94-147], открывается целый аксиологический спектр. Для «своих» наиболее задействованным является слово *Geist* (дух, ум); ср.: *рабочий умственного труда* или *работающий головой* (*Geistesarbeiter / Arbeiter der Stirn*), *духовная Германия* (*das geistige Deutschland*). Более амбивалентно ведет себя слово *интеллигенция*, но и здесь возможна комбинация с определениями *народная* (*völkisch*), *расовочистая* (*arteigen*), *истинно немецкая* (*echt deutsch*). Худшая ситуация наблюдается, правда, со словами *интеллигентны* (*Intelligenzler*), *интеллектуалисты* (*Intellektualisten*) или даже *звери интеллекта* (*Intellektbestien*): все они принадлежат к лагерю *лишенных собственных корней людей асфальта* (*wurzellose Asphaltmenschen*). Это же повсеместно относится к *интеллектуалам*

(*Intellektuelle*): их разум является своего рода антонимом *здравому смыслу*, чаще всего он снабжается атрибутами *абстрактный*, *бескровный* и *разлагающий*, так как отличается своей *тягой к критике* и духом постоянного *отрицания* (по словам Геббельса); особенно зловеще звучит, разумеется, сочетание *еврейско-интеллектуальный* (*jüdisch-intellektuell*).

Здесь, как показывает Д. Беринг на примере источников по истории немецких коммунистов, можно отметить определенное сходство двух идеологий. У марксизма, понимающего себя как научное мировоззрение, не было причин для клеймения интеллектуалов; если тут и встречалось ругательное слово, то объяснялось это прежде всего недоверием к категории людей умственного труда, работающих на договорных началах, которую сложно вписать в классовую схему. Лица этой категории называются то «мелкобуржуазными», то «холопами буржуазии» и подозреваются в неустойчивой позиции в классовой борьбе. В русском языке история слов *интеллигент*, *интеллектуал* и т. д. еще не написана, но коннотация 'слабовольный, колеблющийся, бездеятельный' закрепляется по крайней мере за словом *интеллигент* уже с начала XX века. После Октябрьской революции *интеллигенция* включается в антитетику «старого / нового» молодой советской власти: представитель старой, дореволюционной интеллигенции диффамируют как *гнилую интеллигенцию*, в противовес этому, позднее появившаяся *новая советская интеллигенция* оценивается положительно, а сталинская конституция 1936 г. официально объявляет Советский Союз государством рабочих, крестьян и интеллигенции. Невзирая на это, пейоративная традиция продолжает жить дальше (ср. соответствующие производные формы *интеллигентик*, *-ище*, *-щина*).

Подводя предварительные итоги данного исследования, можно отметить следующее: национал-социалистическая идеология и подчиненный ей пропагандистский дискурс обнаруживают больше внутренних противоречий относительно трех рассмотренных оппозиций <старое : новое>, <природа : техника>, <эмоцио : рацио>, чем современный им сталинистский дискурс, поэтому последний оказывается более когерентным в аксиологическом отношении. В советской пропаганде сильнее ощущается еще противоречивая оценка 'старого', которое то предстает в виде изжившей себя системы эксплуатации и отсталости, то вновь мифически преображается. Однако во втором случае речь идет лишь об инструментализации существующей древней, географически и социально абсолютно периферийной текстовой традиции вместе с присущим ей языковым запасом формул для орнаментально-панегирических целей; реальное воссоздание соответ-

ствующих исторических и мифических смыслов с этим вряд ли связано, не говоря уже об их претворении в руководящие принципы для актуальных действий.

4. О разных образах врага. Для обоих языков пропаганды характерно четкое противопоставление образов врага. Как уже иллюстрировалось на приведенных ранее примерах, образ врага в нацистской пропаганде можно без труда свести к единому общему знаменателю: еврей. В языковом плане это выражается в изобилии соответствующих сложных слов типа *еврейско-либеральный* / *-марксистский* / *-большевистский* / *-интеллектуальный*, а также в обобщающем диффамирующем слове *оевреенный* (*verjudet*); вездесущность врага сигнализируют слова *всееврейский* (*alljüdisch*), *всеуда* (*Alljuda*), *мировое еврейство* (*Weltjudentum*), которое, несмотря на исходящую от него всеобщую угрозу, превращается обратно в *жидок* (*Jüdlein*). Все остальные языковые маркеры отчуждения, каковыми, к примеру, являются слова *лишенный расы* (*entrasst*), *дегенерированный* (*entartet*), *асфальто-*, *плутократы* (= западные державы), а также метафоры паразитирования (см.: глава 2) тяготеют к тому центру, к которому они присоединяются атрибутивно или предикативно. При этом реактивируются древнейшие защитные рефлекссы, как, скажем, в обозначении *номады*, позволяющем провести необходимую параллель со второй группой жертв – цыганами – и теперь уже включающем *лишенных корней* жителей города.

В образном коде еврейская звезда выполняет функцию общего маркера отчуждения: на плакате из [„Parole der Woche“ 18/ 1939] по случаю вручения американскому президенту «медали иудея» изображено искаженное лицо Ф. Д. Рузвельта, обрамленное еврейской звездой; на фоне медали – надпись: «Франклин Д. Рузвельт – наш современный Моисей», а внизу вопрос: «За каких вообще идиотов держит господин Рузвельт нас неевреев?» Сегодняшним наблюдателям еще абсурднее покажется плакат 1938 г. на тему «дегенерированное искусство», где фигурирует темнокожий саксофонист с подчеркнута толстыми губами, с серьгами, в цилиндре и во фраке; на лацкане у него – еврейская звезда (Параллелизм в изображении негров и евреев можно наблюдать и в другом плакате [„Parole der Woche“ 1940/24], в текстовой части которого речь идет только о «гнусных поступках» темнокожих солдат французской армии; между тем на плакате, рядом с двумя негроидными физиономиями, неожиданно появляется фигура, воплощающая стереотип еврея [Neuen 1983: 72]).

Следствием всеобщей угрозы, исходящей от этого врага, является, естественно, отмежевание от него всеми возможными средствами: особенно точно это передает уже знакомый

нам из главы 1 девиз: «когда двое делают одно и то же, то это уже не одно и то же». Так, господин Лёвенштайн превращается в еврея *Лёвенштайна*, еврейский врач или адвокат становится *Krankenbehandler* (*медработником*) или *Rechtskonsulent* (*консультантом по праву*), о чем уже писал В. Клемперер [Klemperer 1946]. К семиотическому «отлучению» относится не только звезда Давида, но и надпись *Jude*, стилизованная под еврейские литеры, а также желтый цвет, который в средние века маркировал различные социальные маргинальные группы (включая проституток) (Впрочем, использовался не только желтый цвет: в оккупированной Варшаве, например, звезда Давида была бело-синего цвета). Всего лишь шаг разделяет социальное и правовое отмежевание, распространившееся вскоре и на предприятия, школы и даже (в случае с крещеными евреями) кладбища, от территориально-выселения в гетто и потом в концлагеря.

Резкий тому контраст – образ врага в сталинском Советском Союзе: здесь нет общего знаменателя, вместо того в социалистическом пандемониуме находим множество старых, т.е. дореволюционных врагов (*капиталист, монополист, империалист, буржуй, поп, помещик и т. п.*), к которым с началом коллективизации примыкает новая разновидность: *кулак, лодырь, прогульщик, тунеядец, паразит, вредитель*. Нельзя забывать и о страхах, нарастающих, постоянно подпитываемых (в связи с фобией окружения молодого Советского государства), перед *диверсантами, агентами, шпионами, иудами, двурушниками, изменниками и предателями*. Некоторые маркеры предназначены для отдельных профессиональных групп, как, положим, эпитет *формалист*, относящийся к представителям нежелательных направлений в искусстве (Мейерхольд, Шостакович). Среди зооморфных метафор некоторые также припасены для специальных групп противников, ср. *акулу* или *паука*. Для обозначения военных противников рождаются вновь «реактивированные» слова ругательства (ср.: *изувер, зверь, стервятник и т. д.*); кроме того, здесь находит употребление слово *нечисть*, уже использовавшееся применительно к различным внутренним врагам. Если при этом еще остается кандидат на роль общего маркера, то это, скорее всего, *враг народа* (Об официальной отмене этого термина в период десталинизации см. [Weiss 1998: 493-494]; о происхождении этого термина из лексики Французской революции и его неофициальном дальнейшем употреблении после 1956 г. см. [Вайсс 2000: 543]), хотя оно и обозначает только внутреннего врага. Подобного референциального ограничения не обнаруживает относящееся к полю метафор ‘болезни, распада’ гнездо слов *гнилой, прогнить, загни-*

вающий и т. д., которые употребляются повсеместно; см. [Weiss 2000a: 204-212].

В отличие от оформления образа еврея, когда достаточно было лишь прибегнуть к стереотипам европейской карикатуристической традиции (Подробнее об этом: [Die Macht der Bilder 1995]. Впрочем, в случае Л. Троцкого этим клише воспользовалась и советская пропаганда. Так, например, в карикатурах В. Дени «Шагают к гибели своей» и «Весь в вашем распоряжении» (выставочный каталог 1992, № 122 и № 123) смехотворно маленькая фигура Л. Троцкого с явно выраженными еврейскими чертами лица еще дополнительно снабжена надписью «Иуда Троцкий»), у ретраиваемых образов врага отмечается нехватка способов визуализации; их наличие еще можно наблюдать в случае зооморфных метафор (Изображая нацистов, карикатурист В. Дени предпочитал представлять их в виде человекообразных обезьян или свиней – и то и другое активизирует коннотацию «бескультурный, примитивный»; наряду с этим нацист может быть представлен даже в виде жабы; ср. № 117. Распространенным способом воплощения *фашистского гада* или *фашистской гадены* была либо змея, либо что-то вроде волосатого осьминога в виде свастики), равно как враги, унаследованные от 1920-х гг., легко узнаваемы по таким типичным атрибутам, как цилиндр, цепочка для часов (капиталист) или толстое брюхо (поп). Также характерно, что у *врага народа* нет типизированного или хотя бы идентифицируемого лица: на одном из плакатов Н. Коршунова 1933 г. с лозунгом «Брак – подарок классовому врагу» изображен, хотя и чудовищно бесформенный, но, странным образом, безликий обвиняемый перед скамьей подсудимых, рядом приводится текст его самоговора: «Я – враг рабочего правительства» [Kummer 2000, 289-290]. Эта безликость находит естественное объяснение в своеобразии сталинской параной с её пристрастием представлять своего врага в маске; не зря излюбленными штампами злостной пропаганды того времени были слова: *разоблачить* или *срвать маску с лица X-а*. В эту иконографию идеально включается следующая повседневная метафора: на военном плакате «Враг коварен – будь на-чеку» В. Иванова и О. Буровой (1945 г.) молодой советский солдат срывает овечью шкуру с головы нацистского волка, помеченного свастикой.

Вывод: галереи образов врагов в обеих политических системах кардинально отличаются друг от друга. Нацистская пропаганда в конечном счете довольствуется тем, что еврей – геометрическое место всего зла, тогда как сталинистская пропаганда имеет в наличии самые разнообразные и зачастую даже абстрактные типы. Очевидно, это объясняется фундаментальной разницей в функционировании тер-

р о р а: в национал-социалистическом государстве террор был направлен (вплоть до начала войны) против некоторых четко очерченных групп этнически и социально маргинализированных жертв, которые необходимо было обособить: евреев, цыган, гомосексуалистов, умственно отсталых, духовных лиц; террор же сталинистского образца мог в принципе коснуться любого, в частности, собственный аппарат власти (заметим, что приверженцы партии Гитлера после путча Рёма избежали дальнейших чисток) и даже самое близкое окружение диктатора. Грубо упрощая, принципиальное различие можно сформулировать так: гитлеровский террор был более «рациональным» или предсказуемым в том смысле, что был направлен против тех, кто с самого начала был исключен из союза «фольксгеноссе» как «чужой»; сталинский террор, напротив, коснулся именно «своих», которые в один миг могли превратиться в «чужих» без каких-либо рациональных на то оснований. Найти объяснение сталинской разновидности террора намного сложнее, чем его нацистскому аналогу, ведь до сегодняшнего дня нет единого мнения по этому вопросу (О состоянии исторической дискуссии на сегодняшний день см. [Schmiechen-Askermann 2002: 80-81]). При всем том ни в коем случае нельзя однозначно сводить первопричину сталинского террора к параноидной личности его создателя.

В заключение добавим, что отдельные механизмы функционирования террора были различными: так, ритуал самооговора является особенностью сталинской системы, а прославление доносительства в Третьем рейхе не переживает такого мифологического возвышения, как в Советском Союзе, где маленький *Павлик Морозов*, выдавший, как гласит легенда, на расправу собственного отца (Миф о «*гитлерюнгене*» *Квиксе* заметно отличается этим эпизодом от советского аналога, см. [Голомшток 1994: 356]). По-видимому, донос на собственных родителей не предусматривался кодексом чести Третьего рейха), был причислен к пантеону советских мучеников: целая детская организация «Октябрята» была названа его именем, на детских площадках ему были поставлены памятники, а миф о нем лег в основу фильма С. Эйзенштейна («Бежин Луг»).

5. Культ фюрера vs. культ личности.

Наш последний сравнительный критерий вновь относится к явлению, допускающему, казалось бы, большую степень схождений, которое, однако, в действительности поднимает на поверхность еще более глубокие различия. Прежде всего поражает совпадение девизов *Für Führer und Vaterland* и *За родину, за Сталина*, а также огромная ономастическая продуктивность с обеих сторон в использовании соответствующих личных имен при наименовании мест, организаций и институтов (ср.: *Adolf-Hitler*

Kanal, -Platz; Hitlerjugend, Adolf-Hitler-Schule, -Spende, -Dank с одной стороны, и *Сталино, Сталинск, Сталинеград, Сталинабад, Сталинири, Пик Сталина, Залив Сталина; Сталинская Конституция, Сталинская премия* – с другой). Правда, в этом «почетном» ономастическом соревновании Сталин превосходит своего противника по той причине, что он а) в силу мультинационального характера советской системы восхваляется на многих языках (ср. приведенные таджикские и грузинские названия городов) (Расширение социалистической государственной системы после окончания Второй мировой войны породило дальнейшие иноязычные образования типа *Stalinograd, Sztalinváros*); б) дает свое имя промышленным изделиям (ср. трактор «*Сталинец*»), а также сплав и мера твердости *сталинит*); в) прилагательное *сталинский*, наряду с *ленинский*, переходит из разряда притяжательных прилагательного (в широком смысле) в разряд качественных (ср. *сталинская забота*) (Обратная сторона этого явления проявляется в ироничном истолковании данного определения в неофициальном дискурсе; ср. *сталинская дача, сталинский курорт = лагерь, заключение* и *сталинские шлепки = расстрел*; см. [Мокиенко/Никитина 1998: 583]).

Все это еще, правда, не отличается особой оригинальностью: культ личности приводит к подобным «отклонениям» также во многих других государствах, в настоящее время, например, в Северной Корее, Туркменистане. Прежде чем обратиться к текстовому оформлению обоих культов, необходимо указать на их очень разноплановый статус внутри соответствующих идеологий. Хотя Гитлер и не основал НСДАП, он все же очень быстро стал ее неоспоримым лидером и помог ей захватить власть; этой позиции он добился благодаря своей харизме и риторическому воздействию на массы, что оправдало себя с момента принятия решения принимать участие в парламентской игре и в успехе многочисленных предвыборных испытаний. Нацистская идеология, с самого начала рассчитанная на авторитарную фигуру лидера, стала благодатной почвой для такого развития.

Впрочем, Сталин, с самого начала находясь в тени законного основателя партии Ленина, не мог претендовать на то, что именно ему удалось привести марксизм в Советском Союзе к победе. Залогом последовавшего его взлета являются совсем другие качества по сравнению с Гитлером: Сталин был всем чем угодно, только не харизматической фигурой и к тому же боялся масс, как черт ладана; несмотря на это, он прекрасно сумел использовать в собственных интересах внутренние расстановки сил. Однако это еще не было обоснованием для создания собственного культа личности, тем более что партия была в курсе того, что

его способности как теоретика, ратора и предводителя оставляют желать лучшего, а также помнила его пассивную роль во время Октябрьской революции и негативную оценку его Лениным. В отличие от национал-социалистического движения, самой главной помехой была коллективистская ориентация марксистско-ленинской идеологии, чинившая препятствия всяческому культу личности. Все эти препятствия Сталин устранил с пути двойной процедурой: постепенное создание культа Ленина (см.: [Тумаркин 1997; Ennker 1997]) позволило ему, в соответствии со знаменитым мифом о клятве верности и согласно девизу «Сталин – это Ленин сегодня» (очередное проявление семантики преемственности!), сформировать параллельный культ Сталина, чья законность восходила к культу Ленина (О закреплении этого явления в иконографии ср. вошедший в традицию сталинского периода известный фотомонтаж, на котором изображены сидящие на скамейке в парке Сталин с Лениным в Нижнем Новгороде/Горьком. В двойном фотомонтаже появился однажды и Гитлер, что оказалось, однако, лишь эфемерным эпизодом предвыборной борьбы (выборы в рейхстаг 5.3.1933): на одном из плакатов с надписью «Der Marschall und der Gefreite kämpfen mit uns für Frieden und Gleichberechtigung» («Маршал и ефрейтор борются вместе с нами за мир и равноправие») рядом с П. Гинденбургом в штатском предстает Гитлер в черном кожаном плаще), и посредством террора 1930-х гг., в особенности московских показательных процессов, избавиться от всех без исключения обладателей коллективной партийной памяти.

На основании изложенного определение И. Кершоу нацистского режима как «харизматической диктатуры фюрера», а сталинизма как «бюрократической диктатуры партии» становится более понятной; это также объясняет, почему иначе, чем в случае с Гитлером, путь к культовой фигуре для Сталина был сопряжен с огромными усилиями и почему он весьма долго тщательно скрывал свои планы.

Культ фюрера в Германии основывался еще и на более удачных предпосылках в другом смысле: залог его успеха заключался в более современном маркетинге. На своем пути к институтам парламентской демократии НСДАП научилась владеть методами предвыборной борьбы, что также подразумевало заимствования у современной рекламы; Беренбек [Behrenbeck 1996] говорит даже о распространении бренда «Гитлер». Это, к примеру, означало возрастающую стереотипизацию портретного стиля: Гитлер, который, впрочем, начал украшать предвыборные плакаты НСДАП лишь с 1932 г., хотя и занимал героически «монументализированную позу» предводителя, никогда не изображался помпезно, а был одет в простую, часто военную форму

(или черная кожаная куртка, или коричневая нацистская униформа); при этом он всегда принимал одинаково мрачное, («фанатически») решительное, озлобленное выражение лица. Там, где располагался слоган типа «*Фюрер, мы следуем за тобой!*», на заднем плане плаката изображались массы [там же: 63]. Не стеснялись и заимствований у авангардного строительства: на плакате, посвященном голосованию по Закону о полномочиях от 19.8.1934, тот же самый фронтальный портрет Гитлера с обязательной мрачной «миной» воспроизводится целых шестнадцать раз, каждый раз с простой подписью „ja!“, что одновременно отражает установку на желательное однородное поведение избирателей, насильственно приобщаемых к господствующей идеологии [там же: 64-66]. К возрастающей унификации внешних картин проявления бренда присоединяется «защита бренда»: сюда относится (изложенная в первой главе) языковая монополизация понятия *фюрер*, которая не имела аналога в сталинизме (В сочинениях самого Сталина слово *вождь* встречается не менее 101 раза в примерах нейтральных с референциальной и аксиологической точки зрения. Из них 16 раз оно употребляется применительно к Ленину, а также другим партийным величинам, среди которых С. М. Будённый, Я. М. Свердлов и К. Е. Ворошилов; даже среди классовых врагов находятся единичные *вожди*; ср. *вождь гитлеровской молодежи Бальдур фон Ширах*) (наименование *вождь* полагалось не только Сталину, но и Ленину, иногда оно встречается и у других партийных деятелей); в этой связи следует указать на отсутствие русского соответствия слову *Gefolgschaft*.

Еще более современным представляется комплекс мероприятий по продвижению товарного знака, а именно производство аксессуаров (не всегда исходящее от партии) с изображением фюрера (пивная кружка, диванная подушка и даже голова Гитлера в витринах мясных лавок, вытопленная из свиного сала [там же, с. 68]) или медовые пряники в форме сердца как предвыборный подарок с девизом „*Deutsche Frauen, deutsche Treue, Adolf Hitler wählt aufs Neue!*“ («Немецкая верность, немецкие жены, Адольфа Гитлера выбирайте снова вы» (нем.)) [Bauer 1988: 157]. Тенденция к злоупотреблению преследовала и другие символы правящей партии, в особенности свастику. Геббельс расценивал такие продукты как китч, хотя и признавал, что те отвечают массовым потребностям. И все же, принимая во внимание слишком спонтанный энтузиазм населения, партийной верхушке пришлось прибегнуть к сдерживающим мерам:

(10) Имперским министерством народного образования и пропаганды разрешаются к продаже следующие товары: новогодние открытки и ёлочные украшения со свастикой,

прозрачный портрет рейхсканцлера с устройством для иллюминации, куклы СА и СС с учётом качества их выполнения, а также того, что одеты они в достойную униформу СА и СС. В список запрещенных товаров были включены прежде всего: ... галстуки с узором-свастикой, подставки для меню из дерева в форме свастики, свитеры с вышитой свастикой и нашивкой 'Хайль Гитлер!' [Франкфуртер Цайтунг, 1.-2.12. 1933]

Подобная невербальная сопроводительная деятельность свидетельствует об абсолютно современном понимании PR-а. Это же относится к популистским усилиям приблизить личность Гитлера к массам, в частности, через публикацию фотоальбома «Гитлер, каким его никто не знает» (выполненного придворным фотографом Гитлера Г. Хоффманом) с фотографиями из частной жизни фюрера, а также его родителей.

В сравнении с этим вербальный культ фюрера выглядит скорее традиционно. Также здесь нельзя не отметить элементы кича, ср. следующую версию мифа о сотворении мира (цит. по [Вауер 1988: 59]):

(11) Он – творец и хранитель нашей великой прекрасной германской империи, и тем самым – хранитель моего маленького кусочка земли, моего сада. / Каждый цветок, который здесь цветёт, цветёт в благодарность ему, каждое яблоко, которое спеет, спеет в благодарность ему. [H.G. Schulzendorf 1939]

Заемствования из языка религии далеко не редки, ср. цитату из Клемперера [Klemperer 1946: 45]: «В тринадцатый час Адольф Гитлер придет к рабочим». Характер откровения, которые носят гитлеровские вдохновения, передает следующая выдержка:

(12) С гор с их царственной свободой спускаются пророки, они страстно отстаивают истину в союзе с Богом. К величественному одиночеству гор все время стремится Фюрер. Разговаривая с самим творческим духом, овевающим даль и фирн скал, принимает он свои поворотные решения. Он выходит из одиночества гор, как человек неограниченной власти... [S. Leffler, Christus im Dritten Reich]

Существенным, учитывая ниже следующее, представляется именно момент уединения фюрера от масс в одиночестве гор.

Теперь обратимся к культу Сталина. Очевидно, что здесь тоже наблюдаются тенденции к «брендингу», хотя принимают они сравнительно традиционные черты. В области портретирования, с Гитлером часто совпадает простая военная форма, которая, правда, позже (особенно в фазу генералиссимуса) выдержана в белых тонах. Поза предводителя также не чужда Сталину; кроме того, он фигурирует на плакатах в роли машиниста локомотива (немыслимая поза для Гитлера!), а также капитана государственного корабля. Роль проекти-

ровщика и инициатора принадлежит к репертуару обоих: если Гитлер охотно фотографировался перед дорожными стройками и архитектурными моделями, то Сталин, к примеру, изображался перед картой юга России с отмеченными на ней гигантскими проектами строительства гидроэлектростанций или прикладывал свою руку к рычагу управления при торжественном открытии мощной электростанции. Существенную разницу, однако, представляет выражение лица: в отличие от Гитлера с его неизменным озлобленным выражением лица, Сталин часто изображается с расслабленной улыбкой на лице, что дополнительно подчеркивается таким атрибутом, как трубка. Одиночество гор – также не в духе Сталина. Напротив, он, как единственный в кремлевском кабинете, кто неустанно бдит о судьбах своей спящей страны, является олицетворением *бдительности* [Weiss 1995: 382]. Этот мотив прослеживается и в советской колыбельной песне («За древней кремлевской стеною / Не спит он порою ночью, / В труде не щадит свои силы, / чтоб в радости рос ты, мой милый»).

Потоку мерчендайзинга в Третьем рейхе сталинизм не мог противопоставить (по понятным соображениям) ничего равноценного. Равным образом отсутствует популистское ознакомление с частной сферой жизни Сталина. Несмотря на то, что в вербальной среде оба культа вновь сближаются, пальму первенства заслуживает, пожалуй, Сталин. Характерным и для многих других типов текста является насыщенность сталинских песен [Щербинина 1998] мифами: *вождь – горный орел* («Как орел среди орлят, / Самый первый депутат»), *солнце* («За мостами от заставы / Выходит солнышко во мгле, / Вместе с солнцем встанет рано / Сталин – солнышко в Кремле») (В Третьем рейхе солнце как метафора не являлось знаком Гитлера, вместо того оно ассоциировалась со свастикой либо с германцами как таковыми (см. примечание 7)), гениальный учитель, отец, но и замена матери («Как учит отец различать добро, / Так нас заставлял терпеливо Сталин. / Как мать неустанно растит сыновей, / Растишь ты героев на диво, Сталин»); его имя означает не что иное, как источник жизни («Это имя хранит нас от горя и бед», «Если от горя нечем дышать, / Произнеси только слово Сталин – / И к подвигам будешь готов опять»). Гитлер как «создатель» садовой флоры (пример 11) находит серьезного соперника в «древо жизни» по имени Сталин:

(13) Внедряясь в почву прочными когтями, / Сияя благодатною листвою, / Нас осеняя мощными ветрами, / Ты – древо жизни, Сталин, вождь родной...

Верх блаженства составляет нанизывание как можно большего числа различных ролей:

(14) Живи и славься, *Вождь, Отец народов*, – / Ты, ставший нам всех ближе и род-

ней, / Генералиссимус прославленных походов, / Великий Сталин – солнце наших дней!

К этой коллекции остается лишь добавить героя из волшебной сказки и доблестного богатыря из былины, от одного крика которого враг уже готов выронить оружие из рук (ср. [Weiss 1998: 474]). Таким образом, вывод о том, что репертуар ролей Сталина оказывается значительно богаче репертуара Гитлера (В изобразительном искусстве нужно ставить вопрос иначе. Так, существует не только монтаж, выполненный Г. Гореловым в 1940 г., на котором Сталин предстает верхом на коне в стиле старорусских былинных героев В. Васнецова 1898 г.; есть также портрет Гитлера (работы Х. Ланцигера 1938 г.) в рыцарских доспехах верхом на лошади [Голомшток 1994: 209]. Кроме того, разумеется, наш обзор не будет полным, если не принимать во внимание представление персонажей Гитлера и Сталина в фильмах), представляется в целом обоснованным; более того, этот репертуар имеет древние источники, уходящие корнями, прежде всего, к эпике кавказских народов [Vajskorp 2000]. Точно так же спектр панегирических текстов на службе культу личности Сталина, несомненно, обширнее, чем то, что было в распоряжении Гитлера (ср. ссылки на большие архаизирующие формы советского фольклора в главе 3). В первую очередь отношение подчиненных к вождю проникнуто большей степенью эмоциональности: атрибутам, имеющим решающее значение, – *близкий, родной, любимый* – свойственна еще и градация («Он живет в нашем сердце навек, / Самый мудрый и самый любимый, / Самый близкий для нас человек!»; см. также *ближе и родней* в примере 14); такая близость к народу являет резкий контраст Гитлеру, решившему уединиться от общей массы в горах!

Тем самым мы приближаемся к рассмотрению, на мой взгляд, решающего отличия культа фюрера от культа личности: культ Сталина не мог (по меньшей мере вербально) обойтись без коллективистского принципа, в то время как культ фюрера свидетельствует о претензии на исключительную элитарность; массы были для него не только на практике, как у Сталина, но и *expressis verbis* лишь маневрируемой массой, безнадежно подчиненной духовно, массой, которую он открыто презирал (цитаты в (а) из: [Winckler 1970: 33 и сл.]; цитаты (б) – (е) из: [Schmitz-Berning 2000: 478]:

(15а) Ведь все мы знаем, что задачу руководящего государственного деятеля в наши времена видят не столько в том, чтобы он обладал творческой мыслью и творческим планом, сколько в том, чтобы он умел популяризовать свои идеи перед *стадом баранов и дураков* и затем выклянчить у них их милостивое согласие на проведение его планов.

Ну, а что делать государственному деятелю, которому не удалось даже какой угодно лестью завоевать благоволение этой *толпы*?

Да разве вообще любое гениальное действие в нашем мире не является наглядным *протестом гения* против *косности массы*?

Или неужели в самом деле найдутся такие, кто поверит, что в этом мире прогресс обязан не *интеллекту отдельных индивидуумов*, а *мозгу большинства*? [Моя борьба: 68-69]

(15б) Английская пропаганда прекрасно поняла *примитивность чувствований широкой массы*. Блестящим свидетельством этого служит английская пропаганда по поводу "немецких ужасов". [Моя борьба: 153]

(15в) Восприимчивость массы очень *ограничена*, круг ее понимания узок, зато забывчивость очень велика [Моя борьба: 150]

(15г) Всякая пропаганда должна быть доступной для массы; ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной *самым отсталым индивидуумам* из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем *элементарнее* должен быть ее идейный уровень. [Моя борьба: 150]

(15д) С совсем другими чувствами наблюдал я теперь *массовую* демонстрацию венских рабочих, происходившую по какому-то поводу в эти дни. В течение двух часов я стоял и наблюдал, затаив дыхание, этого бесконечных размеров *человеческого червя*, который в течение двух часов ползал перед моими глазами. [Моя борьба: 38]

Из этих цитат очевидно, почему Гитлер вряд ли придавал большое значение тем же эпитетам, что и Сталин: кто же хотел быть «самым близким» стаду баранов да еще червем?

Возвращаясь к началу второй главы, необходимо отметить, что известное нам из анализа советской системы референциально-аксиологическое отнесение квантора общности к разряду «своих», а квантора существования к противнику, или разряду «чужих», – чему противоречат словообразования вроде «всеиуда», – не может функционировать в нацистской пропаганде уже потому, что гениальный индивидуум аксиологически превосходит косную, тупую массу. Обособление может равным образом представлять в этой системе ценностей позитивное, данное природой или Богом начало, а не просто являться маркером врага. С другой стороны, коллективизм требуется только там, где «многие» могут последовать за «одним»; последний не думает о том, чтобы слиться с массами, даже если девиз звучит так: „Ein Volk, ein Reich, ein Führer“.

Расхождение между двумя языками пропаганды наблюдается в их центральной области. Сталин, вероятно, и разделял представление о «стадах баранов», но открыто это выражать он бы не осмелился. Вместо того, преемствен-

ность центральной рамки внутри «новояза», т. е. поддержание аксиологической оппозиции «квантора общности / квантора существования» на протяжении всего сталинского периода сохраняется: культ гениального индивидуума не мог даже в языковом плане вступать в конфликт со старым коллективистским идеалом. Пропагандистский приём заключался, соответственно, в следующем: включив средствами языка культ личности в существующую систему ценностей и даже подчинив его ей, создать тем самым иллюзию максимальной преемственности системы (Ср. слова А. Буллока: «Применительно к Гитлеру, идеология заключалась в том, что фюрер определялся как такую; в случае Сталина она сводилась к тому, как, по мнению Генерального Секретаря, её определяли Маркс и Энгельс»).

Подводя итоги последней главы, можно, таким образом, констатировать парадокс. С одной стороны, культ фюрера в Третьем рейхе представляет собой законченное целое, тогда как сталинский культ личности, при всех беспредельных (а для постороннего наблюдателя смехотворных) проявлениях мании величия, не может обойтись без такой «шапки-невидимки», как коллективизм. С другой стороны, сохраняется сущность центральной аксиологической оппозиции советской пропаганды, в то время как в пропаганде национал-социализма она задействована двояко, что отражается в противоречивых явлениях: с одной стороны, одну и ту же массу, в соответствии с семантикой единства и согласно лозунгу «Общее благо впереди личного», вербуют в «позитивных» целях, с другой стороны, она же противопоставлена гениальному индивидууму как объект, по сути заслуживающий презрения. Тем не менее, в результате наблюдается – по избранным в этой работе сравнительным критериям – гораздо больше расхождений двух языков пропаганды, чем сходств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабурина, Н.И. 1993 (автор-составитель) *Россия. 20 век (История страны в плакате)*, Москва.
- Вайскопф, М. 2000 *Писатель Сталин*, Москва.
- Вайсс, Д. 2000 Новояз как историческое явление. В: Х. Гюнтер / Е. Добренко (ред.), *Социалистический канон*, Санкт-Петербург.
- Винокур, Г. 1925 *Культура языка*, Москва.
- Голомшток, И. 1994 *Тоталитарное искусство*, Москва.
- Горяева, Т.М (отв. ред.) *История советской цензуры. Документы и комментарии*, Москва.
- Добренко, Е. 2000 Между историей и прошлым: писатель Сталин и литературные истоки советского исторического дискурса. В: Х. Гюнтер / Е. Добренко (отв. ред.), *Социалистический канон*, Санкт-Петербург.
- Душенко, К. 1996 *Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина*. Что, кем и когда было сказано, Москва.

- Елистратов, В.С. 1999 *Словарь крылатых слов (русский кинематограф)*, Москва.
- Земцов, И. 1985 *Советский политический язык*, London.
- Купина, Н.А. 1995 *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции*, Екатеринбург/Пермь.
- Мокиенко, В. М., Никитина Т. Г. 1998 *Толковый словарь языка Совдепии*, Санкт-Петербург.
- Апресян Ю.Д. и др. (отв. ред.), 2000 *Новый объяснительный словарь синонимов современного русского языка. Второй выпуск*, Москва.
- Ржевский, Л. 1951 *Язык и тоталитаризм*, München.
- Селищев, А.М. 1928 *Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)*, Москва.
- Тумаркин, Н. 1997 *Ленин жив! Культ Ленина в Советской России*, Санкт-Петербург.
- Фесенко, А и Т. 1955 *Русский язык при советах*, New York.
- Чудинов, А.П. 2002 *Россия в метафорическом зеркале IV. В: Русская речь 1*.
- Щербинина, Н.Г. 1998 «Герой» воспетый. Политологический анализ песен о Сталине. В: *Полис 6*.
- Юровский, В. 2000 Структура и стиль советского политического некролога после 1945 года. В: D. Weiss (ed.), *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)*, Bern/Frankfurt.
- Bauer, G. 1988 *Sprache und Sprachlosigkeit im „Dritten Reich“*, Köln.
- Behrenbeck, S. 1996 „Der Führer“. Die Einführung eines politischen Markenartikels. In: G. Diesener/ R. Gries (eds.), *Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert*, Darmstadt.
- Bering, D. 1982 *Die Intellektuellen. Geschichte eines Schimpfwortes*, Frankfurt/Berlin/Wien.
- Bonnell, V.E. 1997 *Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*, Berkeley/Los Angeles.
- Bullock, A. 1998 *Hitler and Stalin. Parallel lives*, London.
- Courtois, S. / Werth, N. / Panné, J.-L. e.a. 1998 *Das Schwarzbuch des Kommunismus. Unterdrückung, Verbrechen und Terror*, München/Zürich.
- Diesener, G./Gries, R. (eds.) 1996 *Propaganda in Deutschland. Zur Geschichte der politischen Massenbeeinflussung im 20. Jahrhundert*, Darmstadt.
- Ehlich, K. (ed.) 1995 *Sprache im Faschismus*, Frankfurt am Main.
- Emmerich, W./ Wege, C. (eds.) 1995 *Der Technikdiskurs in der Hitler-Stalin-Ära*, Stuttgart/Weimar.
- Ennker, B. 1997 *Die Anfänge des Lenin-Kults in der Sowjetunion*, Köln/Weimar/Wien.
- Finková, D./ Petrová, S. 1986 *The militant poster 1936-1985*, Prague.
- Grimm, G. 2002 „Mein Kampf“ und „Meine Taten“. Hitlers „Rechenschaftsbericht“ und die „Res gestae“ des Kaisers Augustus. In: *Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte 33/2002*.

- Guldin, R. 2002 *Körpermetaphern. Zum Verhältnis von Medizin und Politik*, Frankfurt/Bern.
- Günther, H. 1993 *Der sozialistische Übermensch. Maksim Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos*, Stuttgart/Weimar.
- Hartmann, A./ Eggeling, W. 1995 Das zweitranigige Deutschland – Folgen des sowjetischen Technik- und Wissenschaftsmonopols für die SBZ und die frühe DDR. In: W. Emmerich/C. Wege (eds.), *Der Technikdiskurs in der Hitler-Stalin-Ära*, Stuttgart/Weimar.
- Heid, L. Was der Jude glaubt, ist einerlei...“. Der Rassenantisemitismus in Deutschland. In: Jüdisches Museum der Stadt Wien (ed.), *Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen*. Wien: Picus Verlag.
- Herf, J. 1995 Der nationalsozialistische Technikdiskurs. Die deutschen Eigenheiten des reaktionären Modernismus. In: W.Emmerich/C. Wege (eds.), *Der Technikdiskurs in der Hitler-Stalin-Ära*, Stuttgart/Weimar.
- Heyen, F.-J. (ed.) 1983 *Parole der Woche. Eine Wandzeitung im Dritten Reich 1936-1943*, München.
- Jurovskij, V. 2001 Ein Vergleich des sowjetischen Heldenkults der dreißiger und sechziger Jahre. In: *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte* 5/1 2001.
- Kämpfer, F. 1985 „Der rote Keil“. *Das politische Plakat, Theorie und Geschichte*, Berlin.
- Kittler, F. 1995 Auto Bahnen. In: W. Emmerich/C. Wege (eds.), *Der Technikdiskurs in der Hitler-Stalin-Ära*, Stuttgart/Weimar.
- Klemperer, V. 1946/1982 *LTI. Lingua Tertii Imperii. Die Sprache des Dritten Reichs. Notizbuch eines Philologen*, Frankfurt am Main.
- Kummer, R. 2000 Ljubi Rodinu bol'se žizni – Ja bol'se ne mogu: Der plakatpropagandistische Todesdiskurs im Spannungsfeld der Gut-Böse-Dichotomie. In: D. Weiss (ed.), *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)*, Bern/Frankfurt.
- Kunze, K. 1998 *dtv-Atlas Namenskunde. Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet*, München.
- Maas, U.1984 „Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand“. *Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse*, Opladen.
- Maas, U. 1995 Sprache im Nationalsozialismus. Analyse einer Rede eines Studentenfunktionärs. In: K. Ehlich (ed.), *Sprache im Faschismus*, Frankfurt am Main.
- Medwedjew, Sh. A. 1974 *Der Fall Lysenko. Eine Wissenschaft kapituliert*, München.
- Müller, D. 1998 *Der Topos des Neuen Menschen in der russischen und sowjetrussischen Geistesgeschichte*, Bern.
- Münkler, H. 1994 *Politische Bilder, Politik der Metaphern*, Frankfurt am Main.
- Münkler, H./ Storch, W. 1988 *Siegfrieden. Politik mit einem deutschen Mythos*, Berlin.
- Neumayr, A. 1995 *Diktatoren im Spiegel der Medizin. Napoleon • Hitler • Stalin*, Wien.
- Schmitz-Berning, C. 2000 *Vokabular des Nationalsozialismus*. Berlin.
- Schmiechen-Ackermann, D. 2002 *Diktaturen im Vergleich*, Darmstadt.
- Schütz, E. 1995 Faszination der blaßgrauen Bänder. Zur „organischen“ Technik der Reichsautobahn. In: W. Emmerich/C. Wege (eds.), *Der Technikdiskurs in der Hitler-Stalin-Ära*, Stuttgart/Weimar.
- Sériot, P. 1985 *Analyse du discours politique soviétique*, Paris.
- Steinke, K. (ed.) 1995 *Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren*, Heidelberg.
- Volmert, J. 1995 Politische Rhetorik des Nationalsozialismus. In: K. Ehlich (ed.), *Sprache im Faschismus*, Frankfurt am Main.
- Weiss, D.1986 Was ist neu am Newspeak? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion. In: R. Rathmayr (ed.), *Slavistische Linguistik 1985*, München.
- Weiss, D. 1995 Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion. In: D. Weiss (ed.), *Slavistische Linguistik 1994. Referate des 20. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens*, München.
- Weiss, D. 1998 Die Entstalinisierung des propagandistischen Diskurses (am Beispiel der Sowjetunion und Polens). In: Locher, J.P. (ed.), *Schweizer. Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress 1998 in Krakau*, Frankfurt/Bern.
- Weiss, D. 1999a Der alte Mann und die neue Welt. Chruščevs Umgang mit „alt“ und „neu“. In: W. Girke/A. Guski e.a. (eds.), *Vertogradъ mnogocvĕtnyi. Festschrift für H. Jachnow*, München.
- Weiss, D. 1999b Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“. In: R. Rathmayr/W. Weitlaner (eds.), *Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien, 15.-18.9.1998*, München.
- Weiss, D. (ed.) 2000 *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)*, Bern/Frankfurt.
- Weiss, D. 2000a Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chruščevs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern. In: D. Weiss (ed.), *Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen)*, Bern/Frankfurt.
- Weiss, D. 2000b Alle vs. einer. Zur Scheidung von good guys und bad guys in der sowjetischen Propagandasprache. In: W. Breu (ed.), *Slavistische Linguistik 1999. Referate des XXV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens, Konstanz*, München.
- Weiss, D. 2002 Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chruščev im Vergleich. In: N. Boškowska/P. Collmer/S. Gilly u.a., *Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Goehrke*, Bern/Frankfurt, 223-252.
- Weiss, D. 2003 Uniting the Communist system: the making of Polish “newspeak” and its relation to the Russian original. St.Ureland (ed.), *Studies in Eurolinguistics. Vol. 1: Convergence and Divergence of European Languages*, Berlin.
- Winckler, L. 1970 *Studie zur gesellschaftlichen Funktion faschistischer Sprache*, Frankfurt am Main.
- Wirrer, J. 1995 Dialekt und Standardsprache im Nationalsozialismus – am Beispiel des Niederdeut-

schen. In: K. Ehlich (ed.), *Sprache im Faschismus*, Frankfurt am Main.

Wodak, R. (ed.) 1989 *Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse*, Amsterdam (Philadelphia).

Wodak, R. / Kirsch, F.P. (eds.) 1995 *Totalitäre Sprache – Langue de bois – Language of Dictatorship*, Wien.

© Вайс Даниэль, 2007

© Бернольд Анна (перевод), 2007

Васильев А. Д.

Красноярск, Россия

ИГРЫ В СЛОВА:

НАСЕЛЕНИЕ ВМЕСТО НАРОДА

Abstract

In political communication, seemingly similar words “population” and “nation” do differ in emotional colouring. The usage of these words may depend on the author’s ideological persuasion.

Лексикографам хорошо известны трудности, возникающие при попытках семантизации слов, особенно, как ни парадоксально, широкоупотребительных и частотных, более того – неизменно актуальных для носителей данного языка в разные периоды его истории. Решение подобных задач может осложняться и в тех случаях, когда необходимо дифференцировать значения слов, весьма близких и в речевом потоке нередко выступающих в роли чуть ли не дублетов (т.е. одно из них с определенным успехом может заменить собой другое – и наоборот). Правда, при рассмотрении слов, входящих в один синонимический ряд, обычно представляется возможным выделить его доминанту (определяемую, напр., как «один из членов синонимического ряда, избираемый в качестве представителя главного значения, подчиняющего все дополнительные (созначения) и господствующего над ними» [Ахманова 1966: 401], или слово «семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтагматически наименее закрепленное» [Новиков 1990: 447], хотя, наверное, семантическая простота лексемы – довольно дискуссионное понятие). Казалось бы, вопрос о стилистической нейтральности того или иного конкретного слова достаточно прозрачен: предполагаемая доминанта ряда в идеале должна быть свободна от каких бы то ни было коннотаций. Считают справедливым положение о том, что «отношения маркированности присутствуют во всех случаях, где язык предоставляет своим носителям возможность выбора» [Трубачёв 2005: 227] – иначе говоря, из двух номинаций одного и того же референта одно имеет статус маркированного, а другое – нет (и оно-то оказывается доминантой данного двучленного синонимического ряда). Однако представляется, что не всегда (а может быть, и далеко не всегда) существует возможность такого проти-

вопоставления: немаркированная номинация (доминанта) / маркированная номинация (синоним). Иначе говоря, коннотативные потенции реализуются в обоих случаях, что позволяет судить не только об узусе.

Трудности семантизации слов, близких по своим лексическим значениям, хорошо знакомы как лингвистам, так и представителям других гуманитарных наук, причем и в тех случаях, когда речь идет об элементах соответствующих терминосистем. Решение таких задач особенно осложняется тем, что одни и те же лексемы выступают, с одной стороны, в качестве терминов, среди важнейших критериев вычленения которых – их стилистическая нейтральность. С другой стороны, они могут продолжать бытование в составе общеупотребительной лексики, при этом зачастую обладая коннотациями либо коннотативными потенциями, реализующимися, как правило, вследствие экстралингвистических условий.

Даже беглые наблюдения показывают, что в текстах современных российских СМИ частотность употребления существительного *народ* заметно снизилась по сравнению с советским периодом (это регистрирует и лексикография, указывающая на уход этого слова в пассивный лексический запас). В то же время растет употребительность существительного *население*. Можно предположить, что эти процессы отнюдь не случайны и определяются воздействием неких факторов, имеющих в том числе и глубокие исторические корни. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть динамику слов *народ* и *население* в нескольких аспектах.

Конечно, прежде всего следует иметь в виду, что исторические (даже и на уровне микродиахронии) изменения словарного состава нередко свидетельствуют об изменениях ментальности (иногда – и о чьих-то попытках изменить её). Ментальность – «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Колесов 2004: 15]. Трансформировать ментальность, таким образом, можно с помощью «обратной связи», то есть путем регулирования частотности каких-то слов и устойчивых словосочетаний, их переосмысления, придания им коннотаций, стилистической маркированности либо ремаркации и проч. С течением времени – при условии определенной настойчивости пропагандистов и агитаторов (иначе – политтехнологов) и эффективности имеющих у них технических возможностей, времени исторически непродолжительного – в сознании этносоциума, носителя конкретного языка и соответствующей ментальности, происходят метаморфозы, программируемые идеологами-языкотворцами.

«Главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации... Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблема языка..., язык идеологии – это язык символов», слова, наполненные символическими смыслами, – вербальные символы – используются идеологами для внедрения своих доктрин в общественное сознание [Ветров 2000: 199]. Причем выбор слов, предназначенных для подобных операций, чрезвычайно важен [Кара-Мурза 2002: 28, 36 и др.]; эти вербальные символы могут оказаться ключевыми в политическом лексиконе, зачастую и в основополагающих государственных документах.

Так, уже в преамбуле Конституции РФ декларируется: «Мы, многонациональный *народ* Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле...» (интересны здесь и употребление «множественного монархического» – «мы,... народ..., соединенные...», и подобие некоей реминисценции, ср.: «Мы, народ Соединённых Штатов, с целью образовать совершенный Союз...» [Хрестоматия 2004: 191]). О *народе* как носителе суверенитета и единственном источнике власти в РФ упоминается также в ст. 3 этого документа и в его же ст. 82, где – в своей присяге – президент клянётся «верно служить *народу*». *Население* же фигурирует здесь явно как узколокальная общность: согласно ст. 130, «местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение *населением* вопросов местного значения». По-видимому, в цитируемом тексте лексемы *народ* и *население* семантически не тождественны.

Современный статус лексем *народ* и *население*, их семантика и прагматика, вероятно, могут быть уточнены при сопоставительном анализе как фактов сегодняшнего дискурса, так и сведений исторического плана.

Историческая лексикография фиксирует разветвление семантики *народъ*: 1) 'род, племя, потомки' (1499 г.); 2) 'множество, толпа, сонм' (с 1057 г.); 3) мн. и собир. 'люди, народ' (с 1057 г.); 4) 'группа лиц, объединённых общими интересами, политическими и религиозными воззрениями' (XIII – XIV вв. ~ XI в.); 5) 'толпа, чернь' (1499 г.); 6) 'население (страны, города); народная масса' (XI в.); 7) 'люди, принадлежащие к одной этнической общности, народность, народ' XVII в.) [СлРЯ XI – XVII вв.].

Относительно семантики и устойчивой сочетаемости слова *народъ* словари, описывающие лексику более позднего (но современного им) периода ([САР₁]), сообщают: *народъ* – 1) 'язык, племя, жители государства, страны какой, состоящие под одними законами и говорящие одинаковым природным языком'. «Народ благоучрежденный, сильный, воинственный, браноносный». «Народы сьверные, восточные». «Всякій народъ имьеть свои

обыкновенія»; 2) 'особенно берется за множество людей'. «Бъ народъ мытарей многъ». Лук. 5, 29. – «Простый народъ». «Чернь, простолюдины» (те же дефиниции воспроизводятся в [САР₂] [Сл. Соколова]). Далее: *народъ* – 1) 'жители страны или государства, говорящие одним языком; язык, племя'. «Народ образованный»; 2) 'жители страны или государства, принадлежащие к низшим сословиям'. «Воскреснемъ ли когда от чужевластья Модъ, Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ, Хотя по языку, насъ не считалъ за нѣмцев!» Грибоедов; 3) 'множество людей; толпа'. «На гуляньи много было народа». «Мальчишекъ радостный народъ Коньками звучно рѣжетъ ледъ». Пушкин. – Простой народъ. Чернь, простолюдины» [Сл. 1847 г.]. У Даля *народъ* – 'люд, народившийся в известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем; чернь, простолюдые, низшие податные сословия; множество людей, толпа' [Сл. Даля].

Несколько забегаая вперед, можно сказать, что эти дефиниции являются до некоторой степени прототипами позднейших, даваемых лексикографией XX столетия. Толкования слова *народъ* в словарях, отражающих состояние русской лексики к XVIII – XIX вв., достаточно кристаллизованы и содержат основные критерии, по которым определяется данная общность людей. Обратим внимание на то, что, несмотря на некоторые модификации (скажем, исключение параметра «единство законов» – возможно, в результате его осмысления как имманентно наличествующего у полноправного государства), постоянно присутствует указание на «одинаковый (один) язык» – важнейшее свойство этноса. Кроме того, важно учитывать иерархическую структуру значений, кажется, уже устойчиво сформировавшуюся и включающую в себя (сначала в качестве речения, затем – самостоятельно ценного значения) «низшие сословия», т.е. вычленение группы этноса по социально-имущественному критерию. Что касается дефиниции, данной в [Сл. Даля], то, по сравнению с другими, она выглядит некоей их суммой. Однако, пожалуй, с учетом последней, есть определенные основания предположить и некое подобие омонимизации: многозначность слова *народъ* ощущалась в XIX в. чуть ли не как диффузность его семантики, причем настолько заметная, что могла восприниматься как контекстуально обусловленная (в зависимости от идеологических и политических предпочтений авторов и их аудитории – тоже неоднородной по своим воззрениям). Это отразилось, в частности, в следующих суждениях Н. К. Михайловского и А. И. Богдановича: «Под словом *народ* мы сплошь и рядом разумеем то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключи-

тельно «мужика», то «чернь», «простонародье», то представителей труда..., то толпу...» – «В течение 30-ти последних лет... создалась даже особая «народническая» литература, до сих пор не выяснившая, что же собственно понимать надлежит под ее таинственным «народом»... Слово, не сходящее со страниц книг, статей, брошюр, политических воззваний, каждый раз вбирало в себя то содержание, которое определил для него пишущий» [Лексика 1981: 234]. Ср. также сатирическую интерпретацию подобной вариативности семантики в художественно-литературном тексте 1871 г.:

«Феодал! – закричал на него патриот, –
Знай, что только в народе спасенье!»
Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
Так за что ж для меня исключенье?»
Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
Править Русью призван только черный народ!
То по старой системе всяк равен,
А по нашей лишь он равноправен!»
[Толстой 1981: 191]

Результаты этих семантических процессов, вероятно, получивших специфические дополнительные импульсы в ходе революционных катаклизмов и последовавших при торжестве новой идеологии социально-политических преобразований, нашли воплощение в советской лексикографии. Ср.: «народ – 1) 'население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны'; 2) 'то же, что нация, национальность'; 3) 'в эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущественно крестьяне) в противоположность правящему классу'» [СУ]. Заметим, что утвердившееся было в словарях русского языка XIX в. указание на общность языка как обязательный атрибут *народа* теперь уже не приводится – возможно, как утратившее актуальность для многонационального и многоязыкого Советского Союза (где в то время очевидно были еще сильны представления об абсолютном равноправии совершенно всех языков [Алпатов 2003: 22]). По поводу знач. 3 – см. саркастический комментарий, выдержанный в духе беспощадной (но несколько запоздалой) борьбы с заклятым тоталитаризмом: «В социалистическом (советском) государстве народ – свободный господин; в капиталистическом государстве народ задавлен буржуазией, составляющей правящее меньшинство» [Купина 1995:68] (хотя это можно теперь воспринять и как нейтральную констатацию). В этом же словаре отмечено как устойчивое словосочетание *простой народ* – (д о р е в о л ю ц.) 'то же, что *народ* в 3 знач.'

Немного иначе семантика рассматриваемого слова представлена в другом словаре; здесь о роли единого языка тоже не сообщается, но регистрируется еще одно значение (впрочем, известное по более ранним перио-

дам и словарям, их отражающим): «*народ* – 1) 'население, жители той или иной страны, государства'. Советский народ;... 2) 'нация, национальность, народность'; 3) 'основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующим классом)'. Трудовой народ; 4) 'люди'; здесь же в качестве устойчивых приводятся словосочетания *простой народ* (правда, без пометы д о р е в о л ю ц.) и *черный* (или *подлый*) народ, квалифицируемое как устар. – 'в классовом, эксплуататорском обществе: люди, принадлежащие к неимущим слоям населения (крестьяне, рабочие, ремесленники и т.п.)'» [МАС₂].

По-видимому, иллюстрация-речение к знач. 1 в этом словаре приведена с учетом данного в преамбуле Конституции СССР (1977 г.) определения развитого социалистического общества, в котором, в частности, «сложилась новая историческая общность людей – советский народ». Многоаспектная развернутая семантизация последнего словосочетания представлялась тогда таким образом: «новая ист., социальная и интернац. общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистич. по содержанию культуру, союзное общенар. гос-во и общую цель – построение коммунизма; возникла впервые в истории в результате социалистич. преобразований на основе сближения всех социальных групп, юридич. и фактич. равенства всех наций и народностей СССР. Представляет собой многонац. коллектив тружеников города и деревни, объединенный общностью социалистич. строя, марксистско-ленинской идеологией, коммунистич. идеалами рабочего класса, принципами интернационализма» [Советский энциклопедический словарь 1983: 1227].

Ср. также некоторые примеры типичной сочетаемости слова *народ* советского времени: *народ* в знач. 'население государства; нация, национальность': «великий, могучий, героический, непобедимый, трудолюбивый, талантливый, русский, советский, американский, наш, свой, весь...; народ-герой, народ-победитель, народ-созидатель, народ-творец... Для народа (жить, работать, трудиться). За [какой-либо] народ умереть, отдать жизнь..., перед народом отвечать за что-либо. [Какой-либо] народ поднялся на что-либо (на борьбу, на защиту чего-либо)...» и т.п. [Сл. сочет.].

Можно было бы сказать, что, несмотря на многие, в том числе – радикальные, изменения, происходившие на протяжении столетий, русская лексикография (и советского периода – тоже) формулировала и довольно устойчивые во времени дефиниции слова *народ*. Они в основных своих чертах соответствуют следующим положениям: «Общий смысл слова *народ* и заключался в указании на некую однородную множественность, уже не обязательно

общего происхождения, но всегда определенно объединенную какой-либо общей силой, признаками, которые свойственны только ей. К такому представлению и восходят современные выражения вроде *народный дух, сила народа, единство народа*. Представление это непосредственно вытекало из древнейшего образа «на-рода», и образ этот, несмотря на позднейшее развитие слова, устоял в веках, мало-помалу отливаясь в понятие «народ»... Слово *народъ* постепенно вырабатывало новое, тоже терминологическое значение: оно стало обозначать единство по территориальному, а не по родовому признаку» [Колесов 1986: 138].

Впрочем, надо сказать и о том, что в новейших лексикографических изданиях – постсоветского времени, или, как выражаются, кажется, еще с конца т. н. перестройки, «переходного периода», – семантика и типичная сочетаемость существительного *народ* представлены уже несколько иначе, чем ранее; составители словарей иногда снабжают его некоторыми пометами; возможны также иные варианты.

Так, указывая на уход существительного *народ* в пассивный лексический запас, приведя примеры нескольких устойчивых сочетаний (*во благо, на благо народа; враг народа; опиум (для) народа; отец народов*) и открыв данную статью пометой в советск. время, лексикографы почему-то сочли возможным не упомянуть, о каком именно значении слова *народ* здесь идет речь, – дефиниция отсутствует [ТССРЯ].

В другом случае и вычленение существительного *народ*, и иерархия его семантической структуры почти совершенно повторяют подобные из словарей советского времени. Ср.: *народ* – 1) 'население государства, жители страны'. «Российский народ»; 2) 'нация, национальность или народность'. «Русский н.». «Северные народы»; 3) 'основная трудовая масса населения страны'. «Трудовой народ». «Выходцы из народа». «Простой народ»; 4) 'люди, группа людей' [ТСОШ]. Можно заметить, что в качестве иллюстрации к знач. 1 дается сочетание *российский народ*, по своей сути мифологическое: «...искусственное межнациональное понятие [*советский народ*] ушло вместе с обанкротившейся идеологией... Его пытаются видоизменить в понятие «*российский народ*», которого в природе не существует» [Фролов 2005: 506]. Интересно, однако, что в иллюстрации значения 2 далее приводится «русский н.» – именно так, сокращенно – возможно, для экономии пространства статьи (кстати, затем – полностью – выступают «северные народы»). Толкование знач. 3 уже не содержит никаких упоминаний об эксплуататорах, угнетении и прочих политнекорректных вещах (по какой-то ассоциации вспоминается

переименование первомайского праздника в благопристойнейший «Праздник Весны и Труда»).

Можно достаточно обоснованно полагать, что весьма высокая эмоционально-оценочная тональность, сформировавшаяся у существительного *народ* в советский период истории русского языка, естественно поддерживавшаяся и укреплявшаяся официально-пропагандистскими усилиями, была, очевидно, «подготовлена» характером бытования этого слова в предыдущие эпохи.

По известным нам источникам, история существительного *население* является гораздо менее «яркой», нежели у слова *народ*. Для древнерусской эпохи отмечают лишь одно его значение – 'заселение' (с XI в.), манифестирующее относительную обжитость какой-либо территории, вне связи с гомогенностью «населяющей» общности по родовому (этническому), культурному, языковому и т.п. признакам.

Это же значение регистрировалось рядом словарей с конца XVIII и самого начала XIX в.: 'население какого места жителями, народом' [САР₁, САР₂]; 'наполнение какого места жителями, народом' [Сл. Соколова]; 1) 'действие населяющего и населившего'; 2) 'населенный народ' [Сл. 1847 г.]; 'народонаселенье, народ, населяющий собой край, место' [Сл. Даля].

Та же семантика слова *население* отмечается и лексикографией советского времени, ср.: *население* – 1) 'жители, люди, проживающие в каком-н. месте'; 2) 'совокупность людей, живущих на определенной территории; народонаселение' [СУ]; *население* – 1) 'действие по знач. глаг. *населить* – *населять* и состоящие по значению глаг. *населиться* – *населиться*'; 2) 'совокупность жителей (области, страны и т.п.; народонаселение'. «Население города». «Перепись населения». «Плотность населения» [МАС₂]. Ср. некоторые примеры типичной сочетаемости существительного *население* в те же годы: *население* – 'жители какого-л. места как единое целое'; «мирное, гражданское, местное, городское, сельское, коренное, трудоспособное...; земного шара, Земли, страны, края, области, города, района...; запросы, требования, интересы, занятость, обслуживание, жизненный уровень, благосостояние, снабжение, плотность, численность, прирост, увеличение, уменьшение, перепись...» и т.п. [Сл. сочет.].

В дальнейшем дефиниции остаются почти теми же; лишь иногда добавляется специально-терминологическое значение: *население* – 1) см. 'населить'; 2) 'жители какого-н. места, местность'. «Н. района». «Перепись населения»; 3) 'животные, живущие в каком-н. одном мест' (спец.). «Рыбное население водоема» [ТСОШ]. Небезынтересно, что в одном из сегоднешних словарей существительное *население* фигурирует лишь в качестве компонента

устойчивого словосочетания *коренное население*, использование которого заметно участилось в конце XX в.: «понятие коренного населения актуализировалось в связи с обострением межнациональных отношений после распада СССР и возникновением территориальных претензий тех или иных групп населения в различных регионах бывшего СССР» [ТССРЯ] (стоит заметить, что применительно к русским это словосочетание, кажется, ни разу не употребилось).

Таким образом, оказывается, что, в отличие от существительного *народ*, существительное *население* вряд ли способно вызывать столь же прямые ассоциации с представлениями о некоем конкретном этнокультурном единстве, связанном общими традиционными ментальными (и лингвоментальными) ценностями и т.п. *Население* – это, скорее, термин статистики и сопряженной с ней демографии (ср.: *на душу населения*, *численность населения*, *перепись населения* и проч.); в самом деле, довольно трудно предположить наличие где-либо и когда-либо **героического населения*, **великого населения*, **населения-победителя* и т.п. несообразностей (разве что в текстах местечковых скетчистов).

Рассматриваемые лексемы могут выступать в качестве элементов ряда терминосистем (философской, юридической, политической и др.). Приведем некоторые примеры их осмысления (далеко не всегда единообразно) в этой ипостаси.

В современном российском конституционном праве за одну из отправных точек принимается дефиниция народа, естественно соответствующая данным в действующей конституции формулировкам: «*народ* – ... *население* определенной страны, выступающее как источник и носитель власти в государстве»; это понятие, «по определению, связано с государственной организацией общества, суверенитетом, формированием государственных структур, гражданством». С позиций этой же науки, «*народ* – более широкое понятие, чем «*нация*», понимаемая как общность группы людей на этнической основе» [Конституция 1997: 155]. Хотя статья, посвященная понятию «*нация*», в этом издании отсутствует, чрезвычайно многозначительной и симптоматичной для правильного понимания вышеприведенного разграничения (*народ/нация*) следует считать содержащуюся здесь же ссылку на иноязычный – и инокультурный – аналог: «в странах английского языка, и не только [разрядка наша. – А.В.], термин «*нация*» – «*nation*» – адекватен термину «*народ*». Казалось бы, апелляция к чуждому языковому сознанию и порождаемой в нем языковой картине мира является излишней при постулировании положений российской конституции и комментировании этимологически русско-

го термина *народ*. Однако надо иметь в виду некоторые современные реалии – напр., соответствующую и сопутствующую процессу глобализации американизацию права [Иванец, Червонюк 2003: 91 и др.]. В цитируемом издании *население* определяется как «совокупность людей, проживающих на данной территории, имеющих с ней постоянную правовую связь», причем указывается, что именно в конституционном праве, когда речь идет о государстве в целом, понятие «*население*» используется как аналогичное понятию «*народ*» (напр., в известной триаде признаков государства: «*власть, территория и население*») [Конституция 1997: 156].

Несколько иначе трактуют «*народ*» политологи: «*народ* – основополагающий конституирующий элемент государства, его субъект». Впрочем, приводя для сравнения два основных подхода к раскрытию этого понятия, выделяют, во-первых, понимание *народа* как *нации*, то есть как преимущественно этнической общности, возникающей на базе общего происхождения («*крови*»), истории, языка и культуры – такой подход, оказывается, «часто используется для оправдания привилегий титульной нации, этнических чисток и других действий, нарушающих права человека»; видимо, поэтому «такие попытки обоснования этнической чистоты государства научно несостоятельны». Зато, вероятно, научно состоятельными считаются иные – в соответствии с духом времени – подходы: «Современные либерально-демократические государства... базируются на признании народа как гражданской общности, субъекта государственности и источника власти» [Введение в политологию 1996: 139]; иначе говоря, и здесь *народ* отождествляется с *населением*.

Специалисты в области крлатологии предлагают следующие толкования: «*народ* – 1) «*население государства, жители страны*»; 2) «*в демократически устроенном государстве субъект власти и вместе с тем ее объект*»; «*население* – «*жители какой-либо страны, города, села, региона и т. д.*» [Халипов 1997: 226-227]. И в этом случае *народ* и есть *население* – и vice versa.

Воистину, «научная терминология как продолжение народной тоже поневоле наделена метафоричностью» [Трубачёв 1992:43] и «ничто языковое не чуждо терминам» [Котелова 1974: 61].

Вполне вероятно, что подобные же научно-образно-идеологические установки стали обретать популярность, выступая в качестве обоснования пропагандистских опусов, тиражировавшихся средствами т.н. массовой информации примерно с к. 1980-х – нач. 1990-х гг. В этот период «традиционное употребление слова *народ*, присущее ему на протяжении длительного времени, начинает колебаться

под влиянием социально-исторических факторов и их осмысления нашими современниками. Главным здесь является возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) *народ* (в смысле «нация») и *население* (в смысле «безнациональная масса»), в которой первый член (*народ*) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (*население*) – отрицательной. Эти новые смысловые отношения существительных *народ* и *население* носят антонимический характер в отличие от традиционных, близких к синонимическим» [Сковородников 1997]. Наверное, в связи с этим можно говорить, скорее, о контекстуальной антонимии; кроме того, в цитируемой статье рассказывается в основном о видимых симптомах явления – и гораздо менее подробно о его вероятных причинах и источниках (приводимые примеры из печатных изданий, как национально-патриотических, так и либерально-демократических, лишь иллюстрируют их позиции, являясь в каждом случае чем-то вроде символов политической веры).

Между тем, следует попытаться определить факторы, под воздействием которых существительное *народ* стало как будто нежелательным элементом дискурса СМИ (включая официоз), получив (как, напр., и прилагательное *советский*, судя по текстам речей последнего десятилетия, посвященных Дню Победы) статус табуизма. Одним из наиболее заметных и эффективных приемов словоупотребления, приведших к такому результату, надо очевидно считать характер использования в тех же СМИ прилагательного *народный*, явно контрастирующий с соответствующими фактами советского периода. Лексикография того времени представляет слово *народный* по преимуществу как окруженное ореолом некоей высокой патетики и – уж во всяком случае – как положительно-оценочное.

Ср.: «*народный* – 1) прил. к *народ* (в 1, 2 и 3 знач.). Народные массы. Народное творчество... // 'Принадлежащий народу, стране; государственный'. Народные богатства. Народное хозяйство; 2) 'тесно связанный с народом, соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению'... 'В составе названий некоторых учреждений, должностных лиц в СССР'. Народный заседатель. Народный суд // ... 'В составе почетного звания, присваиваемого высшими органами государственной власти СССР и союзных республик за выдающуюся деятельность в области науки, искусства, просвещения и т.д.' Народный артист республики. Народный художник СССР. Народный врач СССР»; здесь же – устойчивые словосочетания: «*Народная воля* – название тайной политической революционной народнической организации в России в 80-х гг. XIX в. *Народная демократия* – форма политической организа-

ции общества, представляет собой диктатуру пролетариата, своеобразие которой – многопартийность при ведущей роли марксистско-ленинской партии. *Народная дружина* – добровольная организация граждан, помогающая милиции в охране общественного порядка. *Народный комиссар* – член советского правительства, возглавлявший (до 1946 г.) один из народных комиссариатов... *Народный контроль* – в СССР система органов, сочетающих государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, в учреждениях и организациях... *Народные мстители* (в статье *мститель* – ... высок. 'О партизанах, ведущих народную войну против захватчиков'). *Народное ополчение* – войско, собираемое в помощь регулярной армии на добровольных началах... *Народный фронт* – форма организации широких народных масс, объединяющихся вокруг рабочего класса для борьбы против фашизма и войны, за демократию, мир, социальный прогресс» и т.п. [МАС₂] (примерно то же – в [Сл. соч.]). Небезынтересно, что последнее из вышеприведенных словосочетаний в период т.н. перестройки актуализировалось применительно к советской действительности, но уже наполненное иным понятийным содержанием, см.: *народный фронт* – 'общественное объединение, деятельность которого направлена главным образом на борьбу за национальное возрождение' [ТССРЯ]. Стоит также напомнить, что в советскую эпоху постоянно и регулярно использовался особый пропагандистский жанр: призывы ЦК КПСС к государственным праздникам – Дню международной солидарности трудящихся (1 Мая) и Годовщине Великой Октябрьской социалистической революции (7 Ноября), где, в частности, провозглашались здравицы социальной триаде – фундаментальным компонентам советского общества, включавшие в себя постоянные дифирамбические эпитеты: *героический рабочий класс, славное колхозное крестьянство и народная интеллигенция* (впрочем, большая и влиятельная часть последней уже во время перестройки сумела подтвердить и доказать на деле справедливость известной оценки, данной ей некогда В. И. Ульяновым-Лениным).

Тональность современного использования прилагательного *народный* и возникающие при этом коннотации формируются в значительной степени за счет контекстуального окружения и синтагматических связей слова; коннотации могут в известной мере варьироваться. Об этом свидетельствуют примеры из российского телевизионного дискурса, условно подразделенные нами на группы по оценочному признаку (впрочем, не всегда четко эксплицированному).

Явно положительной оказывается оценка определяемого персонажа в следующих вы-

сказываниях: «Лидеры «Яблока» и СПС говорят о том, что пора постепенно научиться в России выдвигать *народного* президента, причем – справа» [24. RenTV. 05.07.02]. «В Англии Тони Блэра называют иногда «*народным* премьером», так как свою карьеру он начинал водителем и грузчиком» [Ночное «Время». ОРТ. 10.10.02]. «[Глава Малайзии – конституционный монарх] играет в теннис, футбол... За это... его называют «*народный* раджа» [Вест. РТР. 05.08.03]. «...Один из немногих людей у власти, кто за полтора года не потерял *народной* любви» [Обозрение-7. 7 канал. 07.10.02]. «В отличие от *народного* премьера Черномырдина, Касьянова называли премьером техническим» [Неделя. RenTV. 28.02.04]. «*Народный* губернатор» – именно так называли земляки Михаила Евдокимова» [Новости. ТВК. 11.08.05]. «Сергей Безруков сыграл *народного* участкового» [Новости. ОРТ. 30.01.05]. «Спартак» по праву называют *народной* командой» [НТВ. 16.02.05] и др.

Близки к приведенным (хотя иногда – в рекламных целях – находятся на грани постмодернистской иронии, или «стёба») такие примеры: «русская *народная* передача «Городок», «русская *народная* программа «Плэйбой», «*народная* жевательная резинка», «сорт пива...получил первое место в номинации «Самое *народное*» [RenTV. 17.04.02], «Борис Моисеев в *народной* драме «Чужой» [РТР. 11.03.02], «*народный* автомобиль» [его цена – 21,5 тысячи долларов. – Афонтово. 22.01.03]. «... Новогодняя быдлюшная, почти *народная!*» [Comedy Club. ТНТ. 29.01.06] и т.п.

Несколько иной оттенок возникает у прилагательного *народный* в таких контекстах: «*народный* автобусный маршрут..., бесплатный, для пенсионеров» [Вести-Красноярск. РТР. 22.10.03]; он довольно ощутимо близок к тому значению, которое еще недавно можно было считать устаревшим: ... 3) 'в дореволюционной России: предназначенный для низших слоев общества; общедоступный' [МАС₂]. Настойчивое противопоставление высших слоев низшим ныне совершенно откровенно выражается в рекламных текстах вроде: «Цены – от элитных до *народных*». Любопытно, что градация обычно осуществляется именно в такой последовательности, ср. другой рекламный текст: «Мебель – царская, цены – холопские» [ТВК. 16.01.04].

Небезынтересно и исчезновение *народного* образования (по крайней мере, в именовании соответствующего министерства и его подразделений). В связи с этим стоит отметить: депутаты Госдумы отвергли предложение своего коллеги С. Бабурина именоваться впредь «*народными* избранниками» [Вести недели. РТР. 27.09.04]. Можно предположить, что это отторжение было вызвано не только стремлением избежать каких-либо ассоциа-

тивных связей с советскими народными депутатами, дабы не оказаться заподозренными в симпатиях к бесчеловечному тоталитаризму, но и пониманием (пусть интуитивным) специфических коннотаций, которыми прилагательное *народный* обросло за последние годы.

Существительное *народ* звучит в телеэфире исключительно редко: «Письмо Эренбурга [Сталину]... избавило *народ* [советских евреев] от выселения [из Москвы и Ленинграда – на периферию], бед и страданий» [В. Вульф. Мой серебряный шар. РТР. 10.06.05].

В то же время существительное *население* весьма частотно: «Если будет победа в первом туре – это огромный аванс со стороны *населения*» [В. Путин. Новости. ОРТ. 27.03.00]. «*Население* чувствует, что с землей надо поступить каким-то особым образом» [А. Гордеев, министр сельского хозяйства. РТР. 28.05.02]. «Мы просто *население* опрашиваем, кого бы они хотели [видеть] губернатором» [А. Беспалов, председатель генсовета партии «Единая Россия». Новости. Афонтово. 26.07.02]. «... *Население*, пережившее [интересен здесь выбор формы именно прошедшего времени. – А.В.] все тяготы переходного периода» [Ночное «Время». ОРТ. 18.01.03]. «... Можно сказать, что мы этих проблем не видим... Сказать *населению*... *Население* должно знать» [А. Чубайс. 24. RenTV. 10.04.03]. «Есть большая прослойка *населения*, которая будет противиться реформам, проводимым государством» [Г. Греф. 24. RenTV. 05.04.05]. «*Население* относится скептически не только к самым крупным собственникам» [В. Найшуль. Времена. ОРТ. 19.06.05]. «По словам президента, Общественная палата должна служить интересам всего *населения*» [Время. ОРТ 20.07.05]. «Мы не можем [в социальной сфере] отделяться подачками *населению*» [Б. Титов, предс. организации «Деловая Россия». Доброе утро, Россия. РТР. 21.06.05]. «Депутаты считают, что если выскажут мнение [в Интернете] все слои *населения*, то это положительно скажется на работе Законодательного собрания» [хотя почему-то не учитывается, что не у всех «слоёв» есть доступ к Интернету. – Новости. 7 канал. 16.02.06] и мн. др.

Множественное смешение *населения* (жителей региона) и *населения* (народа страны) закономерно приводит к нивелированию, стиранию различий между ними – и не в пользу *народа* как этнической общности, а сводится, скорее, к некоему условному «среднеарифметическому» множеству (без роду-племени, как выражались ранее).

Усугубляются эти процессы и постоянным акцентированием того, что *население* не живет в государстве или стране, а обитает преимущественно на неких «пространствах» (ср.: *экономическое пространство, валютное пространство, информационное пространство,*

культурное пространство, образовательное пространство и т.п.). Это довольно отчетливо напоминает как приснопамятные *Ostraum* и *Lebensraum*, так и реплику литературного персонажа: «Да, im Raum verlegen... im Raum-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это все равно...» [Толстой 1980: 217].

Если принять терминологический инструментарий тех лингвистов, которые в послесоветские годы бесстрашно сражаются то с «советским тоталитаризмом», то за «демократическую толерантность», можно присвоить слову *население* статус новейшей «идеологемы» (или одного из глобализмов [Денисова 2004]), применение которых в пропагандистских целях может иметь далеко идущие последствия. Скажем, претендовать на земли и их недра, реквизируя их у какого-либо *народа*, всё же, наверное, не вполне политкорректно, а вот проделать подобное по отношению к *населению* гораздо проще – особенно если само *население* прочно уверено в этом своем статусе.

Барско-ироническое осмысление прилагательного *народный* (ранее в значительной степени советизма), ёрничество по поводу обозначаемого им комплекса понятий также обладают довольно прозрачными интенциями и манипулятивным ресурсом. Надо иметь в виду, что обычно в таких случаях подразумевается именно русский народ. Цепочка рассуждений может выстраиваться приблизительно следующим образом: *народное* – нелепое, бездарное, плохое, некультурное, нецивилизованное, потому что таков *народ*. Но «Россия и сейчас на восемьдесят пять процентов населена русскими... По научным воззрениям – она в принципе называется однонациональной... Россия – однонациональная страна, и это всячески замалчивается и оттесняется на задний план средствами массовой информации и всякими... «идеологическими диверсантами» [Трубачёв 2004: 206-207]. Ср.: «Мы привыкли называть нашу страну многонациональной, но при этом как бы забываем, что примерно три четверти ее населения составляют русские» [Доровских 2003: 10], то есть являются государствообразующей нацией, и если она так плоха... Здесь опять же уместны некоторые литературные ассоциации: «Господин Крафт... вывел, что русский народ есть народ второстепенный..., которому предназначено лишь послужить материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества. Ввиду этого, может быть, и справедливого своего вывода, господин Крафт пришел к заключению, что всякая дальнейшая деятельность русского человека должна быть этой идеей и парализована, так сказать, у всех должны опуститься руки...» [Достоевский 1957: 57].

В терминах информационно-психологической войны подобное именуется деморализаци-

ей противника. Примерно та же цель преследуется и разрушением якобы сугубо советского пафоса, воплощавшегося, в частности, в существительном *народ*.

С превращением *народа* в *население* связаны и операции по внедрению адекватного обозначения единиц последнего: «Все чаще стали нас называть *россияне*, по слову *Россия*, как известно, искусственному, в греческом произношении оно заменило исконное слово *Русь*... Россиянами называют нас потому-де, что вошли мы в мировое сообщество...» [Колесов 2004: 191-192]. О.Н. Трубачёв видел в этом «не одну только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания – когда уже и сам русский себя готов назвать [и ведь называет! – А.В.] россиянином. Ведь россиянин – это житель России, в принципе, любой национальности...» [Трубачёв 2004: 72]. Столь же занятно, сколь и симптоматично, что в федеральной целевой программе «Русский язык (2006-2010 годы)» констатируется парадоксальное «ослабление национальной самоидентификации россиян [!]». Ср. иронический комментарий современного писателя: «О русской идее здесь напоминало только блатное обращение «россияне», всегда казавшиеся Татарскому чем-то вроде термина «арестанты», которым воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые «малявы» [Пелевин 1999: 180], а также следующее оптимистическое телесуждение: «Из печати исчезло слово *русский*. Люди начинают определять себя как *россияне*. Это колоссальный шаг вперед. Но до тех пор, пока люди будут определять себя как *земляне*, пройдет еще немало времени» [Д. Радышевский. Пресс-Экспрес. ОРТ. 15. 01.97] (подр. см.: Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. М., 2003. С. 180-211).

Это «касающееся всех нас недоразумение» (В.В. Колесов) принципиально тоже не ново: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся..., стыдимся этого, за позор считаем и норомим быть какими-то небывалыми общечеловеками» [Достоевский 1956а: 224]. – «...Почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система податей, душа – *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, общечеловека всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации...» [Достоевский 1956б: 79].

Перспективы дальнейших семантических эволюций рассмотренных здесь слов почти всецело определяются влиянием манипулятивных технологий через СМИ, направленным (как об этом можно судить даже и по относительно небольшим группам слов) на изменение русской ментальности – в сторону «безнациональности», отказа от этнической самобытности и ее утраты – таким, по-видимому, пред-

ставляется манипуляторам один из решающих этапов построения т.н. «гражданского общества», состоящего как раз из *населения*.

По оценкам некоторых специалистов, происходит процесс «толпообразования»: «В последние десять лет мы в России видим целенаправленные действия по превращению народа в толпу – через изменение типа школы, ослабление традиций и пропаганду безответственности» [Кара-Мурза 2002: 235]. Известны и несколько иные универсально-прогностические оценки подобных ситуаций: «Гибель цивилизации проявляется в том, что на ее территории останавливается накопленное культурно-историческое время [ср.: «...времени уже не будет». – Откр. 10,6], девальвируется ценность общественного сознания, разрушается целостное восприятие прошлого, настоящего и будущего. Нация, некогда составлявшая цивилизованное общество, как бы впадает в беспамятство и превращается в популяцию» [Немчинов 1993: 63-64]. Кстати, последнее слово ранее регистрировалось лексикографами лишь в специальном значении 'совокупность одного вида животных или растений, находящихся на определенной территории' [МАС₂]. Но сегодня (возможно, не без влияния англ. *a population*) его начинают употреблять применительно как к отдельным социальным группам, так и к целым этносам. Ср.: «Среди популяции этих [беспризорных] детей появились и такие, у которых есть родители» [М. Акимов, координатор программы «Дети Санкт-Петербурга». Намедни. НТВ. 21.01.02 – уместно напомнить, что в [Сл. 1847 г.] одно из значений слова *народъ* иллюстрируется пушкинским: «мальчишек радостный народ...»]. «Через сто лет белорусы как популяция вообще исчезнут с лица земли» [Дела. Афонтово. 21.01.03].

Таким образом, операции по изменению русской ментальности, некогда проводившиеся под лозунгами гипертрофированного интернационализма (Ср.: «Вы – какие?» – служебно спросили они [«сторожевые мужики»]... «Мы – международные!» – припомнил Копенкин звание Розы Люксембург: международный революционер. Постовые задумались. «Евреи, што ль?» ... «Я тебя кончу на месте за такое слово!» – произнес Копенкин» [Платонов А.П. Чевенгур // Платонов А.П. Ювенильное море: Повести, роман. М., 1988. С. 320]), сегодня получили новую движущую силу – глобализацию, направленную, в том числе, и на устранение национальных различий. Между прочим, любопытно, что СМИ в России обычно стараются избегать употребления слова *глобализация* (может быть, в соответствии с традициями одной из религий, как сакрального?), застенчиво-эвфемистически заменяя его на некие «мировые трансформационные процессы», но при этом старательно и последовательно создавая

«образ врага» в лице т.н. антиглобалистов [Васильев 2006: 105-110]. Видимо, когда народ перестает считать себя *народом* и приобретает навязываемую ему самооценку, низведенную до *населения* (что можно рассматривать и как переход от сакрального к профанному, и как утрату сакрального, и как сакрализацию профанного), стирается один из слоев, защищающих не только естественную культурную идентичность и экономическую самостоятельность, но и стремление к поддержанию государственного суверенитета.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

МАС₂ – Словарь русского языка в 4-х тт. М., 1981 – 1984.

САР₁ – Словарь Академии Российской, производным путем расположенный. Ч. 1-6. СПб., 1789 – 1794.

САР₂ – Словарь Академии Российской, азбучным путем расположенный. Ч. I – VI. СПб., 1806-1822.

Сл. Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. I – I – IV. М., 1955.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Изд. с 1975 г.

Сл. Соколова – Общий церковно-славяно-русский словарь, сост. П. Соколовым. Ч. 1-2. СПб., 1834.

Сл. сочет. – Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М., 1983.

Сл. 1847 г. – Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1-4. СПб., 1847.

СУ – Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1-4. М., 1935-1940.

ТСОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 2001.

ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов В.М. Что такое языковая политика? // Мир русского слова. 2003. № 2.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Васильев А.Д. Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006.

Введение в политологию. Словарь-справочник / Под ред. В.В. Пугачева. М., 1996.

Ветров С.А. Идеология и ее язык // Язык. Человечество. Картина мира. Ч. 1. Омск, 2000.

Денисова С.П. Глобализмы в языке массовой коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004.

Доровских Е.М. Правовые проблемы защиты русского языка // Государство и право. 2003. № 2.

Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-и томах. Т. 4. М., 1956 [Достоевский 1956а].

Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собрание... Т. 4. М., 1956 [Достоевский 1956б].

Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собрание ... Т. 8. М., 1957.

Иванец Г.И., Червонюк В.И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. 2002.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Конституция Российской Федерации. Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1997.

Котелова Н.З. Искусственный семантический язык (теоретические предпосылки) // Вопросы языкознания. 1974. № 5.

Купина Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, 1995.

Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Отв. ред. Филин Ф.П. М., 1981.

Немчинов В.М. Популяция, формация и цивилизация // Цивилизации. Вып. 2. М., 1993.

Новиков Л.А. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Пелевин В. Generation П. М., 1999.

Сковородников А.П. Народ и население: очерк современного публицистического словоупотребления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 2. Красноярск-Ачинск, 1997.

Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 1983.

Толстой А.К. Поток-богатырь // Толстой А.К. Сочинения в 2-х томах. – Т. 1. М., 1981.

Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собрание соч. в 22-х томах. Т. VI. М., 1980.

Трубачёв О.Н. / О состоянии русского языка // Русская речь. 1992. № 5.

Трубачёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. М., 2004.

Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2005.

Фролов Н.К. Феномен русскости и истоки руссофобии // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. Т. 1. Тюмень. 2005.

Халипов В.Ф. Власть. Кратологический словарь. М., 1997.

Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: В 2 тт. Т. 2. Современное государство и право // Сост. Н. А. Крашенинникова М., 2004.

© Васильев А.Д., 2007

Ворожцова О. А.

Нижний Тагил, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
В РОССИЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ
ПРЕДВЫБОРНОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ
ДИСКУРСЕ 2004 ГОДА**

Abstract

The article studies mechanisms of using precedent phenomena in the discourse of Russian and American presidential elections of 2004. The research touches upon the theory of precedent phenomena and characteristics of the presidential campaign discourse. The author draws conclusion about universal principals of using the precedent phenomena and points out nationally determined peculiarities.

Исследование политической коммуникации является актуальным направлением современной лингвистики. Политический дискурс в разнообразных проявлениях, с одной стороны, мобильно реагирует на изменения, происходящие в обществе, отражая его актуальные проблемы, с другой стороны, является транслятором традиций и ценностей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. Особый интерес представляет предвыборный дискурс, так как в период проведения избирательных кампаний значительно увеличивается активность как самих политических деятелей, так и политологов и журналистов, освещающих конкретное политическое событие, что приводит к появлению разнообразного материала агитационного характера во всех средствах массовой информации. В печатных и электронных СМИ баллотирующимися кандидатами используются разнообразные языковые средства, нацеленные на формирование у избирателей определённого мнения, побуждающие к принятию необходимого выборного решения.

Одним из таких средств является апелляция к культурно нагруженным знакам – прецедентным феноменам. Взяв за основу дефиницию Д. Б. Гудкова [Гудков 2003: 104], с учётом уточнений, высказанных В. В. Красных [Красных 2003: 170] и Е. А. Нахимовой [Нахимова 2004: 169], определим прецедентные феномены как:

- 1) известные значительной части представителей национально-лингвокультурного сообщества;
- 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего национально-лингвокультурного сообщества.

Нас интересуют вербальные прецедентные феномены, к которым относят прецедентное имя и прецедентное высказывание, и вербализуемые прецедентные феномены: прецедентная ситуация и прецедентный текст.

Для получения полной картины механизмов употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов была выбрана комплексная методика сопоставительного исследования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американ-

ских президентских выборов, которая включает в себя:

- определение сфер-источников культурного знания, к которым принадлежат прецедентные феномены, используемые в дискурсе российских и американских президентских выборов;

- определение национально-культурных основ происхождения прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов;

- анализ маркированности / немаркированности прецедентности и наличия / отсутствия трансформаций прецедентных феноменов;

- определение аспекта функционирования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов;

- анализ тезаурусов прецедентных феноменов различных кандидатов на пост президента внутри каждой из рассматриваемых стран;

- сопоставление особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских выборов 2004 года.

При анализе прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года, с точки зрения принадлежности к различным сферам культурного знания (по классификации сфер-источников, предложенной Е. А. Нахимовой) получены результаты, представленные в сводной таблице 1.

Таблица 1. Сферы-источники прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года

Сфера-источник	Кол-во прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских выборов, %	Кол-во прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе американских выборов, %
Литература	55,31	0,48
Политика	26,72	79,02
Развлечение	7,37	4,57
Наука	3,92	-
Религия	2,76	1,3
Экономика	1,61	9,1
Криминал	1,38	-
Изобразит.иск.	0,93	-
Образование	-	4,55
Экология	-	0,98
Всего	100	100

Сфера «Литература» оказалась самой актуальной в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, что ещё раз подтверждает положение о литературоцентричности российской нации.

Наиболее частотными в данной сфере оказались прецедентные высказывания, которые направлены в основном на увеличение экспрессивности речи или подтверждение высказанного положения либо авторитетом автора, либо муд-

ростью народа. *Прежде всего это изношенность национальной инфраструктуры: нам пока удается лишь латать трещины кафтан. Каждый новый отопительный сезон выявляет целые микрорайоны и некрупные города, внезапно оставшиеся без тепла и света.* (В. Путин, РГ, 12.02.2004).

Герои и авторы произведений как российской, так и зарубежной литературы выступают эталоном, с которым сравниваются участники предвыборной кампании, на кандидатов переносятся характерные признаки указанных персонажей и писателей и связанные с ними оценки и коннотации. *Наконец-то высветился Данко, который выведет заблудшую Россию из тьмы. Вернее – «высветилась». Ради торжества справедливости Ирина Муцуовна Хакамада готова вырвать сердце из груди* (Е. Баюн, Н. Галимова, МК, 15.01.2004).

Прецедентные тексты и прецедентные ситуации обладают низкой частотностью по причине того, что данные прецедентные феномены актуализированы, как правило, через прецедентные имена и прецедентные высказывания, т.е. представлены имплицитно. Но не составляет труда понять, на какой текст делается ссылка, так как используемые прецедентные феномены не выходят за рамки произведений школьной программы по литературе.

Основной целью употребления прецедентных феноменов **сферы «Политика»** является критика российских политиков за то, что они совсем не похожи на европейских политических деятелей, которые выступают образцом грамотной политической линии и слишком похожи на политических лидеров стран СНГ, которые представлены как воплощение тирании и авторитарности. *Как говорят, Черчилль обладал своеобразным юмором, негромким голосом и не любил сниматься. Жаль, что нашим правителям благодаря нашему ТВ это не угрожает.* (С. Одовецова, МК, 27.01.2004)

Прецедентные феномены **сферы «Развлечение»** будучи достаточно частотными, употребляются для привлечения внимания читателей к публикации и удержания этого внимания за счёт эффекта экспрессивности. Создание с помощью прецедентных феноменов заинтересованности образует основу для осуществления воздействия, на что и направлен предвыборный дискурс. *«Три лучше, чем один»* (А. Храмов, НГ, 21.01.2004)

Сферы «Криминал» и «Изобразительное искусство» оказались практически не востребованными в дискурсе рассматриваемой избирательной кампании, так как прецедентные феномены сферы «Криминал» обладают высоким агрессивным потенциалом, нехарактерным для российского политического дискурса рассматриваемого периода. Прецедентные феномены сферы «Изобразительное искусство» малочас-

тотны по причине нетипичности создаваемых интермедиальных связей.

В дискурсе американских президентских выборов 2004 года наиболее частотны обращения к прецедентным феноменам из **сферы «Политика»**, что позволило не только классифицировать используемые прецедентные феномены по типам, но и объединить прецедентные феномены каждого типа по группам на основе семантики. Востребованными являются группы «Войны», «Террористические акты» и «Политические деятели».

When our national security requires military action, John Kerry has already proven in Vietnam that he will not hesitate to act (J. Carter, The New York Times, 26.07.2004). Прецедентная ситуация «Война во Вьетнаме» является особенно частотной в дискурсе демократической партии, где она используется, чтобы подчеркнуть опытность и достоинство Дж. Керри.

В группе **«Террористические акты»** обеими партиями широко употребляется прецедентная ситуация «террористический акт 11 сентября 2001 года в Башнях Близнецах в Нью-Йорке». Демократическая партия использует эту прецедентную ситуацию, чтобы подчеркнуть, что действующий президент не очень хорошо справляется со своими обязанностями. *For example, three years after 9/11, we find out that the administration still does not have a unified terrorist watch list. It's amazing. Three years. What are we waiting for? You know, we still don't have one list that everyone can work off of to see if terrorists are entering this country (Senator Edwards, CNN, 05.10.2004).*

Избирательный штаб республиканской партии использует данную прецедентную ситуацию для создания положительного образа своего кандидата, указывая на то, что Дж. Буш учится на своих ошибках, предпринимает меры по их исправлению и предотвращению подобных просчётов. *I feel very strongly that the significance of 9/11 cannot be underestimated. It forces us to think in new ways about strategy, about national security, about how we structure our forces and about how we use U.S. military power (Vice President Cheney, CNN, 05.10.2004).*

Особое место занимают прецедентные имена президентов Америки, которые используются либо чтобы указать на сходство с ними одного из кандидатов, и следовательно, создать образ политика, подходящего на данный пост, либо наоборот, чтобы усилить отличия, показав таким образом, что один из кандидатов недостойн руководить страной. *No American President ever wants to go to war. Abraham Lincoln didn't want to go to war, but he knew saving the union required it. Franklin Roosevelt didn't want to go to war – but he knew defeating tyranny demanded it. And my husband didn't want to go to war, but he knew the safety and security of America and the world depended on it. (First Lady Laura Bush, CNN, 01.09.2004)*

Сфера «Экономика» довольно частотна, так как страна находилась в тяжёлом экономическом положении, и нацию интересовала позиция каждого из кандидатов по этому вопросу. В результате, Дж. Буш привлекал внимание к положительным изменениям, например, к законопроектам, повышающим качество жизни. Дж. Керри, напротив, представлял экономическую обстановку в худшем свете, указывая, что даже в самые тяжёлые времена, например, во время Великой Депрессии, экономика Америки не была в таком плачевном состоянии, как при действующем президенте.

America cannot afford four more years of a president who is the first to lose jobs since the Great Depression. (Senator Kerry, Washington Post, 05.03.2004)

Прецедентные феномены **сфер «Образование», «Религия» и «Экология»** используются в дискурсе американских президентских выборов схожим образом. Они функционируют в основном денотативно и используются для фактического подтверждения высказанных суждений. Например, Дж. Буш, желая показать незрелость взглядов соперника на внешнюю политику Соединённых Штатов, использует такое прецедентное высказывание из Библии.

Plus, he (J. Kerry) says the cornerstone of his plan to succeed in Iraq is to call upon nations to serve. So what's the message going to be: «Please join us in Iraq. We're a grand diversion. Join us for a war that is the wrong war at the wrong place at the wrong time?» (President Bush, New York Times, 30.09.2004)

Сферы «Развлечение» и «Литература» являются низкочастотными, что говорит об их неактуальности на данном этапе развития этого национально-лингвокультурного сообщества.

Анализ национальных основ происхождения прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года, показал что, подавляющее большинство прецедентных феноменов (79,49% в российском дискурсе и 67,47% в американском дискурсе), относится к национальной культуре каждой из стран, что подтверждает тезис о национально детерминированном отборе этих единиц. Востребованность прецедентных феноменов, относящихся к другим культурам, обусловлена традиционными политическими, экономическими и культурными связями каждой из стран, а также рядом дискурсивных факторов. Кроме этого, в дискурсе как российских, так и американских президентских выборов оказалось необходимо выделить группу международных прецедентных феноменов, которые характеризуются размытой соотносённостью с национальным источником происхождения.

Исследование задействованных типов маркеров и видов трансформации прецедентных феноменов показало, что для дискурса российских и американских президентских выборов

2004 года характерно немаркированное использование прецедентных феноменов в нетрансформированном виде. Графические маркеры (в работе использовалась классификация Н. С. Бирюковой [2005: 38-43]) задействуются, если автор считает необходимым указать на чужеродность этих элементов и привлечь к ним внимание. Более точные указания на источник заимствования оказываются востребованы для подкрепления высказанного мнения авторитетом того или иного произведения или личности, чья компетентность не вызывает сомнений.

Then came Sept. 11, 2001, the «worst day in our history» as described by writer David McCullough. (S. Miller, Rising Tide, 04.2004)

В дискурсе американских президентских выборов 2004 года трансформации подвергается незначительное число прецедентных феноменов. Причём часть из них носит формальный характер, например, необходимые грамматические изменения для представления высказывания в косвенной речи. Для российского предвыборного дискурса характерна большая распространённость и вариативность видов трансформации прецедентных феноменов. Прецедентные феномены подвергаются трансформации для того, чтобы вовлечь читателя в языковую игру с автором, создавая, таким образом, заинтересованность. Участие в «создании» смысла высказывания, самостоятельное восстановление интертекстуальных связей влечёт за собой эмоциональную вовлечённость, что создаёт благоприятную основу для оказания запланированного воздействия.

«...» На наших глазах он (Березовский) упорно и последовательно создает себе имидж главного оппонента исключительно в глазах Запада. В глазах тех, кому можно выгодно продать «сказки Лондонского леса» с их Ивонушками-дурачками в обмен на политическое убежище, репутацию борца за свободу, а не жулика, за перспективу, наконец, оказаться и на Западе когда-нибудь первым у окошка раздачи ... (Ю. Сергеев, КП, 03.03.2004)

Анализ аспекта функционирования прецедентных феноменов показал, что в дискурсе американских президентских выборов 2004 года данные единицы в подавляющем большинстве случаев употребляются денотативно, с целью называния. Обилие таких примеров в американском предвыборном дискурсе можно объяснить доминирующей стратегией оказания манипулятивного воздействия, которая заключается в открытом информировании, а не завуалированном воздействии. В российском предвыборном дискурсе рассматриваемого периода показатели различаются по разным видам прецедентных феноменов. Частотность коннотативного употребления прецедентных текстов и прецедентных высказываний соответствует общей тенденции характерной для российского политического дискурса, которая заключается в завуалированности

механизмов воздействия. Но вопреки ожиданиям частотность денотативного употребления прецедентных имён и прецедентных ситуаций оказалась выше частотности их коннотативного использования. Это можно объяснить тем, что эти прецедентные феномены в коннотативном употреблении обладают выраженной экспрессивностью и повышенной эмоциональностью, а данная избирательная кампания была лишена «интриги», победитель был заранее известен, чем и объясняется общий неэмоциональный настрой СМИ, освещающих это политическое событие.

Сопоставительное исследование тезаурусов прецедентных феноменов разных кандидатов на пост президента показало, что для президентского предвыборного дискурса каждой из стран характерно единообразие в использовании прецедентных феноменов. Подобная однородность во всех аспектах использования прецедентных феноменов в российском предвыборном дискурсе обусловлена дискурсивными особенностями избирательной кампании, где в условиях неравной конкуренции и низкого внимания СМИ представители разных партий не боролись, а лишь принимали участие, вследствие чего дискурс президентских выборов в России оказался типизированным. Кроме этого, наметившийся в российской политической действительности кризис оппозиции также способствовал унификации дискурса кандидатов от «правых», «левых» и «центристских» партий. Что касается американского предвыборного дискурса, обнаруженные различия заключаются лишь в том, что в дискурсе кандидатов от Республиканской и Демократической партий прецедентные феномены использовались в таких контекстах, что им придавались коннотации, которые показывали в выгодном свете «своего» кандидата и дискредитировали оппонента, либо гипертрофированно усиливались одни «нужные» признаки прецедентного феномена при элиминации других.

Полученные данные позволяют выявить следующие универсальные закономерности в использовании прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе двух стран. Важность результатов президентских выборов заставляет журналистов и политологов искать аналогии в истории каждой из стран, в результате актуальны обращения к сфере «Политика». К неумолимому авторитету Библии в предвыборном дискурсе двух стран обращаются для придания весомости высказанному мнению. Прецедентные феномены сферы «Развлечение» актуализируются для привлечения и удержания внимания избирателей.

Актуализация прецедентных феноменов, восходящих к разным сферам-источникам культурного знания обусловлена, с одной стороны традицией, а с другой стороны, текущим положением дел в каждой из стран.

Для дискурса российских и американских президентских выборов 2004 года характерны

одинаковые маркеры и способы трансформации прецедентных феноменов, с меньшей вариативностью последних в американском дискурсе, это является следствием структурной ограниченности английского языка. В дискурсе российских президентских выборов прецедентные феномены используются в основном коннотативно, в дискурсе американских президентских выборов – денотативно, что связано с доминирующими стратегиями оказания манипулятивного воздействия, характерными для каждой из стран.

Апелляция к прецедентным феноменам в дискурсе как российских, так и американских президентских выборов 2004 года носит национально детерминированный характер. В использовании прецедентных феноменов кандидатами от противостоящих партий в предвыборном дискурсе каждой из стран не было выявлено отличий, обусловленных политическими взглядами соперников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 199с.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003б. – 288с.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 13. – Екатеринбург, 2004. – С. 166–174.

© Ворожцова О. А., 2007

Ворошилова М. Б.

Екатеринбург, Россия

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

In this article further detail is given about the study of creolized texts: how they function in political discourse, what the main methods of their investigation are and what types of creolized texts dominate in Russian political discourse.

В конце XX – начале XXI века окончательно сформировалось такое самостоятельное научное направление, как политическая лингвистика. А. П. Чудинов отмечает: «на современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами» [Будаев, Чудинов 2006: 19]

Одним из центральных определений политической лингвистики стало понятие дискурса.

Дискурс – это многозначный термин-понятие целого ряда наук (О многообразии вариантов определения дискурса см.: [Демьянков 2003; Карасик 2002; Кубрякова 1997; Паршин 1999; Селиванова 2002; Слышкин 2000; Шейгал 2000; Чудинов 2002]). Как отмечают исследователи, дискурс, в том числе и политический, всегда находит свое выражение в тексте, он возникает и выявляется в тексте и через текст, но ни в коем случае не ограничивается им, не сводится к некоему одному тексту. Дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний. Дискурс – это текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом, он выходит за пределы текста и включает в себя различные условия его реализации. Таким образом, дискурс существует в текстах, и поэтому анализ дискурса – это прежде всего анализ текста, но текста, «погруженного в реальность».

Политический текст – это «законченное речевое произведение политической коммуникации, формой реализации которого является политический дискурс» [Феденева 1998]. Несомненно, политический текст обладает рядом специфических, присущих только ему, черт, среди которых основополагающей является идеологичность. Т. С. Магера отмечает: «политические тексты – это тексты, обладающие определенной интенцией, под которой понимается общая установка, направленность текста на достижение определенного результата» [Магера 2005: 24]. Любой политический текст имеет коммуникативную целеустановку на воздействие и убеждение, объектом которого являются самые широкие слои населения.

В последние годы всё большее внимание лингвисты уделяют организации так называемых креолизованных текстов]. Действительно, особую значимость в современной политической коммуникации, по мнению целого ряда исследователей [Бойко 2006; Магера 2005; Чудакова 2005 и др.], приобретают семиотически сложные, или креолизованные, тексты, в формировании содержания и прагматического потенциала которых взаимодействуют коды разных семиотических систем, которые в свою очередь интегрируются и перерабатываются реципиентом в некое единое целое.

Несмотря на тот факт, что на уровне глубокой семантики, очевидно, не существует принципиальной разницы между значением вербальных и иконических знаков, тем не менее, специальные исследования свидетельствуют о том, что вербально и невербально передаваемая информация воспринимается по-разному. Так, информация, содержащаяся непосредственно в текстовом сообщении, усваивается лишь на 7%, голосовые характеристики способствуют усвоению 38% ин-

формации, тогда как наличие визуального образа заметно повышает восприятие – до 55%. При этом важно отметить, что если вербально представленная информация влияет на сознание индивида рациональным путём, то использование различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень (Г. Г. Почепцов) [цит. по: Бойко 2006]. Кроме того, визуально воспринимаемая информация, «впечатления глаза», по мнению исследователей, вызывает у адресата большее доверие. Так, Л. Войтасек пишет: «то, что мы видим, быстрее и легче принимается как истина, вызывает меньше опасений» [Войтасек 1981: 190]. Изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чей-то интерес или позицию, принимается, как правило, в качестве некоей объективной картинки и не соотносится в сознании адресата с той или иной политической установкой адресанта, оно кажется более демократичным [цит. по Чудакова 2005: 189]. Таким образом, можно говорить об огромной воздействующей силе креолизованного текста, что и обуславливает их популярность и актуальность в рамках современного политического дискурса.

В центре внимания исследователей политического дискурса оказались следующие жанровые разновидности креолизованных текстов: политический плакат, агитационная листовка, политическая карикатура и иллюстративный материал публицистических политтекстов.

В настоящее время в ходе анализа современных научных работ, посвященных изучению политического креолизованного текста, уже можно выделить несколько сформировавшихся подходов к анализу материала:

1) семиотическое направление, в том числе работы по концептуальной метафорике;

2) структурно-риторическое направление, посвященное вопросам взаимодействия языковой и иконической составляющей креолизованного текста;

3) коммуникативное направление, в центре внимания исследователей проблема коммуникативных стратегии и тактик.

Политическая карикатура. «Одной из важнейших форм невербального общения людей издавна считается карикатура», – пишет А. В. Дмитриев [www: 1]. Карикатура – как рисунок, изображающий кого-либо в намеренно преувеличенном, смешном, искаженном виде – в политической коммуникации используется, по замечанию некоторых исследователей, примерно с XIII века до нашей эры. А. В. Дмитриев связывает рождение политической карикатуры с появлением знаменитого рисунка, изображающего Рамзеса III, играющего с антилопой в шашки. Несомненно, что политическая карикатура – как один из основных видов графики – употребляется давно, но все же как особый вид искусства он начал приобретать

особое значение лишь во второй половине XIX века.

В настоящее время карикатура чаще воспринимается не просто как некое средство критики, иронии, но и как некое зеркало современности, чутко реагирующее на все изменения в обществе, «как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью» [Будаев, Чудинов 2006: 132].

Нередко исследователи говорят о несомненном авторском начале в политической карикатуре, а значит ее образная система должна отражать индивидуальную интерпретацию событий, но большинство ученых давно согласилось, что эта интерпретация бесспорно несет на себе отпечаток национального коллективного сознания, и следовательно изучение политической карикатуры является значимым источником информации об общественном сознании.

Большинство политических карикатур посвящены важнейшим и остро актуальным проблемам таким, как избирательные кампании, вопросы войны и мира, коррупции в правительстве, например, в последний год популярна тема национальных проектов в России. Помимо этого политическая карикатура выполняет и воздействующую функцию, так как является очень действенным средством формирования общественного мнения, что наиболее активно использовалось советской властью.

Представленная история развития культуры политической карикатуры в России в работе А. В. Дмитриева «Социология юмора» [www], рассматривающая в первую очередь объект карикатуры, является прямым подтверждением выше сказанного. Так, исследователь утверждает, что традиционно объектом критики в политической карикатуре всех времен и народов становились властители с их отвратительными пороками, но в «особые периоды», например война, революция, происходило некое смещение в сторону «врага». Для многих художников путеводным стало известное высказывание А. В. Луначарского: «И сейчас наш смех, направленный против врага, будет злым, потому что враг еще силен» [цит. по: Дмитриев www: 1]. В годы Великой отечественной войны карикатуристы, естественно, обратили свои «орудия» на деятелей фашистской Германии, а после окончания на бывших советских союзников – Черчилля, Трумэна и прочих политических лидеров США и Западной Европы.

Далее автор анализируемой работы предлагает с опорой на исследования В. Богорада классификацию изобразительных символов, используемых в современной карикатуре [цит. по: Дмитриев www: 4-6]. В первую очередь, выделяется так называемая «эзоповская» группа: «люди и животные наделяются одина-

ковыми свойствами не только внешнего вида, но также характера и интеллекта». Постепенно, как отмечает исследователь, выходит из употребления классическая «мифическая группа», где прообразами служат персонажи Древней Греции и Древнего Рима. Напротив популярность сохраняет «средневековая» группа (рыцари, шуты и короли). Следующие группы автор обозначает, используя термины В. Богорада: «пиктографическая», которая включает в себя все международные условные обозначения; «итимическая», состоящая из символов-жестов (например, известный русский кукиш); «платяная» (стереотипные образы такие, как клоун, полицейский, медсестра и т.д.); наиболее же употребительной среди выше указанных автор считает «вещевую» группу, использующую образы предметов, окружающих нас в быту, например, стол, диван, телевизор, холодильник и т.д.

Процесс формирования новой изобразительной символики основывается на принципе «постепенности», как отмечает А. В. Дмитриев: «новые символы обычно создается на старом восприятии других символов». Так например, современный российский герб нередко обыгрывается в политической карикатуре через такие прецедентные образы, как голубь мира – вместо двуглавого орла. Отметим, что в данной классификации понятие прецедентности занимает центральное место, так понятие «узнаваемости» визуального образа основополагающее для карикатуры как жанра графики, а значит дальнейшее изучение данного феномена в рамках креолизованного текста несомненно актуально.

Представленная исследователями (А. Дмитриевым, В. Богорада) и рассмотренная нами классификация образной системы современной политической карикатуры является одним из важнейших орудий ее (карикатуры) анализа. Современные лингвистические исследования политической карикатуры также традиционно развиваются в русле семиотического направления, как в силу традиций, так и в силу специфики самого материала изучения.

Политическая карикатура основана на сочетании таких семиотических систем, как графика и язык, причем первое играет несомненную ведущую роль. Текст подписи под карикатурой (или реже «внутри») традиционно сведен к минимум, и используется лишь для актуализации того или иного компонента значения. Воздействие на сознание реципиента в основном происходит по визуальному каналу, поэтому рассмотрение проблем корреляции вербального и визуального ряда в рамках карикатуры не актуален.

Отметим, что в российской науке политическая карикатура, как правило, является сопутствующим материалом исследования, специальных серьезных работ, посвященных это-

му актуальному вопросу пока нет, напротив в зарубежной лингвистике систематическое изучение политической карикатуры началось еще 80-е годы прошедшего столетия.

Детальный обзор современных зарубежных исследований политической карикатуры представлен в работе Будаева Э.В., Чудинова А.П. «Метафора в политическом интердискурсе». Авторы также отмечают, что «лидирующее место в исследовании невербальных политических метафор занимают работы по метафорам в политической карикатуре» [Будаев, Чудинов 2006: 132]. Исследования концептуальных метафор в политических карикатурах направлены на решение ряда важнейших вопросов: 1) выявление ролей, приписываемых политикам [Benoit et al. 2001; Seymour-Ure 2001], 2) анализ визуальных образов внешнего врага [Diamond 2002; Edwards 1993]; 3) представление кандидатов во время выборов (президента и др. должность) [Buell, Maus 1988; Sena 1985] [цит. по. Будаев, Чудинов, 2006].

Однако наибольший интерес, по мнению авторов, представляют работы, посвященные сопоставлению вербальных и невербальных политических метафор в рамках одного исследования. На несомненную связь между данными уровнями в свое время указывал и А.Н. Баранов, рассматривающий визуальный ряд как одну из форм существования политических метафор, которые «часто дают начало сериям карикатур, основанных на метафорических следствиях» [Баранов 1991: 192]. В ходе исследований, посвященных данным проблематики, ученым (например, [Bergen 2004]) «удалось показать, что в основе осмысления определенных политических событий как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики» [Будаев, Чудинов 2006: 135-136].

Как показывает представленный обзор, изучение политической карикатуры интересное и актуальное направление современной политической лингвистики.

Политическая иллюстрация. В рамках рабочего определения «политическая иллюстрация» мы в ходе настоящего исследования понимаем: креолизованный текст, используемый в публицистических текстах, посвященных освещению политических вопросов.

Специфика политической иллюстрации в отличие от рассмотренной выше политической карикатуры проявляется в тесной и неразрывной взаимосвязи вербального и невербального компонентов. Иллюстрация – это изображение (рисунок, фотография и т.п.) поясняющее и дополняющее основной текст. Поэтому основ-

ной и наиболее популярный метод анализа данного материала развивается в русле структурно-риторического направления: в центре исследований – анализ корреляций между компонентами креолизованных текстов.

Действительно, изображение и слово, вербальный и невербальный компоненты креолизованного текста никогда не представляют собой некую «сумму семиотических знаков», их значение интегрируется и «образует сложно построенный смысл» [Анисимова 2003], что особенно актуально в рамках политической иллюстрации. Таким образом, между вербальной и невербальной частями креолизованного текста устанавливаются разные виды корреляции, в современной лингвистике существует несколько подходов к их описанию и классификации. Подробный обзор данных классификаций представлен в работе Анисимовой Е.Е. «Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)» (2003), а также в статье Ворошиловой М.Б. «Креолизованный текст: аспекты изучения» (2007).

Ярким примером такого подхода может служить раздел в диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н.М. Чудаковой (2005). Автор анализируемого исследования проследила различные виды взаимосвязи между вербальным (а именно – метафорическими выражениями) и иконическим компонентами на примере статей «Двенадцать» К. Смирнова (Коммерсант-власть. 2000. №27) и «Инвестиционный климат: три пояса» Э. Бернштейна (НВ. 2000. №27).

Особенно интересным и актуальным автору представляется исследование взаимодействия визуальной части текста с концептуальными метафорами, доминантными в русской культуре, в русском самосознании: Чудакова Н.М. подчеркивает тесную связь визуальной метафоры с национальной культурой. «Например, по мотивам традиционной концептуальной метафоры «гибель – это пропасть» в печатных средствах массовой информации, – отмечает автор, – создается широкий визуальный ряд метафоры «пропасть», так как «визуальный ряд, образованный на базе концептуальной метафоры «гибель – это пропасть», имеет открытую структуру и может пополняться бесконечно долго за счет актуализации все новых метафорических смыслов, основанных на интерпретации тех или иных проблемных ситуаций» [Чудакова 2005: 189, 191]. Среди других концептуальных метафор, доминантных в русской национальной самосознании, исследователь отметил следующие: дорога (выбор дальнейшего пути развития), земля и поле во время пахоты (Россия), солнце (президент, власть, законодательство), тучи (опасность), дождь (неприятности), горы (политики), термо-

метр (измерение народного недовольства), зонтик (закон) и т. д.

Анализируя виды взаимодействия между вербальными и невербальными метафорами политической иллюстрации, автор отмечает корреляции двух типов: 1) отношения взаимозависимости, при которой интерпретация визуальной части определяется доминирующей метафорической моделью, заданной в тексте (это тексты с частичной креолизацией); 2) отношения взаимодополнения, при котором изображение становится следствием наиболее значимых концептуальных метафор и поэтому понятно без слов и может существовать самостоятельно (это тексты с полной креолизацией) [Чудакова 2005: 194].

Также в ходе исследования Н.М. Чудакова пишет, что изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чей-то интерес или позицию, принимается, как правило, в качестве некоей объективной картинки и не соотносится в сознании адресата с той или иной политической установкой адресанта, оно кажется более демократичным. Однако на самом деле изображение имеет мощный воздействующий потенциал, тем более усиленный имплицитными или эксплицитными связями с открытой для интерпретации метафорической структурой текста [Чудакова 2005: 189].

Данное замечание объясняет повышенный интерес к политической иллюстрации ученых – представителей коммуникативного направления, в центре внимания которых проблема коммуникативных стратегий и тактик. В рамках настоящего направления выполнено диссертационное исследование Ю.А. Антоновой «Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт)» (2007). Автор утверждает, что «креолизованные тексты играют особую роль при реализации определенных коммуникативных стратегий и тактик: способствуют увеличению суггестивного потенциала публикации» [Антонова 2007: 9]. Ю.А. Антонова рассматривает так называемую «тактику иллюстрации» и особенности ее функционирования в рамках решения различных стратегий, например, таких, как коммуникативная стратегия создания психологического напряжения, стратегия запугивания и др.

Несмотря на то, что политическая иллюстрация наиболее изученный материал из рассматриваемых нами, но его детальное и систематическое изучение, конечно, еще впереди

Политический плакат. Плакат, по определению Демосфеновой Г., – «это единичное произведение искусства, лаконичное, броское (обычно цветное) изображение с кратким текстом (как правило, на большом листе бумаги), выполненное в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях». В рамках этого определения автор подчеркивает воз-

действующую функцию плакатного текста, который должен привлечь внимание и интерес, активизировать восприятие, нацелить в нужном направлении сознание и волю к действию [Демосфенова 1962: 15]. Данную позицию полностью поддерживает Т.С. Магера: для политического плаката «характерна установка на убеждение, при которой учитываются цели и условия коммуникации. При этом нужно отметить сознательность, преднамеренность акта коммуникации. Коммуникативная целеустановка политических текстов – это установка на воздействие, убеждение» [Магера 2005: 33]

Диссертационное исследование Т.С. Магера представляет собой классический пример структурно-риторического анализа (в терминологии автора – лингвориторическое моделирование). При обосновании выбора методики анализа автор ссылается на специфику самого жанра политического плаката и приводит следующие его характеристики:

Во-первых, Структурность текста политического плаката: в структуру политического плаката как текста входят определенные компоненты, не только языковые, но и неязыковые [Магера 2006: 27].

Во-вторых, Формальная, пространственная и информационная ограниченность. О первых двух видах ограниченности говорила еще Демосфенова Г.: политический плакат ограничен листом бумаги, на котором он выполнен, а также должен быть вписан в «городской» и общественный фон, то есть ограничен определенным местом и временем функционирования политического плаката. Т.С. Магера добавляет к этому и третье ограничение – информациональное: «в политическом плакате можно вместить определенный объем информации определенного характера» [там же].

В-третьих, Стереотипность. Все политические плакаты, по мнению исследователя, взаимосвязаны и функционируют в едином (и определенном – добавляет автор) пространстве. При их создании учитывается предыдущий опыт создания и функционирования плакатов, а также стереотипные установки, потому Магера Т.М. считает, что в политическом плакате отражаются определенные стереотипы [Магера 2006: 37].

Таким образом, вслед за исследователем мы делаем вывод, что исходя из структурности, ограниченности и стереотипности текста политического плаката, адекватным средством его анализа будет несомненно структурный подход, основанный на принципах системности и иерархичности, учитывающий обязательное наличие доминантных компонентов. Дальнейшее исследование Т.С. Магера выстраивает с учетом выше сказанного: автор описывает компоненты текста политического плаката, их взаимодействие и как вывод – коммуникатив-

но-риторический потенциал политического плаката.

Среди основных компонентов текста политического плаката автор выделяет: вербальные (название, слоган, программная информация, содержащаяся в плакате) и визуальные (изображение, цвет, такие паралингвистические элементы, как знаки препинания, шрифт). Также автор выделяет следующие коммуникативно-значимые параметры текста политического плаката: смысловый объем программы, простота, зрелищность, тематическое содержание программы, степень индивидуализации. В ходе исследования Магера Т.С. составляет матрицу проявления ядерных свойств поля текста в компонентах, составляющих поле текста политического плаката [Магера 2006: 127]. Данная матрица наглядно демонстрирует, что ядро в политическом плакате реализуется в словесном режиме, в визуальный – служит обязательным дополнением и продолжением. Данное заключение позволяет объединить по указанному критерию такие креолизованные политические тексты, как политический плакат и политическая иллюстрация, а значит представленные методики их анализа могут быть использованы и по отношению к плакату, и по отношению к иллюстрации.

В заключении настоящего исследования отметим, что изучение креолизованного текста, в том числе в дискурсе политическом, перспективное и актуальное направление современной науки, на данный момент можно говорить только о формировании как предмета изучения, так и методики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Academia, 2003. – 128 с.

Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук – Екатеринбург, 2007

Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) (10.02.04 – Германские языки): Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук – Воронеж – 2006

Большаянова Л. С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: Содержание и структура. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Л., 1986.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – 2-н изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2006 – 213 с.

Войткевич Е.В. Смыслообразующая роль визуальной обложки в структуре рок-альбома // Русская

рок-поэзия: текст и контекст: Сборник научных трудов – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – Вып.5. – 308 с. – с. 26-36.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Выпуск (1)21 / Урал. гос. пед.ун-т; Главный редактор Чудинов А.П. – Екатеринбург 2007. – с. 75-80

Демосфенова Г. Советский политический плакат. М., 1962

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С.116-133.

Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки / РАН Отд. Философии, социологии, психологии и права. – М., 1996. – 214 с. // www.auditorium.ru/books/4212/.

Зенкова А.Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразии политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 39-54.

Лазарева Э.А., Горина Е.В. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе сми // Лингвистика 11. С. 103-112 – Екатеринбург, 2003

Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Барнаул, 2006.

Сергеева О.В. Наружная политическая реклама в эпоху электронных медиа // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб. – Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 220-225.

Чаплыгина Ю.С. Текстовые категории лингво-визуального феномена карикатуры // www.auditorium.ru/books/.

Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10. 02. 01 – русский язык) – Екатеринбург, 2005

Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002

Кубрякова Е.С, Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Материалы науч. конференции. – М., 1997.

Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www/elections.ru/biblio/parshin.htm/ Архив 23 марта 1999.

Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – Киев: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002 – 336 с.

Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональ-

ный дискурс. Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38-45.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000 – 368 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь, 2001а. – № 1,3,4; 2002б – №1,2,3.

Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: дисс ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1991 – 193 с.

© Ворошилова М.Б., 2007

Иньиго-Мора Изабель

Севиля, Испания

Делиджорджи Катерина

Брайтон, Великобритания

Перевод: Будаев Э.В., Лекарева Е.В.

СТРАТЕГИЯ УКЛОНЕНИЯ

В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ:

АНАЛИЗ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ИНТЕРВЬЮ

ТОНИ БЛЭРА

(Авторы хотят поблагодарить Питера Булла за полезные комментарии по первым версиям этой статьи)

Abstract

There is wide agreement that politicians do not normally answer all the questions they are asked (Blum-Kulka 1983; Bull 1994; Bull and Mayer 1993; Clayman 1993 and 2001 and Harris 1991). Our aim is to identify the specific linguistic strategies of evasion used by a specific politician: the British Prime Minister Tony Blair. We analyse seven interviews covering a period from 26-01-2003 to 14-02-2006, carried out by different interviewers (J. Paxman, D. Frost and W. Woodward) about different topics (Iraq conflict, European Union, Education and Public Services) and totaling 213 questions. We submit this data to analysis taking into account three parameters: the topic dealt with; the identity of the interviewer; and the content of answer and question.

1. Введение. Широко известно, что политики обычно не отвечают на все вопросы, которые им задают (Blum-Kulka 1983; Bull 1994; Bull and Mayer 1993; Clayman 1993 and 2001, and Harris 1991). Как утверждает Х. Вернер [Werner 1989: 115], «плохая репутация политиков относительно их политического поведения в большой степени связана с тем, как они используют язык». Чтобы изучить определенные лингвистические реализации стратегии уклонения, используемые политическими деятелями, мы решили сосредоточиться на конкретном политическом деятеле – британском премьер-министре Тони Блэре – и проанализировать его телевизионные интервью в период с 26 января 2003 г. по 14 февраля 2006 г.

После краткого анализа общих особенностей телеинтервью (2) мы рассматриваем существующие подходы к исследованию стратегии уклонения в политической коммуникации (3). Затем мы представляем свои данные (4) и излагаем применяемые методы анализа (5). Во внимание принимаются два параметра: тема интервью и личность интервьюера. С помощью макроанализа данных мы стремимся установить взаимосвязь между этими двумя параметрами (6). Далее мы обращаемся к более детальному исследованию и проводим риторический анализ содержания интервью, или 'микроанализ' (7). В завершение мы представляем полученные результаты (8).

2. Телеинтервью. Телеинтервью отличаются от обычных бесед предварительным определением порядка коммуникативных шагов, которого должны придерживаться интервьюируемые с определенным институциональным статусом, в случае с политическими интервью представители правительства (Atkinson, Drew 1979; Greatbatch 1988). Интервью – последовательность вопросов и ответов. Интервьюеры (IRs) ограничены ролью задавать вопросы, интервьюируемые (IEs) должны отвечать на вопросы, поставленные IRs, и воздерживаться от вопросов или от неволеваемых комментариев по отношению к другим темам (Heritage, Greatbatch 1991).

Исследователи выделили следующую формальную структуру интервью:

1. IEs ограничены в ответных действиях. В результате, IEs не могут должным образом начать или закончить интервью, эта задача исключительно IRs.

2. порядок смены ролей не дает IEs возможность распределять очередность коммуникативных шагов среди говорящих (за исключением особых непредвиденных обстоятельств) или назначить себе роль говорящего в ситуациях когда в интервью участвуют больше, чем две стороны (то есть, два или больше IEs и/или два или больше IRs).

3. вопросы IR определяют 'повестку дня' и могут вынудить IEs предпринимать сложные коммуникативные действия всякий раз, когда вопросы неприятны IE, или уклоняться от вопросов IR, не нарушая порядок смены ролей, который все-таки подразумевает ответы на вопросы IR (Heritage, Greatbatch 1991).

Кроме того, интервьюеры должны придерживаться нейтральной позиции по отношению к утверждениям интервьюируемого. Интервьюеры должны избегать «враждебных или благосклонных утверждений в отношении позиции IE, которые могут быть рассмотрены как личное мнение или как позиция их работодателей» [Heritage, Greatbatch 1991: 107].

3. Стратегия политического уклонения. Как заметил С. Клейман, «существует широко распространенное мнение, что политические

деятели часто уклончивы при опросе представителями средств массовой информации, и это мнение небезосновательно» [Clayman 2001: 403]. С. Харрис соглашается, что «политики действительно кажутся уклончивыми и используют более высокую степень уклончивости в своих ответах на вопросы, чем другие респонденты в сопоставимых контекстах» и добавляет, что «уклончивость, наиболее вероятна в ответ на вопросы, которые стремятся выявить противоречия в позиции, привлечь внимание к внутривластным конфликтам или недостаткам непопулярной политики» [Harris 1991: 92]. Есть обширная литература по этой теме (Bavelas et al. 1988; Blum-Kulka 1983; Bull 1994, 1998; Bull, Mayer 1993; Clayman 1993, 2001; Greatbatch 1986; Harris 1991).

Особенно интересен кодирующий метод, разработанный П. Буллом и К. Майером (Bull, Mayer 1993) для того, чтобы анализировать отказы политических деятелей отвечать на вопросы. Материалом для указанного исследования послужили восемь телевизионных политических интервью, записанных во время британской предвыборной кампании 1987 г. Авторы сравнили интервью Маргарет Тэтчер (консервативный министр, 1979-1990 гг.) и Нейла Киннока (лидер лейбористской оппозиции, 1983-1992 гг.). П. Булл и К. Майер показывают, что оба политических деятеля были не в состоянии ответить на большую часть заданных вопросов (Тэтчер – 56 %, Киннок – 59 %). Разработанная П. Буллом и К. Майером классификация включает 11 категорий и 30 подкатегорий.

П. Булл (Bull 1994) предпочитает использовать термин «неответ» вместо более уничижительного слова «уклонение», потому что «при определенных обстоятельствах для политика может быть совершенно разумно не ответить на вопрос (например, если вопрос плохо сформулирован, неуместен, или основан на ложном или очень спорном предположении)» (Bull 1994: 116). П. Булл утверждает, что иногда нет никакого строгого разделения между ответами и «неответами». Вместо этого есть континуум, где промежуточные ответы занимают положение «на полпути между полным ответом и полным отказом ответить на вопрос» (Bull 1994: 115).

П. Булл (Bull 1994) классифицирует промежуточные ответы на три главных группы: (i) косвенный ответ (политик ясно дает понять его или её взгляды, но, не выражает их явно); (ii) неполный; и (iii) прерванный ответ (ответ, при котором невозможно сказать, ответил бы политик на вопрос или нет, если бы его не прервал интервьюер). Неполные ответы подразделяются на полуответы (то есть интервьюер задает двойной вопрос, а интервьюируемый отвечает только на один), частичные ответы (то есть политик отвечает только на часть оди-

нарного вопроса), или фракционные ответы (то есть политик отвечает только на часть составного вопроса).

П. Булл (Bull 1994) классифицирует ответы по типам вопросов:

(i) Специальные вопросы. Считается, что интервьюируемый ответил на специальный вопрос, если он или она предоставил недостающую переменную.

(ii) Общие вопросы. Подтверждение и отрицание могут быть переданы не только при помощи «да» или «нет», но и при помощи выражений «конечно», «несколько», «никогда» и т.д. Эти выражения составляют континуум, к которому можно отнести и другие выражения: «вероятно», «возможно», «кажется, так», «в некоторой степени», «иногда», «очень часто» и т.д. Кроме того, «да» или «нет» не всегда являются ответами на альтернативные вопросы: иногда «да» может просто использоваться, чтобы признать вопрос, а «нет» может только предшествовать недовольству формулировкой самого вопроса. Наконец, ответов «да» или «нет», может быть недостаточно, чтобы ответить на общий вопрос.

(iii) Разделительные вопросы. Интервьюируемый действительно ответил на вопрос этого типа, если он/она или выбирает одну из двух альтернатив, изложенных в вопросе, или представляет альтернативу, которая также могла бы быть расценена как ответ. И наоборот, интервьюируемый не ответил на альтернативный вопрос, если он или она и не выбирает одну из альтернатив, изложенных интервьюером, и не предлагает другую альтернативу.

4. Данные. Наши данные включают семь интервью (всего 213 вопросов):

№ интервью	Дата интервью	Интервьюер	Тема
1	14.02.2006	Уилл Вудворд (редактор журнала «Educational Guardian»)	Образование
2	20.01.2004	Джеремии Паксмэн (представитель, Би-би-си 2, Newsnight)	Образование; плата за обучение
3	10.02.2003	Джеремии Паксмэн	Коммунальное обслуживание
4	06.02.2003	Джеремии Паксмэн	Ирак

5	20.06.2004	Дэвид Фрост (представитель, BBC1 <i>Завтрак с Фростом</i>)	Европейский союз
6	30.05.2004	Дэвид Фрост	Общее интервью; темы: Ирак, Европейский союз, следующие всеобщие вы-

			боры, ожирение
7	26.01.2003	Дэвид Фрост	Ирак

5. Метод анализа. В исследовании применяются методы макро- и микроанализа. Макроанализ охватывает такие аспекты как (i) личность интервьюера и (ii) тема обсуждения. Цель макроанализа состоит в том, чтобы определить, есть ли какая-нибудь прямая корреляция между этими двумя параметрами, и если есть, то, до какой степени личность интервьюера и тип темы влияют на поведение интервьюируемого. В нашем случае три интервьюера (В. Вудворд, Дж. Паксмэн, Д. Фрост) и четыре темы (образование, Ирак, ЕС и коммунальное обслуживание) будут приняты во внимание. Мы проигнорировали ожирение и всеобщие выборы из интервью № 6, потому что об этих темах участники интервью говорили очень кратко. Микроанализ проявляет внимание к содержанию интервью и имеет целью предложить всестороннее понимание проблемы лингвистической стратегии уклонения.

Типология, используемая для макроанализа, основана на теории П. Булла (Bull 1994), но немного изменена. Эти изменения формулируются следующим образом:

(1) Прямые ответы: ответы, в которых очень легко идентифицировать информацию, потому что она непосредственно предоставлена.

(2) Промежуточные ответы:
– косвенные (слушатель должен вывести ответ),

– неполные (интервьюируемый дает часть информации)

– прерванные (интервьюируемый прерван и нет никакого способа предположить ответ).

(3) Неответы: интервьюируемый не предоставляет информацию, запрошенную в вопросе.

Микроанализ основан на современных теориях аргументации (Krabbe 1985; Walton 1985; Eemeren 1986, 2002; Johnson 2000). Отобранный материал основан на макроаналитических результатах, чтобы установить степень внимания к содержанию интервью.

6. Макроанализ. Результаты. Таблицы 1 и 2 показывают распределение прямых ответов, промежуточных ответов и неответов относительно интервьюера, который задал вопрос (Таблица 1), и темы обсуждения (Таблица 2):

Таблица 1. Классификация относительно интервьюера

	Прямые ответы	Промежуточные ответы	Неответы	Всего
В. Вудворд	17→ 40.5%	17→ 40.5%	8→ 19%	42
Дж. Паксмэн	52→ 52%	24→ 24%	24→ 24%	100

Раздел 1. Язык в политической коммуникации

Д. Фрост	31→ 43.7%	12→ 16.9%	28→ 39.4%	71
----------	--------------	--------------	--------------	----

короткие	35.3%	27.3%	53.8%	33.3%
Всего	34	44	13	9

Таблица 2. Классификация относительно темы

	Прямые ответы	Промежу- точные ответы	Неответы	Всего
Образование	34→ 43%	26→ 32.9%	19→ 24.1%	79
Ирак	44→ 47.3%	17→ 18.3%	32→ 34.4%	93
ЕС	13→ 48.1%	6→ 22.2%	8→ 29.7%	27
Коммунальное обслуживание	9→ 64.3%	4→ 28.6%	1→ 7.1%	14

Таблицы 3 и 4 иллюстрируют различные типы прямых ответов: (1) с резервированием, (2) с задержками, (3) выражение (не)согласия, (4) распространенные, (5) прямые и короткие. Все они являются прямыми в смысле, что ответ очень легко распознать, но они отличаются по способу, которым интервьюируемый их озвучивает.

Таблица 3. Распределение прямых ответов согласно теме

	В. Вудворд	Дж. Паксман	Д. Фрост
с резервированием	2→11.8%	5→9.6%	0
с задержками	2→11.8%	0	0
выражение (не) согласия	1→5.9%	17→32.7%	5→16.1%
распространенные	8→47%	12→23.1%	14→45.2%
прямые и короткие	4→23.5%	18→34.6%	12→38.7%
Всего	17	52	31

Таблица 4. Распределение прямых ответов в соответствии с личностью интервьюера

	Образование	Ирак	ЕС	Коммунальное обслуживание
с резервированием	3→ 8.8%	1→ 2.3%	0	3→ 33.3%
с задержками	2→ 5.9%	0	0	0
выражение (не) согласия	4→ 11.8%	13→ 29.5%	3→ 23.1%	3→ 33.3%
распространенные	13→ 38.2%	18→ 40.9%	3→ 23.1%	0
прямые и	12→	12→	7→	3→

Следующий пример из Интервью 1 является примером ответа с резервированием. В. Вудворд говорит о свободе школ:

(1) ВУДВОРД: Вы говорите, что все школы могут стать трестами.

БЛЭР: Да, но только если руководство хочет этого, если родители и учителя и губернаторы хотят стать трестовыми.

Т. Блэр использует прямой ответ, потому что говорит "да". Вместе с тем он указывает на некоторые ограничения к его ответу ("но только если..."). Этот тип ответа мы назвали "ответ с резервированием".

В том же самом интервью мы нашли прямые ответы с задержкой. Интервьюируемый отвечает на вопрос прямо, но после некоторых предварительных комментариев:

(2) ВУДВОРД: Уже прошло 30 лет со времени речи Джеймса Каллагана Раскина. Считаете ли Вы, что тогда государство забрало лишние полномочия у школ, и то, что Вы делаете теперь, это попытка качнуть маятник немного назад; это было необходимо в то время, но теперь мы должны прекратить централизацию?

БЛЭР: Я думаю, если Вы посмотрите на реформу коммунального обслуживания в этой стране и в современном мире, в странах как Великобритания, то увидите в основном тот же самый образец реформы. Что это за реформа? Она касается дифференциации и исчезающих барьеров между общественными, независимыми и добровольными секторами, а также индивидуализирования обслуживания, так, чтобы обслуживание было для человека, а не человек для обслуживания. Она касается разрушения старых ограничений на работу и понимания того, что это не просто вопрос денег, хотя деньги очень, очень важны. Я думаю, да, в определенном смысле за несколько десятилетий дебаты не только по поводу школ, но и о реформе коммунального обслуживания, переместились от темы централизованного обслуживания – и в этом случае единственно правильный способ заключается в том, чтобы определить все из центра и предложить всем одно и то же – к теме намного более разнообразного, более индивидуального обслуживания, при котором потребитель услуг сможет сам принимать многие решения.

В этом примере Блэр отвечает на вопрос после небольшого вступления, но он делает это весьма прямым способом (ответ выделен курсивом).

Интервью 4 содержит хороший пример прямого ответа без задержек или резервирования любого вида:

(3) ПАКСМАН: Хорошо, так ответ мы получим на следующей неделе. Вы дадите обязательство этой аудитории и британскому народу, что прежде чем начать военные действия, Вы будете

ждать резолюции ООН, которая санкционирует использование военной силы.

БЛЭР: Мы сказали, что как раз это мы и хотим сделать.

Согласие и несогласие считают прямыми ответами, потому что они напрямую отображают идеологическую позицию интервьюируемого. Несогласия, в целом, менее желательны для коммуникации (Pomerantz 1984; Iñigo-Mora 2002), поэтому их актуализация интервьюируемым свидетельствует о высоком уровне напряженности. Таблицы 5 и 6 показывают распределение согласий и несогласий в соответствии с личностью интервьюера (таблица 5) и темой (таблица 6):

Таблица 5: Выражение (не)согласия в соответствии с личностью интервьюера.

	В. Вудворд	Дж. Пак-смэн	Д. Фрост
Согласие	0	1→5.9%	3→60%
Несогласие	1→100%	16→94.1%	2→40%
Всего	1	17	5

Таблица 6: Выражение (не)согласия в соответствии с темой

	Образование	Ирак	ЕС	Коммунальное обслуживание
Согласие	1→25%	0	3→100%	0
Несогласие	3→75%	13→100%	0	3→100%
Всего	4	13	3	3

Нижеследующее является примером выражения согласия из Интервью 4, в котором сравниваются больницы Государственной службы здравоохранения и государственные школы:

(4) ПАКСМЭН: У всех ли, кто лечится в больницах ГСЗ здоровье становится лучше?

БЛЭР: Я с Вами соглашусь, что делать? Давайте будем честны, все деньги идут из всеобщих налогов. Но это означало бы, что любые дополнительные деньги, которые можно получить от налогов, пойдут на увеличение расходов на студентов, а не, скажем, ученикам начальной или средней школы или тем семи миллионам взрослых в этой стране, которые не имеют даже основных умений и навыков и должны заплатить, чтобы пойти и получить эти умения и навыки.

Выражение согласия является ясным и прямым. Но есть и прямые несогласия, как, например, в Интервью 5:

(5) ПАКСМЭН: Вы создали окружение, в котором больше менеджеров, чем мест!

БЛЭР: Мне жаль, но это бессмыслица. Это действительно не имеет смысла.

Говоря о прямых ответах, необходимо сказать, что есть дальнейшие разграничения. Интервьюируемый может решить расширить свой ответ. Нет никакой проблемы, когда интервьюируемый расширяет ответ, говоря по теме вопроса, но иногда он расширяет ответ, отходя от темы. Таблицы 7 и 8 иллюстрируют распределение этих двух типов отступлений согласно личности интервьюера (Таблица 7) и теме (Таблица 8):

Таблица 7. Прямые ответы с расширением согласно личности интервьюера

	В. Вудворд	Дж. Пак-смэн	Д. Фрост
Отступления от темы	1→12.5%	4→33.3%	4→28.6%
Отступления по теме	7→87.5%	8→66.7%	10→71.4%
Всего	8	12	14

Таблица 8. Прямые ответы с расширением согласно теме

	Образование	Ирак	ЕС	Коммунальное обслуживание
Отступления от темы	3→23.1%	5→27.8%	1→33.3%	0
Отступления по теме	10→76.9%	13→72.2%	2→66.7%	0
Всего	13	18	3	0

Следующий пример расширения вне темы из Интервью 7. Фрост и Блэр обсуждают время, которое нужно инспекторам, чтобы обнаружить оружие массового поражения:

(6) ФРОСТ: И у них должно, у них должно быть это время, будь-то недели или даже месяцы.

БЛЭР: Ну, я не думаю, что им потребуются недели – скорее месяцы – чтобы узнать, будет ли он сотрудничать или нет, но у них должно быть любое время, которое им нужно.

И мы с самого начала так и говорили. И, Вы знаете, что самое интересное – я слышал Ваше сообщение ранее, когда Ваш корреспондент говорил, что война неизбежна – война не неизбежна.

Это зависит от Саддама. Если он будет сотрудничать с инспекторами и если он скажет, сколько у него оружия, если он будет полностью сотрудничать с ними и разрешит им не только доступ, но и сообщит им, какое оружие у него есть и разрешит им затем избавиться от него, сделать Ирак безопасным и свободным от оружия массового поражения, химического,

биологического, и потенциально ядерного, то проблема будет закрыта.

Но в настоящее время он этого не делает.

Т. Блэр отвечает на вопрос весьма прямым способом в первых двух строчках (курсив), но потом он полностью меняет тему: тема вопроса – задача инспектора в Ираке, и последние строчки ответа Блэра о нехватке сотрудничества и ответственности Саддама за все (включая возможную войну).

Таблицы 9 и 10 показывают распределение различных типов промежуточных ответов согласно личности интервьюера (Таблица 9) и тема (Таблица 10):

Таблица 9. Анализ промежуточных ответов в соответствии с интервьюером

	В. Вудворд	Дж. Паксмэн	Д. Фрост
Косвенные	10→58.9%	20→83.3%	7→58.3%
Прерванные	4→23.5%	3→12.5%	2→16.7%
Неполные	3→17.6%	1→4.2%	3→25%
Всего	17	24	12

Таблица 10. Анализ промежуточных ответов в соответствии с темой

	Образование	Ирак	ЕС	Коммунальное обслуживание
Косвенные	17→65.4%	13→76.5%	3→50%	4→100%
Прерванные	5→19.2%	3→17.6%	1→16.7%	0
Неполные	4→15.4%	1→5.9%	2→33.3%	0
Всего	26	17	6	4

В косвенных ответах "... политический деятель ясно дает понять его или её взгляды, но, явно не заявляет их" (Bull 1994: 127). Многие из них основаны на выводе, то есть, интервьюер должен вывести ответ. Например, если кто-то спрашивает, «Вам нравится шоколад?» и ответом будет, «обычно я ем немного шоколада ночью», мы делаем вывод, что ему нравится шоколад.

Иногда ответ адресуется к пресуппозиции вопроса. Например, если кто-то спрашивает «Когда Вы перестали есть конфеты?» Переменная на которую нужно ответить – «когда», поэтому прямой ответ был бы «2 месяца назад», «3 года назад» или что-то в этом роде. Но если ответ – «я никогда не ел шоколада», то он адресован пресуппозиции вопроса – «Вы никогда не ели шоколада».

В следующем примере из Интервью 2, Паксмэн излагает проблему платы за обучение, и спрашивает Блэра, чувствует ли он дискомфорт в связи с этой политикой:

(7) ПАКСМЭН: *Премьер-министр, прежде чем мы получим известие от аудитории, чувствуете ли Вы хоть какой-то дискомфорт, как и те, кто пользовался благами бесплатного университетско-*

го образования, что другие будут за него платить?

ТОНИ БЛЭР: *Это результат того, что у нас стало в шесть или семь раз больше желающих поступить в университет. Если мы хотим, чтобы рост числа желающих учиться в университете сохранился, то нам нужны дополнительные деньги для университетов, а они или прибывают исключительно от налогоплательщика, от семей, или от дипломированных специалистов, которые возместят что-то после того, как они получают высшее образование.*

Т. Блэр объясняет, что его политика позволит (1) большому количеству людей учиться в университете и (2) университетам получить деньги, в которых они нуждаются. Легко сделать вывод, что аргументы, представленные в пользу обсуждаемой политики, одновременно являются причинами, по которым он не чувствует дискомфорта.

Что касается прерванных ответов, важно прояснить, что мы считали реальными прерываниями только те, которые не позволяли Т. Блэру высказать его точку зрения. Если он ясно дает понять свою точку зрения в первой строке и его прерывают в четвертой, то это не будет считаться прерыванием, потому что ответ очевиден. Сравните следующие два диалога из Интервью 3 и Интервью 6:

(8) ПАКСМЭН: *Итак, что касается потребителей, то мы имеем в виду тему здравоохранения, не так ли?*

ТОНИ БЛЭР: *Да, но это также и...*

ПАКСМЭН: *Таким образом, довольно важно, сколько людей были осмотрены врачом-консультантом.*

(9) ФРОСТ: *Итак, если бы это был главный фактор, Вы бы сказали...*

БЛЭР: *Ну, я имел в виду...*

ФРОСТ: *в этом спад удовлетворения или доверия.*

Между прерываниями Паксмэна и Фроста есть огромное различие. В первом отрывке у Т. Блэра есть возможность ответить (он говорит «Да»), во втором – он прерван как раз тогда, когда собирался ответить. Здесь мы будем рассматривать только ответы последнего типа.

Согласно П. Буллу (Bull 1994), неполные ответы могут быть «полуответами» (интервьюер задает два вопроса, а политик отвечает только на один из них), «частичными ответами» (политик отвечает только на часть одинарного вопроса) и «фракционными ответами» (политик отвечает только на часть многосоставного вопроса). Мы не сделали этого различия здесь, потому что мы обнаружили, что подавляющее большинство анализируемых неполных ответов было «полуответами». В следующей беседе из Интервью 1 Вудворд и Блэр говорят о родительском выборе:

(10) ВУДВОРД: *В книге Питера Хаймана, Аластер [Кэмпбэлл] сказал: «Вы должны понять, что*

не всем нужен такой широкий выбор. Большинство людей хочет просто хорошую школу.» Как Вы ему ответили? Почему выбор имеет такое большое значение?

БЛЭР: Я не буду говорить Вам, какой был мой ответ Аластэру, но, конечно же, люди хотят самого широкого возможного выбора. Но больше всего они хотят приличную школу, и приличную больницу. Вопрос в том, что случится, если они не смогут этого получить. Именно поэтому это важно. Послушайте, меня больше всего возмущает то, что это самые бедные дети и малоимущие дети, которые не имеют возможности получить образование, а не средний класс. Множество людей, которые пишут для Вашей газеты и критикуют политику школ и выбора и все остальные, осуществляют свой выбор, посылая своих детей в частную школу. И это случайно будет не самая близкая частная школа, они и не будут выбирать самую близкую частную школу, они выберут ту, в которую они захотят послать своих детей. Весь смысл того, что мы пытаемся сказать в том, что подобные вещи не должны быть доступны только для тех, у кого есть деньги. Конечно, бывают ситуации, например, в некоторых сельских сообществах действительно есть смысл иметь только одну школу, но будут ситуации, в которых у Вас будут проблемы в таких избирательных округах как мой, где очень маленький выбор школ. Все это только средство для достижения цели. Смысл выбора, и это наиболее наглядно можно показать на примере здравоохранения, состоит в том, что если местная больница не может обеспечить Вам обслуживание, то ничто не может воспрепятствовать Вам пойти в другое место, где Вы сможете его получить.

Вудворд задает два вопроса: «Как» и «Когда», но Блэр только отвечает на второй. Фактически, он весьма открыт, когда говорит о том, что он ответил Аластэру: «Я не буду говорить Вам, какой был мой ответ Аластэру.»

Наконец, что касается неответов, каталогизируемых согласно П. Буллу и К. Майеру (Bull, Mauger 1993) и расширенной типологии П. Булла (Bull 2003), то в исследованных интервью были обнаружены примеры следующих видов:

I. Политический деятель игнорирует вопрос.

II. Признает вопрос, не отвечая на него.

III. Подвергает вопрос критике:

3.a вопрос не затрагивает суть проблемы.

3.b вопрос основан на ложной предпосылке.

IV. Отказывается от ответа:

4.a Отказ по причине неспособности.

4.b Я не могу говорить за кого-то.

4.c Отсроченный ответ.

4.d Политик ссылается на незнание закона.

V. Политик обращает особое внимание на политику:

5.a Представляет политику

5.b Оправдывает политику.

5.c Проводит политический анализ

5.d Занимается самооправданием.

VI. Неполный ответ:

6.a Частичный ответ.

VII. Повторяет ответ на предыдущий вопрос.

VIII. Интервьюер перефразирует свой вопрос, но с другим смыслом.

IX. Политический деятель заявляет, что он/она неправильно понял(а) предыдущий вопрос.

Обсуждение

Первое, что нужно отметить, это большое количество прямых ответов Блэра в интервью Паксмэна (52 %) наряду с маленьким количеством неответов (24 %). Может ли это означать, что Паксмэн – хороший «следователь»? Кажется, что это так. Но это поразительно, что 32,7 % прямых ответов, которые он получил, были выражениями согласия/несогласия с преобладанием (94,1 %) несогласий! Кроме того, что он «хороший следователь», Паксмэн создает неудобную ситуацию для Т. Блэра, побуждая его принять более конфронтационную позицию. П. Браун и С. Левинсон (Brown, Levinson 1987) утверждают, что выражение несогласия – это «действие, угрожающее имиджу, и этого нужно избегать. Итак, совершает ли Т. Блэр такое действие? Мы должны ответить отрицательно, так как ключевая проблема в том, что Блэр – политик, а цель любого политика состоит в том, чтобы убедить, и его единственное оружие – язык. Манипуляция выражениями согласия – известное риторическое средство (Zillman 1972).

Во-вторых, Паксмэн получает меньше распротраненных ответов (23.1 %). Т. Блэр предпочитает идти прямо к сути, отвечая на вопрос Паксмэна (34.6 % всех прямых ответов были прямыми и короткими). Но интересно отметить, что, когда Блэр расширяет свои ответы, он предпочитает уходить от темы (Паксмэн получил самый высокий процент отступлений от темы: 33.3 %). Эти данные – признак дискомфорта от вопросов Паксмэна. Поэтому, давая прямой ответ, Т. Блэр пытается привлечь внимание к какой-нибудь другой проблеме.

Рассмотрим такую статистику. В интервью, проводимых Паксмэном, самый низкий процент неответов (24 %); в интервью Фроста – самое большое количество неответов (39.4 %), меньшее количество прямых ответов, чем у Паксмэна (43.7 %), и 60 % всех ответов по критерию (не)согласия были выражениями согласия. Это говорит о том, что интервью, проводимое Фростом, менее напряженное для Т. Блэра: ему разрешают не ответить на большее количество вопросов, чем в интервью с Паксмэном (таким образом Фрост менее «пытлив»), и Т. Блэр часто соглашается с Фростом, потому что этот интервьюер подтверждает идеи самого Т. Блэра. Что касается промежу-

точных ответов, то стоит упомянуть, что Фрост получил самое маленькое количество таких ответов (16.9 %), и многие из них были неполными ответами (25 %). Фактически, он получил самый высокий процент неполных ответов (Паксмэн получил 4.2 % и Вудворд 17.6 %). Таким образом, мы можем сказать, что Т. Блэр весьма уклончив в интервью с Фростом. Также примечательно то, что в интервью Фроста Т. Блэр допускал невежество шесть раз (то есть 21.4 % неотвечено). В сравнении с Вудвордом, у которого нет ни одного случая незнания ответа, и с Паксмэном, у которого только три таких случая (то есть 12.5 % неотвечено). Это также может быть признаком того, что Блэр чувствовал себя довольно расслабленно. Хотя это весьма опасно для политика смело признать, что он не знает ответа, потому что он может быть обвинен в невежестве и, можно сказать, нарушает принцип Грайса (Grice 1975): 'Сделайте свое сообщение настолько информативным, насколько требуют текущие цели беседы'.

Вудворд получает самое маленькое количество прямых ответов (40.5 %) и неотвечено (19 %) и самое большое количество промежуточных ответов (40.5 %), из которых 23.3 % – прерывания. Вудворд прерывает Блэра чаще всех (в отличие от 12.5 % у Паксмэна и 16.7 % у Фроста). Он – также единственный интервьюер, который не получил ни одного согласия. Все это свидетельствует об обстановке дискомфорта во время интервью. Вудворд получает самые прямые ответы с резервированием (11.8 % от всех прямых ответов) и с задержками (11.8 % от всех прямых ответов). Задержка нехарактерна для прямых ответов. Согласно Померантцу (Pomerantz 1984), участники, отказывающиеся от вопроса или не соглашающиеся с мнением, прибегают к характерному коммуникативному поведению, которое распознается по паузам, колебаниям, задержкам, повторениям, использованию преград, оправданиям и т.д. Т. Блэр, наконец, предлагает прямой ответ, но этому предшествуют задерживающие вступительные ремарки. Таким образом, мы можем предположить, что ответ, который он дает, является нежелательным ответом, или, по крайней мере, таким, которым он не полностью удовлетворен. Ответы с резервированием и неокончательные ответы в дискурсе Т. Блэра, вероятно, являются следствием трудных вопросов. Наконец, интересно отметить, что Т. Блэр использует самое большое количество прямых ответов с расширениями в интервью Вудворда (47 % в отличие от 23.1 % у Паксмэна и 45.2 % у Фроста). Большинство этих расширений было по теме вопроса (87.5 % в отличие от 66.7 % у Паксмэна и 71.4 % у Фроста). Если Т. Блэр не отклоняется от темы, то он не усматривает в ней угрозы, однако стремление расширить тему

указывает на то, что интервьюируемый считает её очень деликатной.

Что касается тем, то Т. Блэр более удобно говорить о коммунальном обслуживании и труднее об Ираке и ЕС. Коммунальное обслуживание получило самое большое количество прямых ответов (64.3 %) и самое маленькое количество неотвечено (7.1 %). Ирак и ЕС получили меньшее количество прямых ответов (47.3 % и 48.1 % соответственно) и большее количество неотвечено (34.4 % и 29.7 % соответственно). Но если сравнить темы Ирака и ЕС по критерию выражения (не)согласия, то между ними обнаруживается большое различие: 13 выражений несогласия (то есть 100 % всех выражений (не)согласия), когда Блэр говорил о кризисе в Ираке, и 3 выражения согласия (то есть 100 % всех выражений (не)согласия), когда он обсуждал тему ЕС. Кроме того, анализ прямых и коротких ответов обнаруживает, что наименьшее количество выражения согласия соответствует теме Ирака (27.3 %). С этим тесно связано малое количество прямых и коротких ответов, фактически эта тема получила наибольшее количество косвенных ответов (83.3 % всех промежуточных ответов). Вероятно, проблема Ирака – самая досаждающая для Т. Блэра тема.

7. Микроанализ. Примеры, предлагаемые для микроанализа, выбраны с учетом переменных, описанных в предыдущем разделе.

Интервью 3 содержит два примера очевидного уклонения.

(11) ПАКСМЭН: Нет никакого сомнения, что в прошлом году Вы значительно увеличили расходы на Государственную службу здравоохранения, приблизительно на 20%, по которым есть отчетность. Почему же это увеличило производительность менее чем на 2 %?

БЛЭР: Ну, на самом деле это не так, я имею в виду, если взять, к примеру, катаракту, то здесь увеличение составляет что-то вроде 30%. Если же посмотреть на количество операций на сердце, то здесь подъём, я думаю, приблизительно чуть более 30% или даже почти 40%.

Вопрос Паксмэна содержит два утверждения, оба основаны на фактах и, соответственно, оба в принципе поддаются проверке:

[1] Вы [лейбористское правительство] в прошлом году значительно увеличили расходы на Государственную службу здравоохранения, приблизительно на 20 %, по которым есть отчетность.

[2] подъём производительности менее, чем на 2 %.

Паксмэн сопоставляет [1] и [2]: увеличение расходов на 20% увеличило производительность на 2%. Эта корреляция, заслуживающая рассмотрения, является неозвученным предположением того, что:

[3] Увеличение расходов в результате пропорционально увеличивает производительность.

Если [1] и [2] верно, то [3] ощутимо ложно. Если [3] ложно, то увеличение расходов не оправдано, на том основании, что оно увеличивает производительность, следовательно мудрость политики увеличения расходов может быть подвергнута сомнению. Неозвученное предположение, однако, может быть немного другим:

[4] Увеличение расходов должно привести к увеличению производительности. В этом случае, если [1] и [2] верно, то они могут подвергнуться сомнению [4]□, но они не показывают его ложность. Это потому, что в своей модальной версии [4]□ может быть перефразировано в условное:

[5] Если расходы правильно / эффективно / должным образом спланированы, то производительность увеличивается. Так как [2] утверждает, что производительность фактически очень плоха, мы можем сделать вывод, что расходы несоразмерно распределялись, следовательно применение такой политики может быть подвергнуто сомнению.

С точки зрения Тони Блэра [1] содержит положительную оценку правительственной политики, только если [3] верно. Но [3] может быть верным, только если [2] ложно. Следовательно, Тони Блэр противоречит Паксмэну, в попытке точно показать, что [2] ложно. Он делает это путем смещения обсуждения к двум конкретным примерам: «катаракта» и «операции на сердце». Ответ Блэра, является, случаем уклонения, поскольку он не отвечает на вопрос, «Почему это [увеличение расходов] привело к увеличению производительности менее чем на 2%?». Ответ на вопрос потребовал бы предположение причины или объяснения отсутствия связи между соотношением расходов и производительности. Тем не менее, это означает принятие подразумеваемой критики или принципов проводимой политики, или применения этих принципов. Выбором Блэра является оспаривание предположения о производительности. Таким образом, то, что кажется уклонением, при ближайшем рассмотрении является обращением к предпосылкам и к неозвученным аргументам, ведущим к выводам, с которыми не соглашается Блэр.

Комментарий: эффективность ответа Блэра уменьшается при помощи многих дополнительных компонентов, цель которых защищать утверждения от нападков: «я думаю», «что-то вроде», «приблизительно», «почти», которые свидетельствуют о меньшей уверенности, чем в случае употребления «я знаю». Такие выражения как «что-то вроде», «приблизительно», «почти» ослабляют показатели, представленные в статистике.

Вторая ссылка на статистическое свидетельство полностью редуцируется при помощи этих компонентов: «я думаю, что приблизительно на 30 % или даже почти 40 %». Кроме того, значение неясно: если что-то – «приблизительно X», тогда это почти и есть X, не больше чем X. Таким образом у нас есть два противоречащих утверждения: [6] операций на сердце чуть больше 30 %, и [7] операций на сердце больше чем 30 %, почти 40 %.

Чрезмерное доверие к компонентам, ослабляющим уверенность говорящего, в этом ответе, то есть, использование Блэром защитных выражений, минимизирует эффективность стратегии, определенной в (а). Использование защитных выражений обычно не считается уклонением. Однако их использование в рассматриваемом случае приводит к уклонению. Предоставление информации об операциях на сердце нужно, чтобы исправить нехватку информации со стороны аудитории и интервьюера. Эта цель не выполняется, потому что фактически никакая информация не предоставляется. Вместо этого мы имеем ряд ослабленных и противоречивых утверждений. Таким образом, Блэр уклоняется от задачи проинформировать аудиторию и интервьюера.

(12) ПАКСМЭН: [1] *Итак, согласно данным Министерства здравоохранения, эффективность службы здравоохранения, которую они определяют в «состоявшихся приемах у врача-консультанта», повысилась на 1,6 %, [2] так что же случилось со всеми этими деньгами?*

БЛЭР: *Да, но если Вы возьмете, например, мой собственный избирательный округ, то только на окраинах Вы обнаружите две новые построенные больницы. Вы увидите совершенно новый, качественный тип общественных больниц стоимостью 8 миллионов фунтов стерлингов.*

Если Вы пойдете в Больницу Фримана, которая недалеко отсюда, то обнаружите, что обычное ожидание операции на сердце, занимавшее 12 месяцев, теперь сократилось до 3 месяцев.

Просто не корректно говорить, что, если мы посмотрим на то, что случилось в службе здравоохранения, то потраченные деньги не привели к реальным результатам.

Паксман защищает точность данных, обращаясь к источникам Министерства здравоохранения [1]. Ранее он утверждал «менее чем на 2 %», теперь дает более точный процент «1.6 %» «состоявшихся приемов у врача-консультанта». Вопрос, «что случилось со всеми этими деньгами?». Блэр предлагает два существенных примера: здание больницы (инфраструктурное развитие) и сроки ожидания в очереди (эффективность). Его вывод, однако: «просто не корректно говорить, что ..., потраченные деньги не привели к реальным результатам». Так как предпосылка всего обсуждения [2], Блэр опровергает утверждение, которое не

было высказано. Он отвечает не на тот вопрос, что является типичным для тактики уклонения.

Блэр, однако, обращается к первоначальному вопросу о непропорциональности между потраченными деньгами и достигнутыми результатами. Он делает вторую попытку оспорить [2] при обсуждении адекватности размеров имеющихся результатов в отношении «состоявшихся приемов у врача-консультанта». Усовершенствования сроков ожидания, укомплектование персоналом и доступность медицинского обслуживания являются вероятными индикаторами результата.

Комментарий: Хотя Блэр не обращается к проблематичной корреляции [1] и [2], он действительно пытается обратиться к предположению, сделанному Паксмэном, что количество «состоявшихся приемов у врача-консультанта» является самой надежной мерой результатов потраченных денег. Так как обсуждаемые темы очень важны, очевидное уклонение служит признаком стратегических «ударов» интервьюера.

Интервью 4 содержит пример «скрытого» уклонения:

(13) ПАКСМАН: Премьер-министр, Вам, для того, чтобы отправить Британские войска на войну, нужна прямая и неизбежная угроза стране. Какая именно?

БЛЭР: Опасность состоит в том, что, если мы позволим Ираку разрабатывать химическое, биологическое и ядерное оружие, то они будут угрожать своему региону и нет никакого способа, которым мы могли бы избежать любого регионального конфликта. Мы все равно будем вовлечены, как в последний раз, когда они совершили акты агрессии против Кувейта.

Вопрос Паксмэна является типичным *modus ponens*:

[1] Если есть прямая и неизбежная угроза этой стране, то британские войска отправляются на войну

[2] есть прямая и неизбежная угроза этой стране.

Поэтому

[3] премьер-министр, Вы посылаете британские войска на войну.

Тогда вопрос, «в чем эта опасность?», другими словами, предпосылка [2] нуждается в анализе, потому что она неизвестна: мы знаем, общее утверждение [1] и мы знаем (предложенный) образ действия премьер-министра [3], и то, чего не хватает, это информации о [2].

Ответ Блэра непосредственно связан с опасностью, он начинает «опасность состоит в том, что ...». В этих пределах это образцовый прямой ответ. Однако, если подумать, это очень проблематичный образец. Следующий анализ того, что оказывается гипотетическим силлогизмом, показывает скрытые предположения и выводы.

[4] если мы позволим Ираку развивать химическое, биологическое, и ядерное оружие, они будут угрожать своему региону

[5] если они будут угрожать региону, тогда нет никакого способа, с помощью которого мы могли бы избежать вовлечения в любой конфликт в этом регионе

Поэтому

[6] если бы мы позволим Ираку развивать вооружения, тогда нет никакого способа, с помощью которого мы могли бы избежать вовлечения в любой конфликт в этом регионе

Вывод [6] становится тогда предпосылкой доказательства в стиле *modus tollens*:

[6] если мы позволим Ираку развивать оружие, тогда нет никакого способа, которым мы могли бы избежать вовлечения в любой конфликт в этом регионе

[7] мы не хотим быть вовлеченными в любой региональный конфликт (или какая-нибудь отрицательная форма во второй части предпосылки)

Так [8] мы не хотим позволять Ираку развивать оружие.

Заключение [8] становится предпосылкой для следующего аргумента:

[8] мы не хотим позволять Ираку развивать оружие

[9] лучший или самый эффективный способ выполнить [8] это послать британские войска на войну

Итак

[10] я посылаю Британские войска на войну.

Блэр оспаривает общий принцип, заявленный в [1], утверждая, что причиной, по которой он посылает британские войска на войну, является предотвращение вовлечения в региональный конфликт на территории, окружающей Ирак. Здесь ключевое утверждение [6], которое означает, что, если есть региональный конфликт, то британское вмешательство неизбежно. Это поддерживается ссылкой на прецедент: когда был региональный конфликт в Кувейте, мы были вовлечены. Выводы, сделанные на основе указания на прецеденты, не указывают на неизбежность, а только на вероятность. Пример Кувейта может в лучшем случае подтвердить приведенный вывод о том, что, если есть региональный конфликт, британское вовлечение вероятно или очень вероятно.

Комментарий: Блэр не отвечает на вопрос Паксмэна, потому что он ничего не говорит о «прямой и неизбежной угрозе стране». Вместо этого он говорит о важности предотвращения будущего, но вероятного британского вовлечения в конфликт в регионе. Он утверждает, что участие британских войск в войне – самый эффективный сдерживающий фактор развития вооружений Ираком. Такое средство устрашения необходимо и/или срочно из-за вероятной

или неизбежной “внешней агрессии” Ирака, которая затем вовлечет британцев в конфликт в регионе. Другая по форме реконструкция приводит нас к следующему: участие Ирака в войне очень вероятно и, если это произойдет, то участие британцев в этом конфликте тоже вероятно, тогда это участие составит прямую и неизбежную угрозу этой стране. Но нет и речи о прямой и неизбежной угрозе теперь.

Интервью 4, также содержит пример нападки на вопрос, который принимает форму “семантического спора”:

(14) БЛЭР: [...] правда в том, что инспекторы, были выведены из Ирака, поэтому -

ПАКСМЭН: Они не были выведены из Ирака, премьер-министр, это просто неправда. Инспекторы уехали из Ирака после того, как американское правительство сообщило им о том, что на страну будут сброшены бомбы

БЛЭР: Мне жаль, но это просто неправда. Случилось следующее, инспекторы сказали нам, что они не смогли выполнить свою работу, они не смогли сделать свою работу, потому что им не предоставили доступа к объектам.

Они детально описали это в своих отчетах Совету Безопасности. На этом основании мы сказали, что они должны выйти, потому что они не смогли выполнить своей работы должным образом.

ПАКСМАН: Это не то, что Вы сказали, Вы сказали, что они были выгнаны из Ирака...

БЛЭР: Хорошо они были фактически изгнаны, потому что они не могли сделать работы, которую они должны были сделать.

ПАКСМЭН: нет, фактически они не были выгнаны из Ирака, они ретировались.

Семантический спор разворачивается между выражениями Блэра «выведены» и «выгнаны», и выражением Паксмэна «ретировались». Первый подразумевает действие, предпринятое иракским режимом, второй действие, предпринятое людьми или учреждениями, у которых есть власть над инспекторами. Повторные отрицания Блэра предполагают несогласие. Он придает следующее семантическое значение при определении «вывели» или «выгнали» – «мы сказали, что они должны выйти, потому что они не смогли выполнить свою работу должным образом». Таким образом, его несогласие, что касается значения, пусто. Единственным пунктом исходной позиции Паксмэна, с которым не соглашается Блэр, является причина отзыва инспекторов: это было, потому что они не могли сделать своей работы, а не потому что бомбежка была неизбежна.

Интервью 5 содержит пример очевидного уклонения:

(15) ФРОСТ: [...] Есть цитата о том, что Вы сделали на этой неделе. “Значительная передача власти Брюсселю, чего прежде не было.” И Майкл Ховард в этом сюжете говорил о том, что мы потеряли 20 потенциальных вето, а вчера в доку-

ментах сообщалось, что фактически мы потеряли 40 потенциальных вето.

И что это было следствием передачи власти от Великобритании Брюсселю.

БЛЭР. Да и, конечно, это, очевидно, то, что скажут противники соглашения, потому что, я имею в виду, что это будет увлекательным политическим сражением, потому что это будет сражение между действительностью и мифом.

Фрост не задает вопрос, он скорее сталкивает Блэра с аргументом, чтобы увидеть реакцию. Аргументы состоят в том, что

[1] потеряны 20, или даже 40 вето

[2] потеря вето есть потеря власти Великобритании,

таким образом появляется

[3] передача власти.

«Да» Блэра не указывает на соглашение с этим аргументом, а функционирует как «обесценивающее» выражение: “да, я знаю это, но ...”. Он обесценивает утверждение, говоря, что такие заявления вполне предсказуемы со стороны противников соглашения. Он не сразу отвечает на вопрос, а переводит разговор на личности тех, кто предъявляет претензии, о которой сообщает Фрост (типичная *рассчитанная на предубеждения* стратегия). «Конечно» и «очевидно» используются здесь, чтобы дискредитировать или, по крайней мере, уменьшить силу претензии, предъявленной интервьюером. Более интересно то, что «потому что» не вводит причину, объясняющую, почему противники соглашения “скажут” именно так. Вступительная речь тем самым не поддерживается. Увлекательно или нет политическое сражение, является ли это сражение сражением между действительностью и мифом – все это не объясняет мотивации противников соглашения. Только к концу интервью Блэр говорит о том, что “действительность против мифа” – это точка зрения, сформированная на основании опроса, проводимого газетой «the Sunday Times», в котором 58 % ответчиков думали, что Великобритания теряет контроль над иммиграционной политикой:

(16) БЛЭР: ... 58 процентов думали, что утверждение было верно, тогда как фактически оно ложно. Или, например, большинство думало, что у Европы будет власть управлять налоговыми ставками, но фактически это ложно. Или что Великобритания должна будет изменить свои законы по профсоюзам и забастовкам.

Как насчет основной проблемы о передаче власти ЕС? Блэр предлагает следующие факты:

(17) БЛЭР: Фактически, мы удерживали контроль над налогами, над нашей иммиграционной политикой, над обороной, над внешней политикой, мы отстаивали британские вычеты процентов – все это мы обеспечили в пределах соглашения. Это абсолютно правильно, что в союзе 25 государств-членов, не 15, существуют определенные сферы, в

которых для нас разумно иметь большинство голосов. Вы не можете произвести сельскохозяйственную реформу в пределах Европейского союза без голосования компетентного большинства.

Список областей, в которых сохраняется вето, оказывает поддержку неозвученному заявлению, что «мы держали свое вето в ряде важных областей». Это заявление, однако, не относится к первоначальному утверждению Фроста [1] о количестве вето, которые были потеряны. Это относится к предпосылке Фроста [2] о соотношении потери вето и передачи власти. Передача власти есть потеря вето в важных областях, нет такой потери – нет передачи власти (позже Блэр заявляет, что «ключевые» области, в которых сохраняется вето, позволит «сделать Великобритании национальным государством»). Затем Блэр говорит, что потеря вето в некоторых областях «совершенно разумна». Он поддерживает это утверждение, заявляя, что изменение в квотах вето оправдывается расширением ЕС («25 государств-членов»), рассуждая об «удобных проблемах», которые решаются («сельскохозяйственная реформа»), и давая положительную оценку потере вето в специфических проблемах, таких как сельское хозяйство: «как Вы положите конец незыблемости сельскохозяйственной политики на Общем рынке? Посредством вето, которое некоторые страны больше не имеют». Хотя Блэр, кажется, не отвечает на вопрос, при близком рассмотрении он действительно предлагает соответствующий ответ, который несколько ослаблен при помощи неозвученного предположения.

Интервью 1 содержит два примера уклонения с помощью неуместных отклонений.

(18) ВУДВОРД: Но академии все еще не проверены, не так ли?

БЛЭР: Верно, что программа академий будет свернута в следующие несколько лет, некоторые академии существуют всего год или нескольких лет, но я думаю, что у Вас достаточно оснований – для этих академий, а также бывших ГТК [городских технологических колледжей], и школ специалистов, и фондовых школ – чтобы сказать, что школы с устойчивыми идеалами и целями имеют тенденцию к преуспеванию.

Ключевое утверждение – «академии не проверяются». В ответ на это Блэр делает два заявления, которые, кажется, поддерживают заявление IR, поскольку они имеют дело с количеством и продолжительностью существования академий: [1] «программа академий будет свернута в следующие несколько лет». Это может свидетельствовать о поддержке утверждения: «существует недостаточно академий», что может привести к выводу IR, что образовательная система не контролируется; также и в [2]: «некоторые из академий существуют только в течение года или нескольких лет». Блэр продолжает минимизировать силу [1] и [2], за-

являя, что по поводу существующих академий существует [3] («достаточно оснований»). Таким образом, у нас есть согласие с IR о фактах, но несогласие с выводом IR, с его оценкой фактов. Важное изменение происходит, когда вводятся «городские технологические колледжи», «школы специалистов» и «фондовые школы», чтобы оказать дальнейшую поддержку для [3]. Эти учреждения – не академии, и их упоминание становится первым смещением темы. Если только новое определение «академии» не включает эти другие школы, они становятся неуместными. Ответ заканчивается дальнейшим неуместным утверждением [4], что «школы с устойчивыми идеалами и целями имеют тенденцию к преуспеванию». Не было показано или доказано что академии – такие школы, поэтому правда или ошибочность [4] не может служить доказательством или опровержением утверждения, что «академии не проверяются».

(19) ВУДВОРД: Как данное школам разрешение самостоятельно устанавливать вступительную плату расширяет родительский выбор?

БЛЭР: Единственное, что это разрешение дает школам, так это большую свободу, но не в установлении правил приема учащихся, а в получении полномочий самостоятельно определять свою образовательную политику. И я думаю, что в одной трети школ уже так. Суть в том, чтобы суметь развить школу таким образом, как Вы хотите, иметь внешние связи, которые Вы хотите, но сделать это в пределах ряда правил, которые означают, что Вы не должны предвзято относиться к детям из бедных семей. Проверка покажет, приводит ли это к более высоким стандартам образования в школах, особенно в тех школах, где в настоящее время стандарты низки. И все, что мы сделали с 1997 г., было направлено именно на это. Поэтому эффективность такой правительственной политики выше в неблагополучных районах, чем в тенистых пригородах. Это – довольно хороший показатель, характеризующий и наши намерения, и наши цели, и наши достижения. И мы хотим развивать эти достижения, а не менять его на что-то другое.

Вудворд запрашивает недостающую предпосылку(ки), которая привела бы нас от «школы, с собственными полномочиями» к выводу о том, что «родительский выбор расширяется». Блэр сосредотачивается исключительно на общем обсуждении темы о «школах с собственными полномочиями». Это ясный пример не относящегося к делу соображения, потому что тема родительского выбора ни разу не упоминается в ответе

8. Заключение. Поведение Тони Блэра в политических интервью прямо зависит от двух переменных: (а) личность интервьюера и (б) тема обсуждения.

У Паксмэна было самое большое количество прямых вопросов наряду с одним из наименьших показателей неответов. Это означает, что он – хо-

роший «следователь». Большая доля несогласий с этим интервьюером предполагает, что его стиль интервьюирования менее удобен для Блэра, чем стиль Фроста, который получает наибольший процент согласий. Большое количество прерываний, отсутствие выражений согласия и типы уклонения в интервью Вудворда, свидетельствуют о весьма дискуссионной атмосфере в интервью. Макро- и микроанализ показывают, что для Блэра тема коммунального обслуживания наиболее комфортна, наименее удобна тема Ирака. Количество несогласий, «скрытое уклонение» и «семантический спор» в Интервью 4 об Ираке, указывает на то, что тема Ирака может быть выделена как одна из наиболее сложных тем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Atkinson, J. M. & Drew, P. Order in court. Atlantic Highlands, NJ: Humanities, 1979.
- Bavelas J.B., Black A., Bryson L., Mullett J. (1988). Political equivocation: A situational explanation. *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 7. 137-46.
- Blum-Kulka, S. (1983). The dynamics of political interviews. *Text*, 3 (2), 131-153.
- Brown, P. & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Use* Cambridge: CUP.
- Bull, P. (1994). On identifying questions, replies, and non-replies in political interviews. *Journal of Language and Social Psychology*, 13 (2), 115-131.
- Bull, P. (1998). Equivocation theory and news interviews. *Journal of Language and Social Psychology*, 17, 36-51.
- Bull, P. (2003). *The microanalysis of political communication. Claptrap and ambiguity*. London: Routledge.
- Bull, P. & Mayer, K. (1993). How not to answer questions in political interviews. *Political Psychology*, 14, 651-66.
- Clayman, S. E. (2001). Answers and evasions. *Language in Society*, 30 (3), 403-442.
- Clayman, S. E. (1993). Reformulating the question: A device for answering/not answering questions in news interviews and press conferences. *Text*, 13, 159-88.
- Dijk, T. A. (1977). *Text and context. Explorations in semantics and pragmatics of discourse*. London: Longman.
- Eemeren, F. H. (1986). Dialectical analysis as a normative reconstruction of argumentative discourse. *Text* 6, 1-16.
- Eemeren, F. (Ed.). (2002). *Advances in pragma-dialectics*. Amsterdam: SicSat.
- Greatbatch, D. (1986). Aspects of topical organisation in news interviews: The use of agenda shifting procedures by interviewees. *Media, Culture and Society*, 8, 441-455.
- Greatbatch, D. (1988). A turn-taking system for British news interviews. *Language in Society*, 17 (3), 401-30.
- Grice, H. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole, & J. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics*. Vol. 3 (pp. 41-58). New York: Academic Press..
- Halliday, M. & Hasan, R. (1976). *Cohesion in English*. London: Longman.
- Harris, S. (1991). Evasive actions: How politicians respond to questions in political interviews. In P. Scannell (Ed.), *Broadcast Talk* (pp. 76-99). London: Sage.
- Heritage, J. & Greatbatch, D. (1991). On the Institutional character of institutional talk: The case of news interviews. In D. Boden & D. H. Zimmerman (Eds.), *Talk and social structure: Studies in ethnomethodology and conversation analysis* (pp. 93-137). Cambridge: Polity Press.
- Iñigo-Mora, I. (2002). La expresión del acuerdo y el desacuerdo en el discurso político: Un análisis social-cognitivo. *Philologia Hispalensis*, 16, 137-157.
- Johnson, R. J. 2000. *Manifest rationality: A pragmatic theory of argument*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates
- Krabbe, E. C.W. (1985). Formal Systems of Dialogue Rules. *Synthese*, 63, 295-328.
- Pomerantz, A. (1984). Agreeing and disagreeing with assessments: Some features of preferred / dispreferred turn shapes. In J. M. Atkinson & J. Heritage (Eds.), *Structures of social action: Studies in conversation analysis* (pp. 57-101). Cambridge: CUP.
- Sacks, H. (1987). On the preferences for agreement and contiguity in sequences in conversations. In G. Button & J. Lee (Eds.), *Talk and Social Organization* (pp. 54-69). Clevedon: Multilingual Matters.
- Schegloff, E. & Sacks, H. (1973). Opening up closings. *Semiotica*, 8 (4), 289-317.
- Searle, J. (1975). Indirect speech acts. In P. Cole & J. Morgan (Eds.), *Syntax and Semantics*. Vol. 3 (pp. 59-82). New York: Academic Press.
- Walton, D. N. (1985). New Directions in the Logic of Dialogue. *Synthese*, 63, 259-274.
- Werner, H. (1989). Credibility and political language. In R. Wodak (Ed.), *Language, power and ideology. Studies in political discourse* (pp. 115-135). Amsterdam: John Benjamins.
- Zillman, D. (1972). Rhetorical elicitation of agreement in persuasion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 21 (2), 159-165.

© Иньиго-Мора Изабель,
Делиджорджи Катерина, 2007
© Будаев Э.В. (перевод), 2007

Иссерс О. С., Рахимбергенова М. Х.
Омск, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КСЕНОФОБИИ (на материале российской прессы)

Abstract

The article deals with linguistic reflection of the opposition "alien - not alien" in the Russian newspapers within the aspects of interethnic relations. Special emphasis is put to the component of mentioned category - to the "alien". It is considered to be interpreted as the enemy, the cause of hardship, the target for criticism and the victim.

В последнее время в связи с актуальностью проблемы толерантности, постулирую-

щей терпимость к «другому», как отечественные, так и зарубежные представители разных областей гуманитарных знаний активно занимаются осмыслением феномена «свое – чужое» [Баранов 2003; Бахтин 1986; Бойко 2006; Водак 2006; Дейк Т. Ван 1989; Иссерс 1999; Кашкин 2004; Красных 2003; Маслова 2001; Гришаева 2003; Пеньковский 2004; Шейгал 2000; Вальденфельс 1995; Гумилев 2002; Каган 2001; Паин 2003; и др.]. Установлено, что оппозиция «свой – чужой» имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира. В частности, для этнической картины мира категория «свой – чужой» является ядерной.

Образ «другого» и образ «чужого» имеют принципиальные различия. В «других» все вызывает интерес: где живут, что едят, как общаются, мотивация действий, обычаи, традиции. Это взгляд туриста-путешественника, познающего мир.

Эмоциональная речь – это вообще отличительная особенность испанцев. Все время кажется, что они про что-то спорят. А они просто про погоду говорят. // Бизнес курс, № 44, 2007.

В отличие от отношения к «другому», в восприятии «чужого» основная эмоция – отторжение, неприятие. В журналистском тексте это можно наблюдать как в описании тех или иных событий (репортажи, аналитические материалы), так и в интерпретации непосредственного опыта общения с иностранцами (очерки, путевые заметки). В обоих случаях маркерами отношения к «другим» и «чужим» может служить описание внешних черт, поведения, в том числе и речевого, среды обитания, особенностей характера иного социума. К ним добавляются указание на собственные пресуппозиции, ассоциации, аллюзии, выстраивание аналогий с собственной страной, оценка через призму своей культуры. Выражение эмоций по поводу тех или иных событий, впечатлений, как правило, одновременно указывает на оценку – положительную или отрицательную.

В целях выявления маркеров ксенофобии важно найти семантические инварианты и определить когнитивные операции, индуцирующие ксенофобические смыслы.

Согласно точке зрения В. Е. Кагана, присутствие ксенофобического компонента можно обосновать следующим образом: отношения между «своим» и «чужим», которые являются «обязательным и необходимым условием друг друга», не лишены внутренних и внешних противоречий, разрешаемых «в весьма тонком и рискованном балансировании». Утрата баланса между своим и чужим и «выход в пространство самодовлеющего страха перед чужим и есть ксенофобия в том негативном смысле, в котором это слово обычно используется. За-

щитой от него становится ксенофобическая агрессия на разных уровнях» [Каган 2001, 5].

История развития человечества не знает периода, для которого было бы характерно затишье ксенофобии. Национальные, этнические и религиозные конфликты – все это черты и сегодняшнего мира в целом. Для российской действительности характерны различные формы межэтнического противостояния: этно-территориальные конфликты, погромы и столкновения на почве межнациональной розни, акции насилия со стороны неонацистских и экстремистских организаций, случаи расизма по отношению к этническим мигрантам. Все эти, а также многие другие разновидности межэтнического несогласия находят отражение в прессе.

Практика современных российских СМИ показывает, что, являясь частью общества, журналисты часто концентрированно выражают стереотипы массового сознания, распространяя, с одной стороны, терпимость, а с другой стороны, озлобленность и интолерантность в отношении определенных этнических групп. Журналист выступает как индивидуум и как представитель определенного социума, в котором сформировались предубеждения, установки по отношению к «чужим». Он вынужден занять определенную позицию, в которой отражается как его собственное мнение, так и мнение социальной группы, которую он представляет. Трансляция этого мнения на массовую аудиторию представляет значимый фактор формирования общественных настроений.

Как в культуре, так и в индивидуальном сознании существует разграничение своего и чужого [Каган 2001, 7]. В рамках этого разграничения, без которого невозможно развитие и существование человека и культуры, мы и строили свое наблюдение. Гипотеза исследования заключатся в том, что образ «чужого» имеет типичные способы представления в журналистском тексте.

Материал исследования составляют статьи таких общероссийских периодических изданий, как «Аргументы и факты», «Российская газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Новое обозрение», «Аргументы и время», «Аргументы и неделя». Выбор источников обусловлен, во-первых, лояльностью издания к государственной политике и идеологии (в том числе представлены и государственные СМИ), во-вторых, массовым адресатом. Таким образом, в поле зрения попали не крайние идеологические издания, в которых ксенофобия является компонентом политической позиции, а те, которые отражают сегодняшнюю повседневную практику российских СМИ. В соответствии с задачами выборка осуществлялась на основе тематики статей, посвященных проблемам взаимоотношений с «чужими». Тематика определялась, согласно

теории макроструктур, по заголовкам и вводкам (leads), где субъективно выделяется наиболее актуальная часть сообщения (см., например, [ван Дейк, 1989: 129-130]).

Как показал анализ, денотату «этнически чужой» соответствуют различные сигнификативные компоненты, выражаемые определенными лексическими единицами (наиболее частотные представлены ниже).

Схема 1.

денотат ЭТНИЧЕСКИ «ЧУЖОЙ»	
СИГНИФИКАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ	ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ
ИНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ	<i>инородцы, лица азиатской или кавказской национальности, азеры</i>
С ИНОЙ ВНЕШНОСТЬЮ И ХАРАКТЕРОЛ. ЧЕРТАМИ	<i>темнокожие, человек нетитульной наружности, люди «с восточным акцентом», «чернозем»</i>
С ИНОЙ ТЕРРИТОРИИ	<i>парни с юга, нелегалы, выходцы с Поднебесной, иммигранты, приезжие, трудовые мигранты, гастарбайтеры</i>
С НИЗКИМ ИНТЕЛЛЕКТОМ И УРОВНЕМ КУЛЬТУРЫ	<i>чурбаны, чурки</i>
«ЧУЖОЙ»	<i>чужак</i>

Лексические маркеры сигнификатов этнически «чужого» представляют собой группу квазисинонимов, большая часть которых имеет оценочные коннотации.

Особый интерес представляет словосочетание *лицо (лица) кавказской или азиатской национальности*, которое является индикатором недифференцированности определенных этносов. При образовании словосочетания по подобной модели – «лицо + прилагательное (азиатской, кавказской) + национальности» – происходит слияние различных этносов в одно «лицо», причем лицо непривлекательное.

Объяснение этого явления можно найти в интерпретации А. Б. Пеньковского: «чужой» мир – это мир множественного числа со значением однородного множества. <...> «Свой» мир – мир единственного числа, со значением единичности. Это мир уникальных, индивидуальных, дискретных предметов. «Чужой» мир – мир неподвижный, статичный. Это мир, в котором нет дискретных объектов» [Пеньковский 2004, 17].

Абстрагирующая сила этого типа сознания настолько велика, что оно в своем восприятии и оценке элементов «чужого» мира снимает любые их различительные признаки и не оста-

навливается перед такими фундаментальными различиями, как национально – языковые и территориально – этнические.

Встречается и оценочное именование *чернозем* – так называют нелегалов преступники, которые контролируют их миграцию и строят на этом прибыльный бизнес. В данных лексических единицах в явном или имплицитном виде присутствуют этнические предубеждения.

В результате анализа материала было выделено несколько **типичных образов представителей этнически «чужих» меньшинств**. На поверхностном уровне эти образы представлены различными лексемами, которые репрезентируют фрейм «войны». Так, «чужой» интерпретируется как **враг, источник невзгод, мишень для критики, жертва**.

«Чужой» осмысливается, как правило, в негативных метафорах и окрашен ксенофобическими смыслами. Представим их языковое выражение.

1. Поскольку наличие **врага** понятийно предполагает состояние вражды – «отношений и действий, проникнутых неприязнью, ненавистью», актуализаторами подобных отношений являются лексические единицы со значением *борьбы, состояния войны*.

(1) *Кризис (отношений между Россией и Грузией) всегда состоял в том, что грузины вооружались и шли «воевать автономии», а встретив адекватный отпор, во всем обвиняли Россию.* (Пора признаться \ «Московский комсомолец» 2007).

(2) *Два неизвестных устроили кровавую драку в овощехранилище, где работали азербайджанцы и таджики. А буквально на следующий день пришли тревожные вести из Саратовской области – в г. Вольске **схлестнулись русские и армяне** ... (Станет ли Россия одной большой Кондопогой? \ «Аргументы и факты» № 38, 2006)*

Из приведенных примеров видно, что в отличие от нейтральной лексики в контексте официальных сообщений (1), для описания бытовой ситуации авторы используют оценочные средства (2).

Базовыми коррелятами «образа врага» являются смыслы *источника опасности, угрозы для своих*, что находит отражение в прессе.

... в Улан-Удэнском гарнизоне **солдат-кавказец своими гестаповскими издевательствами довел сослуживцев-славян до озверения** (Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки \ КП 21 февраля 2007).

Прецедентный феномен *гестаповские издевательства* имеет крайне отрицательную коннотацию в сознании большинства читателей, поскольку ассоциируется с крайней жестокостью. Помещение в такой гиперболизированный контекст этнонимов – *кавказцы vs.*

славяне – способствует созданию ксенофобских настроений.

Фреймовым компонентом «врага» является *призыв к борьбе с ним*.

По городу распространяли листовки, в которых призывали людей на борьбу с инородцами (Инородные волнения продолжают \ Новая газета № 70 14.09 – 17.09. 2006 г.)

Примечательно, что пишущий не упоминает в качестве объекта борьбы какой-то определенный этнос, – это скорее нечто денотативно расплывчатое. Как точно подметил В. Е. Каган, «ксенофобическое познание нуждается во враге, но предпочитает врага неуловимого» [Каган, 2001, 13].

Постоянное присутствие врага исключает состояние мирного сосуществования, что вербально выражается языковыми средствами, предполагающими *невозможность мира*.

Исчез в войсках мощный партийно-политический аппарат, который бдительно гасил малейшие межнациональные стычки и воспитывал личный состав «в духе братской дружбы».

Идеологема «братской дружбы», некогда характеризующая межнациональные отношения, погружена в контекст деградации, исчезновения.

Из проведенных нами наблюдений можно сделать вывод о предпочтении экспликации образа этнически «чужого» как «врага». Таким образом, повышенная конфликтность межнациональных отношений, характерная для последнего десятилетия, находит подтверждение в средствах массовой информации.

2. С этнически чужим связываются стереотипные представления о *источниках социального зла*. Хотя социологам известно, что «в основе противостояния различных групп лежат не этнические или религиозные различия, не этничность сама по себе, а именно социальные, политические, экономические интересы элит, интересы, которые прикрываются и маскируются для массового сознания этническими или религиозными признаками» [Прикладная конфликтология ... 2006, 8]. По утверждениям конфликтологов, этнические различия не могут являться причиной противостояния. Истинные причины — в «интересах элит, которые прикрываются этническими признаками» [там же]. Э. А. Паин выявляет следующую закономерность: раньше социальные проблемы политизировались, а теперь все чаще этнизируются и ответственность переносится на «чужие» этнические общности [Паин 2003, 3]. Этнические меньшинства выступают, таким образом, в качестве *идеального объекта для объяснения просчетов власти*. На «чужих» проще всего списывать собственные невзгоды: «*Чужие*» – удоб-

ная мишень для критики. Так создается образ врага – удобная психологическая уловка для обывателя и идеальное оружие для властей... Крах прежней идеологии, коррупция властей – та почва, на которой легко прорастают семена межнационального раздора» (В. Цепляев. Мир треснул \ «Аргументы и факты» № 41, 2006). «По мнению социологов «Левада – центра», рост национализма – болезненная реакция на бедность самих русских» (В. Костиков. Научиться быть русским \ «Аргументы и факты» № 51, 2006).

Несмотря на попытки некоторых авторов периодических изданий обличить истинную каузальность проблем в межнациональных отношениях, в массах этнически «чужой» рассматривается как *источник невзгод*, и этот образ зачастую закрепляется журналистами. Релевантными к данному негативному стереотипу является гиперболически выраженный образ *социального зла*, сопровождаемый сообщением о *недовольстве масс и упоминанием негативных последствий* для этнического большинства и даже необходимостью *избавления*.

Актуализатором образа «чужого» в поле социального зла являются указания на *связь нелегалов и мигрантов с криминальным миром*. Несмотря на априори известный факт о том, что у преступности нет национальности, пишущие довольно часто считают необходимым идентифицировать преступников по этническому признаку.

Третий (из преступников) – крепкий парень, очень подходил под традиционное описание «лица кавказской национальности». Назовем его «Чернявый» (Дело было на Слободской \ Труд. 7-15 ноября, 2006).

Убитым русским парням кавказцы отрезали уши (Инородные волнения продолжают \ Новая газета. № 70 14.09 – 17.09. 2006 г.)

Одна из самых актуальных на сегодня тем – преступления на этнической почве в армии. Так, в публикациях нередко преступниками выступают солдаты-кавказцы. Например, в статье, опубликованной в «Комсомольской правде», обозначение нарративной роли злодея-«чужого» начинается на уровне заголовка: «*Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки*» – и проходит по всему тексту. Это выражается в активном использовании лексики с отрицательным прагматическим компонентом значения: *изуверы-сослуживцы*, «*конфликтный контингент*», «*гремучая смесь*», *массовый мордобой между кавказцами и призывниками из Татарстана, самосуд униженных и избитых кавказцами солдат и офицеров над «тиранами», засилье кавказцев* и т. д.

Примечательно, что кавказцами здесь называют целый ряд народов, объединяя их как криминальную группу, и противопоставляют всем остальным нациям – «*некавказцам*».

Идентифицируют кавказцев по общим элементам их культуры \ сообщества.

В роте служили полтора десятка южан – дагестанцы, аварцы, даргинцы, ингуши, кумыки. Они и устроили в роте так называемый «джамаат» – общину на криминальный лад. Этот «джамаат» каждого некавказца облагал данью (Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки \ КП 21 февраля 2007).

Территориальное обобщение кавказских народов имеет историческую подоплеку, в связи с чем ученых интересует вопрос формирования кавказофобий. Так, Артур Цуциев приходит к выводу, что основанием для образования фобий в русском сознании «было постепенное и неуклонное становление системы этнической стратификации в северокавказских республиках, а также отзвук этой стратификации в общероссийском масштабе. Данные внутрикавказские процессы можно определить как расслоение на «титутельных», коренных (или «полноправных») и «нетитутельных», некоренных (с неявно усеченными правами). Неявность, смутность неравноправия выражается прежде всего особой связью граждан «коренных национальностей», кавказцев, с территорией их республик, которая подспудно рассматривается как их коллективная этническая собственность. ... Этническая асимметрия неизбежно зреет, исподволь накапливая рутинное, повседневное различие двух миров. Накапливается и русская **усталость, переходящая в неприязнь**, которая вместе с тысячами уезжающих с Кавказа русских пошла гулять по всей России» [Цуциев 2005, 1-2]. Один из устойчивых образов кавказца – «витязь» этнических войн. Некогда присущий образу кавказца романтизм напрочь утерян. Современный образ – весьма обобщенный – опосредован беспокойством, причиной которому явилась этническая напряженность, перешедшая в конфликты и войны. Более того, именно благодаря современным СМИ образ кавказской диаспоры превращается в общероссийский феномен – сегодня сами кавказцы стали *нетитутельной нацией*. Представляется, что указание на этническую принадлежность людей, совершивших правонарушения, «способно внушить читательской аудитории это чувство угрозы со стороны этнически «чужих», представление о них как об опасных «других»» [Чепкина 2003, 482].

Любое социальное зло предполагает отрицательную реакцию социума, что эксплицируется в СМИ:

(1) *Только глухой не услышит ксенофобского ропота, всё громче звучащего отовсюду, где живут «чужие»* (Станет ли Россия одной большой Кондопогой? \ «Аргументы и факты» № 38, 2006).

(2) *Русским не нравятся не вообще лица «азиатской» или «кавказской» национальности, а то, что мигранты занижают цену*

труда, питают криминалитет (Научиться быть русским \ «Аргументы и факты» № 51, 2006).

Речевыми маркерами такой реакции являются не только синонимы с семантикой *недовольства* – «ропот, не нравятся» (1, 2), но и сопоставительные синтаксические конструкции – «не вообще ... , а то, что ...» (2), которые придают речевым средствам уступительный оттенок (о коммуникативном ходе уступки в выражении этнических предубеждений см. [ван Дейк, 1989]).

Ксенофобические мотивы присутствуют в представлении *негативных последствий*, вызванных присутствием чужих.

В Перечинском районе произошла вспышка брюшного тифа. Его, как установили медики, занесли нелегалы (Деньги и кровь на «черноземе» \ Труд – 7 февраля, 2007)*

Нелегалы представляются носителями зла, которое они *распространяют и разносят*.

Подобные публикации могут быть восприняты читателем как руководство к действиям против мигрантов [Енина 2004, 155]. В газетных текстах встречаются прямые сигналы речевой агрессии, предлагающие *избавление от этнического зла*.

42% предлагают ограничить проживание на территории страны выходцев с Кавказа, 41% – китайцев, 23% – жителей среднеазиатских республик (Станет ли Россия одной большой Кондопогой? \ «Аргументы и факты» № 38, 2006).

3. «Чужой» интерпретируется на страницах российской прессы также как **мишень для критики**.

Критика главным образом направлена на нежелание «чужих» *подстраиваться под «нашу» культуру*. В этих случаях противопоставление этносов в поле «свои – чужие» наиболее эксплицировано.

(1) *Парни с юга приходят в армию со своей самобытной психологией, со своими национальными обычаями, традициями, нравами, повадками, уровнем развития и образования. Со своим отношением к законам и военным порядкам. Со своим пониманием коллективизма* (Новобранцы с Кавказа берут в заложники полки \ КП 21 февраля 2007).

(2) *Они (молодые чеченцы) привыкли к ненависти, к крови, у них другое отношение к жизни, другой менталитет* (Не хотите наводить порядок? Тогда наведем его мы! \ Труд-7, 27 сентября 2006).

Противопоставление усиливается за счет экспликации идеи «чуждости» через лексемы *свое, другое, самобытное*, предполагающие отличное, не такое, как у нас, что моделирует абсолютное отличие двух культур. Негативизм прослеживается в выборе таких оценочных лексем, как *повадки, нравы* и сочетанием *при-*

выкли к крови, что характеризует парней с юга как дикарей повадками животных.

Однако *неприятие «чужой» культуры* имеет место и в *позиции этнического большинства*.

Так, например, журналистка, приехавшая в Саудовскую Аравию во время визита В. В. Путина и вынужденная подчиниться местным обычаям, приводит свои явно негативные впечатления. Начинает она с того, что её вынудили надеть хиджаб, главный атрибут внешности восточной женщины:

Надев первый попавшийся хиджаб, я впала в тихую панику ... Передвигаться в таком виде без риска для здоровья было просто невозможно ... По дороге на балкон (где пресса ожидала прибытия президента) я набиралась опыта хождения в хиджабе. Ноги путались в платье, платок то и дело съезжал с головы. (Ради визита Путина журналистки пожертвовали ногтями \ \ «МК» 14-21 февраля 2007 г.)

Выбранные здесь автором средства описания впечатлений содержат смыслы *страха (паника), опасности (риск для здоровья)*.

Далее автор показывает, что жизнь арабской женщины осложнена не только неудобной одеждой. Её вообще не воспринимают как личность.

Потом еще выяснилось, что в аэропорту – во всяком случае, в той его части, где мы находились, – напрочь отсутствует женский туалет. За ненадобностью, так сказать. «Здесь все для человека. То есть, для мужчины», – прокомментировал один мой коллега (там же).

Из приведенного описания явно следует, что восточная женщина гораздо ниже по положению европейской (русской) журналистки. Эмоции *паники, опасности, унижения* никоим образом не способствуют положительному восприятию читателями восточной культуры, образа жизни арабов. Кстати, тема «женщин Востока» все чаще находит свое место в творчестве журналистов. Позиция авторов манифестируется уже в заголовочном комплексе, который прогнозирует содержание текста и призван привлечь внимание читательской аудитории. Так, например, заголовок «Жена на одну ночь» и подзаголовок «Муж приходит ко мне по графику, через три дня» способен поймать внимание адресата, но в то же время задает тон восприятия публикации читателем, воспринимающим «жену на одну ночь» как нечто негативное, не соответствующее общепринятым моральным нормам.

4. Особенно выпукло и концентрированно отражено положение представителей этнических меньшинств как **жертв** в числе мигрантов. Пишущие используют лексику со значением страха, беззащитности, унижений.

В фанерном киоске, торгующем мелочевкой, затравленно озирается продавец-

азербайджанец (Сплошной базар \ \ Новая газета. 30.11 – 03.12. 2006).

Продавцы-иностранцы с тревожными лицами сбились в кучку и шептались (Профанация // Профиль. 9 апреля 2007).

Семантика жертвы способствует индукции смыслов, связанных с оценкой указанного этноса как стоящего на более низкой ступени цивилизации и подверженного в силу этого эксплуатации «более развитым» этносом.

Нельзя не отметить, что кроме импульсов ксенофобии, в прессе присутствуют и саркастические интонации по поводу ксенофобии русских:

На девятый день после гибели в ночной драке у ресторана «Чайка» Сергея Слезова и Григория Усуна в городе Кондопоге я не встретила ни одного лица кавказской национальности. Часа три бродила по городу, чтобы увидеть хотя бы одного «условного» кавказца и задать ему вопрос: «Как жить дальше будете?» Не сбылось. Ландшафт изъясил из обращения даже еврейских старушек. Поминки проходили в этнически чистом городе (Инородные волнения продолжаются \ \ Новая газета. № 70 14.09 – 17.09. 2006 г.)

Как показали наблюдения, образ этнически «чужого» в российской прессе имеет конкретные интерпретации, имеющие явно интолерантный характер. Образ «чужого» как врага представляется наиболее актуализированным, что, учитывая силу влияния СМИ на формирование и развитие общественного сознания и социального поведения читателя, ведет к трансформации его этнической картины мира и способствует укреплению ксенофобических настроений в обществе.

Преобладание негативно-оценочного прагматического потенциала в газетных текстах, а в некоторых случаях даже нагромождение негативных оценок поддерживает неприятие другого этноса и вызывает внутреннюю агрессию читателей.

Это позволяет обозначить задачу журналиста быть посредником в межкультурной коммуникации и демонстрировать толерантное отношение к представителям разных культурных и этнических социумов как весьма актуальную.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дейк, ван Т. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.

Енина Л. В. Этническая толерантность в отражении уральских газет \ \ Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. – 595 с.

Каган В. Homo Xenophobicus: психология «своего и чужого» // <http://www.lebed.com/art2121.htm>

Николаева Т. М. Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных

газетах \ \ Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) \ Научн. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – 478 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений \ российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Паин Э. А. Почему помолодела ксенофобия. О масштабах и механизмах формирования этнических предрассудков // http://www.ng.ru/ideas/2003-10-14/11_xenophobia.html

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке \ Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с. С. 13-50

Прикладная конфликтология для журналистов. Права человека, 2006 <http://gatchina3000.ru/literature/applied-conflictology-for-journalist>.

Свирковская С. В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.

Чепкина Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации \ \ Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. 475-486 с.

Цуциев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов. Дружба народов, 2005 № 10 \ http://hist.den-asu.ru/ashpi/forum_ch.html.

Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна – аспирант, старший преподаватель факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

© Иссерс О. С., 2007

© Рахимбергенова М. Х., 2007

Керимов Р. Д.

Кемерово, Россия

ТЕКСТИЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

Abstract

The modern German political discourse describes the social reality of the Federal Republic of Germany and the EU in the comprehension of German political figures by the use of conceptual metaphors. The essence of conceptual metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another (understanding one conceptual domain in terms of another conceptual domain). Artefact metaphors model the social reality in terms of the mechanical, transport, architectural, gastronomical and textile domains. Textile conceptual metaphors include names of clothes, head-dresses, foot-wear and other textile accessories and some theatre properties. They characterize both negative (more often) and positive (less often) aspects of various political objects

of the Federal Republic of Germany and the European Union in the modern German political discourse.

Когнитивный подход к изучению разных языковых явлений на различном материале получил в современном языкознании широкое распространение. Он используется для реконструкции по языковым данным вербальных способов упорядочивания (получения, хранения, передачи, систематизации и развития) информации (знаний, опыта) о различных (конкретных и абстрактных) областях человеческой жизнедеятельности [см., например: Баранов, Добровольский 1997; Маслова 2004; Писаренко 2002; Попова, Стернин 2003; Рахилина 1998; Рудакова 2002; Lakoff 1990 и др.].

Каждый конкретный язык несёт на себе отпечаток особенностей мышления (восприятия и осмысления мира) носителей данного языка, и отражение окружающей среды происходит не напрямую («мир» → «язык»), а через призму сознания (когниции) человека по схеме: «мир» → «человек» → «язык». Таким образом, язык фиксирует то, как человек воспринимает мир и отражает его в своём сознании. Большое влияние на носителя языка и посредством него на его языковую деятельность оказывают при этом различные экстралингвистические факторы: культура, история, традиции, сфера деятельности, даже климатические и географические условия его проживания, поэтому восприятие мира человеком есть фактор субъективный, а не объективный, так как оно обусловлено влиянием внешнего мира.

Восприятию и описанию объективной реальности в мышлении/ языке человека присуще такое качество как метафоричность, суть которой заключается в описании реалий одной сферы жизнедеятельности посредством номинаций других сфер, причем связь между конкретными понятийными (концептуальными) сферами бывает predetermined уже существующими в языке схемами (моделями) упорядочивания знаний о данном сегменте бытия [см., например: Baldauf 1997; Jäkel 1997; Lakoff, Johnson 1980; Schwarz 1992, 1996 и др.].

Концептуальная метафора с точки зрения когнитивной семантики представляет собой модель представления информации о какой-то одной сфере деятельности субъекта терминами иной, совсем другой сферы [см.: Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2003; Baldauf 1997; Feng 2003; Jäkel 1997; Kövecses 2002; Lakoff 1988; Schwarz 1994; Weinrich 1976 и др.]. Набор используемых узусом в конкретном языке концептуальных метафор зависит от интра- и экстралингвистических факторов, в том числе от истории и

политической культуры данного общества, действующего в государстве общественно-политического строя и типа социально-экономических отношений [см.: Шейгал 2000; Bergem 1996; Rigotti 1994; Volmert 1989; Watts 1997; Welch 1999].

В политическом дискурсе (политдискурсе) описывается и отражается социальная сфера, которая пронизывает и связывает все области жизнедеятельности общества: собственно политику как осуществление политической власти (или борьбу за нее), экономику (материальные средства производства и потребления), культуру и искусство (духовные ценности), религию (вероисповедование), (профессиональный и любительский) спорт, СМИ (четвертая власть), войну (как продолжение политики «другими» средствами) и пр.

Политдискурс является разновидностью институционального дискурса, в котором каждая отдельная языковая личность (в данном случае – политик) представляет не себя лично, не свою персону, а определенную организацию, конкретный «институт» (в нашем случае – власти): правительство или оппозицию, партию, фракцию. Поэтому политическая речь как продукт языкового творчества политика рассматривается через призму и как продукт деятельности той партии, фракции, того «института», которые данный политик представляет, и является, как отмечает профессор В.И. Карасик, «статусно-ориентированным» [Карасик 2007: 89; см. также: Карасик 2002].

Политический дискурс ФРГ характеризуется образностью, которая обусловлена активным использованием наглядных языковых средств. Тексты официальных речей современных немецких политиков изобилуют помимо прочих образных средств и большим количеством метафор. В рамках когнитивного подхода данные метафоры объективируют знания немецких политиков о социально-политической реальности в Германии, в Евросоюзе и в мире в целом и выражают наиболее актуальные с их точки зрения её свойства и качества, которые они ей приписывают в процессе политической коммуникации.

Острая политическая борьба, стремление завоевать симпатии граждан своей страны, представить свою деятельность (деятельность своей партии) с положительной стороны и очернить политических оппонентов влияют в немецком политическом языке на используемые этими политиками концептуальные метафоры и определяют частотность, продуктивность и доминантность тех или иных видов концептуальных метафор [см., например: Черепанова 1999; Шейгал 2000; Baranov 2004; Jäkel 1997; Rigotti 1994; Volmert 1989], которые принято различать по исходной сфере (сфере-источнику)

метафорического переноса и по сфере-цели (сфере-мишени) метафорической экспансии.

Сферой-мишенью метафорического переноса наименования служит в политическом языке понятийная (концептуальная) сфера (концепт) «Политика», что вполне естественно, так как политический язык – это средство борьбы за власть и средство её удержания в случае её получения/захвата, а политика – это сам процесс осуществления власти.

Исходными понятийными сферами переноса наименования для политических (по сфере-мишени) метафор выступают как биологическая и социальная области существования человека и сфера живой и неживой природы («Физиология человека», «Социальная среда», «Артефакты» и «Природа») [Керимов 2006д], которые могут быть использованы в том числе и для моделирования других различных «метафорических» (в терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона) концептов (социальных, ментальных и пр.), а также специфические области, которые целесообразно выделить в самостоятельные группы метафор ввиду их чрезвычайной важности и актуальности именно для языка политической коммуникации. Для немецкого политдискурса это, прежде всего, группы-dimensionalных, квалитативных и квантитативных метафор и метафорических единиц с семантикой цветообозначений, которые характеризуются также повышенной частотностью и доминантностью.

Некоторые из этих концептуальных сфер/концептов (и/или их фрагменты) уже становились объектами исследований отечественных и иностранных учёных [см., например: Баранов, Караулов 1991; Черепанова 1999; Чудинов 2003; Baldauf 1997; Baranov, Dobrovolskij 2003; Bergem 1996; Jäkel 1997; Lakoff 1990; Rigotti 1994 и др.], в том числе и на материале современного немецкого политического дискурса (1992-2004 гг.) [см.: Керимов 2005а; 2005б; 2006а; 2006в; 2006г].

Небольшую по частотности, но упорядоченную по доминантности группу представляют собой метафоры из исходной сферы «Одежда», которые являются частью артефактной концептуальной метафорики и количественно составляют 2,9% артефактных метафор и 1,2% всех политических метафор (при материале исследования в 4000 политических метафор, из которых 1640 – артефактные) [Керимов 2005в: 134].

Данные по частотности (общему количеству метафорических единиц данной понятийной сферы) и доминантности (количеству текстов, в которых зафиксировано употребление данного вида артефактных метафор) представлены в порядке количественного

убывания частотности в следующей Таблице:

Таблица. Частотность и доминантность артефактных концептуальных метафор в политическом дискурсе ФРГ

№	Вид метафоры	Частотность		Доминантность	
		кол-во	проц.	кол-во	проц.
1.	Метафоры дома	536	32,6 %	99	37,2 %
2.	Транспортные метафоры	498	30,4 %	117	44,0 %
3.	Метафоры механизма	270	16,5 %	94	35,3 %
4.	Метафоры коммуникаций	150	09,2 %	36	13,5 %
5.	Гастрономические метафоры	138	08,4 %	29	10,9 %
6.	Текстильные метафоры	48	02,9 %	27	10,2 %
Всего		1640	100%	266	100 %

Примечание 1:

Сокращения в Таблице: кол-во – количество; проц. – проценты.

Примечание 2:

Общая сумма количественных и процентных данных доминантности всех шести видов артефактных метафор больше, чем итоговые числа доминантности в графе «Всего». Это связано с тем, что при наличии в одном тексте метафор разных видов этот текст засчитывался в показатели доминантности каждого вида метафор по отдельности, то есть один текст политического выступления мог учитываться несколько раз. Конечное число текстов, в которых были употреблены все 1640 артефактных метафор, – 266; именно эта цифра и принимается за условные 100% доминантности в графе «Всего».

Концептуальные метафоры одежды представляют объекты, процессы и явления немецкой, европейской и мировой социальной реальности лексемами, обозначающими текстильные аксессуары, предметы гардероба и связанные с ними реалии (отсюда и второе название единиц этой группы – текстильные концептуальные метафоры).

Наименования видов одежды и их частей используются чаще всего немецкими политиками для негативной оценки личности своих оппонентов и результатов их деятельности (деятельности их партии).

Из конкретных предметов гардероба немецкие политики на своих противников «примеривают» как правило «новую щегольскую одежду» (нем. „das neue Yuppie-Gewand“) и «старую

шляпу» (нем. „der alte Hut“), а также другие предметы гардероба, например:

(1) Wer ist Stollmann? ... Das ist der Mann, der weiß, was Arbeitnehmer wollen; deshalb braucht er keinen Betriebsrat. ... Herr Stollmann hat in seinem Betrieb keinen Betriebsrat. Er hat noch hinzugefügt, die traditionellen Formen der Mitbestimmung seien überholt. Er weiß also, was Unternehmen wollen. Das ist der alte Patriarch im neuen Yuppie-Gewand. Deshalb schlage ich vor: Ottmar Schreiner und Norbert Blüm machen ein Aktionsbündnis: Schützt die Betriebsräte vor Stollmann [Blüm 1998: 7]. 'Кто такой г-н Штольманн? ... Это человек, который знает, чего хотят рабочие; поэтому ему не нужны рабочие профсоюзы. ... У г-на Штольманна на его предприятии нет профсоюза. Ещё он добавляет, что традиционные формы сотрудничества (работодателей и рабочих) надо пересмотреть. Итак, он знает, чего хотят предприятия. Это старый патриарх в новой щегольской одежде. Поэтому я предлагаю: Отмару Шрайнеру и Норберту Блюму надо сделать союз по защите предприятий от Штольманна'.

(2) Wir brauchen keine alten Hüte in der Politik [Waigel 1998: 3]. 'Нам не нужны в политике старые шляпы'.

(3) Für die Besteuerung der gewerblichen Einkünfte schlägt der SPD ein so genanntes Optionsmodell vor. Das ist nun wirklich ein ganz alter Hut aus der Mottenkiste, der bereits Anfang der 50er Jahre wegen praktischer Undurchführbarkeit abgeschafft werden musste [Waigel 1998: 4]. 'Для обложения налогом постоянных промышленных доходов СДПГ предлагает так называемую опционную модель. Это действительно извлечение из ящика совсем старой шляпы, которая уже в начале 50-х гг. была прекращена из-за практической невыполнимости'.

(4) Das Ziel scheint mir das gleiche zu sein wie in den sechziger Jahren: bessere Teilhabe aller an Bildung. Viele halten das für einen alten Hut, für eine verstaubte Botschaft, die nicht mehr in unsere heutige Situation passt. Das stimmt nicht. Das ist ein Vorurteil und ein Fehlurteil [Rau 2002b: 26-27]. 'Цель мне кажется такая же, как и в 60-е годы: доступное получение всеми образования. Многие считают это старой шляпой, запыленным посланием, которое больше не подходит для сегодняшней ситуации. Но это не так. Это преждевременное и ошибочное мнение'.

В примере (1) образный эффект негативной оценки политического оппонента усиливается за счёт использования в метафорическом контексте лексем с антонимичным значением („alt“ – „neu“), описывающим исходную концептуальную сферу переноса наименования.

Устойчивое словосочетание «старая шляпа» (нем. „ein alter Hut“), которое первоначально в немецком языке возникло на базе метонимии, уже закреплено в словарях в значении

„ugs.; etwas Altbekanntes, längst nicht mehr Neues“ [DUW] («разг. что-то уже известное, уже давно не новое»). Именно в этом значении данное фразеологическое выражение реализуется в качестве концептуальной метафоры в примерах (3) и (4), причём в обоих случаях яркий образ создаётся за счёт использования других, «поддерживающих» концептуальных метафор.

В примере (2), однако, реализуется свободное словосочетание с теми же компонентами, когда обыгрывается первоначальный метонимический смысл – «старый человек». В этом контексте «старыми шляпами» именуется представители правящей (в 1998 г.) партии ХДС/ХСС, которые, по мнению оратора, за долгие годы пребывания у власти (тогдашний канцлер Германии Г. Коль на тот момент находился у власти в течение 16 лет – с 1982 г.) уже утратили свежесть взглядов и правильность восприятия политических реалий и перестали быть актуальными со своим «старым», «запылённым» взглядом на вновь возникающие проблемы иного, нового характера.

Определённый текстильный аксессуар может характеризовать какие-либо определённые качества, свойства политической или социально-экономической деятельности федерального правительства.

Так, например, такой пикантный предмет женского гардероба как «корсет» (нем. „das Korsett“) описывает жёсткие условия осуществления какой-либо деятельности, например, в экономической политике, поскольку в переносном значении используется именно это качество данного предмета одежды – «жёсткость, стеснённость»:

(5) Das liegt auch daran, dass die gesetzliche Mitbestimmung – anders als manche behaupten – gerade kein starres Korsett ist. Sie setzt einen klaren Rahmen, der in der Praxis sehr flexibel und erfolgreich ausgefüllt werden kann [Rau 2001b: 243]. 'Это объясняется также тем, что установленное законом согласие – в противоположность тому, как многие думают, – как раз не является жёстким корсетом. Оно устанавливает ясные рамки, которые могут быть на практике очень гибко и успешно выполнены'.

В определённых контекстах могут упоминаться различные предметы одежды, описывающие социальную реальность с позитивной или негативной точки зрения. Так, яркий метафорический смысл может возникнуть при неожиданном контекстуальном развитии известного устойчивого сочетания, при котором данное развитие сопряжено с новой интерпретацией переосмысливаемого языкового выражения, у которого активизируется внутренняя форма, например:

(6) Der Präsident der Bundesanstalt für Arbeit, Herr Jagoda, der Ihrem Hemd etwas näher als meiner Jacke steht, hat vor wenigen Wochen aus-

drücklich gesagt, es handele sich um Besserungstendenzen; von einer Trendwende könne keine Rede sein [Schreiner 1998: 8]. 'Президент Федеральной службы труда, г-н Ягода, который Вашей рубашке ближе, чем моему пиджаку, несколько недель назад чётко сказал, что речь идёт о тенденции к улучшению; но о повороте в развитии не может быть и речи'.

В данном контексте (6) немецкий политик переосмысляет известное выражение „das Hemd ist/liegt mir näher als der Rock“ (букв.: «рубашка мне ближе, чем пиджак (или жилет)»); ср. в русском языке: «Своя рубашка ближе к телу»; «Своя кожа рубахи дороже») в значении „der eigene Vorteil ist mir wichtiger als der eines anderen; nach dem Ausspruch „tunica propior pallio est“ in der Komödie „Trinummus“ [V, 2, 30] des römischen Dichters Plautus, um 250-184 v.Chr.“ [DUW] («своя выгода мне важнее, чем выгода другого (человека); пришло из латинского языка по выражению «Туника ближе, чем плащ», употребленному в комедии „Трёхмолотчик“ римского комедиографа Плавта (250-184 гг. до н.э.)»). Переосмысление и новый метафорический образ возникают за счёт замены в контексте высказывания в устойчивом сочетании (грамматически – предложении) одной из лексем („der Rock“ – «пиджак») её синонимом („die Jacke“ – «куртка, пиджак») из той же самой концептуальной (текстильной) сферы-источника, что и исходный компонент, и изменения типа отношений с субъектно-субъектных на субъектно-объектные.

В следующем случае (7) реализуется компонент устойчивого сочетания „eine weiße Weste haben“ в значении «иметь незапятнанную репутацию», в буквальном смысле выражающий предмет мужского гардероба – «жилет белого цвета» (ср. в русском языке: «быть (делать что-то) в белых перчатках»), причем в контексте высказывания «белый» цвет данного текстильного предмета подчеркивается другой метафорой, указывающей на цвет светлой цветовой гаммы – «золотисто-бронзовый» (нем. „die Goldbronze“): (7) Ich warne auch davor, die Demokratisierung der Bundesrepublik in den 50-er und 60-er Jahren jetzt nachträglich mit Goldbronze zu versehen. Wir sind nicht die mit der weißen Weste [Rau 2000: 290]. 'Я также предостерегаю от того, чтобы сейчас воспринимать демократизацию Западной Германии в 50-е и 60-е гг. в золотисто-бронзовом (свете). Мы никогда не имели незапятнанную репутацию (букв.: Мы никогда не были в белом жилете)'.

Социальную реальность ФРГ концептуализируют также и номинации обуви и обувных аксессуаров, как, например, лексема «обувь» („der Schuh“), совместное «одевание» которой выражает призыв к осуществлению конвенционального действия всеми политиками: (8) Wir alle sollten als Politiker sehr vorsichtig sein,

auf die Bundesanstalt für Arbeit zu zeigen. Denn zu Recht wird gesagt, dass die Politik der Bundesanstalt über Jahrzehnte hinweg Aufgaben übertragen hat, bei denen es sich um reine Verwaltungsaufgaben handelt. Den Schuh müssen wir uns alle anziehen. Ich nehme mich davon auch nicht aus. Aber der Vorwurf, die Bundesanstalt leiste nur Verwaltungsarbeit, ist kühn. Wir müssen Konsequenzen ziehen [Eichel 2003]. 'Мы все как политики должны быть очень внимательны, показывая на Федеральную службу труда. Так как, справедливости ради, следует сказать, что политика этой Федеральной службы целые десятилетия выполняла задачи, при которых речь шла о чисто управленческих функциях. Обувь (ботинки) мы должны одеть все (вместе). Себя я тоже не исключаю. Но проект, согласно которому Федеральная служба осуществляет только управленческую работу, (слишком) смел. Мы должны сделать (соответствующие) выводы'.

Помимо наименований видов одежды и обуви в современном немецком политдискурсе задействованы также и номинации других текстильных предметов (не одежды), например, «покрывала», «(красной) тряпки» и пр.

Лексема «покрывало» (нем. „der Schleier“) используется в переносном смысле за счёт метафоризации семы, выражающей функциональное свойство данного предмета («накрывать что-то»), то есть в переносном значении происходит указание на приписывание какому-либо объекту определённых качеств, которые данный предмет обволакивают и как бы запутывают: (9) Der braune Schleier, mit dem unsere Soldaten bei dieser Diskussion überzogen werden sollten, ist zerrissen worden [Kossendey 1998: 11]. 'Коричневое покрывало, которым должны были быть покрыты наши солдаты в этой дискуссии, разорвано'.

При этом в примере (9) метафорическому сопутствует адъективная цветовая метафора «коричневый» (нем. „braun“), которая обладает самостоятельным переносным смыслом, указывая (этимологически) на принадлежность к нацистской партии и немецким фашистам. Она появилась в 20-е гг. XX в. в (ещё не нацистской) Германии на базе метонимического переноса с коричневого цвета мундиров штурмовиков из СА (нем. die SA – Sturmabteilungen) – первых боевых отрядов национал-социалистов – на людей, которые носили эти мундиры, а затем и на всех членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) (нем. die NSDAP – die Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei). По отношению к настоящему времени данная метафора в немецком языке обозначает принадлежность к сфере крайне радикального националистического экстремизма, сочувствие идеям германских нацистов перио-

да Третьего рейха (1933-1945 гг.) и несёт на себе крайне негативную оценочную нагрузку.

Пример развития метафорического смысла цветовой метафоры «коричневый» наглядно демонстрирует, как с течением времени меняется значение метафоры, обусловленное сменой общественно-политического режима. В национал-социалистической риторике данная метафора активно использовалась и имела в официальном немецком языке положительную оценочную окраску, указывая на «авангард» национал-социалистической партии – штурмовиков (а затем и на всех нацистских партийцев), борющихся за «правое» (с точки зрения фашистской пропаганды) дело. Причём этот «авангард» и сам себя активно именовал этим цветообозначением, например: „braunes Haus“ («нацистский (букв.: «коричневый») дом»); / „Die Straße frei den braunen Bataillonen!“ / (досл.: «(Освободите) дорогу (улицу) коричневым батальонам!») (первая строчка второй строфы Песни Хорста Весселя «Выше знамя!») (Horst-Wessel-Lied „Die Fahne hoch!“) – неофициального гимна национал-социалистической партии и Третьего рейха).

После падения Третьего рейха и запрета деятельности НСДАП, данная метафора в немецком языке, по-прежнему указывая на деятелей национал-социалистической партии, меняет оценочную характеристику на полностью противоположную – с крайне позитивной на крайне негативную. В современном немецком языке данное значение нацистской партийной принадлежности уже является традиционным и занесено в словарь в качестве второго лексического значения (первое – непосредственное обозначение коричневого цвета) со специальной пометой об употреблении в «сниженном, отрицательном» смысле, ср.:

„braun: 1. a) von der Farbe feuchter Erde: <...>; b) sonnengebräunt: <...>. 2. (abwertend) nationalsozialistisch: die -e Epoche; eine braune Gesinnung; er war braun (war ein überzeugter Nationalsozialist)“ [DUW] («коричневый: 1. а) цвета влажной земли: <...>; б) загорелый: <...>. 2. (снижено) национал-социалистический: коричневая эпоха; коричневые убеждения; он был коричневый (был убеждённым национал-социалистом)»).

Помимо «покрывала» по функциональному свойству метафоризируется и составное существительное со сходной семантикой „der Deckmantel“, у которого в словаре зафиксировано значение „Vorwand, unter dem jemand etwas tut, um seine wahren Motive und Absichten zu verschleiern“ [DUW] («предлог, под которым кто-то что-то делает, чтобы скрыть свои истинные мотивы и намерения»). Буквальное значение данного слова, складывающееся из значений его обоих компонентов, – «покрывающая одежда» (нем. „decken“ («покрывать») + „der Mantel“ («пальто»)), то есть в этом случае про-

является переход из сферы конкретного в сферу абстрактного, например:

(10) Ethische oder religiöse Unterschiede werden ja allzu oft als Deckmantel benutzt, um politische oder soziale Interessen zu verbergen [Rau 2001b: 109]. 'Этические или религиозные различия к тому же часто используются как предлог (букв.: покрывающая одежда), чтобы скрывать политические или социальные интересы'.

(11) Beschleunigung und wachsender Zeitdruck sind aber selbst gemachte Sachzwänge, denen wir uns nicht ausliefern dürfen. Ethische Reflektion darf nicht zum moralischen Deckmantel für längst getroffene Entscheidungen verkommen [Rau 2001b: 228]. 'Ускорение и растущее давление времени стали теми факторами принуждения, которые мы сделали сами и которым мы не должны себя отдавать. Этическая рефлексия не должна опуститься до морального покрывала для тех решений, которые давно созрели'.

«Красная тряпка» (нем. „das rote Tuch“) – уже традиционный образ, выражающий что-то раздражающее, вызывающее недовольство:

(12) Für manche Arbeitnehmer ist Umweltschutz ein rotes Tuch gewesen und jetzt kommt es darauf an, dass wir die wirtschaftlichen Vorteile wieder deutlich machen [Rau 2001a: 110]. 'Для некоторых работодателей защита окружающей среды стала красной тряпкой, и сейчас очень важно то, что мы снова разясняем экономические преимущества'.

Такое понятие как «мода» (нем. „die Mode“) применительно к сфере политики означает популярность каких-либо политических идей, а «фасон» (нем. „die Fasson“) – принятие каких-то решений по отработанной, уже проявившей себя ранее схеме или по общераспространенной практике:

(13) Eine dritte Selbsttäuschung – und zwar in Ost und West! – laute, es genüge, Verwaltung und Gesellschaft in Ostdeutschland nach westlicher Fasson zu gestalten, und im Handumdrehen hätten sich alle Probleme und alle Verteilungskonflikte gelöst [Rau 2001a: 57]. 'Третий самообман – а именно и на Востоке и на Западе! – звучит так: достаточно власти и обществу в Восточной Германии придать вид по западному фасону, и в мгновение ока разрешатся все проблемы и все конфликты, связанные с расколом'.

(14) Das schont Ressourcen, es beugt der zentralistischen Versuchung vor, alle nach derselben Fasson selig machen zu wollen, und es sichert mehr Vielfalt und Experimentierfreude [Rau 2000: 78]. 'Это щадит ресурсы, это предостерегает от централизованной попытки сделать всех счастливыми по западному фасону, и это в большой мере способствует разнообразию и желанию экспериментировать'.

Политика в сфере, например, экономики, как и одежда, может быть «устаревшей», и то-

гда она «выходит из моды», или наоборот – не «устаревает», как это представлено в следующем контексте:

(15) Die industrielle Produktion ist nicht altmodisch oder veraltet [Rau 2001b: 49]. 'Промышленная продукция не является старомодной или устаревшей'.

Социально-экономические действия правительства соотносятся, как правило, с процессами пошива и ремонта одежды, например:

(16) Steuerschlußflöcher werden wir stopfen, ungerechtfertigte Vergünstigungen werden wir abbauen [Schröder 1999: 10]. 'Налоговые дыр-лазейки мы заштопаем, необоснованные льготы мы отменим'.

Метафора, представляющая дефицит средств, например, в бюджете страны как «(финансовые) дыры» (нем. „finanzielle Löcher“, „Steuerschlußflöcher“), а покрытие этого дефицита – как «штопка» (нем. „stopfen“) этих «дыр», приобрела в политическом дискурсе уже традиционный статус.

Традиционное словоупотребление зафиксировано также у метафоры «красная нить» (нем. „der rote Faden“), которая используется в значении „der leitende, verbindende Grundgedanke; nach Goethes „Wahlverwandtschaften“ (2, 2), wo eine alles verbindende Hauptidee mit dem durchlaufenden roten Faden im Tauwerk der englischen Marine verglichen wird“ [DUW] («ведущая, связующая основная идея; впервые употреблено у Й.В. фон Гёте в его семейном романе «Избранное родство» (опубликованном в 1809 г.), в котором главная, связующая идея сравнивается с красной нитью, проходящей по всей длине троса на английских кораблях»).

В современной немецкой политической риторике данная метафора реализуется, например, в таких контекстах, как:

(17) Der Wille zur stärkeren Integration der Entwicklungsländer in die Weltwirtschaft und zur besseren Berücksichtigung ihrer Belange zieht sich wie ein roter Faden durch die Abschlusserklärung [Eichel 2003]. 'Воля к более сильной интеграции развивающихся стран в мировую экономику и к лучшему учёту их интересов проходит красной нитью в заключительном заявлении'.

(18) Eine breit angelegte Bildung in Verbindung mit einer hohen sozialen Kompetenz gibt den Menschen den roten Faden, um sich in einer dynamischen Entwicklung von Gesellschaft und Wirtschaft zu orientieren und den Wandel aktiv mitzugestalten [Clement 2002: 64]. 'Широко распространённое образование вкупе с высокой социальной компетентностью даёт людям красную нить, чтобы ориентироваться в динамическом развитии общества и экономики и активно участвовать в переменах'.

В некоторых контекстах метафорический образ, уже стёртый частым употреблением, регенерируется за счёт активации первичного, прямого значения номинации «красная нить».

Это происходит при расширении данного словосочетания новыми лексемами, например, глаголами «плести (нить)» (нем. „spinnen“), «завязывать (нить)» (нем. „knüpfen“); эти глаголы выражают действия, которые можно совершать с «нитками» в буквальном смысле, то есть на самом деле, но в контексте метафорического словоупотребления вся новая конструкция получает переносное значение, а политики пытаются наладить дела в экономике («плести красную нить» (нем. „den roten Faden spinnen“) или устанавливать новые связи, контакты («связывать разорванные нити» (нем. „Gesprächsfäden, wo sie abgerissen sind, neu knüpfen“)):

(19) Wenn sie sich zusammensetzen, gemeinsam den roten Faden spinnen und Netzwerke bilden, dann ist der entscheidende Schritt für eine nachhaltige Entwicklung im ländlichen Raum getan [Clement 2002: 52]. 'Если вы собираетесь, чтобы вместе плести красную нить и выстраивать систему, то тогда сделан решительный шаг для продолжительного развития в сельской местности'.

(20) Ich will Gesprächsfäden neu knüpfen, wo sie abgerissen sind, zwischen Ost und West, zwischen Jung und Alt [Rau 2000b: 42]. 'Я хочу заново завязывать нити диалога (там), где они оборваны, между Востоком и Западом, между молодым поколением и старшим поколением'.

Номинации одевания одежды могут служить цели представления политических оппонентов в негативном свете. Так, выражение «взять (свою) шляпу» (нем. „seinen (eigenen) Hut nehmen“) подразумевает, что оппонент должен подать в отставку: „den/seinen Hut nehmen [müssen]“ – „ugs.; aus dem Amt scheiden, zurücktreten [müssen]“ [DUW] (досл.: «(быть должным) взять (свою) шляпу» – «разг. (быть должным) уйти с поста (в отставку)»).

В данном выражении метафорический смысл возникает на базе метонимического переноса – уходящий в отставку должен в буквальном смысле выполнить следующую последовательность действий: выйти из помещения, взять (в гардеробе) свою шляпу, надеть её и уйти. В сокращённом виде из всего перечня этих действий отставку выражает только одно действие («взять шляпу»):

(21) Sie haben vielmehr die Staatsfinanzen tief zerrüttet und das soziale Netz in größte Unordnung gebracht. Sie sollten jetzt wirklich Ihren Hut nehmen. Genehmigen Sie sich eine Auszeit! Der Wechsel ist da! [Schreiner 1998: 8]. 'Вы в большой мере сильно расшатали государственную финансовую систему и привели социальную сеть в беспорядок. Сейчас Вы действительно должны взять Вашу шляпу! Отдохните некоторое время! Перемены уже наступили!'

Вообще в современном немецком языке шляпа является одним из самых «политизированных» предметов гардероба и уж точно са-

мым «политизированным» головным убором, поскольку с непосредственным её участием строится достаточно большое число устойчивых выражений (этимологически как исконно немецких, так и общеевропейских и/или переведённых с других языков), которые описывают разные сферы деятельности человека (политика, общественного деятеля) посредством различных видов манипуляций с данным текстильным предметом.

Рассмотрим некоторые из них (наиболее показательные), за исключением уже описанных выше:

- „[für jmdn., etwas] den Hut herumgehen lassen“ („[für jmdn., etwas] in einer Versammlung o. Ä. Geld sammeln, indem man einen Hut herumgehen lässt, in den jeder das von ihm gespendete Geld legt) [DUW] – букв.: «(для кого-либо/чего-либо) пустить шляпу по кругу» ((для кого-либо/чего-либо) на каком-то собрании или пр. собирать деньги, пустив по кругу шляпу, в которую складываются пожертвования);

- „da geht einem der Hut hoch“ (ugs.; das macht einen wütend, rasend) [DUW] – букв.: «тогда у него (кого-то) шляпа приподнимется» (разг. это вызовет у него гнев, это приведёт его в бешенство);

- „Hut ab!“ (ugs.; alle Achtung, allen Respekt!) [DUW] – букв.: «Долой (снимите) шляпу!» (разг. всем внимание, обратите внимание <обращение к присутствующим>); в переносном смысле также имеет значение: «преклоняюсь!» (как выражение уважения, восхищения);

- „den Hut in den Ring werfen“ (seine Kandidatur anmelden; üb. von engl. “to throw one's hat in the ring”) [DUW] – букв.: «бросить шляпу на ринг» (снять свою кандидатуру; перевод с английского языка выражения “to throw one's hat in the ring” («бросить чью-либо шляпу на ринг»);

- „vor jmdm., etwas den Hut ziehen“ (vor jmdm., etwas alle Achtung haben, jmdm., einer Sache seinen Respekt nicht versagen können) [DUW]. – букв.: «Снять перед кем-либо/ чему-либо, кому-либо/чему-либо не отказывать во внимании);

- „mit jmdm., etwas nichts am Hut haben“ (ugs.; vgl. Sinn 3 a <mit jmdm., etwas nichts im Sinn haben (mit jmdm., etwas nichts zu tun haben wollen)>) [DUW] – букв.: «не иметь с кем-либо/чем-либо ничего в шляпе» (разг. не хотеть иметь с кем-либо/чем-либо ничего общего);

- „jmdm. eins auf den Hut geben“ (ugs.; jmdm. einen Verweis, eine Rüge erteilen) [DUW] – букв.: «дать (ударить) по шляпе»; это выражение употребляется как в прямом смысле («ударить, побить кого-либо»), так и в переносном (разг. «объявить кому-либо выговор, вынести кому-либо порицание»); точно такие же значения имеет и другой вариант этого выражения: „eins auf den Hut kriegen, bekommen“ [DUW];

- „etwas aus dem Hut machen“ (ugs.; etwas unvorbereitet machen, improvisieren; wahrscheinlich

in Anspielung auf Zauberer, die aus ihrem Hut Tiere o. Ä. hervorzubern) [DUW] – букв.: «что-то сделать из шляпы» (разг. сделать что-то неподготовлено, симпровизировать; по всей вероятности намёк на артистов-фокусников, достающих из шляпы животных и пр.);

- „unter einen Hut bringen“ (ugs.; einigen; in Einklang, Übereinstimmung bringen) [DUW] – букв.: «разместить под одной шляпой» (разг. объединить, привести к согласию (единому мнению)); другой вариант этого выражения: „viele Köpfe unter einen Hut bringen“ – букв.: «разместить много голов под одной шляпой» (разг. добиться единомыслия; объединить различные мнения (интересы));

- „unter einen Hut kommen“ (ugs.; einig werden, übereinkommen) [DUW] – букв.: «встать под одну шляпу» (разг. объединиться, стать единомышленниками).

Помимо этого успеха в делах может достигнуть тот, кто, согласно следующей немецкой поговорке, постоянно держит в руках шляпу:

- „mit dem Hute in der Hand kommt man durch das ganze Land“ (wer höflich ist [und stets den Hut zum Gruße zieht], erreicht viel) [DUW] – букв.: «со шляпой в руке ходят по стране» (тот, кто вежлив (и (потому) постоянно снимает шляпу для приветствия), достигнет многого).

Как показывает проведённый анализ, практически все устойчивые выражения с лексемой «шляпа» получили переносный смысл при переносе наименования из сферы конкретного в область абстрактного (из буквально осуществляемого действия на его абстрактное обобщение).

Помимо манипулирования со шляпой немецкие политики облачают, «одевают» (нем. „kleiden“) в различные «одежды» свои высказывания, с целью спрятать за определённые формулировки свои намерения и истинные мотивы своих действий:

(22) Auch die Vorstellungen zur Kompetenzabgrenzung, die Sie eben mit dem Schäuble-Bocklet-Papier artikuliert haben, Herr Müller, werden von sehr vielen – ich behaupte sogar: von der Mehrheit – in der Europäischen Union mit großer Skepsis gesehen und nur sehr eingeschränkt geteilt, um es in diplomatische Formulierungen zu kleiden [Fischer 2003]. 'Также и представления о разграничении компетенции, которые вы озвучили в документе Шойбле-Боклет, г-н Мюллер, были многими – я даже думаю: большинством – рассмотрены в Европейском Союзе с большим скепсисом и только некоторыми одобрены, если это сказать дипломатично (букв.: одеть в дипломатические формулировки)'.

(23) Ethische oder religiöse Unterschiede werden ja allzu oft als Deckmantel benutzt, um politische oder soziale Interessen zu verbergen [Rau 2001b: 109]. 'Этнические или религиозные различия слишком часто используются в качестве при-

крытия (букв.: покрывающей одежды, чтобы спрятать (истинные) политические или социальные интересы').

Переносное значение глагола «одевать» (нем. „kleiden“) уже становится традиционным и занесено в толковый словарь немецкого языка в значении „etwas in eine bestimmte Mitteilungs-, Ausdrucksform bringen: z. B. seine Gedanken in Worte, in eine gute sprachliche Form kleiden“ («облекать что-то в определённую форму сообщения, форму выражения, например: облекать (букв.: одевать) свои мысли в слова, в хорошую языковую форму»).

Текстильная концептуальная метафора часто пересекается с театральной метафорой, представляющей социально-политические процессы лексемами театральных реквизитов, в том числе и театральных костюмов. Так, частая смена политиком «театрального костюма» (нем. „die Kostümierung“) подразумевает частую смену своей политической позиции или своих взглядов в угоду каким-либо внешним обстоятельствам или каким-либо возможным преимуществам, как это представлено в следующих метафорических контекстах:

(24) Wir müssen zu verstehen suchen, was Überzeugung ist und was ideologische Kostümierung – und was dahinter steckt: Verirrung, Provokation oder Protest [Rau 2001b: 133]. 'Мы должны найти понимание того, что есть убеждённость (в своих идеях), а что есть идеологическое костюмирование (переодевание) – и что за этим скрывается: заблуждение, провокация или протест'.

(25) Politische Kostümierungen können der Einschüchterung oder der Provokation dienen [Rau 2001b: 136]. 'Политические переодевания могут служить запугиванию или провокации'.

Помимо этого в немецком политическом дискурсе функционируют метафорические единицы, которые в первичном значении указывают на процессы «износа», «разрыва» одежды и прочих текстильных предметов:

(26) Die SPD begründet diese Blockadehaltung nun mit dem fadenscheinigen Vorwand der Ablehnung von Studiengebühren [Mayer 1998: 8]. 'СДПГ обосновывает поддержание этой блокады только потёртой отговоркой об отказе от платы за обучение'.

Такое понятие как «разорванность» (нем. „die Zerrissenheit“) по отношению к сфере политики может означать как улучшение политической ситуации, снятие напряжённости («порвать железный занавес»), так и, наоборот, разобщённость, противостояние между государствами на европейском континенте («историческая разорванность Европы»):

(27) Die historische Zerrissenheit Europas wurde an diesem Tag in Madrid sinnfällig demonstriert, zugleich aber die vor uns liegende historische Aufgabe klargemacht [Fischer 1999: 19]. 'Историческая разорванность Европы была в эти

дни в Мадриде очень ясно продемонстрирована, одновременно, однако, она продемонстрировала также и задачи, лежащие перед нами'.

До сих пор в немецких политических речах используются метафора «железный занавес» (нем. „der Eiserne Vorhang“), которая для западногерманских политиков стала наиболее актуальной в августе 1961 г. после строительства Берлинской стены, отделившей восточную часть города – столицу ГДР – от Западного Берлина. Данные действия восточногерманского правительства были восприняты в Западных странах, и, прежде всего – в ФРГ, весьма болезненно, а западногерманские политики заявили, что «железный занавес» «опустился» на границу двух Германий. В 1989 г. Берлинская стена «рухнула», но западные, в том числе и немецкие, политики до сих пор используют в своём риторическом арсенале этот образ, описывая исторические процессы в европейской истории второй половины XX в., а также якобы имевшее место, с точки зрения некоторых немецких политиков, «героическое» сопротивление восточноевропейских народов своим коммунистическим режимам, как, например, антиправительственные выступления рабочих и беспорядки в ПНР в 80-х гг. прошлого века.

Сама по себе лексема «занавес» (нем. „der Vorhang“) связана также и со сферой театрального искусства, поскольку указывает на театральный реквизит, но по своему происхождению театральный занавес является текстильным предметом.

(28) Unser Kontinent war ein halbes Jahrhundert durch den Eisernen Vorhang geteilt. Jetzt wächst er zusammen, und Rumänien nimmt an diesem historischen Prozess teil. Ich habe heute in der Stadt die Kreuze gesehen, die an die erinnern, die in Rumänien ihr Leben für die Freiheit gelassen haben. Sie haben das Tor zur Demokratie aufgestoßen und den Weg zur Rückkehr Rumäniens in die Gemeinschaft der demokratischen Staaten in Europa freigemacht [Rau 2002b: 167]. 'Наш континент полсотни лет был разделён железным занавесом. Сейчас он (континент) срастается, и Румыния (также) принимает участие в этом историческом процессе. Я сегодня в городе видел кресты, которые (нам) напоминают о тех, кто сложил в Румынии свою голову ради свободы. Они открыли дорогу к демократии и освободили дорогу для возвращения Румынии в сообщество демократических стран в Европе'.

В политических текстах метафора «железного занавеса» подчас получает неожиданное усиление за счёт введения новых слов, указывающих на действия, которые совершались по отношению к нему. Так, по мнению немецких политиков, в «железном занавесе» и «вырезались дырки» (нем. „Löcher schneiden“), и его

«отодвигали в сторону» (нем. „beiseite schieben“), например:

(29) Fast vierzig Jahre lang hat die innerdeutsche Grenze die Kernaufgaben des Bundesgrenzschutzes bestimmt. Als dann endlich immer mehr Löcher in den Eisernen Vorhang geschnitten wurden und als er schließlich ganz beiseitegeschoben war, da stellte das den Bundesgrenzschutz vor eine seiner größten Bewährungsproben [Rau 2001b: 117]. 'Почти 40 лет внутригерманская граница определяла главную задачу Федеральной пограничной службы. Когда, затем, наконец, стало вырезаться всё больше дыр в железном занавесе и когда он окончательно был отодвинут в сторону, то тогда всё это поставило Федеральную пограничную службу перед одним из самых больших своих испытаний'.

Конец холодной войны в Европе ознаменовался, по мнению современных немецких политиков, окончательным разрывом «железного занавеса», хотя ради исторической справедливости следует отметить, что на самом деле «железный занавес» никто не «рвал» и не «порвал». На границе Восточной Германии и Западного Берлина его, а точнее – её (Берлинскую стену) – снесли те же, кто в своё время и установил – восточногерманское правительство. Да и само восприятие Берлинской стены как «занавеса» на границе между ГДР и ФРГ в корне неверно, поскольку в Берлине была установлена граница ГДР с Западным Берлином, который во времена существования двух Германий юридически никогда не был частью ФРГ, а имел свой особый статус и вплоть до 1990 г. всё ещё находился под оккупацией трёх держав-победительниц: США, Великобритании и Франции. «Снос» стены в 1989 г. на границе Восточного и Западного Берлина в современной единой Германии и во всём Западном мире воспринимается как открытие границы из ГДР в ФРГ, но это тоже миф, ибо юридически была открыта граница всего лишь в Западный Берлин, который, как уже было сказано выше, юридически никогда не был частью ФРГ и который в 1990 г., также как и ГДР, был присоединен к Западной Германии (ФРГ) в качестве (на тот момент) самостоятельной административно-политической единицы.

Начавшиеся в Польской Народной Республике летом 1980 г. незаконные антиправительственные выступления судостроительных рабочих, недовольных повышением цен и уровнем своего благосостояния в целом, вследствие которых польское правительство было вынуждено передать власть в руки военных во главе с генералом В. Ярузельским и ввести в стране с 13 декабря 1981 г. военное положение, современные немецкие политики выдают за осмысленную и спланированную попытку противостоять коммунистическим властям, причём не ПНР, а СССР, хотя Советский Союз

никакого отношения к данному кризису в Польше не имел и в его разрешении никаким (военным) образом, кроме «братской экономической помощи» и идеологической поддержки польского правительства и Военного совета национального спасения ПНР, не участвовал.

В метафорическом виде немецкие политики представляют беспорядки того времени как попытку «мужественных поляков» «разорвать железный занавес» (нем. „den (am) Eisernen Vorhang reißen“):

(30) Wir alle erinnern uns gut daran: Mutige Polen waren die ersten, die in den 80er Jahren am Eisernen Vorhang rissen [Thierse 2003]. 'Мы все хорошо помним, что мужественные поляки были первыми, кто в 80-е гг. разрывал железный занавес'.

Данные примеры наглядно демонстрируют, что в немецком политическом дискурсе текстильная концептуальная метафора используется для манипуляции массовым сознанием и построения новой модели истории. Под прикрытием ярких, образных и также уже традиционных метафор немецкие политики подтачивают исторические факты и пытаются представить их в выгодном для себя свете, с тем чтобы, во-первых, поощрить своих восточноевропейских партнёров из новых государств-членов ЕС (Польши, Чехии, Румынии и пр.), прозападным политикам которых импонирует риторика лидеров стран бывшего враждебного блока НАТО, согласно которой новые восточноевропейские члены ЕС еще совсем недавно якобы не жили в тени СССР в соцлагере по указке (указаниям) из Москвы, а как будто бы «мужественно» «рвали» железный занавес и боролись против «красных режимов», тем самым приблизив конец как соцлагеря, так и самого СССР и посредством своей этой «героической борьбы» заслужив («выстрадав») членство в Европейском Союзе. При этом подобной аргументацией немецкие политики оправдывают вступление в ЕС бывших стран Варшавского договора и в глазах собственных граждан, которым объясняют, за какие заслуги из их кармана поощряются их восточные соседи (в виде оказания им всевозможной экономической помощи по социальным программам Евросоюза).

Во-вторых, политическая элита современной единой Германии, унаследовавшая политическую культуру Западной Германии (об элементах восточногерманской политической культуры (ГДР, 1949-1990) в современных немецких реалиях не может быть и речи), хочет создать видимость того, что и ФРГ в своё время внесла определённый вклад в победу демократии на просторах социалистического блока и инициировала объединение двух Германий. Однако, и первая, и вторая точки зрения очень далеки от реальности и исторических фактов.

Таким образом, как показывает проведённое исследование, концептуальная метафора отражает не реальное положение вещей в мире, а только «желательное» и «выгодное» немецким политикам [см. также: Керимов 2005г; 2006б и 2006е], которые «одевают» своё видение социальной реальности современной ФРГ и Евросоюза, а также истории Европы в XX в., и, прежде всего – историю противостояния НАТО и Восточного блока, в различные концептуальные метафоры, в том числе и из исходной концептуальной сферы «Одежда».

В таком случае можно говорить о том, что концептуальная метафора не только концептуализирует социальную реальность, но и сама создаёт её в языковой картине мира немецких политиков, которые навязывают её гражданам и электорату своей страны и Европейского Союза. То есть, посредством концептуальных метафор помимо всего прочего немецкие политики манипулируют сознанием тех, чьи интересы они должны представлять (своих избирателей), и навязывают им нужное и «правильное» видение настоящего, прошлого и будущего. В подобной интерпретации концептуальная метафора предстаёт мощным инструментом осуществления идеологической власти.

В заключении следует отметить, что немецкие концептуальные текстильные метафоры, номинируя различные социально-политические действия, явления и процессы, а также способы их осуществления, в общем и целом обладают в современном политическом дискурсе ФРГ сильным образным и смысловым потенциалом. Текстильные метафоры имеют большие возможности для развёртывания яркого метафорического образа и потому занимают в языковом арсенале немецких политиков весомое место.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11-21.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Карасик В.И. Институциональные концепты // Vita in lingua: К юбилею проф. С.Г. Воркачёва: Сборник статей / Отв. ред. В.И. Карасик. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 87-97.
5. Керимов Р.Д. Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики // Известия УрГПУ. Лингвистика / Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005а. – Вып. 15. – С. 71-79.

6. Керимов Р.Д. Немецкая политика в зеркале спортивной метафоры // Известия УрГПУ. Лингвистика / Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005б. – Вып. 15. – С. 79-85.
7. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005в. – 186 с.
8. Керимов Р.Д. Функции концептуальной метафоры в немецком политическом дискурсе // Грамматика. Семантика. Концептология: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2005г. – С. 144-151. – (Серия «Филологический сборник»; Вып. 7).
9. Керимов Р.Д. Метафоры объектов коммуникаций в политическом дискурсе ФРГ // Концепт и культура: Материалы II Международной научной конференции (Кемерово, 30-31 марта 2006 г.) / Отв. ред. Г.И. Лушникова, Л.П. Прохорова. – Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006а. – С. 759-772.
10. Керимов Р.Д. Метафора как средство создания образа «врага»/«террориста» в политическом дискурсе // Четвертые Кузбасские философские чтения: Анализ феномена терроризма: Материалы Международной научной конференции (Кемерово, 25-26 мая 2006 г.) / Кемеровский госуниверситет. – Кемерово: Изд-во КРИПО, 2006б. – С. 207-209.
11. Керимов Р.Д. Транспортные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: Новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2006в. – С. 200-219. – (Серия «Концептуальные исследования»; Вып. 8).
12. Керимов Р.Д. Механистическая метафора в политдискурсе ФРГ // Человек и язык в поликультурном мире: Доклады и тезисы докладов Международной научной конференции (Владимир, 19-21 октября 2006 г.): В 2 т. – Владимир: Изд-во ВГПУ, 2006г. – Т. 1. – С. 110-116.
13. Керимов Р.Д. Методология когнитивного анализа артефактных метафор в немецком политическом дискурсе // Концептосфера и языковая картина мира / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2006д. – С. 63-91. – (Серия «Филологический сборник»; Вып. 9).
14. Керимов Р.Д. Метафорическое представление общественно-политической реальности в немецком политдискурсе // Наука на рубеже тысячелетий: Science on a boundary of millenia: Материалы III Международной заочной научно-практической конференции (Тамбов, 20-21 октября 2006 г.). – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006е. – С. 79-84.
15. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Уч. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 296 с.
16. Писаренко В.И. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». – Web document 2002. – URL: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7366&y=2002&vol=6077
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике: Монография. – 3-е изд., стереотип. – Воронеж: Истоки, 2003. – 192 с.
18. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семантика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 274-323.
19. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж: Изд-во ВГАУ, 2002. – 80 с.
20. Черепанова Е.И. Политическая метафора в современной прессе ФРГ: Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1999. – 179 с.
21. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. – 240 с.
22. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса: Монография / РАН, Ин-т языкознания; Волгоградский гос. пед. ун-т. – М., Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
23. Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. – 360 S. – (Sprache in der Gesellschaft; Bd. 24).
24. Baranov A.N. Metasprache der Beschreibung von Metaphern im öffentlichen Diskurs // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 2004 / Hrsg. von M. Vollstedt. – Moskau: Deutscher Akademischer Austauschdienst, 2004. – S. 13-44.
25. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Metaphern im deutschen und russischen öffentlichen Diskurs // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 2003 / Hrsg. von M. Vollstedt. – Moskau: Deutscher Akademischer Austauschdienst, 2003. – S. 11-44.
26. Bergem W. Politische Deutungscode: Zur Konstruktion von Wirklichkeit in politischen Vorstellungen // Metapher und Modell: Ein Wuppertaler Kolloquium zu literarischen und wissenschaftlichen Formen der Wirklichkeitskonstruktion / Hrsg. von W. Bergem, L. Bluhm, F. Marx. – Trier: WVT, 1996. – S. 185-202. – (Schriftenreihe Literaturwissenschaft; Bd. 32).
27. Feng X. Konzeptuelle Metaphern und Textkohärenz. – Tübingen: Narr, 2003. – 301 S.
28. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. – 348 S. – (Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft; Bd. 30).
29. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI, 285 p.
30. Lakoff G. Cognitive semantics // Meaning and mental representations / Ed. by U. Eco, M. San-

tambrogio, P. Violi. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – Pp. 119-154. – (Advances in semiotics).

31. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – 4th, paperback ed. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1990. – XVII, 614 p.

32. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – XIII, 242 p.

33. Rigotti F. Die Macht und ihre Metaphern: Über die sprachlichen Bilder der Politik. – Frankfurt am Main, New York: Campus Verlag, 1994. – 239 S.

34. Schwarz M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität: Repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – VII, 163 S. – (Linguistische Arbeiten; 273).

35. Schwarz M. Kognitive Semantik – State of the Art und Quo vadis? // Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven = Cognitive semantics / Hrsg. von M. Schwarz. – Tübingen: Narr, 1994. – S. 9-21. – (Tübinger Beiträge zur Linguistik; Bd. 395).

36. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktual. Aufl. – Tübingen, Basel: Francke, 1996. – 238 S. – (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1636).

37. Volmert J. Politikerrede als kommunikatives Handlungsspiel: Ein integriertes Modell zur semantisch-pragmatischen Beschreibung öffentlicher Rede. – München: Fink, 1989. – 332 S.

38. Watts D. Political communication today. – Manchester: Manchester University Press, 1997. – 228 p. – (Politics today).

39. Weinrich H. Sprache in Texten. – 1 Aufl. – Stuttgart: Klett, 1976. – 356 S.

40. Welch S. The concept of political culture. – 2nd ed., reprint. – Chippenham: Antony Rowe Ltd, 1999. – IX, 208 p. – (St. Antony's series).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ:

1. Blüm N. Solidarität beinhaltet Rechte und Pflichten // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 7.

2. Clement W. Perspektiven für Deutschland: Unsere Strategie für eine Nachhaltige Entwicklung. – Berlin: Impressum, 2002. – 84 S.

3. Eichel H. Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung (Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-11-1.

4. Fischer J. Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU: Rede vor dem Europäischen Parlament (am 12. Januar 1999 in Straßburg) // IN-Press: Sonderthema. – 1999. – ST 18. – S. 10-20.

5. Fischer J. Rede zur Einsetzung des EU-Verfassungskonvents (Berlin, den 22. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version

PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-12-1.

6. Kossendey Th. Parlament kann und darf kein UvD sein // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 11.

7. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2000. – Bd. 1.1 (23. Mai – 31. Dezember 1999). – 336 S.

8. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2001a. – Bd. 2.1 (1. Juli – 31. Dezember 2000). – 400 S.

9. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2001b. – Bd. 2.2 (1. Januar – 30. Juni 2001). – 512 S.

10. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2002a. – Bd. 3.1 (1. Juli – 31. Dezember 2001). – 480 S.

11. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2002b. – Bd. 3.2 (1. Januar – 30. Juni 2002). – 672 S.

12. Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 7-8.

13. Schröder G. Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). – Bonn: Impressum, 1999. – 88 S.

14. Thierse W. Ansprache bei der Gedenkstunde des Deutschen Bundestages am Tage des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus (Berlin, den 27. Januar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-04-1.

15. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 3-4.

СЛОВАРИ:

Duden – Deutsches Universalwörterbuch [DUW] / Hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. – CD ROM / PC-Bibliothek Express 2.0 (Die CD-ROM basiert auf der 4., neu bearbeiteten und erweiterten Auflage der Buchausgabe – 2001).

© Керимов Р.Д., 2007

Нахимов Е.А.

Екатеринбург, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ НАПОЛЕОН В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМ

Abstract

In Russian political texts, the proper name Napoleon is often used to name talented military leaders or social reformers. In other cases the name Napoleon is used to name military men dreaming of seizing state power.

В толковых словарях русского языка представлены данные о значениях сотен тысяч общепотребительных русских слов, но даже са-

мые полные словари не содержат сведений о семантике имен собственных (за исключением тех, которые перешли в имена нарицательные). Существующее положение представляется не совсем оправданным, так как имена собственные – это важная часть русского национального лексикона, в который, несомненно, входят по меньшей мере такие имена собственные, как *Россия, Москва, Волга, Франция, Суворов, Пушкин, Наполеон, Чапаев, Ленин, Гитлер*. Разумеется, имена собственные включаются в энциклопедические словари, но имена, представленные в этих словарях, далеко не всегда принадлежат к числу прецедентных, широко известных, относящихся к основному словарному фонду.

Необходимо разработать специальную методику выявления наиболее употребительных прецедентных имен и описания их дифференциальных признаков, что создаст условия для последующей подготовки специальных лексикографических изданий и более точного определения ментально-вербального лексикона современного российского общества.

Прецедентное имя в данном случае понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных (напр., *Обломов, Тарас Бульба*), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (*Иван Сусанин, Колумб*), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств (*Моцарт, Ломоносов*)» [Гудков 2003: 108].

Существует мнение, что прецедентное имя должно быть известно едва ли не всем членам соответствующего языкового коллектива. Так, В.В.Красных пишет: «Прецедентные феномены – это феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2002: 58]. В этом определении наибольшее сомнение вызывает утверждение о том, что прецедентными являются феномены, «известные **всем** (выделено мною. – Е.Н.) представителям национально-лингво-культурного сообщества». Даже если обратиться к тем примерам прецедентных феноменов, которые приводит сама В.В.Красных, то можно предположить, что едва ли действительно **все наши соотечественники** понимают смысл таких прецедентных ситуаций, как *Смутное время, Ходынка, семибоярщина*, а также таких прецедентных имен, как *майор Пронин, Растиньяк, Альхен* и др. Интеллектуальный и культурный уровень наших граждан, сферы их интересов настолько различны, что выдвижение критерия общеизвестности при выявлении прецедент-

ных феноменов в политической коммуникации, рассчитанной на массового адресата, представляется весьма непредусмотрительным.

Более осторожную позицию занимает Д. Б. Гудков, который считает, что прецедентные феномены «**знакомы большинству** (выделено мною. – Е.Н.) лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков 1999: 12].

В качестве ведущего критерия для включения имени собственного в число прецедентных можно избрать его регулярное использование в массовой коммуникации, особенно если наблюдается использование имени собственного без ссылок или иных пояснений в тексте, рассчитанном на массовую аудиторию [Нахимова 2003]. Рассмотрим следующие контексты:

(1) *Так что БАБ все больше становится похож на Фирса из «Вишневого сада» А. П. Чехова. Пришли новые олигархи – и старый больше не нужен. Демонизированная фигура окончательно отлучена от российской политики* (А. Угланов. Березовский атакует российский трон. – АиФ, 2003, № 24).

(2) *Главные спонсоры «демократической оппозиции» – павшие олигархи Березовский, Невзлин. «Человеческая обида» этих «графов Монте-Кристо» вполне понятна. Но это – их личные проблемы* (Л. Радзиховский, Идущие вместе. – РГ, 2005, 27 марта).

В первом случае автор использует для характеристики Б. Березовского прецедентное имя *Фирс* и, видимо не надеясь, что читатели сразу поймут, какой *Фирс* имеется в виду, упоминает название пьесы и ее автора. Во втором случае автор называет Березовского и Невзлина «графами Монте-Кристо» и не считает необходимым напомнить читателям, кто автор соответствующего произведения и тем самым актуализировать в сознании читателей признаки, которые объединяют французского аристократа и российского олигарха.

Проведенные наблюдения показывают, что наиболее известные прецедентные имена, как правило, используются без каких либо уточнений. Если же автор не до конца уверен, что соответствующее имя относится к числу широко читателями, то он использует те или иные способы актуализации прецедентного имени.

Изучение активно используемых прецедентных имен представляет интересный материал для постижения специфики национальной ментальности, языковой картины мира и современного русского ментально-вербального лексикона.

Для максимально объективного лексикографического описания прецедентного имени необходимо выявить дифференциальные признаки, регулярно обнаруживающиеся при использовании соответствующего имени в речи, а также определить типовую эмоциональную

окраску данного имени при его использовании в различных контекстуальных условиях.

В данной статье рассматриваются дифференциальные признаки прецедентного имени *Наполеон (Бонапарт)*, которое относится к числу широко употребительных и по частотности использования заметно превосходит имена иных полководцев. Показательно, что в абсолютном большинстве случаев авторы современных текстов, упоминая о Наполеоне, не считают необходимым указывать его фамилию или хотя бы порядковый номер в династии: как известно, существовали еще «Наполеон II (сын) и Наполеон III (племянник).

При рассмотрении дифференциальных признаков рассматриваемого прецедентного имени полезно учесть материалы лексикографии. В «Новейшем энциклопедическом словаре» [2006] представлена следующая статья.

НАПОЛЕОН I (Napoleon) (Наполеон Бонапарт) (1769-1821), выдающийся французский политический деятель, полководец, первый консул Французской республики в 1799-1804 гг., французский император в 1804-1814 и 1815 гг. Уроженец г. Аяччо (Корсика). Начал службу в артиллерийских войсках в 1785 г. в чине младшего лейтенанта. Впервые отличился при осаде Тулона в 1793 г. Выдвинулся на военной службе в период Французской революции XVIII в. (достигнув чина бригадного генерала) и при Директории (командующий армией). Возглавил государственный контрреволюционный переворот 9-10 ноября (18 брюмера) 1799 г. и установил личную диктатуру, став Первым консулом. В 1804 г. провозглашен императором Франции (в 1805 г. – королем Италии). Н. I ввел строгую централизацию административного аппарата, создал разветвленную полицейскую систему, реформировал судебную систему и систему образования (которая существует почти без изменений до настоящего времени), ввел гражданский свод законов, получивший наименование «Кодекс Наполеона» (до сих пор лежит в основе французского законодательства). В 1801 г. заключил конкордат (соглашение) с католической церковью, признавая католицизм «религией огромного большинства французских граждан», но не государственной религией, тем самым поставив церковь себе на службу (конкордат Н. просуществовал 100 лет). Значительно расширил территории империи, поставил в зависимость от Франции большинство государств Западной и Центральной Европы. Поражение наполеоновских войск в войне 1812 г. против России положило начало крушению империи. Вступление в 1814 г. войск антифранцузской коалиции в Париж вынудило Н. I отречься от престола. Был сослан на о. Эльба. Вновь занял французский престол в марте 1815 г. («Сто дней»). После поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола

(22 июня 1815 г.). Последние годы жизни провел в изгнании на о-ве Св. Елены. Его прах был перевезен во Францию в 1840 г. и захоронен в Доме Инвалидов в Париже.

Было бы весьма интересным определить, какая именно часть представленных в данной статье фактов составляет содержание прецедентного имени *Наполеон*, и выявить состав дифференциальных признаков прецедентного имени *Наполеон* в современном русском национальном сознании. При характеристике энциклопедической информации и дифференциальных признаков (языкового знания) мы учитываем теорию А. А. Потебни, разграничившего ближайшее и дальнейшее значение слова [Потебня 1974: 274], и современную интерпретацию этой проблемы, представленную в частности в статье Б. Ю. Нормана, который дифференцирует наивное, языковое и научное знание и подчеркивает отсутствие ярко выраженной границы между этими феноменами [Норман 2007: 21-23].

Источником для настоящего исследования прецедентного имени *Наполеон* послужили 2724 словоупотребления. Почти половину из них составляют материалы «Национального корпуса русского языка», представленные в Интернете (ruscorpora.ru): в указанном корпусе зафиксировано более пяти тысяч словоупотреблений указанного имени, но были учтены только 1204 словоупотребления (в 433 документах), включенные в публицистический подкорпус. В качестве дополнительного в настоящем исследовании использовался массив словоупотреблений указанного прецедентного имени, представленный в Интернет-архивах общенациональных высокотиражных российских газет «Завтра» (134 словоупотребления), «Комсомольская правда» (278), «Известия» (426), «Московский комсомолец» (501). Еще 181 словоупотребление было извлечено из текстов, опубликованных в других газетах.

Следует отметить, что 490 рассматриваемых словоупотреблений (почти 18%) не имеют прямого отношения к Наполеону Бонапарту. Здесь выделяются три подгруппы.

К первой относятся обозначения торта, сервиза, марки коньяка и иных товаров, которые называются «Наполеон» (часто с использованием строчной буквы, что, впрочем, не влияет на результаты Интернет-поиска). Скорее всего, названия этих товаров должны вызывать ассоциации именно с императором Наполеоном.

Вторую группу составляют случаи, когда антропоним «Наполеон» обозначает человека, носящего одинаковое имя с императором.

Третью группу составляют упоминания о Наполеоне Втором (сыне) и Наполеоне Третьем (племяннике).

Обратимся к контекстам, в основе которых лежит именно личное имя выдающегося пол-

ководца и государственного деятеля Наполеона Бонапарта.

При их рассмотрении важно разграничивать денотативное (в первичном значении) и коннотативное (в метафорическом значении) использование прецедентных имен. В первом случае прецедентные имена указывают непосредственно на денотат (или сигнификат), то есть при использовании исследуемого прецедентного имени имеется в виду именно Наполеон Бонапарт, знаменитый полководец и французский император. При коннотативном употреблении имеется в виду уже не Наполеон Бонапарт, а какой-то иной человек, который в чем-то похож на французского императора. Разумеется, аспекты сходства крайне разнообразны.

Рассмотрим типы дифференциальных признаков, которые могут быть акцентированы при метафорическом использовании имени *собственного Наполеон*.

1. Талантливый полководец, быстро и решительно разгромивший грозного врага. Ср.: *Взрывы произошли. Началась война в Чечне. Она должна была показать нашей публике нового Наполеона, лидера, который совершил молниеносный маневр и сокрушил главного противника России.* (В. Бондаренко. Обсуждение нового романа Александра Проханова в Центральном доме литераторов. – Завтра, 25-12-2001).

Рассматриваемый дифференциальный признак вербализуется в данном контексте придаточным предложением «который совершил молниеносный маневр и сокрушил главного противника России». Метафоричность обозначения Наполеон подчеркивается определением «новый» и упоминанием о том, что победы одержаны в Чечне.

2. Иноземный захватчик, вторгающийся в Россию во главе большой армии с целью порабощения ее народа (как известно, Наполеон поступил так в 1812 году). Ср.: *В 1848 году во Франции разразилась новая буржуазная революция. Наученные историческим опытом, власти России не могли ждать от этих событий ничего лучшего, нежели вторжения новых наполеонов и всей Западной Европы в наши пределы* (А. Сегень. Наш современник, 2002).

Показательно, что в данном контексте использованы строчная буква, определение «новый» и множественное число, что ярко подчеркивает метафоричность использования прецедентного имени. Характер дифференциального акцентированного признака определяется упоминанием о «вторжении в наши пределы».

В следующем контексте Наполеон оказывается уже в ряду однотипных прецедентных имен, обозначающих знаменитых завоевателей. Ср.:

– *А как же великие завоеватели прошлого, все эти Чингисханы, Александры Македонские, Юлии Цезари, Наполеоны и иже с ними?*

– *Похоже, амбиции американцев еще более масштабны, так как они пытаются подчинить себе мир и материальный, и духовный. Сегодня они стремятся овладеть регионом, включающим территорию от Персидского залива до Прикаспия и Предкавказья, где находится около 70 процентов мировых запасов нефти и газа. Контролирующий их автоматически станет хозяином мира.* (А. Вандиенко, Н. Нарочницкая. Война всех против всех – КП, 14.04.2003)

Показательно, что автор подчеркивает обобщенность обозначения при помощи использования прецедентных имен в форме множественного числа, которое подчеркивает сходство между различными завоевателями, затеняет индивидуальные признаки.

3. Честолюбивый генерал, стремящийся захватить политическую власть в государстве. И вновь широко известное основание для метафоры: в начале своей карьеры Наполеон всего лишь удачливый генерал, но позднее он сумел стать императором Франции. Ср.: *Когда мы были с Булганиным на Дальнем Востоке, после посещения войск нас пригласил к себе командующий дальневосточными войсками маршал Малиновский. За обедом Малиновский сказал: «Остерегайтесь Жукова, Это растущий Наполеон. Если надо – не остановится ни перед чем». Я тогда не обратил внимания на эти слова, но мне потом об этих словах и их смысле много раз напоминал Булганин. Вот, оказывается, с каких пор Малиновский занялся провокацией и подкопом под меня* (Ю. Абрамова. АиФ, 2001.07.04).

Как известно, высшие советские руководители (И. В. Сталин, Н. С. Хрущев) опасались, что прославленный полководец Г. К. Жуков будет стремиться получить высшую государственную власть, и это стало причиной серьезных проблем для народного любимца. Общий контекст беседы, последующие напоминания Булганина и – главное – скорое увольнение Г. Жукова с должности министра достаточно ясно указывают на тот признак, который служит основой для сравнения двух полководцев.

4. Политик, который, опираясь на армию, захватил высшую власть в государстве. Ср.:

Соседний Сальвадор тоже пережил разгул ультраправого террора. В октябре 1979 года во время очередного военного переворота группа офицеров свергла президента Ромеро Мену и передала власть военно-гражданской хунте. Режим возглавил гражданский политик консервативного толка – глава Христианско-демократической партии Хосе Наполеон Дуарте.

Однако сальвадорский Наполеон был лишь марионеткой в руках военных, которым

принадлежала реальная власть в стране. Пытаясь подавить повстанческое движение, диктаторский режим опирался на «эскадроны смерти». Фашистские боевики убивали левых политических деятелей, профсоюзных активистов, адвокатов, журналистов, священников, осмеливавшихся протестовать против насилия (Т. Музаев. Зондеркоманда для генерала – КП, 20.10.2003).

Показательно, что в данном контексте речь идет о гражданском человеке, то есть полностью нейтрализованы столь важные для большинства предшествующих словоупотреблений дифференциальные признаки военного характера. Вместе с тем подчеркивается, что это хотя и «сальвадорский» (т.е. не подлинный), но все-таки «Наполеон» и рассказывается о государственном перевороте и последующем терроре.

5. Талантливый политический лидер, который внес значительный вклад в укрепление государства, повышение его международного авторитета. Ср.: *И тем не менее никуда не деться от того действительно благоприятного впечатления, что оставил после себя Путин. Конечно, после сомнамбулического Ельцина, за поездки которого по миру было до смерти стыдно, любой трезвый политик будет выглядеть Талейраном и Наполеоном в одном лице. Но Путин превзошел средний уровень. Дальневосточное подготовительное турне по Китаю и Северной Корее прошло блестяще. Победы, пусть и тактические, по вопросам ПРО и Чечни заслуженны* (Д. Тукмаков. Про и контра. – Завтра, 25-07-2000).

В этом контексте, как и в предыдущем, полностью нейтрализованы признаки военного характера, однако в данном случае ярко выражена положительная эмоциональная оценка. Показателен не только ряд однородных членов «Талейран и Наполеон», но и перечисление конкретных дипломатических успехов.

6. Энергичный политический деятель, успешно руководящий могущественным государством. Ср.: *Для руководителя равнодушие – дар Божий, а для народа – трагедия. Наш народ намного умнее тех, кто руководит сейчас нами. Это наша беда. На фоне тех полуживых президентов, которые были, Путин мог войти в историю как Наполеон.* (С. Любошиц. Турист, дзюдоист и просто президент. – МК, 29.03.2001).

В рассматриваемом контексте указанный дифференциальный признак акцентирован при помощи противопоставления «полуживым президентам», которые руководили нашей страной ранее. Важен и общий контекст статьи, в самом названии которой подчеркиваются спортивные увлечения, предполагающие хо-рошую физическую форму.

7. Политический лидер, способный укрепить государственную власть и навести порядок в стране после революционных потрясений. Ср.: *Журнал "The Wall Street Journal" сравнивает Россию с постреволюционной Францией, а Путину прочит роль Наполеона, которому досталась "псевдомонархия, управляемая псевдодемократическими институтами..." Путин и действует по-наполеоновски решительно и быстро: начал борьбу с региональными царями, делит 89 провинций на семь, хочет назначать и снимать губернаторов; он, наконец, начал атаку на независимую прессу.* (А. Морозов. Владимир Бонапарт. МК. 17.05.2000).

В данном контексте акцентированию дифференциального признака способствует сравнение с Францией до Наполеона и во время его правления, упоминание о том, что Путин «действует по-наполеоновски решительно и быстро», а также перечисление конкретных действий, свидетельствующих о намерении укрепить государственную власть.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о разнообразии дифференциальных признаков, которые могут быть акцентированы при использовании прецедентного имени Наполеон в современной российской прессе. Вместе с тем рассмотренный материал показывает, что при анализе метафорического использования прецедентного имени, как правило, существует возможность выявить, какой именно признак оказывается выделенным, акцентированным в данном контексте.

На следующем этапе исследования рассмотрим несколько примеров денотативного употребления, при котором прецедентное имя Наполеон обозначает именно знаменитого полководца, ставшего императором Франции и добившего больших успехов в различных сферах деятельности.

В данных контекстах, как и при метафорическом использовании, акцентируются одни дифференциальные признаки рассматриваемого имени и одновременно в той или иной степени приглушаются, становятся малозначимыми, почти незаметными другие признаки указанного слова. Анализ каждого примера начинается с выделения наиболее яркого признака, который оказывается доминирующим при соответствующем использовании рассматриваемого прецедентного имени.

1. Наполеон Бонапарт как широко известный полководец, глава армии, вступающей в сражение с противником. Ср.: *Не думаете же вы в самом деле, что она [Третья мировая война] будет происходить, как во времена Гомера или в девятнадцатом веке? Встали Гектор с Ахиллесом или Веллингтон с Наполеоном в чистом поле, армии двинулись, ружейная пошла. Кто победил, тот объявля-*

ется д'Артаньяном? (О. Бакушинская. Третья мировая уже идет? – КП, 28.05.2004).

Контекст ясно показывает, что речь идет о полководцах, которые сражаются во главе армий. В данном случае не так уж важно, что английский полководец, в отличие от командующего французской армией, не имел в своей стране политической власти. Автор называет имена *Наполеона* и *Веллингтона*, но смысл фразы по существу не изменился, если бы вместо Веллингтона был назван Кутузов. При таком использовании прецедентного имени становятся несущественными и многие другие признаки прецедентного имени Наполеон, которые в других обстоятельствах могут быть весьма существенными.

2. Наполеон как удачливый и уверенный в себе полководец, который всегда побеждал врагов. Ср.: *С 15 августа 1971 года, когда президент США Ричард Никсон подписал указ о приостановлении золотого обеспечения доллара, в мире началась эпоха непрерывной финансовой войны Америки против остального мира. Пока она, как Наполеон до Бородино, одерживает победу за победой, но бесконечно так продолжаться не может. Свидетельством тому – переход боевых действий непосредственно на территорию США. А в любой войне, как утверждают историки, больше всего выигрывает тот, кто в ней меньше всего участвует. И это за океаном всегда понимали очень хорошо* (В. Геращенко. Рубли для России. – Завтра, 05.11.2001).

Как известно, Наполеон долгие годы не знал поражений на поле боя, но за три последних года своей активной деятельности потерпел несколько серьезных поражений. Поэтому в данном случае Америка сравнивается не с Бонапартом вообще, а с Наполеоном в его лучшие годы. Вместе с тем этот знак, возможно, помогает внушить читателем мысль о том, что впереди Ватерлоо, потеря власти, сто дней и Версальский конгресс.

3. Наполеон как завоеватель, который во главе огромной армии стремился нанести поражение России. Ср.:

*На российском Северном Кавказе зреют похожие проблемы. Там тоже не исключен «зеленый взрыв», хотя Москва всегда стремилась строить дружественные отношения с исламским миром, а российских мусульман интегрировать в общественные процессы. Вообще для России эта угроза – серьезный исторический вызов сродни нашествию **Баттыя**, **Наполеона** или **Гитлера**. На него нужно срочно искать ответ, а население страны тает...*

Кое-кто в Америке представляет будущее таким. Но это – вряд ли... (А. Баранов, Л. Кафтан. Каким будет мир в 2020 году? – КП, 15.06.2006).

Показательно, что в данном контексте Наполеон Бонапарт представлен в одном ряду с другими завоевателями, пытавшимися получить власть над Россией; соответственно здесь важна негативная оценка Бонапарта и его предшественников. При таком словоупотреблении оказываются малосущественными многие другие события из биографии императора – его путь к власти, блистательные победы в Италии, поражение при Ватерлоо и смерть на далеком острове. Больше того, смысл фразы по существу остался бы прежним, даже если бы имя прецедентное имя Наполеон вообще было пропущено или заменено упоминанием о польской интервенции в 1612 году.

4. Наполеон Бонапарт как авторитетный человек, создатель известных афоризмов, произведений, которые могут рассматриваться как своего рода руководство к действиям и т.п. Ср.: *Наполеон в свое время сказал, что командиры, допускающие унижение своих подчиненных и презирающие заботу о служивом люде, готовят войска к поражению. Слишком затянувшаяся контртеррористическая операция и растущее число жертв в наших частях навевают грустные мысли о верности этих слов* (В. Баранец. Военное обозрение – КП, 20.12.2000).

Мысль Наполеона о необходимости заботиться о своих воинах вовсе не относится к числу очень оригинальных, но для читателей важно, что соответствующие слова сказаны удачливым полководцем и отражают его жизненный опыт. Вместе с тем в данном случае как бы забывается о том, что французские войска под его руководством потерпели тяжелые поражения, которые привели к потере трона и реставрации Бурбонов.

Акцентирование восприятия Наполеона как авторитетного автора, хорошо разбирающего в военном деле, обнаруживается и в следующем контексте.

*Спасибо за предоставленное слово. Я разделяю беспокойство моего соседа. Но не поддерживаю его точку зрения по поводу принятия этого закона. Я считаю, что давно пора прекратить дискуссии на эту тему. Я помню, в 1992 году я вернулся в Россию, проработав за рубежом в качестве преподавателя университета 4 года. И в 1992 году другой состав, правда, обсуждал те же проблемы – переходить ли на бакалавры, не переходить. С 1992 года мы только и рассуждаем. Вот мы глубоко чтим почему-то слова **Наполеона** – вяжемся в битву, а там разбираемся. Мы регулярно вяжемся, а потом начинаем рассуждать* (М. Эскиндаров. Реформа образования. Проблемы и перспективы. – КП, 18.06.2007).

5. Наполеон как мыслитель, военный стратег и связанные с этим его действия в тех или

иных ситуациях. Ср.: *Еще с суворовской поры прижилась в войсках поговорка «Хуже дури только пуля». Так что армейская бестолковость – категория историческая. В летописи военного искусства известен лишь один «знаменитый» случай, когда дурацкое решение малоизвестного полководца помогло ему заставить ретироваться самого **Наполеона**. Полководец этот приказал своим войскам беспорядочно двигаться по полю брани. Такая логика оказалась непостижимой даже для гениального стратегического ума Бонапарта, и он приказал своей армии... отступить. Мне кажется, что, если бы **Наполеону** пришлось разгадывать логику действий нынешних наших стратегов, он поступил бы таким же образом* (В. Баранец. Генеральский зазор. – КП, 06.12.2006).

Коммуникативная тактика автора связана с тем, что Наполеон представлен как своего рода образец полководца: вполне понятно, что странные перемещения могла бы запутать обычного генерала, но автор подчеркивает, что даже сам Наполеон не смог догадаться об их причинах.

6. Наполеон Бонапарт как реформатор социальной жизни, создатель новой системы законов и т.п. Ср.: *Президенту явно не хватает профессионалов, команды. Проблема тем более остра, чем очевиднее инертность постсоветского общества, пока так и не избавившегося от социальной пассивности и иждивенчества. При этом Путин подчеркнуто избегает выступать в роли **Наполеона**, Кемалю Ататюрка, генерала Перона, Петра Великого или Александра II, то есть в роли авторитарного реформатора. Он вроде бы хочет, чтобы "в конструктивном ключе" работали механизмы снизу.* (С. Бабаева, Г. Бовт. Полдень президента: два года одиночества – Известия, 24.03.2002).

В данной статье акцентируемый дифференциальный признак вербализован словосочетанием «в роли авторитетного реформатора». Обратим внимание, что в этом контексте Наполеон представлен в ряду государственных лидеров, которые провели кардинальные реформы общества в Турции, Аргентине и России. Показательно, что не все они были знаменитыми полководцами, но все прославились реформами, проведенными «сверху».

7. Наполеон как государственный руководитель, реформирующий вооруженные силы. Ср.: *Давайте вспомним недавнюю историю. Что в 20-е годы прошлого столетия сделали большевики? Заставили служить своей идее царских офицеров, которые и составили в итоге костяк Красной Армии. Ленину и Троцкому присягнули личности выдающиеся, достаточно назвать легендарного генерала Брусилова... Еще раньше нечто подобное проделывали **Наполеон** и Петр Первый –*

брали старое за основу и строили новое. Нынешний бундесвер, к слову, тоже создавался из офицеров и солдат вермахта. И в основу управления национальной обороны Японии вошли генералы бывшей императорской армии, разгромленной в 45-м. Понимаете? (А. Шаравин: Пушечное мясо нынче не в моде. – КП, 05.01.2004).

В данном контексте акцентирован еще один аспект многогранной деятельности знаменитого полководца, и соответственно не воспринимаются как значимые многие иные признаки – агрессивное вторжение в Россию, покорение Египта и почти всей Европы, отказ от многих идеалов революции и коронация. Показательно, что в данном случае Наполеон выступает как руководитель, который поступил так же, как Ленин, Троцкий, Петр I, правительство Японии и Германии.

8. Иноземный захватчик, во время пребывания которого (а возможно, и по вине которого) в Москве были большие пожары. Примером может быть заголовок статьи А. Родкина «Москва пылает, как при **Наполеоне**», посвященной крупным пожарам в столице России (КП, 19.04.2004). Ср. также текст, в котором с Наполеоном сопоставляется мэр Юрий Лужков:

*На пепелище Манежа суетился невысокий лысый человечек, чья тень издала напоминала призрак **Наполеона**. Он говорил о том, что никто в пожаре не виноват – просто короткое замыкание. И выглядел человечек, несмотря ни на что, – торжественно. Ведь для него настал момент славы. Он всё же на старости лет уподобился **Наполеону** – потому что поджёг Москву.*

А рядом с ним напрягал заспанные морщины его соратник по партии "Единая Россия", начальник Госкомпиара по вроде-как-чрезвычайным-ситуациям. Этот сразу объяснил, в чем сермяжная правда: деревянные перекрытия. Это они во всем виноваты. Если бы не они, стоять бы Манежу как новенькому, радовать бы человеческий глаз.

*Вот оно что! Не каким-то там **Наполеоном** – самим Нероном решил заделаться демократически избранный властелин столичного города. Президентом РФ в свое время стать не удалось – надо же хоть как-то плюнуть в спину истории* (С. Белковский. Белка в колесе. – Завтра, 16-03-2004).

Историки до сих пор спорят о причинах московских пожарах 1812 года и о том, какова вина Наполеона в этих событиях. Но для автора статьи нет сомнений: в тот раз Москву сжег Наполеон, а почти через два века его преступление повторил Ю. Лужков, по вине которого сгорел Манеж. В результате образно сблизятся три знаменитых «поджигателя» – французский император Наполеон, римский император Нерон и московский градоначальник Лужков.

9. Государственный деятель, потерпевший военное поражение и закончивший свои дни в ссылке на острове вдали от Родины. Ср.: *Арабская пресса пишет, что США конфиденциально предложили находящемуся в заключении экс-президенту Ирака Саддаму Хусейну выбор между смертным приговором и изгнанием за пределы страны.*

По утверждению главного адвоката на процессе Хусейна и семи его сподвижников Халиля ад-Дулейми, которого со ссылкой на одну из ведущих египетских газет Al-Ahram цитирует ИТАР-ТАСС, американское предложение довел до сведения бывшего диктатора представитель военного командования США, посетивший Хусейна в тюрьме близ багдадского аэропорта.

*По его словам, бывший иракский лидер, не признающий легитимность суда над ним и называющий его фарсом, отказался от "добровольной ссылки". "По существу, они предложили Саддаму Хусейну выбор между судьбой **Наполеона**, окончившего жизнь на острове Святой Елены, и Муссолини, казненного в конце II Мировой войны", – сказал адвокат (Вашингтон предложил Хусейну пройти по стопам либо Наполеона, либо Муссолини – Известия, 16.06.06).*

Как известно, государственные деятели и полководцы, потерпевшие разгромное поражение, по-разному заканчивают жизнь: одних за это казнят, других – отправляют в отставку, третьи – погибают в решительном сражении, четвертые – пережив позор или даже объявив поражение победой, продолжают управление государством и армией. В данном контексте акцентирован заключительный этап жизни Наполеона. Соответственно воспринимаются как малосущественные многие иные дифференциальные признаки рассматриваемого прецедентного имени.

10. Контексты, в которых акцентируется или весь комплекс признаков или же неясно, какие именно признаки имеет в виду автор. Ср.: В оригинальной галерее видных политических деятелей России люберецкого скульптора Александра Рожникова появились новые композиции. О первых работах в заметке «Первый тост – за Путина, второй тост – за Громова» «Комсомолка» уже писала 25 марта. Напомним, что своих героев Рожников изображает в виде какого-нибудь персонажа из прошлого, душа которого якобы переселилась в нашего современника. Общее название серии – «Реинкарнация». А создать ее скульптор решил, увидев в питерском Эрмитаже портрет молодого римлянина V века до н.э., удивительно похожего на Владимира Путина. Уже готовы бронзовые изваяния российского президента, который был, по мнению Рожникова, римским полководцем, Бориса Громова – в прошлом русского средневекового витязя и

Владимира Жириновского – бывшего **Наполеона** (О. Смирнова. Русскую мафию увековечили в бронзе – КП. 24.09.2002).

Рассмотрение примеров акцентирования тех или иных дифференциальных признаков при использовании прецедентного имени Наполеон в прямом значении можно продолжить. Однако даже уже рассмотренный материал наглядно показывает, что при использовании имени Наполеон в прямом значении постоянно наблюдается акцентирование тем или иных дифференциальных признаков. Характер выделяемых признаков, как правило, можно достаточно точно определить по контексту, хотя существуют случаи, когда выявление названных признаков оказывается невозможным. Отметим также, что исследованных примерах обнаруживается совершенно различная эмоциональная окраска прецедентного имени Наполеон.

Представленные материалы позволяют еще раз подчеркнуть национальную специфику восприятия прецедентного имени. В русском национальном сознании слабо актуализированы некоторые факты биографии Наполеон Бонапарта, которые могут быть существенными для французов. Так, не обнаружено контекстов, в которых актуализирован заключенный Наполеоном конкордат с католической церковью, создал централизованную систему управления. Для российских СМИ оказалось несущественным даже то, что Бонапарт – корсиканец и что Его прах захоронен в парижском Доме Инвалидов. Видимо, даже в прецедентном имени интернационального характера каждый народ воспринимает далеко не все потенциально возможные характеристики.

Заканчивая статью, хотелось бы отметить, что в ней пока не рассматривался вопрос о том, насколько удачно авторы используют прецедентные имена. Видимо, далеко не всегда создателям текста и его редакторам хватает чувства такта и даже эрудиции. Напр., трудно понять, что имел в виду редактор газеты «Завтра», когда спрашивал у Б.Березовского: *Борис Абрамович, наш разговор протекает на веранде дворца, среди зеленых лугов и дубрав, на территории английского острова, которую вы купили. Задаю себе вопрос: кто вы сейчас? Меншиков в Березове? **Наполеон** на Корсике? Троцкий в Мехико? Кем вы себя чувствуете в изгнании?* (Беседа А. Проханова с Б. Березовским – Завтра, 1.10.2002).

Как известно, Троцкий в Мехико и Меншиков в Березове – это прецедентные ситуации, которые обозначают политического лидера страны, лишённого власти и не по своей воле оказавшегося вдали от столицы России. Однако для Наполеона Корсика – это малая родина, а вовсе не место изгнания.

Итак, обращение к прецедентным именам – традиционная черта отечественной политиче-

ской коммуникации. Этот прием позволяет ярче представить политическую позицию автора, привлечь внимание к историческим основам современных социальных теорий, усилить прагматическое воздействие текста. Прецедентное имя может быть использовано как в основном (денотативном), так и в метафорическом (коннотативном) значении. Как в первом, так и во втором случае прецедентное имя может характеризовать человека по ряду параметров (те или иные факты биографии, характер, успехи и неудачи, оценка и др.). Показательно, что как при буквальном, так и при метафорическом использовании имени собственного, как правило, существует возможность выявить, какой из дифференциальных признаков оказывается акцентированным. И в том и в другом случае Наполеон чаще всего выступает как талантливый военачальник и выдающийся социальный реформатор, однако во многих контекстах обнаруживается и негативная окраска, связанная с представлением Наполеона Бонапарта как завоевателя, спалившего Москву, потерпевшего поражения в самых главных сражениях и умершего в ссылке на далеком острове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Вып. 13. Екатеринбург, 2004.
- Национальный корпус русского языка // ruscorpora.ru
- Новейший энциклопедический словарь: 20 000 статей. М., 2006.
- Норман Б.Ю. Соотношение научного, наивного и языкового знания как проблема современной лингвистики // Русский язык в школе, 2007, № 5.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике – М., 1958, – Т. I-II.

© Нахимова Е.А., 2007

Скребцова Т. Г.

Санкт-Петербург, Россия

ОБРАЗ МИГРАНТА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Abstract

Nowadays the media are constructing the negative stereotype of concept 'migrant' in public opinion. Such a situation intensifies social tension, contributes to the strengthening of the racist prejudices and may provoke into international strife.

В последние годы мы являемся свидетелями формирования в массовом сознании стереотипа, связанного с понятием *мигрант*, – не в последнюю очередь из-за распространения в средствах массовой информации дискурса на тему миграции в Россию людей из других государств (прежде всего, из стран СНГ). (Под стереотипом будем понимать сильно упрощенные, клишированные представления, с помощью которых осуществляется категоризация предметов и явлений и дается заранее запрограммированная их оценка [Трошина 2000: 69].) Известно, что общественное сознание вырабатывает стереотипы как в отношении «чужих», так и в отношении «своих», однако именно образ «чужих» оказывается особенно искаженным, односторонним и пристрастным. В целом, они воспринимаются более схематично и оцениваются менее благоприятно, чем члены «своей» группы. Эта общая закономерность проявляется и в новой для нас тематической разновидности дискурса (Это именно тематическая разновидность, но никак не жанр, который, по Бахтину, должен характеризоваться не только определенной тематикой, но и устойчивой композицией и стилистикой [Бахтин 1986]. Что касается дискурса о мигрантах, то он может реализовываться в разных жанрах, таких как информационная заметка, аналитическая статья, бытовые разговоры, электронные чаты и форумы и др.) – дискурсе о мигрантах.

Перечислим основные составляющие стереотипа *мигрант*, регулярно встречающиеся в соответствующих публикациях. Мигранты:

- преимущественно выходцы с Кавказа или из Средней Азии (именно они вызывают наибольшую неприязнь, и описываемый стереотип касается прежде всего их, в то время как к мигрантам из Белоруссии, Украины и Молдавии отношение вполне терпимое);
- имеют неопрятный внешний вид;
- часто инфицированы опасными заболеваниями (туберкулез, ВИЧ);
- не имеют образования и профессиональной квалификации, используются в качестве чернорабочих;
- плохо знают русский язык;
- не уважают «наши» правила поведения, обычаи и культуру (*лезут в чужой монастырь со своим уставом*);
- берутся за любую, самую тяжелую и грязную, работу, которую не хотят выполнять коренные жители, готовы трудиться за многократно меньшую заработную плату, получать деньги через «черную» кассу, не иметь страховки и трудовых льгот (Согласие мигрантов на сверхэксплуатацию часто представляется как вытеснение русских с рынка труда и снижение уровня их зарплаты);

- обладают сплоченностью, образуют этнические криминальные группировки, занимающиеся ограблениями, наркоторговлей, контрабандой оружия и причастные к терроризму;

- создают острейшие социальные проблемы, обостряя обстановку в российских городах и селах;

- осуществляют отток денег в страны СНГ, тем самым способствуя росту национальных экономик и нанося финансовый ущерб России.

Последствия миграции оцениваются авторами публикаций в лучшем случае как неоднозначные, в худшем – как безусловный вред для интересов нашей страны и серьезная угроза ее безопасности.

Обращает на себя внимание содержательная близость перечисленных признаков к компонентам расистской идеологии, выделенных одним из крупнейших представителей критического анализа дискурса Т. А. Ван Дейком (см., напр. [Дейк 1989]). Ср. также: «... расистский дискурс преувеличивает различия во внешности или культуре «своих» и «чужих» и постоянно объясняет и устанавливает границы, кто включен в понятие «мы», а кто нет (в данном регионе, стране, городе или в его окрестностях). Он сравнивает также «их» нормы и ценности с «нашими» в выгодном для «нас» свете, он «волнуется» только о «наших» ресурсах (территории, доходе, жилье, рабочих местах, культуре и пр.). А еще дальше внимание сосредоточивается на том, что же «они» делают не так, а «мы» так, и как «нашим» интересам угрожают «чужие» [Дейк 2000: 59].

Оппозиция «мы – они» (она же «свои – чужие») и соответствующие стереотипы массового сознания обуславливают использование различных, можно сказать, противоположных, метафор для характеристики понятия *мигрант*, с одной стороны, и новой России, оказавшейся на перекрестке миграционных потоков, – с другой. Обращает на себя внимание тот факт, что мигранты в дискурсе СМИ регулярно предстают в виде некоей неодушевленной массы, ср.: *поток, приток, отток мигрантов, резервуар мигрантов* (страны СНГ), *миграционный взрыв, рабочие руки, рабочая сила, инструмент для вытеснения коренного населения и даже антропологическое оружие в необъявленной демографической войне (!)*. Показательны в этом отношении слова К. Ромодановского, директора Федеральной миграционной службы: «*Кто такой мигрант? Это рабочая сила. Конечно, мигранты нужны. Мы еще будем бороться за рабочую силу, за трудовых мигрантов. Это время, возможно, впереди. Страны Европы за это уже бьются – не хватает рабочих рук*» (интервью телеканалу «Вести» 6 июня 2007 г.; курсив мой – Т.С.).

Россия же, напротив, олицетворяется (Ср. концептуальную метафору «Государство – это

человек» [Lakoff 1991]) и выступает в роли благодетеля; ее сравнивают с *донором, кормящей мамой, птицей из арабской сказки, которая кормит птенцов собственным мясом* и т. п. Она *оказывает гостеприимство, не бросает вчерашних братьев, закрывает глаза на неравноправную приграничную торговлю, поставляет энергоресурсы по заниженным тарифам* и т. п. Таким образом, неодушевленное понятие (страна) персонифицируется, а люди (мигранты), наоборот, обезличиваются. Понятно, что эти взаимно противоположные метафоры неслучайны: трактовка мигрантов как неодушевленной массы способствует закреплению схематического и предвзятого образа (стереотипа), в то время как олицетворение России подчеркивает ее *благородное поведение* в отношении чужих и истинно *человеческие качества*.

Разумеется, образ мигранта в СМИ не всегда «деперсонифицируется». Обезличивания обычно не происходит в материалах, выражающих сочувствие к участи этих людей, озабоченность по поводу их бедственного положения в современной России, ср. *бесправные гастарбайтеры, которых можно без труда уволить и заменить новыми, их обируют, продают в рабство, убивают*. То, что именно в таких публикациях речь идет о трудностях и бедах конкретных людей (а не о безличной рабочей силе), опять же закономерно. Пробудить в читателе / слушателе понимание и симпатию можно, акцентируя тезис «мигрант – тоже человек», но никак не при помощи метафоры деперсонификации, концептуализирующей людей как часть неживой природы и «работающей» на закрепление уже сложившегося стереотипа.

Миграция рассматривается в СМИ преимущественно как объективный и неизбежный процесс: экономика России нуждается в дополнительных трудящихся из-за рубежа, а то, что они готовы на сверхэксплуатацию, создает заинтересованность бизнеса в их привлечении. Поскольку этот процесс представляется неизбежным, размышления о том, насколько он полезен и желателен для нашей страны, отходят на задний план. Обсуждаются лишь способы оптимизации миграционной политики, как-то: наведение порядка в пограничном контроле, введение миграционных квот, выявление вакантных ниш занятости, социально-культурная адаптация национальных меньшинств, их интеграция в российское общество, предотвращение межэтнических и межконфессиональных конфликтов и т. д.

В то же время, отдельные авторы представляют трудовую миграцию в Россию как результат злой воли западных политиков и находящихся под их влиянием российских государственных деятелей, навязывающих стране этот, заведомо пагубный, путь развития. В отличие от предыдущей точки зрения, данный

подход предполагает наличие альтернативы. Миграция не является ни необходимой, ни неизбежной; без нее можно обойтись. Это процесс не объективный, а зависящий от воли определенных людей, и с ним можно и должно бороться... Подобные мысли выражаются обычно весьма эмоционально; язык соответствующих публикаций характеризуется широким использованием стилистически окрашенной лексики и фигур речи, в том числе метафор. Ср.: *орды базарных торговцев; стаи наркодилеров; банды вымогателей и сутенеров; уголовная накипь; своры азиатов, наглых и беспардонных, стремящихся к одному – занять наше место, сделать нашу страну похожей на свои аулы; они несут смерть и разрушение России, превращают наши города в «территорию охоты»* и т.п. (Сосуществование разных картин одного и того же социального явления вполне закономерно – именно так, по-видимому, происходит осмысление новых реалий общественной жизни (ср. наивные образы глобализации, описанные в [Скребцова 2003])).

Миграция вообще нередко уподобляется экспансии, вторжению, захвату, оккупации, причем это происходит не только в материалах, подобных процитированному выше, но и в тех, что написаны с «нейтральной» точки зрения (По-видимому, можно говорить о том, что подобное осмысление процесса миграции носит регулярный характер и не ограничено каким-либо национальным дискурсом – см. [Будаев, Чудинов 2006]). Об опасности концептуализации различных областей жизни в военных терминах написано уже столь много (в частности, в литературе, посвященной русскому языку советской эпохи), что нет необходимости говорить об этом вновь. Печально, однако, что «концептуальный милитаризм» [Баранов, Караулов 1991: 15] оказывается живуч, и мы по-прежнему с готовностью делим окружающих на «своих» и «чужих», причем это деление легко перерастает в оппозицию. «Чужие» оказываются врагами (они *оккупируют, вытесняют, уничтожают коренное население, несут смерть и разрушение России*), и мы начинаем искать те пути разрешения проблемы, которые подсказываются реальными военными действиями (*ставить преграды, строить стены, рвы и концлагеря*).

Активизация фрейма *война* эмоционализирует обсуждение, «а это всегда подозрительно», по меткому выражению В. Клемперера по поводу языка Третьего рейха [Клемперер 1998: 50]. Эмоционализация дискурса СМИ о мигрантах в последнее время идет по нарастающей. Заметным (и, на мой взгляд, чрезвычайно значимым) ее проявлением становится смена аспекта оценки при обсуждении миграционной ситуации в России. Из юридической плоскости разговор переводится в бытовую: категории «легальный / нелегальный мигрант» все чаще

заменяются оппозициями «нужный/ненужный», «желательный/нежелательный», «полезный / бесполезный / вредный» и общеоценочными понятиями «хороший/плохой». Ср.: *разработка мер для привлечения в Россию «хороших» мигрантов – соотечественников из государств СНГ и Балтии; отсев «плохих» мигрантов; надо бы большую часть трудовой миграции без разговоров считать вредной; надо сделать миграционную политику более гибкой, введя балльную систему оценок и упрощая въезд тех, кто набирает больше баллов (т.е. является «желательным» мигрантом); для действительной «полезных» категорий сделать «зеленый коридор»; мигрантов необходимо разделять не на «законных» и «незаконных», а на «нужных» и «бесполезных»; Россия сегодня нуждается только и исключительно в необходимых и полезных для страны мигрантах; отделение тех, кто нужен стране, от тех, чей приезд нежелателен и т.д.*

Очевидно, что происходит существенный сдвиг от объективной оценки, опирающейся на дескриптивные признаки, к субъективной – эмоциональной, утилитарной, телеологической и даже этической (по классификации оценок, предложенной в [Арутюнова 1984]). (На заседании столичного правительства 6.06.07, где обсуждалась московская целевая миграционная программа на 2008-2010 гг., Ю. М. Лужков задал вопрос, «зло для Москвы миграция или добро, помощь», и сам же на него ответил, что «это злая помощь», и далее в обсуждении иначе как «злом» мигрантов не называл) При этом этот сдвиг не связан с позицией субъектов оценки (авторов публикаций): независимо от того, считают они миграцию неизбежной и выгодной для России процессом или явным злом, их речи в последнее время стали более пристрастными и эмоционально окрашенными. Что может означать эта тенденция?

Понятно, что авторы материалов в большинстве случаев (за исключением некоторых жанров электронной коммуникации) выражают не только и не столько собственные мнения и оценки. Они вынуждены учитывать позицию редакции, а также «просчитывать» предполагаемую реакцию массового адресата, принимая во внимание существующие социальные стереотипы. С другой стороны, в их же власти и влиять на эти стереотипы, формировать убеждения, настроения, нормы и ценности аудитории. Связь между идеологиями социальных групп и масс-медиа отчетливо сформулирована одним из виднейших представителей критического анализа дискурса: «идеологии формируются и воспроизводятся посредством языка, иначе говоря, в текстах, в дискурсе. Такие идеологии, как коммунизм, либерализм, феминизм, расизм или антирасизм, не были бы так сильны и не имели бы так много сто-

ронников, если бы их идеи не воспроизводились в ежедневном дискурсе их лидеров и сторонников, не тиражировались бы средствами массовой информации» [Дейк 2000: 50].

Исходя из этого, можно предположить, что нам вполне сознательно предлагают осмыслять и обсуждать проблему трудовой миграции, руководствуясь не разумом и законом, а искусственно возбужденными эмоциями. По словам Е. М. Вольф, «в мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации» [Вольф 1985: 203]. Таким образом, от концептуального мира, построенного на правовом фундаменте (другой вопрос: был ли он построен и в какой степени, если от него так легко отказаться?), мы (под незаметным, но эффективным руководством СМИ) переходим к концептуальному миру, основанному на понятиях *нравится / не нравится, подходит / не подходит, хочу / не хочу*.

Очевидно, что растущая субъективизация дискурса СМИ о мигрантах, приводящая к активизации эмоциональной составляющей общественного сознания, небезопасна. В условиях, когда в отношении мигрантов уже сложился негативный стереотип, она может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. М., 1984.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1986.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Дейк Т. А., ван. Расизм и язык. М., 1989.

Дейк Т. А., ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Минск, 2000.

Клемперер В. ЛТИ: Язык Третьего рейха. М., 1998.

Скрещцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // *Respectus Philologicus*. 2003. N 4. Kaunas, 2003. С. 73-79.

Трошина Н. Н. Тема национально-культурной идентичности в дискурсе масс-медиа // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М., 2000.

Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // В. Hallet (ed.). *Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf*. Honolulu: Matsunaga Institute for Peace, 1991.

© Скрещцова Т.Г., 2007

Червиньски П.

Катовице, Польша

СЕМАНТИКА НЕГАТИВНО ОЦЕНОЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ПРИ ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(Ср. подобный подход в [Zaslowsky, Fabris 1982])

Abstract

The units naming the persons, make one of the most numerous nominative groups of the Soviet reality language. With their help in language of the Soviet ideology and propagation were made differentiation (distribution on categories) and estimation of various groups, layers and representatives of controlled society, that it is possible to consider as one of leading tools of authority realization. The article is devoted to the working out of criteria and bases of paradigmatic description of the negative estimation categories at a designation of persons in the Soviet reality language. The outputs to representation of man in the Soviet language world picture are outlined. It is made the conclusion of necessity to elaborate the generative-perceptive base of the sovietized language for description of internal, conceptual features causing semantics and word-using of this specific usual form of national language.

Изучение всякой функциональной формы национального языка предполагает, по-видимому, началом (и завершением) определение ее специфики, с характеристикой сходств и отличий от того общего, частью которого она является. Язык советской действительности, рассматриваемый в данной статье с точки зрения семантических категорий, сопровождавших оценку в нем человека, может быть интерпретирован как такая форма по отношению к русскому языку.

Не вдаваясь в теоретические подробности и не стремясь его как-то более или менее точно определить – как язык (или только дискурс) политизированный, идеологизированный, тоталитарный, пропагандистский, официальный, партийный, как новояз (*powomowa, newspeak*), квази-, псевдоязык [Seriot 1986], [Weiss 1986], [Głowiński 1990], [Купина 1995], [Земская 2000], не возражая в принципе, но и не принимая для себя никакого из этих определений, попробуем подойти к явлению несколько с иной стороны, точнее, двух разных сторон. Во-первых, как к узуальной форме национального, русского в данном случае, языка, поскольку таковым он в известный период времени был, а во-вторых, изнутри его самого, на выбранном для анализа материале постаравшись определить, на основе каких смысловых и оценочных механизмов он действовал. А поскольку идеологизованность, во многом сознательно создаваемая и вводимая, политическая и оценочная ангажированность его единиц [Ермакова 2000], несомненно, являлись определяющим и характеризующим свойством данного языка, определение указанных механизмов может дать представление не только о нем самом, но и о возможном действии всякой идеологически, мировоззренчески и когнитивно заряженной узуальной формы национального

языка, к каковым относятся языки политики в любом из своих проявлений.

Подходя к языку советской действительности как к узуальной форме русского языка, следует оговориться в том отношении, что интересовавший нас материал интерпретировался, с одной стороны, как материал языка советского времени в целом, не только в его официально-публицистическом представлении, а с другой, как материал языка, заряженного «советским» в языковых своих формах и речевых проявлениях. Степень и виды такого пронизывающего вхождения советского языка в русский язык, пропитанности его советскостью, различны, неоднозначны и далеко не всегда очевидны в своих результатах и оформлении. Исследователи, обращая внимание в первую очередь и в основном на броские или уродливые внешние признаки языка советской эпохи [Шарифуллин 1990], [Горбаневский 1992], [Зильберт 1994], не замечают, как правило, скрытого, незаметного действия его особым образом ориентированных парадигм языкового сознания, языковой ментальности, воплощаемых далее в формах и способах порождения и восприятия языка. Не стоит, по-видимому, преувеличивать названное явление, неизбежно себя изживающее вместе с меняющимися общественными условиями [Клемперер 1998], но, не преувеличивая и не демонизируя, имеет смысл выявлять и описывать. Для самых разных причин и целей, но хотя бы уже потому, что произведенный, беспрецедентный в своих социальных последствиях и масштабах, эксперимент, в данном случае над языком, следует объективно представить и осознать.

Советский язык (точнее было бы сказать, советизированный) по отношению к русскому языку соответствующего периода в определенном смысле оказался одновременно надстройкой и базисом, если использовать терминологию того времени. Базисом в силу того, что порождал в языке как средстве общения, т.е. в узусе, соответствующие, им вводимые, заряженные, единицы, структуры и механизмы, делая это одновременно авторитарно и натурально. Надстройкой – по отношению к материалу национального языка, используя его, обрабатывая и аранжируя в своих видах и целях, формируясь внутри него, с тем, чтобы, входя в него (а может, и не выходя из него), также естественно и натурально, занять в нем место и нишу, врасти в него, угнездиться, заметно и незаметно, в нем.

Заметность не требует сложного поиска, анализа и глубоких подходов. Обнаруживая себя лексемно, она очевидна: *колхоз, октябренок, пионер, комсомолец, дружина, линейка*. Проблема может состоять в различении видов и степени советизированной заряженности единицы, в ряде случаев практически не отличающейся от единицы общезыковой, точнее отличающейся

от нее лишь в контексте и узуально (ср.: книжн., возв., возм. устар. *пламенная любовь, охваченный пламенной страстью, пламенные признания, клятвы* и советское *пламенный боец за мир, пламенный революционер, с пламенным приветом* или *светоч, факел, луч, маяк, костер* как нейтральные в идеологическом отношении общеупотребительные слова языка и *светоч партии, светоч коммунизма, поднять факел социализма, факел революции, светлый луч, наши маяки, маяки соревнования, пионерский костер* как советизмы).

Что же касается незаметности, не обнаруживаемости присутствия, с этим сложнее. Это требует системного рассмотрения, без какого оказывается не точным, поверхностным, приблизительным, а часто и не представимым. Чем отличается, скажем, в оттенках значения и коннотациях, *пламенный* в сочетании с *любовью, страстью, признаниями, клятвами* от *пламенный* в сочетании с *революционер, боец* и *привет*? Общие характеризующие определения 'пылкий', 'страстный' и уточнения типа «В советск. время: употреблялось как эпитет коммуниста» [Толковый словарь 1998], встречаемые по словарям, дают представление, но отличия не объясняют. Равно как и не объясняют их используемые в работах характеристики типа политизированное, идеологизированное, советизм, пропагандистское, публицистическое и т.п. При всем оживлении интереса к проблеме советского языка и явления советизма в его отношении к русскому языку, месту, роли и современному положению в нем, необходимо отметить, что с точки зрения смыслового и коннотативно-оценочного анализа собственно языкового материала проблема эта не только не решена, но еще не поставлена. Не поставлена в силу своей, с одной стороны, казалась бы, очевидности для того, кто пишет, и того, к кому это обращено: достаточно привести всем знакомый (пока или все еще) из недавнего прошлого публицистический советский пример, и все станет ясно без объяснений. И не поставлена в силу, с другой стороны, своей неуловимости, не поддающейся скорому объяснению, поскольку проблема подобного определения требует основательного системного и типологического подхода.

Суть такого подхода, как представляется, заключается в первую очередь в том, чтобы выявить парадигматику советизированных семантических и коннотативных признаков и оснований. На этой основе, с одной стороны, возможным будет определение советизированности как свойства и как когнитивной, оценочной и генеративно-перцептивной системы. С другой же, установление отличий в видах и степени соответствующей заряженности у языковых единиц. И то, и другое – определение советизированности как свойства и характеристика вида и степени у единицы – в значитель-

ном ряде случаев может оказаться задачей сложной и неоднозначной. Скажем, такие общепотребительные слова, как *вымпел, награда, премия, значок, поощрение, благодарность, программа, пример, образец* и т.п., бывшие активными и заряженными в языке советской действительности, существуя до него и оставаясь после, чем отличаются в этих двух своих проявлениях – как идеологизированные и как нет? Речевой контекст, фразеологизованность как внешние признаки оформления соответствующих употреблений в данном случае не обязательны, достаточна сама отнесенность к действительности, мысль о ней как советской, до- или постсоветской, и изменяется смысл, коннотация и оценочное сопровождение у слова. Возможно пойти еще дальше. Слова, которые трудно представить себе заряженными, т.е. как советизмы, нейтрально общепотребительные слова языка, бывшие таковыми также в советское время, могут, и не случайно, восприниматься по-разному в зависимости именно от того, о советской или не о советской действительности идет в связи с ними речь. *Школа, семья, воспитание, собрание, учителя, педагоги, директор, ученики, юноши, девушки, руководитель, деньги, очередь, магазин, касса, работа, завод, деревня, село, улица, площадь, умственный и физический труд, развитие, путь, судьба, звание, крестьянин, рабочий, работник, интеллигент, пенсия, конституция* и т.п., попадая в поле действие советскости, семантизируются и коннотируются совершенно иначе, чем вне его. С другой стороны, возможны слова, появившиеся в советское время и самим этим фактом, казалось бы, должностные иметь на себе соответствующий отпечаток, вовсе не обязательно могут его и в дальнейшем иметь, ср.: *зарплата, милиция, электричка, заочник, дипломник, вуз, выпускник, аспирант, стажер, физкультура, подсобка, роддом*.

Процессы, которые переживают слова с изменением общественно-исторической обстановки и определяемые, в частности, как процессы деидеологизации, деактуализации, деполитизации, разрушения прежней смысловой корреляции и установления новой [Ермакова 2000], как процессы трансформации лексической семантики и сочетаемости [Какорина 2000], можно сравнить с различиями тематического и лингвокультурологического характера, концептуально-типологическими в своей основе. На примере советского языка (впрочем, не только советского) это можно представить довольно наглядно. Одно дело *рабочие, школа, семья, образование, наука, пенсия, медицина, деревня, магазины, люди, врачи, учащиеся, рынок, торговля, человек, руководитель, любовь, преданность, патриотизм* и пр. у себя и совсем другое где-то и у кого-то еще, для чего потому и использовались необ-

ходимые в этом случае определения *наш, наши, советский, советские, социалистический, подлинный, настоящий, действительный, неподдельный, высокий, с большой буквы, искренний, полный, широкий, прямой, непосредственный* и т.п. Чем отличается, скажем, *советский руководитель* от просто *руководителя*, *подлинный интерес* от такого же *интереса*, но без уточнения, *пристальное внимание* от *внимания*, которое по смыслу предполагает обращение на объект и тем самым пристальность, *глубокая озабоченность* от *озабоченности* без этого определения? Или, скажем, такое, может, с другой стороны, как *советские магазины, советский рынок, социалистическая торговля, социалистическая любовь, советский патриотизм* или *подлинный патриотизм*? Избыточность либо направленность уточнения имеет смысл снять нежелательную коннотацию, приписав желательную, поместив значение слова в ряд и систему необходимых для говорящего концептуально-оценочных связей и отношений. Обозначенные отличия можно было бы объяснить по принципу *советский руководитель* – это такой, который обладает такими-то и такими-то свойствами, а *подлинный интерес* – интерес неподдельный, не показной, вызванный внутренним побуждением, направляемый потребностью со стороны лица. Но подобные объяснения, оставаясь в пределах порождающих их идеологем, не показывают и не отражают их концептуального смысла. Что означает *подлинный патриотизм* в данной системе, поскольку в другой он будет чем-то другим, означает ли сочетание *советский врач, советская школа, советские юноши и девушки* нечто большее, чем отношение к определенной стране и ее политической и социальной системе? Видимо, да, но что кроме идеологических и оценочных коннотаций? Смена смысловой корреляции, таким образом, трансформации семантики и сочетаемости обусловлены тем, что стоит за словом и является частью тех отношений, которые связаны, как представляется, с пресуппозициями и модальной рамкой лексического значения [Fillmore 1969], [Арутюнова, Падучева 1985: 31], [Крысин 1989: 146]. Однако все это требует обстоятельного и всестороннего рассмотрения.

Объектом исследования в настоящей работе были названия лиц в языке советской действительности. Те из них, которые можно определять как оценочные. Выбор был обусловлен несколькими причинами. Советский период развития языка, что отмечают как словари, так и многочисленные исследования, сопровождался значительным и постоянным ростом количества наименований лиц [Протченко 1975: 272-273]. Явление, вызванное, по мнению И. Ф. Протченко, воздействием социальных факторов, порождающим спрос на на-

именования, отличительной чертой которых является разнообразие, предполагающее «обозначение человека по множеству признаков (по отношению отдельной личности к природе и обществу, по политическим убеждениям и идейно-нравственным показателям, а также по трудовому, профессиональному признаку, по внешним качествам, душевным, моральным свойствам и т.д.)» [Протченко 1975: 272]. Социоцентристская природа советской агитационно-массовой пропаганды предполагала необходимость обращения к человеку, с одной стороны, как к объекту воздействующего влияния, с другой, как к предмету необходимой дискрипции и надлежащей оценки. Контроль и распределение как ведущие механизмы провозглашенного в самом начале социалистического строительства в конечном итоге и в первую очередь касались общественного и человеческого ресурса. Новое общество должно было строиться на основе ясного представления о том, кто есть кто, с кем и как предстоит иметь дело и каким, в связи с этим, должно быть совместное, выработанное и оценочное отношение к нему. Категоризация признаков, определяющих отношение к человеку, по этим причинам, в немалой степени должна была связываться с когнитивным ядром формируемого языка, а системы оценки отображать его внутреннее, воздействующее, направленное на личность и общество, существо.

Как и в любом ином случае, советский язык в данной сфере формируется и создается на базе национального языка, заимствуя из него, используя и перерабатывая в своих интересах и целях средства и механизмы, которые характерны, как экспрессивно-оценочные в рассматриваемом отношении, в целом для русского языка. Отсюда отмеченная ранее проблема неоднозначного разграничения в материале общезыкового и специфического, не имеющих строгих границ и не располагаемых полярно. Наряду с типично советскими, возможно при этом новыми и(ли) собственными, образованиями, существуют, с одной стороны, единицы русского языка, советскому языку не свойственные, для него не типичные и им избегаемые, а с другой, такие, которые, напротив, ему присущи, используются им, в нем встречаются, в большей или меньшей степени активны и свойственны для него, равно как и в большей или меньшей степени прошедшие в нем обработку. Поскольку трудно при первом подходе к материалу возможные виды, формы и степени подобного адаптивного отношения различить (но что желательно было бы сделать в последующем), обратим в настоящем исследовании внимание на две взаимонаправленных стороны. Во-первых, сам языковой материал, пытаюсь понять в нем и выявить прямо не обнаруживаемый критерий советскости. А во-вторых, систему, набор семантических кате-

горий оценки, типичных и характерных для отношения к человеку, проявляющего себя в соответствующих единицах советского языка. Руководящим стремлением на этом этапе анализа было, могло быть, не обобщение, а поиск, желание подобрать ключи к не совсем обычному материалу. Не совсем обычному в тех отношениях, о которых уже говорилось: органической связанности при внутренней чуждости общему языку, создаваемости, формируемости из него, на его материале, с одновременным отторжением и отрицанием его и в нем; малоисследованности, почти неизученности, в известном смысле закрытости, при внешней своей очевидности, узнаваемости и общепонятности (Пропагандистски навязчивый, унитаристский характер советского языка, вызвав к себе неприятие и отторжение, породил, как обратное действие и реакцию, скорее эмоционально заряженное и обличающее отношение у лингвистов, писавших о нем, чем стремление взвешенного и последовательно системного определения и описания внутреннего его существа. Обращаясь к советскому языку, исследователи отмечают в нем в первую очередь внешние, бросающиеся в лексике, фразеологии, словообразовании, а не категориальную продуцирующую природу его существа), уходе в пассив, но каким-то замедленным, обрастаемым, с постоянным присутствием, образом (В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина определяют это явление как своего рода потенциальный уход в пассив: «Некоторая иллюзия живого функционирования советизмов поддерживается частотностью их былого употребления на страницах советской периодической печати, общественно-политической и художественной литературы, еще не утратившей своей актуальности. Поскольку **потенциально вся советская лексика относится к разряду устаревшей** (П.Ч.), но передвижение ее из активного словарного состава в пассивный еще далеко не завершено, разработка принципов использования пометы *устар.* ... могла бы оказаться наиболее серьезной из всего комплекса проблем стилистической параметризации материала.» [1998: 8]). Потенциальные эти, растянутые во времени, устаревание и уход, с одной стороны, создавая иллюзию избавления, дают ощущение отсутствия необходимости и право не заниматься, не интересоваться себя неизбежно уже изживающим языковым состоянием не слишком приятного прошлого. С другой, не изжитое до конца, не осознанное, оно незаметно присутствует где-то в глубинах его породившего языка и языкового сознания. А с третьей, все-таки уходя, отдаляясь в своем ощущении и во времени, оно все более теряет возможность остаться замеченным и описанным необходимо должным образом, с надлежащей подробностью, основательностью и глубиной. Таковыми отчасти бы-

ли предпосылки обращения к интересовавшему материалу.

Теперь о нем уже непосредственно. Объектом исследования были слова типа *аллилуйщик, зажимщик, перестраховщик, халтурщик, авральщик, срывщик, фарцовщик, прогульщик, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, попутчик, волокитчик, доносчик, аппаратчик, растратчик, антиобщественник, клеветник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, отказник, подкулачник, пособник, шабашник, двурушник* и т.п., служившие материалом выявления когнитивной системы оценок поведения, позиции, общественной роли и прочего применительно к человеку. Предполагаемым итогом такого подхода может быть, как уже говорилось, внутренний категориальный критерий советскости в отношении языковой единицы и также категориальные основания концепции человека во внутреннем представлении (т.е. не обязательно осознаваемом, явном и очевидном) советского языка. Проблемы идеологизации, идеологизированности, пропагандистской политизированности, публицистичности официоза, унитарности, однопартийности, деперсонализированной мифологичности, этатизма, социоцентризма советского языка, равно как и прочей его направленности, при подобном подходе, как-то с ним, безусловно, связанные, не играют, однако, определяющего значения. Выводом и результатом должны быть **семантизированные категории порождения и восприятия** вербального выражения, то, что имеет свое непосредственное отношение к когнитивному направлению в лингвистике и изучению языковой картины мира, тех или иных ее сторон и фрагментов, в данном случае не столько национального, сколько советского языка как его узуальной проекции. Окончательным выходом может быть выявление отношения языковой картины национального и советского языка, с определением общего и различного между ними. Однако это задача глубокой и основательной перспективы.

Для начала и ясности представления подразделим интересовавший нас материал на группы, позволяющие представить характер возможных соотношений в нем советски отмеченного и нейтрального. Временной показатель, связанный с периодами активности тех или иных негативно-оценочных советизированных лексем, с различной степенью их идеологической и политической актуализации и с возможным затем вытеснением на периферию или уходом в пассив, на данном этапе анализа во внимание не принимался. Равно как не брался в расчет критерий происхождения – советское новообразование или используемая единица национального языка, с тем чтобы, отвлекаясь от любых дополнительных, хотя бы и важных, критериев, обратиться в самом начале к пред-

ставлению вероятных различий советскости (Трудность подобного различения, являющаяся следствием и отражением подвижной неоднозначности анализируемых единиц, требует столь же подвижного и неоднозначного отношения к ним как к представителям выводимых групп, в пределах которых их следовало бы рассматривать как возможные иллюстрации. Группы имеют место и значимы в отношении изучаемого языка, в то время как единицы, им свойственные и для них характерные, могут быть те и другие, в зависимости от приписываемых им значения и коннотации. Поскольку анализируемый материал не описан достаточно ни в том, ни в другом отношении, представления о нем могут быть субъективны).

Первую группу составят слова с очевидной и явной советскостью, почти исключительной и резко направленной, характерные по преимуществу для публицистической речи, с оттенками обличения и острого осуждения: *аллилуйщик, зажимщик, прижимщик, перестраховщик, перегибщик, авральщик, штурмовщик, срывщик, загибщик, лакировщик, перевертень, трутень, перебежчик, анекдотчик, антисоветчик, валютчик, антиобщественник, саботажник, единоличник, мешочник, взяточник, переносчик (слухов), аппаратчик, растратчик, комитетчик, отказник, подкулачник, пособник, церковник, частник, лабазник.*

Вторую группу – слова разговорные, со «вставляемой» советскостью, фигурирующей в них как оттенок коннотативного замещенного дополнения, при этом сила и острота обличения и осуждения имеют в них регулятивный характер, т.е. могут быть более или менее резкими, в зависимости от условий употребления и политического периода: *фарцовщик, прогульщик, халтурщик, порубщик, жалобщик, потаковщик, подтасовщик, анонимщик, позромщик, самогонщик, перекупщик, половинщик, волынщик, поклепщик, подговорщик, притворщик, потворщик, алиментщик, комплиментщик, приживальщик, неплательщик, самовольщик, прихвостень, оборотень, фальшивомонетчик, начетчик, попутчик, волокитчик, бюрократ, потатчик, мошенник, законник, низкопоклонник, склочник, сутяжник, законник, клязунник, клеветник, наемник, собственник, шкурник, изменник, матерщинник, карманник, рвач, наушник.*

Третью группу – слова с укрытой, неявной советскостью, точнее было бы определить ее термином «смазанной», нередко намеренно двойственной и(ли) затемненной, и таким же характером негативной оценки: *глубинщик, гуталинщик, керосинщик, сыщик, понукальщик, дурильщик, добытчик, лудильщик, захребетник, наплевист, локатор, куратор, мирильщик, заводила, подпевала, обирала, вельможа, зверь, вепрь.*

И четвертую группу – слова, своего рода притягиваемые, не советские по своему значе-

нию и характеру, но, будучи советизированы, способные приобретать специфический смысловой и коннотативный оттенок: *морильщик, бурильщик, удильщик, пилитьщик, строгальщик, заговорщик, разносчик, хозяин, хозяйчик, затейник, нахлебник, кутила, фигурант, прохиндей, живодер, мандарин, чиновник, сановник, барин, миротворец.*

За пределами перечисленных групп, своего рода пятую группу составляют слова, советскому языку не свойственные, не используемые и не коннотируемые в нем, как правило: *бабник, придирищик, наговорщик, субчик, молодчик, господчик, указчик, немчик, турок, фетюк, господинчик, попрыгунчик, дворянчик, купчик, доносчик, висельник, крамольник, क्रомешник, богохульник, подонки, вертопрах, ловелас, фифа, фигура, фря, пустозвон, фанфарон, прощельга, бахвал, мазила.*

Группы находятся в отношениях корреляции (первая со второй, третья с четвертой) и противоположения первых двух двум последующим. Основу коррелятивности составляют признаки отношения к формируемой советской системе. В первой группе слова называют и характеризуют тех, кто является по отношению к ней потенциальным ее деструктором, негативно, нередко намеренно и сознательно, воздействуя на различные внешние или внутренние ее составляющие. Во второй представлены лица, определяемые и характеризующиеся как агенты нежелательного или мешающего нужному направлению образа действия и проявления. Корреляция между первыми и вторыми состоит в характере обращенности проявления – от действующего или носителя признака как объекта оценки на систему-объект (объявляемый строящийся социализм, советский строй) в первой группе и в носителе признака или действующем, в нем самом, по отношению к множеству ему подобных и равных во второй. То есть, тем самым, направленного не прямо к системе и действующего не в ней самой, не внутри ее, а через множество тех, от которых зависит потенциальный успех ее осуществления, реализации. Первая группа, тем самым, предполагает позицию отношения лица к системе как проекцию на субъекта, ведущего для советской действительности финитного отношения, если под финитностью понимать категорию направления на систему-цель – объявляемый строящимся социализм и советский строй как объект общественного стремления (*opus finitum*). Вторая группа – позицию отношения лица ко множеству-социуму и внутри него, с проявлением категориального отношения деформации в социальных массивах.

Слова третьей группы определяют и называют лиц «от системы», как ее нежелательные продукты, проводники ее действия и влияния в социальных массивах, подстраивающиеся под нее и к ней приспособливающиеся, в своем

поведении, образе действия, отношении к окружению, ближним, среде. Позицию эту и эту направленность можно определить в отношении «от системы к лицу», в категориях продуцирующего формирования (своего рода измененного состояния) искаженной системой структуры субъекта-лица.

Четвертую группу составляют слова, определяющие и характеризующие лиц, подстраивающихся, приспособливающих свое поведение, образ действия и отношение, но не к системе, а к социальному множеству. Отсюда их не прямое, а только притягиваемое в советский язык положение. Это слова с позицией «от социума, множества к субъекту-лицу» и нейтральное, безразличное в своем семантическом представлении, отношение к категориям советского языка. Так, если первую группу составляют деструкторы по отношению к финитной системе, вторую – деформаторы ее социальной базы и почвы-массива, третью – продукты ее «искаженного» социального и психологического воздействия как состояния, то четвертую – стоящие вне ее, как таковым образом ей не свойственные, но и не чуждые в целом, не отрицаемые ею (последнее как определяющий признак можно было бы отнести к группе пятой).

Дополнительным категориальным признаком, дифференцированным по четырем представленным группам, можно ввести показатель активности или пассивности, с уточнением к потенциальности того и другого. Активность или пассивность субъекта-лица в своем характере как негативное отношение-состояние зависит во многом от выделяемой направленности. Деструкторы первой группы, с направленностью своего проявления к финитной системе, представляют потенциально активное состояние в отношении к ней. Не в отношении, что важно, характерного действия (действий), их типа и вида, а в предполагаемом достигаемом результате, направленном на систему-объект.

Возьмем для примера несколько слов первой группы. *Аллилуйщик* характеризуется по словарям [Большой толковый 2000], [Мокиенко, Никитина 1998] как 'тот, кто чрезмерно восхваляет кого-л., что-л.'. Интересующий нас категориальный семантический показатель потенциальной активности заключен не в признаках 'чрезмерно' и 'восхвалять', предполагающих интенсивность и, может быть, необоснованность определяемого действия-проявления, характеризующего лицо, а в том, что в приведенном определении не названо, но что будет иметь отношение к предмету данного рассмотрения. Любой ли объект, характеризуемый в дефиниции как кто-л., что-л., может быть предметом такого предполагаемого восхваления? Поскольку речь идет о слове советского языка, типичный выбор такого объекта

исходно окажется ограничен. Это или система, советский строй в различных ее составляющих или то, что прямо и непосредственно, а может быть и косвенно, связано с ней – представители власти, деятели советской культуры, искусства, их произведения, строители социализма и пр. *Аллилуйщик* и *аллилуйщина* обусловлены в употреблении тем, что связывается в советском языковом представлении с тем, что подходит под определение *наши успехи и достижения*, тем, чем *может гордиться страна*. *Наши*, при этом, равно как и слово *страна*, следует воспринимать как *советские*. Невозможно себе представить, чтобы льстецов, готовых к чрезмерному восхвалению, скажем, российского императора, его вельмож и министров, равно как и царский режим, или какого-нибудь зарубежного политического деятеля, диктатора, владыку, руководителя, лидера и их системы, со свойственной разбираемому слову иронией и осуждением и в рамках того же советского языка, могли бы назвать *аллилуйщиками*, а их действия *аллилуйщиной*. Объект восхваления должен быть, тем самым, определен как такой, который связан с советской системой как *opus finitum*, т.е. как достигаемая советским обществом в его стремлении и развитии цель. *Аллилуйщик* по отношению к этой видимой цели общественного движения оценивается и преподносится как агент, а *аллилуйщина* как явление, разрушительные и потенциально активные в предполагаемом своем результате. Потенциально – поскольку заложенные в результате не прямо, не в разрушении состоит направленность данного вида деятельности. Активные – поскольку результатом предполагается не строительство, а ее остановка, стагнация и торможение, т.е. то, что обратно созданию, а тем самым, как результат, перерождение и разрушение в своих закладываемых, предполагаемых основах.

Аналогичным образом такие слова, как *зажимщик*, *прижимщик* 'тот, кто препятствует свободному проявлению чего-л.' [Большой толковый 2000], 'мешающий, препятствующий чему-л.' [Мокиенко, Никитина 1998] – *зажимщик критики*, *хлеба*;; *перестраховщик*, 'проявляющий чрезмерную осторожность, ограждающий себя от принятия ответственных решений' [Мокиенко, Никитина 1998], *перегибщик*, 'допускающий перегибы (нарушения правильной линии, вредная крайность в какой-л. деятельности)', *авральщик*, *штурмовщик*, 'выполняющие работу наспех по причине отсутствия планомерности и организованности в деле социалистического строительства', что неизбежно влияет на ее качество и результат и потому оценивается как деятельность потенциально вредная и разрушительная, равно как и другие слова этой группы, следует понимать и интерпретировать в отношении действий к со-

ветской системе, имеющих непрямым результатом (потенциальность) нарушение принципов ее объявляемого функционирования, в конечном итоге ее искажение и разрушение (активность).

Слова второй группы следовало бы определить в отношении дополнительного категориального признака как характеризующиеся пассивностью и потенциальностью, следующих из их направленности в семантике не к финитной системе, а к социальному множеству. *Фарцовщик* 'тот, кто занимается фарцой, т.е. незаконной продажей антиквариата и импорта, прежде всего одежды', *прогульщик*, *халтурщик*, *порубщик*, *жалобщик*, *потаковщик* и др. тем отличаются от слов первой группы, что, представляя собой нарушения, деформацию в области устанавливаемых общественных отношений, не напрямую, а через эту сферу, тем самым, пассивно, а не направленно, влияют на достигаемую цель советского общественного стремления. Потенциальность как признак связывается, как и в словах предыдущей группы, с отсутствием прямой и открытой направленности к деформации общественных отношений у называемых и характеризуемых соответствующим образом лиц. Соотношение дополнительных категориальных признаков у слов этой группы, в отличие от слов предыдущей, имеет поэтому соположенный, а не взаимно включенный характер, поскольку пассивность относится к опосредованно-неактивному действию на систему, а потенциальность – на предполагаемый результат. В то время как в первой группе потенциально активными полагаются действия в результате, имея, тем самым, направленность на общий актант.

Третью группу, представленную словами, называющими лиц, характеризуемых как продукты системы, отмечает признак активности, связанный с их воздействием на другое лицо, других лиц, окружение в целом. Система, намеренно и ненамеренно, воспроизводит таких, как *глубинщик* 'сотрудник КГБ (копающий на глубину, в том числе в чужих секретах, жизнях и душах)', *гуталинщик* 'Сталин (черный душой и телом, сын сапожника, всеобщий чистильщик)' (В том числе, возможно, как сын сапожника и всеобщий чистильщик. Ср. у Ж. Росси: «Примеч.: маленького роста, чёрный и рябой, говоривший по-русски с сильным кавказским акцентом, Сталин напоминал тех кавказцев-ассирийцев, уличных чистильщиков сапог, которые пользовались гуталином». [1987, 1: 95]), *керосинщик* 'подстрекатель и провокатор (как „поджигатель“, подливающий масло в огонь)' (У Росси: «тот, кто подливает масло в огонь» [1987, 1: 154], «подстрекать, провоцировать, подливать масло в огонь; ср. *керосинщик*». [1987, 2: 291]), *сыщик* 'тот, кто вынюхивает, доискивается, интересуется чужими секретами, вещами и обстоятельствами, ищайка, сек-

сот', *понукальщик* 'тот, кто понукает, подгоняет к работе', *дурильщик* 'тот, кто обманывает, водит за нос, отлынивает, прикидывается не тем, кем есть', *локатор* 'тот, кто подслушивает, возможно, с намерением доносить', *добытчик*, *захребетник*, *наплеви́ст* и т.п. Испытываемое от них негативно оцениваемое воздействие воспринимается как активное, являясь сознательным и направленным, а не косвенным, случайным и опосредованным с их стороны.

Четвертая группа характеризуется изначальной противоречивой двойственностью, активной пассивностью со стороны лица. Активность связана с характером, отчасти осознанностью, осуществляемых им действий и проявлений, пассивность – с их ненаправленностью, проявлением не нацеленным, а как таковым. *Морильщик* 'тот, кто долгим и нудным повествованием о чем-нибудь, однообразием и монотонностью способен уморить, занудить', *бурильщик* 'тот, кто забуривается, т.е., увлекаясь, теряет способность оценивать ситуацию, реакцию окружающих на себя', *удильщик* 'тот, кто вольно или невольно кого-то на чем-то пытается подловить, выжидает, следит', *пилитьщик* 'тот, кто изводит, донимает других моралью, попреками, занудствует', *хозяин* 'тот, кто держится высокомерно, пренебрежительно, властно, не считаясь с мнениями, желаниями, обстоятельствами других', *затейник* 'тот, кто выдумками, обманом, хитростью пытается выгадать себе что-нибудь за счет других; плут, мудрила, хитрец', *нахлебник* 'тот, кто живет за чужой счет' и т.п. являются таковыми по добровольному выбору и характеру, стали такими под действием окружения, воспитания (социального множества), выработав это в себе как линию поведения, – активно со своей стороны, но не активно и не направленно в отношении своего окружения.

Отношения, связывающие выделенные четыре группы негативно оценочных слов (Группы связываются также по-разному взаимодействующими в них и общими категориями, такими, как финитность, массив, субъект, деформация, продукт (из названных), но эти отношения и связи в своем классифицирующем представлении намного сложнее), определенные ранее как отношения корреляций и противопоставлений, можно представить следующим образом:

1. от субъекта-лица к системе (с потенциальной активностью действия-проявления в результате)	3. от системы к субъекту-лицу (с активностью действия)
2. от субъекта-лица к социальному множеству (с пассивностью к действию и потенциальностью к результату)	4. от социального множества к субъекту-лицу (с активной пассивностью действия)

Различия в выборе, степени и предпочтении советизированной оценочности, отражающие себя в неравном и дифференцированном отношении к лексике общенародного языка, дают возможность говорить о регулятивной определенности искомых оценочных оснований. Если первую группу составляют слова, характеризующиеся значительной степенью подобного предпочтения, должны быть в них какие-то свойства и признаки, его обуславливающие. Будучи выявлены, они могут дать представление о направленности оценочных оснований. Замещенный, «вставляемый» характер советской оценочности, характерный для разговорной лексики общенародного языка второй группы, способен дать свое представление об этой оценочности, пополнив его соответствующим образом. Неявность, укрытость и двойственность третьей группы могут позволить определить те свойства и признаки, которые предполагают подобное отношение в системах советской негативной оценочности. Аналогичным образом лексика группы четвертой может дать повод для рассмотрения действия советизированного «притяжения», проявляющего себя в узуальном контексте, типичных конструкциях, употреблении и сочетаниях. И группа пятая, наконец, по принципу от противного, может дать материал для исследования того, что в лексике и языке не использовалось, оказалось недействительно и неприменимо в парадигматике советизированной негативной оценки.

Открытость соотношений, равно как и открытость оценочной лексики, в том числе характерной для советского языка, предполагает возможность перемещений. Представленные соотношения следует интерпретировать как такие, которые определяют концептуальные основания использования языкового материала, а не конкретно входящие в него и его определяющие лексемы и семантемы. Сами слова, т.е. рассматриваемая в ее отнесенности к языку советской действительности лексика негативной оценки, могут быть определены в известном соположении ядра и периферии – того, что почти бесспорно и очевидно относится к советизированной, в своем составе, оценочности, и того, что в разных, все более удаляющихся от очевидной бесспорности, степенях и пропорциях может ее содержать. При этом степень эта и эти пропорции переменчивы и могут зависеть от разных причин – узуальных, контекстных и темпоральных. Слова по-разному, случается, что и индивидуально, переживают свои отношения с приписываемой им советской оценочностью. Покажем это на примере слов с общим суффиксом *-ун*, постаравшись попутно также определить оценочную нагрузку и смысловую функцию данного суффикса в интересующем нас материале.

Из возможного перечня слов с указанным суффиксом типа *игрун*, *лизун*, *хохотун*, *хло-*

потун, пачкун, ворчун, молчун, потаскун, бормотун, вьон, баюн и т.п. советизированными можно считать несун, летун, писун, крикун, топтун / топотун, шептун, говорун, болтун, хрипун, пачкун, попрыгун, плясун. Количество слов с суффиксом -ун (-юн), обозначающих человека, согласно «Грамматическому словарю русского языка» [Зализняк 1977] выводится около ста. Соотношение лексем советских и общеупотребительных, таким образом, на примере выбранной группы можно было бы определить приблизительно как один к десяти, т.е. нельзя сказать, чтобы слишком значительное. Необходимо учесть при этом и то, что выбранные как советские лексемы, прежде всего, оценочны и по-разному, в разной степени могут быть в этом своем отношении определены. Сам суффикс -ун (-юн) в отглагольных образованиях, поскольку таковые будут интересовать нас в связи с анализируемым материалом, характеризуется как продуктивный и разговорный [Русская грамматика, I: 146] (Более подробную словообразовательную характеристику суффикса дает Т.Ф. Евфремова, выделяя следующие значения: «1) лицо по привычному действию или склонности к действию, названному мотивирующим глаголом, как: бегун, лгун, молчун, плясун, хохотун, шептун; 2) лицо – носитель признака, названного мотивирующим именем существительным или прилагательным: горбун, горюн, толстун.» [1996: 476]). Образований, не отмечаемых словарями, тем самым, может быть намного больше (разговорная речь, просторечие, сленг, жаргоны). Тип представляет открытый, незамкнутый ряд, в его составе возможны потенциализмы. Обозначает суффикс предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к действию» [Русская грамматика, I: 146].

Преобладают слова со значением лица. В этой группе, наряду с такими, как, скажем, бегун, прыгун, опекун, колдун, в основном не окрашенными, довольно значительное число составляют оценочно-экспрессивные слова типа потаскун, харкун, фыркун, храпун, едун, шатун, брехун, шаркун, пискун, хапун, скрипун и т.п. При этом вид и степень такой негативной в целом оценки могут быть разными, а характер ее зависеть в первую очередь от мотивирующего глагола. Одно дело исходно нейтральные бегать, прыгать, опекать, колдовать и другое – (по)таскаться, харкать, брехать, хапать, шататься, шаркать, жрать. Хотя подобное равновесие может не соблюдаться, ср.: нейтр. есть, стряпать и насмешл.-пренебр. едун 'тот, кто много ест', стряпун 'тот, кто плохо готовит, негодный повар' или ездить и не одобр. ездун. Расхождения в окраске могут зависеть также от различий в семантике: хрипеть нейтр. 'издавать хриплые, сиплые, не-

чистые звуки' и разг., часто неодобр. 'говорить, петь хриплым, нечистым, сдавленно неприятным, раздражающим голосом' > хрипун неодобр. 'тот, кто говорит, поет таким образом', реву́н нейтр. 'обезьяна' и неприязн. 'человек, ребенок, который много и часто ревет, кричит', грызу́н нейтр. 'животное' и неприязн. 'человек, ребенок, грызущий, не могущий удержаться от того, чтобы не грызть, любящий это делать', шату́н разг.-нейтр. 'медведь' и разг.-неодобр. 'тот, кто любит шататься, бродяга', неодобр.-осужд. 'бездельник, гуляка', неприязн.-осужд. 'редко ночующий дома, часто меняющий женщин, потаскун', вьон нейтр. 'рыба', 'растение' и разг., шутл.-ирон. 'юркий, вертлявый, непоседливый человек', неприязн. 'ловкий проныра', неприязн.-осужд. 'подхалим, угодник, подлиза, приспособленец', насмешл.-неприязн. 'назойливый ухажер', неодобр. 'потаскун, любитель женщин'.

Определяемое по «Русской грамматике» словообразовательное значение «производящий действие», с выделенным оттенком «склонный к действию», может быть интерпретировано в отношении «носитель характеризующего признака, выступающего как его отличительная черта». На этом строится характерная для данного суффикса оценочность: производимое действие, склонность к данному рода действию как постоянному проявлению признаку, становясь характеризующей для своего производителя особенностью, отличительной его чертой, воспринимаются как избыточные или неправильные, вытесняющие в нем представление обо всем остальном. Оценочность эта может поэтому проявить себя также для слов, изначально ею не обладающих. Молчун, певун, шалун, игрун легко могут стать словами, передающими неприязненно раздраженное или насмешливо пренебрежительное отношение к производителю соответствующих действий, обусловливаемое контекстом и ситуацией, но способное, закрепившись, стать постоянным: *И долго ты будешь так молчуном сидеть? Нашла себе какого-то там певуна. Да угомоните вы своего шалуна! Ну, из тебя и игрун!* Действия эти – молчать, петь, шалить, играть – в своем обычном, т.е. не характеризующем отношении (как излишние или не так совершаемые), не предполагают насмешки и раздражения, пренебрежения и неприязни. Не то, что, скажем, такие действия, как храпеть, сопеть, сморкаться, копать, орать, трясти, брыкаться и пр.

Выявленная особенность становится основанием негативной оценочности у соответствующих советизированных слов, включая в себя, помимо общей оценки, те признаки, которые связывают их с отношением к советской действительности по линии несоответствия ее создаваемому образу, желательного-позитивному представлению о ней. Говорун в контек-

сте советского языка – это не просто ‘тот, кто любит много говорить’ [Большой толковый 2000], а тот, кто делает это в ущерб работе, социалистическому труду, кто вредит своим говорением обществу, делу социализма, советской стране, говорит не то, что следует, не тем, кому можно, обещает невыполнимое, болтает лишнее. *Крикун*, соответственно, не просто ‘тот, кто много кричит’ и не только ‘человек, много и попусту говорящий; демагог’ (*Митинговые крикуны*) [Большой толковый 2000], а тот, который (что подразумевается, но не формулируется), привлекая к себе своим выступлением внимание масс, говорит не то, что можно и нужно, что одобрено, идеологически правильно, политически выверено, кто идет против намеченной линии и вразрез с тем, что требуется моментом. *Крикун*, тем самым и прежде всего, возмутитель и нарушитель общественного спокойствия, потенциальный вредитель, пособник и проводник враждебной политики и идеологии. *Хрипун*, соответственно, поющий и говорящий хриплым, сдавленно-сиплым, нечистым голосом, проводник не советского образа жизни и отношения, не принимающий, не одобряющий, осуждающий существующую действительность и советский строй (проводник-представитель уголовно-блатного мира и бунтарской культуры Запада).

Советизация, таким образом, состоит в узואльном сужении лексического значения, в наращении соответствующих семантических и коннотативных признаков. Структура семемы начинает включать в себя те признаки и элементы смысла, которые можно интерпретировать как элементы и признаки советской картины мира. Отсюда возможность, а также желательность определения этих признаков. Однако прежде чем постараться представить их в имеющем отношении к разбираемому материалу категориальном виде, имеет смысл обратить внимание на следующие особенности:

1) мотивационное (структурно-словообразовательное и семантическое) отношение советизированных единиц к материалу общенародного языка;

2) выделяемые степени советизированности характеризующихся единиц а) в связи с рассмотренными четырьмя группами, основанными на отношении лица к системе и социальному множеству или системы и социального множества к называемому словом лицу, б) в связи с другими какими-то признаками;

3) условия и границы советизированного перехода лексемы общенародного языка, механизм ее становления языковой (речевой) единицей советского узуса, пути приобретения ею данного узואльного статуса.

Из двенадцати выбранных с суффиксом *-ун* советизированных слов одно (*несун*) можно интерпретировать как новообразование языка

советской эпохи; два (*летун*, *топтун* / *топотун*) – как в значительной степени оторвавшиеся, в известном смысле омонимичные и параллельные образования в отношении к общенародным словам; три (*болтун*, *крикун*, *хрипун*) – как развившие на базе общенародных значений отчетливую советизированную семантику, позволяющую их рассматривать как самостоятельные лексические значения советского языка; три следующих (*шептун*, *плясун*, *попрыгун*) – как своего рода словоупотребления, использующие семантику общенародных слов с включением, добавлением к ней скрытых советизированных смысловых, но, в первую очередь, коннотативных оценочных оттенков и компонентов; и, наконец, два остающихся (*пачкун*, *писун*) – как значения-словоупотребления, представляющие собой проявления словесной игры, построенные на обыгрывании и использовании общенародных, во втором случае (*писун*) также омонимичных, значений, совмещающие в связи с этим в себе признаки слов типа *летун*, *топтун* / *топотун* и *шептун*, *плясун*, *попрыгун*.

Несун появляется, видимо, к концу 70 г. XX века (Русская грамматика 1980 г. отмечает это образование как новое [I: 146]) и обозначает ‘того, кто совершает мелкие кражи, уносит что-л. оттуда, где работает’ [Большой толковый 2000], ‘который выносит с производства часть производимой продукции, сырья и т.п.’ [Мокиенко, Никитина 1998] Слово, образуясь по типу *бежун*, *лгун*, *молчун*, предполагает использование основы настоящего времени в качестве мотивирующей основы (*нес-у – нес-ун*), представляя собой образование регулярное и продуктивное для разговорной речи [Ефремова 1996: 476-477]. Непосредственными предшественниками его в языке советской действительности можно считать три оценочных слова с тем же суффиксом – *болтун* (разглашающий тайну), *летун* (часто меняющий место работы), *попрыгун* (то же, что *летун*, но более с оттенком ‘не могущий усидеть, удержаться на месте’), с первыми двумя из которых данное слово можно было бы отнести к группе с наиболее ярко проявленной советизированностью. В то время как два последних (*летун*, *попрыгун*) обнаруживают с ним наиболее тесную мотивационную связанность, в наибольшей мере, как представляется, повлияв на возникновение слова *несун*, не в последнюю очередь обусловленное расширением общей для них тематической группы и наличием такой же оценочной характеристики: все три слова имеют отношение к производству и обозначают лиц, приносящих ему своим поведением вред. Объединяют эти три слова еще ряд признаков. Прежде всего, характер действия, связанный с перемещением, пересечением, нарушением устанавливаемых стабильных границ (отношение к локусу, признак места). Дей-

ствием неодобряемым и самовольным, совершаемым нередко в обход существующих правил и необходимо-желательных норм отношения к труду, объявляемым пропагандой как нравственные (Показателен в этом отношении приводимый в качестве иллюстрации к слову пример из «Толкового словаря языка Совдепии» [Мокиенко, Никитина 1998]: «Пресловутый «несун», ставший настоящим вором, причиняет **глубокий нравственный урон нашим принципам** (П.Ч.)» (Человек и закон, 1983, № 10, 39)). Из чего следует общая для этих трех слов оценочная характеристика. *Летун, попрыгун, несун* воспринимаются как не слишком значительные, но неприятно-досадные вредители на производстве. Их действиями руководит эгоистическое стремление к собственной выгоде и мелкособственнический интерес. Характеризует пренебрежение к интересам общества (социального множества), непонимание важности и глобальности социалистического строительства и, что из этого следует, своей роли на производстве как единицы данного множества, участвующего в этом строительстве своим объединенным трудом.

Появление слова *несун* обусловлено также негативными ассоциативными представлениями, связанными с глаголом *нести*. Помимо прямого и основного значения 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать в определенном направлении, доставлять куда-л.' [Большой толковый 2000], проявляющего три признака – прихватывание с собой, перемещение с этим в пространстве и доставление к месту, внутри которых скрыто уже заложена идея присваивания, прибиранья к рукам с последующим изменением местоположения в пространстве того, что взято, прихвачено в качестве груза, – помимо этих соотношений и связей, глагол *нести* проявляет также другие, ассоциативно и коннотативно значимые. Немотивированность, допускающая вмешательство неконтролируемых, стихийных, потусторонних сил и отсюда нежелательность и неожиданность возникновения (исчезновения), сопровождаемые недовольством, удивлением, возмущением: *Куда вас несет? Вот принесла нелегкая! Черт его принес! Куда его унесло? Каким ветром занесло? Несет меня лиса за темные леса* (из сказки). Передвижение помимо воли, предполагающее захватывание, увлечение какой-то силой: *Его несло на камни. Ветер нес бумажки, листья, всякий мусор. Река несла своим течением. Море унесло*. Сопровождение, появление, приход как следствие чего-л. далеко не всегда приятного: *Осень несет дожди. Тучи несут дожди. Старость несет болезни. Нанесло тут всякого*. Распространение, передача: *Несло холодом, дымом, гарью, дурными запахами. Несло затхлостью. Из подвала несло гнилью*. Сообщение, передача чего-л. пустого, неразумного: *нести чепуху, вздор, околе-*

сицу. Послушай, что ты несешь! Семантика глагола также связывается с неприятностями, потерями, тяжелыми обязанностями, трудностями: *нести потери, урон, ущерб, свой крест, обязанности, службу, нагрузку, нести на себе весь дом*.

Негативная оценочная коннотативность, таким образом, поддерживаются семантически, следуя из трех просматриваемых признаков: 1) потенциальная тяжесть (груза, того, что несут), 2) спонтанность немотивированной субъектности перемещения с ним (прихватывание с собой), 3) не всегда желательное изменение начального местоположения объекта с позиции и во мнении говорящего, наиболее ярко затем проявляющаяся в *унести*, образованном от *нести* и являющимся эвфемистическим синонимом слову *украсть*.

Может быть, более ярко формирующаяся семантика проявила бы себя в форме *унесун*, возможной и в разговорно-сниженной речи даже встречающейся, образуемой по аналогии с *убегун* 'тот, кто от кого- или чего-л. убегает', *улетун, умотун, уведун, ускаун, увезун, убредун, украдун, уползун, улепетун*, также разговорных и просторечных. Однако поскольку нормативные образования с данной приставкой суффиксу *-ун* не свойственны (видимо, в силу определения лица 'по привычному действию или склонности к действию', предполагающему действие как таковое, не связанное с каким-либо результатом, вносимым приставкой *у-*), *несун* содержит в своей семантике также и это значение с *у-*. *Несун* не только и не столько *несет*, сколько действием этим, несением, *уносит, выносит*, что и находит свое не отражение в дефинициях: 'тот, кто совершает мелкие кражи, уносит что-л. оттуда, где работает' [Большой толковый 2000], 'который выносит с производства часть производимой продукции, сырья и т.п.' (подчеркнуто мною – П.Ч.) [Мокиенко, Никитина 1998].

В интересующем нас слове срабатывают две составляющих из трех – прихватывание, связываемое с присваиванием субъектом-лицом того, что ему не принадлежит (скрытый и подразумеваемый компонент значения), и нежелательное изменение надлежащего местоположения того, что выносятся, – за пределы предприятия, с пересечением, нарушением границ стабильного и должного местопребывания его как объекта (явный, открытый компонент). *Нести, летать и прыгать* в *несун, летун* и *попрыгун* передают, тем самым, общую для них идею неконтролируемой и немотивированной спонтанности со стороны субъекта-лица, с нарушением стабильности места – объекта в *нести* и субъекта в *летать* и *прыгать*.

Рассмотренные мотивационные основания советизированной оценочности в слове *несун* позволяют отнести данное слово, наряду с ему

близким *летун*, ко второй группе, предполагающей отношение субъекта-лица к социальному множеству. Данное отношение, как следует из рассмотрения, тяготеет к оценочности нравственного характера, в отличие, скажем, от слов первой группы (отношение лица к системе), в которых ведущей становится оценка идеологическая и политическая. Указанная закономерность, однако, не имеет в виду исключительности, поскольку нравственная оценка осуждаемого в отношении общества поведения очень легко перед лицом момента и политической необходимости может стать оценкой высшего уровня, связанной с отношением к системе, угрозой ее стабильности и существования.

Затронутую особенность хорошо демонстрирует слово *болтун*, советизированный облик которого четко связывается с перемещением его семантики по шкале оценочности от невинного в целом в своей основе неумения сдерживаться в своих речевых проявлениях через сплетничество, выбалтывание чужих секретов и тайн, к разглашению важных секретных сведений, в том числе государственного значения, и антисоветской агитационной деятельности. При этом, если первое предполагает реакцией утомление, неприязнь, раздражение, а второе – неодобрение, осуждение, нежелание иметь дело, вступать в какие-либо контакты и связи, стремление избегать, то последнее, третье, закладывает реакцию не индивидуального и не межличностного уровня отношений, поскольку речь идет о вредительстве государственного масштаба. Реакцией в этом случае предполагаются и должны быть негодование, общественное презрение, остракизм, желание немедленного наказания по всей строгости советских законов. Отношение личного неприятия, нежелание сталкиваться и стремление избегать, характерные для первого и второго уровней, на третьем, системном и государственном, в силу значимости потенциально следующего общественного вреда, меняет свою направленность – не самому стараться не сталкиваться и избегать, а изгонять такого из общества, обезвреживать, изолировать и изымать.

В чем конкретно проявляет себя советизированность рассматриваемого лексического значения? Обратимся к словарным определениям. **Болтун** разг. 1. Тот, кто много болтает; пустослов. *Болтун подобен маятнику: и того и другого надо остановить* (К. Прутков). 2. Тот, кто не умеет хранить тайны (обычно о сплетнике). *Ну и б. же ты! Можешь довериться: я не б.* **Болтать** разг. 1. Вести лёгкий, непринуждённый разговор; много говорить (обычно вздор, пустяки или не то, что следует). *Б. без умолку. Б. весь вечер. Б. о том о сём. Б. челуху, глупости. Б., весело смеясь, шутя. О том, что видел, не болтай!* (никому не рас-

сказывай). 2. Проводить время в болтовне (2 зн.); много и попусту обещать. *Опять болтают, а решений нет как нет.* 3. Высказывать нелепые суждения, распространять слухи; выдумывать, наговаривать. *Б. разное, всякое про кого-, что-л. Болтают, будто конец света близок. Может, и впрямь инопланетяне? – Болтают...* 4. Бегло говорить на каком-л. иностранном языке. *Б. по-французски, по-немецки.* **Болтовня** разг. 1. Лёгкий, непринуждённый разговор. *Весёлая, оживлённая б. Б. детей. Слушать болтовню подруг.* 2. Бесплодные рассуждения, обсуждения, речи; пустые безответственные обещания; пустословие, говорильня. *Одна б.! Болтовни много, а результатов никаких.* 3. Сплетня, выдумка. *Не было такого, б. всё это.* [Большой толковый словарь 2000]

Оценочность данных определений связывается не в последнюю очередь с самим представлением о говорении, речи как о занятии малозначащем и непродуктивном (ср.: *говорить, а не делать; слово, не дело; говорун, говорильня*). К этому добавляется признак количественной избыточности (*много говорить*), бесплодной пустопорожности (*лёгкий*) раскованности и потому несерьёзности (*непринуждённый*), обычно бессодержательности (*говорить вздор, пустяки*), но часто видимой, поскольку то, что говорится, может стать нежелательным и потенциально опасным (*не то, что следует*). В представлении о *болтать, болтовне* присутствует также признак замещения положительных и производительных действий во времени, вытеснения действий, имеющих результат, псевдозанятости (*проводить время в болтовне, занимать чье-то время разговором, вместо того, чтобы делать*); признак замещения не только действий и положительной деятельности, но и действительного положения вещей, т.е. самой действительности, – ложь, обман, лживые обещания, нелепые суждения, слухи, сплетни, выдумки, наговоры. Связываться это может как с ненамеренным и безответственным поведением (по глупости, неопытности, неумению сдерживаться, правильно ориентироваться в обстановке), так и с действиями сознательными, направленными на то, чтобы исказить реальное положение вещей, либо объявляющими, выдающими скрытое и потому намеренно или потенциально причиняющими вред.

Итак, *болтать* – это, прежде всего, не делать и вместо того, чтобы делать, но при этом излишне много и безответственно, нарушая и искажая сложившиеся отношения и настоящее положение вещей. *Болтовня, болтать*, тем самым, воспринимаются как поведение, ненамеренно или намеренно, дестабилизирующее, из чего следует ее потенциальная вредоносность. Слишком много – пустых, замещающих и непродуктивных поэтому действий – иска-

жающих и нарушающих установленный лад – вредоносны. Таков приблизительный путь возникающей на базе данного слова оценочности.

В чем же советский характер рассматриваемого явления, в какой момент появляется соответствующий оценочный признак, следующий как таковой из всего представленного? Можно ли определять его как отделяющийся от общей семантики слова и отделяющийся в ней или ей добавляющий нечто свое от себя? «Толковый словарь языка Совдепии» содержит такое определение: «**Болтун** 1. Тот, кто разглашает тайну, секретные сведения. ... *Болтун – находка для шпиона.* ... 2. Лаг. Лицо, находящееся под следствием или осужденное за «болтовню» (разглашение государственной тайны) или «контрреволюционную агитацию». Росси, т. 1, 36.» [Мокиенко, Никитина 1998: 60]

Значение, объясняемое первым, внешне, а также согласно приводимому определению, не отличается от значения, которое в «Большом толковом словаре» [2000] дается вторым. Заметным и явным отличием будет в значении, приводимым как лагерное (т.е. жаргонное и ограниченное). Вывод, напрашивающийся сам собой, заключается в том, что советизированность в данном случае есть не что иное, как употребление общезыкового значения слова в контексте советского языка, тем более, что такое лексическое использование для него весьма характерно.

Представляет смысл, однако, задуматься над полнотой, точнее «советскостью», приведенного определения. Ничего типично и характерно советского в этом определении нет. Всякий ли 'тот, кто разглашает тайну, секретные сведения', должен считаться *болтуном* в советском смысле этого слова? Видимо, не совсем. Важно, какого характера эта тайна, что за секретные сведения им разглашаются и не менее важно, кому, при каких обстоятельствах. *Болтун*, таким образом, в первую очередь, нарушает имеющийся и установленный (гласно или негласно) порядок обмена и передачи той информации, которая, имея статус «секретная» или «служебная», сообщению лицам, не имеющим к этому разрешения или допуска, не подлежит. Можно и стоит заметить, что все это так или иначе имеет связь с разглашением тайны, тем самым, секретного знания, не подлежащих распространению сведений. Советскость рассматриваемого значения, как можно предположить, состоит в его отнесенности не столько к контекстам советского языка, сколько к самой, закрепленной в нем, связанности с картиной советской действительности, которая и определяет, в случае своего вхождения в семантическую структуру лексического значения (либо втягивания ее в себя), вид и степень советскости. Слова-советизмы, или слова советского языка, являются таковыми не в силу только употребления в нем (такое тоже имеет место, но эти словоупотребления советизмами

не следует называть), а в силу нагруженности лексического своего значения, включения в его состав концептуальных и экзистенциальных признаков советской картины мира. Отсюда 1) необходимо ясное категориальное представление о ней таковой и 2) те или иные выведенные на этой основе категориальные признаки должны быть закрепленными компонентами лексического значения соответствующей единицы как единицы не только русского, но и советского языка. Так, к примеру, если *несун*, *летун*, *попрыгун* имели категориально-оценочным семантическим признаком отношение к **месту** (объекта или субъекта-лица), понимающемуся для них как им свойственное, надлежащее, не сменяемое по собственной воли и в связи с этим стабильное, место производственной деятельности (предприятие), то *болтун*, в советском своем значении, связывается с категориальным признаком отношение к **знанию**, интерпретируемому как сведения не к всеобщему распространению, статусные в своем отношении к системе и связанности с ней и потому охраняемые. Степень (уровни) этой статусности могут быть разными – от государственной тайны (болтовня-шпионаж) до высказывания своего отношения к советскому строю и социализму как общему делу (**opus finitum**), что и нашло свое отражение во втором приведенном значении *болтуна*, помеченным как специальное и лагерное (болтовня как враждебная агитация).

Для большей отчетливости затрагиваемых вопросов обратимся к другим словам того же ряда с суффиксом *-ун*. *Летун*, *топтун* / *топотун* были нами определены как слова, в значительной степени оторвавшиеся, в известном смысле омонимичные и параллельные, к общенациональным своим коррелятам. Связано это с тем, что *летун* в первом своем значении ('тот, кто летает', также о летчике, || 'кто способен быстро передвигаться, мчаться, скакать') представляет образование от *лететь* / *летать* в фиксируемых нормативными словарями значениях ('перемещаться по воздуху с помощью крыльев' > 'мчаться'), а во втором 'тот, кто часто меняет место работы' от *летать* 'часто менять место работы, учебы', фиксируемом далеко не во всех словарях (Как пятое и предпоследнее это значение отмечается в словаре Т. Ф. Ефремовой. [2000, 1: 784]), т.е. воспринимаемом как не активное, периферийное. Появление интересующего нас значения у слова может быть следующим. *Летать* в отмечаемом словарями последнем своем значении 'двигаться, передвигаться легко и быстро, едва касаясь земли, пола и т.п.' || разг. 'торопливо бегать, ходить, ездить в разных направлениях в течение длительного времени'[Словарь 1981, I], [Большой толковый 2000] (*летать по городу, летать туда и сюда, летать с места на место*) начинает ис-

пользоваться в значении 'скакать, прыгать с одного места работы на другое' в соответствующих контекстах и словосочетаниях. По аналогии с *прыгун, скакун, шатун, вертун, мотун, потаскун*, объединяемых смыслом 'тот, кто находится в постоянном моторном, неуправляемом движении, не могущий усидеть на месте', образуется *летун* в значении 'не могущий долго усидеть на одном рабочем месте, постоянно меняющий работу', сюда же добавляется семантика *летать, порхать* с оттенком легкомысленности, несерьезности, нестойкости, отсутствия, неустойчивости, непорочности, безответственности (*всю жизнь порхает, ему бы только порхать, летать за девушками, летать в мечтах, в мыслях*). Значение это у *летун*, с одной стороны, оказывается более употребительным по сравнению с соответствующим значением глагола, заслоняя его собой, так что *летать* в значении 'часто менять место работы' можно воспринять как производное от *летун*, вторичное по отношению к нему, а с другой, – как самостоятельное и независимое, параллельное образование к *летун* первого значения ('тот, кто летает, летчик; способный быстро передвигаться, мчаться').

Советизированный характер рассматриваемому значению придает его неслучайная включенность, втянутость в советскую действительность: несерьезное, безответственное отношение к труду, к социалистическому строительству со стороны лица-субъекта. Психологическая внутренняя нестабильность неустойчивого „я“ субъекта, его социальная незрелость, неумение ладить в коллективе, находить общий язык с начальством оборачиваются дестабилизацией на производстве. Происходит включение и, в конечном счете, замещение коннотативных компонентов семантической структуры: *летун*, как разговорное и общезыковое, с компонентом 'неустойчивый характер, тот, на кого нельзя положиться, ненадежный человек, временщик на производстве', переходя в *летун* советское включает смысл 'дестабилизирующий социалистическое производство', заслоняющий и вытесняющий собой указанный первоначальный. Замещение, замещенность одного другим как свойство, будучи отличительной чертой советской пропаганды, находит свое выражение при этом как на уровне семантики и коннотатируемого устройства слова, так и в отношении его употребления и политической нагрузки в языке. *Летун* в своем советском узуальном проявлении замещает приписываемые ему в разговорной речи компоненты коннотативного характера, распространяя и отчасти вытесняя, заслоняя их: 'тот, кто, часто меняя место работы' > 'наносит вред производству и всему советскому строительству'. Аналогичным образом в языке советской пропаганды слова такого рода, как *летун, несун* и т.п., замещая действительное положение

вещей – порочность системы социалистического производства – используются для объяснения, фактически подмены, причин постоянных неудач. Механизм действия – оформления значения и коннотации слова и его использования в языке политики – оказывается подобным.

Топтун / топотун обнаруживает с рассмотренным *летун* то общее, что в советизированном своем значении значительно отходит от *топтун / топотун* общезыковых значений, возникая, как представляется, не от него, а от глагола, вытесняя на периферию, заслоняя собой и соответствующее значение глагола, и значение существительного, к которому, со словообразовательной точки зрения, должно рассматриваться как становящееся ему в параллель.

Прежде чем предложить вероятный путь появления интересующего нас значения *топтун / топотун* в языке советской действительности, обратимся к словарным определениям:

Топотун тот, кто ходит, топя ногами (обычно о ребенке) < **Топотать** часто и громко топтать при ходьбе, беге и т.п. [Большой толковый 2000]

Топтун тот, кто топчется в бездействии, нерешительности [Ефремова 2000, 2] < **Топтаться на месте**. **Топтаться** ходить, передвигаться с места на место на небольшом пространстве (обычно без особого дела, надобности, прока или, наоборот, в делах, в хлопотах). [Большой толковый 2000]

[**Топтун** тот, кто топчет] (В квадратных скобках представлены реконструируемые единицы) < **Топтать** 1. Мять, подминать, давить при ходьбе, беге или в порыве злобы, гнева (*Т. посе́вы, яго́ды, муравьи́в, огонь, пла́мя, ко́стёр*); 2. Разг. Грязнить, пачкать ногами при ходьбе (*Т. кове́р*); 3. Разг. Снашивать при ходьбе (обувь), стаптывать (*Т. ба́шмаки*); 4. Спец. Давить, разминать, мять ногами для какой-л. практической надобности (*Т. глину, ко́жи, снопы*); 5. Выражать грубое пренебрежение к чему-, кому-л.; унижать, оскорблять, попира́ть (*Т. чей-л. авторите́т, чье-л. достои́нство, чье-л. че́стное и́мя*); 6. Разг. Спариваться с самкой (о птицах). *Петух топчет курицу*. [Большой толковый 2000]

Топтун насмешл. презр. жарг. тот, кто тайно следит, наблюдает за кем-л.; соглядатель, сыщик, оперативный работник. < [**Топтаться**] • Ироническая образность человека, который вынужден подолгу топтаться на одном месте, выслеживая, поджидая объект, в любую погоду. [Химик 2004: 611]

Топтун 1. Непоседа, егоза. 2. Тот, кто наблюдает, шпионит, подглядывает (возм. влияние уг. «топтун» – охранник, надсмотрщик). [Елистратов 2000: 469]

Топтун сыщик, сексот, детектив. [Квеселевич 2003: 850]

Топтун 5. Угол. Представитель правоохранительных органов, оперативный работник милиции. 6. Крим., мол. Телохранитель, охранник. [Мокиенко, Никитина 2000: 591]

Топтун филер [Росси, 2: 410]

Топтун 3. То же, что Тихарь, 4. Телохранитель. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 246]

Тихарь 1. Оперативный сотрудник органов МВД, КГБ. 2. Сотрудник милиции в штатском. 3. Внештатный сотрудник органов МВД, КГБ. 4. Доносчик, осведомитель. [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 244]

На основании представленного можно вывести два возможных способа мотивации интересующего нас значения: от глагола *топтаться* 'ходить, передвигаться с места на место на небольшом пространстве (обычно без особого дела, надобности, прока или, наоборот, в делах, в хлопотах)' и из уголовно-жаргонно-лагерного *топтун* 'тот, кто наблюдает, шпионит', 'филер', 'оперативный сотрудник', 'сотрудник милиции в штатском', 'внештатный сотрудник', 'охранник, надсмотрщик', 'телохранитель'. Совмещаемыми мотивирующими составляющими можно считать агентивное отношение субъекта-лица, его проявление к пространству и месту – перемещение (топтание) без продвижения вперед, без пользы и прока, с одной стороны, и его отношение к лицу-объекту, тому, кто определяет его *топтун*-ном, с другой, характеризуемое как топтание вслед, по следу, рядом, преследование, топтание около, неотступление ни на шаг. В этой второй составляющей можно увидеть коннотативные отражения всех шести выделяемых в «Большом толковом словаре» [2000] значений глагола *топтать* как воплощение отношения советской системы, через представленного ею агента, к наблюдаемому и контролируемому объекту-лицу – мять, давить, подминать, подавлять, не без порывов злобы и ненависти, пачкать, грязнить ногами, снашивать, стаптывать, давить, разминать для собственной надобности, унижать, оскорблять, попирать и, совсем уже грубо, иметь. *Топтать* в этом случае означает 'перемещаясь на небольшом пространстве, неотступно и около, не имея иного дела, а потому без пользы, подавляя грубо и не особо скрываясь с этим (*топтун* < *топтать* 'часто и громко топтать ногами'), физически и морально постоянно уничтожать'. *Топтун*, вариант *топтун*, таким образом, в языке советской действительности, отмечая коннотативно сказанное, может быть определен как 'тот, кто, не имея иного занятия и ни к чему иному способностей, неотступно топчется на одном месте в непосредственной близости от лица – объекта своего наблюдения', с позицией, характерной для третьей группы (см. табл.) – от системы к лицу как проводник ее действия в социальном множестве.

Как и в случае со словом *несун*, тем самым, в *топтун* / *топтун* проявляет себя категория отношения к месту. Категория эта может быть определена как мотивационно-оценочная, поскольку связывается не столько с обозначаемым референтом (сотрудник органов), сколько с внутренней формой лексического значения, той основой, которая, будучи образной, передавая картинку изображаемой ситуации: *топтун* – тот, кто топчется на одном месте, стоя перед окном, за углом, за дверью, рядом с тобой, у тебя за спиной, – становится мотивирующей по отношению к передаваемой словом оценки. Однако, будучи общей с рассмотренными *несун*, *летун*, *попрыгун*, категория эта имеет иной характер. Если в указанных трех словах место определялось в связи с нарушением его стабильности в отношении объекта (*несун*) или субъекта (*летун*, *попрыгун*), то *топтун* проявляет идею бесплодного и несвободного, поскольку привязанного перемещения (топтания) на одном месте в пределах ограниченно-малой локализованности. Проявляемыми признаками категории места, как мотивационно-оценочной в отношении характеризуемого ею субъекта-лица, таким образом, будут бесплодность перемещения (непродвижение вперед при затрате усилий), привязанность к наблюдаемому лицу-объекту, в связи с чем несвобода, зависимость, ограниченность, малость и, как следствие, неспособность ни к чему иному, продуктивному и полезному. Из чего и следует соответствующая негативно заряженная оценочность данного слова.

На примере рассмотренных слов были выведены две категории, природа которых определилась как мотивационно-оценочная, – категория **места** для *несун*, *летун*, *попрыгун*, *топтун* / *топтун*, с различным образом организуемой далее подсемантикой, и категория **знания** для *болтун*. Категории эти позволяют определять развитие, оформление, появление у слова признаков советизированности, переход его в слово советского языка. Определяющим в этом случае должно быть соотношение его семантики с той языковой картиной мира, которую следует описать и представить в ее концептуальных основах как картину советскую. Характер соотношения семантики слова с этой картиной в ее системно-категориальном устройстве влияет на вид и степень советскости слова, его соответствующей заряженности и ангажированности. На примере нескольких слов, рассмотренных ранее, механизм такого соотношения, прежде всего в связи с позицией к таким составляющим, как система, социальное множество, лицо-субъект, в общих чертах был показан. Степень советизированности может быть обусловлена также характером проявления самой оценочной категории, устройством ее подсемантики в отношении слова, а также самой категорией с учетом ее позиции в

той парадигмосистеме, которая определяется как советская языковая картина мира. Вывести и описать ее в сколько-нибудь достаточно представительном виде можно было бы после подробного и основательного изучения разнообразного языкового материала. Выбранный для настоящего рассмотрения лексический материал позволяет только наметить подходы к ее представлению. Поскольку материал этот негативно оценочный, имеющий отношение к обозначению лиц, категории, выводимые и следуемые из него, неизбежно содержат в себе акценты и признаки соответствующего концептуального и коннотативного разворота, являющего собой отражение, воплощение и проекцию общей системы, но не ее самоё. Вместе с тем и в этом избранном для анализа материале можно найти и увидеть свойства и признаки целого. Первое, на что следует обратить внимание, говоря об оценочных, в данном случае, категориях советского языка, это на то, чем они отличаются от также оценочных категорий, скажем, но не специфично советских, не советизированных. Коль скоро признаком советизма становится его отношение к соответствующей категориальной системе, включение ее категорий как семантических признаков в свой состав, необходимо четкое представление о том, какие именно категории и какого вида являются категориями советского языка, в чем их отличие и специфика по сравнению с другими. Поскольку так же, как язык советской действительности в лексемном своем составе – это в основном не что иное, как препарированный особым образом русский язык, аналогично и категории советского языка, в том числе и оценочные, должны представлять собой в своей исходной и общей основе категории общего парадигматического и оценочного устройства, каким-то необходимым и соответствующим образом измененные и препарированные. Сказанное, в своем неполном и первоначальном отображении, будет предметом второй, посвященной той же проблеме, статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.

Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

Горбаневский М.В. Имя, наполненное временем // Русистика, 1992, № 1.

Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). М., 2000.

Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1-2, М., 2000.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977.

Земская Е.А. Введение. Исходные положения исследования // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.

Зильберт Б.А. Языковая личность и «новояз» эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. Волгоград, 1994.

Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.

Клемперер В. ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записные книжки филолога. М., 1998.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1995.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991.

Русская грамматика. Гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.

Словарь русского языка в четырех томах. Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Гл. ред. Г.Н. Складневская. СПб., 1998.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Шарифуллин Б.Я. О лексике и фразеологии политизированного языка // Лексика и фразеология: Новый взгляд. М., 1990.

Fillmore Ch. Types of lexical information // Studies in syntax and semantics / Ed. by F. Kiefer. Dordrecht, 1969.

Głowiński M. Nowomowa po polsku. Warszawa, 1990.

Seriot P. Analyse du discours politique soviétique // Cultures et Sociétés de l'Est, 2. Paris, 1986.

Weiss D. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1985, München, 1986.

Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства – к проблеме развития русского языка в советский период // Revues des etudes slaves 1982, v. 54, № 13.

© Червиньски П., 2007

РАЗДЕЛ 2.
ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Иванова Е. В.

Челябинск, Россия

**К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Abstract

The present paper touches upon the problems of scientific research of the ecological discourse. In the focus of attention stand questions of his definition, historical formation and structure.

На сегодняшний день не существует единого мнения как по поводу определения понятия «дискурс», так и в отношении его типологии. Этот факт объясняется тем, что типология дискурса, как любая другая классификация, может строиться на различных основаниях.

Поскольку дискурс содержит лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется и функционирует в коммуникации, а общение всегда происходит в определённом социальном пространстве, для дискурсивного анализа характерно рассмотрение не дискурса вообще, а конкретного дискурса. Под последним подразумевается нечто говоримое на общую заданную тему в определённый промежуток времени.

Дискурсу присущи определённые свойства, или составляющие: адресат, адресант, цель, временные рамки, социальный контекст. Обязательными в выделении типа дискурса являются валентности «что», «как» и «о чём», поскольку именно они служат объектом лингвистического исследования [Варшавская 2003: 14–15].

М. Хэллидей характеризует дискурс через параметры «участники», «тема», «способ» [Halliday 1991]. Под темой дискурса понимается сфера социального взаимодействия, в которой участники оперируют языком как основным инструментом сотрудничества. Участники дискурса рассматриваются вкюпе со всеми статусными и ролевыми задачами, социально значимыми отношениями, в которые они вовлечены. Способ дискурса есть собственно функция, выполняемая через употребление языка для достижения той или иной цели, формально-содержательная организация текста, канал его репрезентации (устный или письменный), его коммуникативная цель (побуждение, убеждение, объяснение...).

По нашему мнению, параметр «тема» – является одним из традиционных и основных критериев классификации дискурсов в современных лингвистических исследованиях. Среди наиболее встречающихся в специальной литературе Н. Н. Миронова (1997) выделяет следующие типы дискурсов по данному критерию: педагогический, политический, научный,

критический, этический, юридический, военный, родительский и др. Эту классификацию могут дополнить деловой, массово-информационный, медицинский и др. типы дискурса. Поскольку объектом или темой дискурса может быть любая область человеческой деятельности, этот список имеет открытый характер.

Рассуждая о типах дискурса в рамках какого-либо национально-культурного сообщества, В.В. Красных подчёркивает, что сюда относятся «модификации» последнего, определённым образом «адаптированные» в соответствии с той сферой, в которой он функционирует [Красных 1999]. Можно даже сказать, что разновидностей дискурса столько, сколько видов деятельности человека, поскольку каждый вид деятельности порождает свой собственный вид дискурса с присущей ему лексикой и стилистикой. Так, повседневное общение на бытовые темы порождает бытовой, разговорный и просторечный дискурс, криминальную деятельность представляет специфический дискурс криминалитета, который можно отнести к арготическому дискурсу [Киров 2001: 25].

Таким образом, опираясь на критерии типологии дискурса, предложенные М. Хэллидей и В. В. Красных, мы считаем возможным выделить по параметру «тема» экологический дискурс, к которому отнесём множество текстов различных функциональных стилей и жанров, от монографий до произведений популярной и художественной литературы, как выражение в языке экологических тем и проблем. Это связанный, устный или письменный, текст, обусловленный ситуацией общения на экологические темы. Ключевым концептом и темой экологического дискурса является природа и состояние окружающей среды.

С первых шагов своего развития человек неразрывно связан с природой. Он всегда находился в тесной зависимости от растительного и животного мира, от их ресурсов, и был вынужден повседневно считаться с особенностями места обитания и образа жизни зверей, рыб, птиц. С течением времени именно представления древнего человека об окружающей среде послужили источником накопления экологических знаний.

Хотя в качестве самостоятельной науки экология оформилась лишь в XX веке, факты, составляющие её содержание, с давних времен привлекали внимание человека. Уже в самых древних из известных нам письменных источников не только упоминаются различные названия животных и растений, но сообщаются некоторые сведения об их образе жизни. Соприкасаясь с первичным познанием природы, люди были вынуждены учитывать значение среды обитания в жизни организмов.

В первобытно-общинную эпоху, на ранних стадиях развития религии, преобладало неозримое множество племенных языческих

верований и культов, открытых взаимовлиянию, а потому диффузных, поверхностно изменчивых, стихийных. Их общим источником был всеобщий культ Богини-Матери (в тех или иных вариациях: Мать-Земля, Мать-Природа, Мать-Прародительница всего сущего). В основе культа Богини-Матери лежит обожествление природы, и первобытная религия большей частью сводится к поклонению природным силам [Мечковская 1998: 11].

Обожествление природы, характерное для первобытной поры, проявлялось во множестве частных верований, культов, обрядов. В истории религии и культурологии различают несколько основных классов таких религиозных форм, например, анимизм, тотемизм, фетишизм и др.

Представление об окружающем мире изменялось в сознании человека на протяжении веков. В эпоху Средневековья с изменением религии из политеизма, для которого характерна иерархия богов, развиваются монотеистические представления, и устанавливается монотеизм [Мечковская 1998: 13]. Природа представляется созданной Богом, как и сам человек. Постепенно в послефеодальное время с XVI в. мифолого-религиозная картина мира с развитием опытного знания и рационализма начинает уступать место естественнонаучной картине мира, в которой не чудо и вера в сверхъестественное, а закон и норма определяют основную тональность общего мировосприятия, гносеологических, онтологических и антропологических характеристик «мироздания».

Удивительные открытия, которые принесли с собой путешественники в отдалённые страны, и великие географические открытия эпохи Возрождения, послужили толчком для развития биологии. Ученые и путешественники не только описывали внешнее и внутреннее строение растений, но и сообщали сведения о зависимости растений от условий произрастания или возделывания. Описание животных сопровождалось сведениями об их поведении, повадках, местах обитания.

Э. Геккель относил экологию к биологическим наукам и наукам о природе, которых интересует жизнь биологических организмов. Как самостоятельная наука экология сформировалась к началу XX в., до этого времени экологический дискурс развивался преимущественно внутри биологической науки.

В общем смысле экология – это наука, изучающая взаимоотношения организмов и их сообществ с окружающей средой обитания (в том числе многообразие их взаимосвязей с другими организмами и сообществами).

Во второй половине XX в. происходит своего рода «экологизация» современной науки, «экологический поворот» и широкое распространение экологической проблематики в дру-

гих науках, в политической сфере, а также в средствах массовой информации; возрождаются движения по охране окружающей среды и возникают новые социальные движения, что связано с осознанием огромной роли экологических знаний, с пониманием того, что деятельность человека зачастую не просто наносит вред окружающей среде, но и, воздействуя на нее негативно, изменяя условия жизни людей, угрожает самому существованию человечества.

Исследование современного экологического дискурса возможно в нескольких аспектах, которые различаются в зависимости ракурса, под которым изучается основная экологическая проблема:

a) с культурно-исторической позиции рассматриваются условия непрерывности и изменения исторической интерпретации экологических связей;

b) с естественнонаучной точки зрения встаёт вопрос о закономерностях в отношениях между живыми существами и окружающей средой;

c) с философской позиции исследуются особенности экологического мышления;

d) с эстетической позиции изучается восприятие экологических отношений;

e) с социополитической позиции встаёт вопрос об условиях развития нового социального поведения на основе экологических знаний;

f) с этической точки зрения в практических дискурсах изучается нормативность индивидуального и коллективного общения с окружающими человека экосистемами [Бергман: <http://www.agnuz.info>].

Термин «экологический» обозначает основную проблему экологического дискурса: в рамках дискурса рассматривается вопрос об отношениях между живыми организмами и окружающим их миром.

В XX веке экологический дискурс становится объектом исследования эколлингвистики, объединяющей экологию и лингвистику. Эколлингвистика – это одно из современных научных направлений в области языкознания, которое сформировалось на стыке социального (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), психологического (проблемы речевого воздействия) и философского (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике [Кислицына 2004: <http://www.nbu.gov.ua>].

Как новое научное направление в изучении языковой сферы обитания человека и общества эколлингвистика формируется на выявлении законов, принципов и правил, общих как для экологии, так и для развития языка, и исследу-

ет роль языка в возможном решении проблем окружающей среды.

На сегодняшний день в эколингвистике выделяются два направления:

- «экологическая лингвистика», которая «отталкивается» от экологии и метафорически переносит на язык и языкознание экологические термины (само понятие экологии, окружения, экосистемы), принципы и методы исследования, изучается связь и воздействие языков друг на друга: работы В. Трампе (1990, 1991, 1996, 2002), А. Филла (1987, 1993, 1995, 1996, 1998, 2000, 2006), П. Финке (1996), А. Хаугена (1972, 2001), И. Шторк (1996, 1998);

- «языковая экология», которая рассматривает выражение в языке экологических тем, опираясь на языкознание и его методы. Языки и тексты анализируются с точки зрения их «экологичности», исследуется роль языка в описании актуальных проблем окружающего мира. К этому направлению относится изучение связи между языком и вопросами экологии, отражение в языке проблем взаимодействия человека с природой, окружающим его миром: труды М. Дёринга (2002, 2005), П. Мюльхойслера (2003), М. Хэллидея (1991, 2001).

Экологический дискурс является объектом исследования языковой экологии. Поэтому данное направление эколингвистических исследований было бы более точно и правомерно назвать изучением экологического дискурса.

В этом направлении интерес представляют как исследования, проводимые на материале одного языка, так и исследования контрастивного характера, требующие вовлечения нескольких языков. Анализ лексики конкретного естественного языка с привлечением эколингвистических критериев позволяет выявить ассоциации, образные представления носителей языка о явлениях окружающей действительности. Работы сопоставительного характера демонстрируют их сходство и различия. Изучение языкового отражения проблем окружающей среды сопоставляется с анализом соответствующих областей дискурса.

При отборе материала для исследования в экологическом дискурсе можно выделить два подхода: узкий и широкий. В первом случае в качестве источников исследования используются только тексты, непосредственно созданные экологами. Такие тексты относятся к числу институциональных и обладают существенной спецификой. При широком подходе к отбору источников для исследования экологической коммуникации используются не только тексты, созданные собственно экологами, но иные тексты, посвященные различным экологическим проблемам.

С точки зрения функционально-стилевой дифференциации следует разграничить следующие разновидности экологического дискурса:

1) научный дискурс, к которому относятся тексты, созданные экологами (научные статьи, исследования и др.);

2) медийный дискурс (публицистический [Миронова 1997; Гурочкина 1999], массово-информационный [Карасик 2000], масс-медиаальный [Желтухина 2003], массмедийный / медийный [Чудинов 2006]), в рамках которого исследуются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета;

3) религиозно-проповеднический дискурс – совокупность составляющих религиозное общение устных и письменных текстов;

4) художественный дискурс, представленный произведениями художественной литературы.

Как и всякий другой, экологический дискурс имеет полевое строение. В центре находятся те жанры, которые способствуют основному назначению дискурса, поэтому ядро экологического дискурса составит научный дискурс как «в наибольшей степени соответствующий целям, ценностям и социальным функциям дискурса, а также обладающий наибольшим количеством связей с текстами других разновидностей данного дискурса» [Азначеева 2006: 83].

В периферийных жанрах основная функция и характеристика экологического дискурса переплетаются с функциями и характеристиками других видов дискурса в пределах одного текста. Ближнюю периферию, таким образом, представляют жанры медийного дискурса. На дальней периферии экологического дискурса находятся художественный и религиозно-проповеднический дискурсы, а также тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными экологами, журналистами, писателями и проповедниками, эпизодически участвуют в экологической коммуникации. Это могут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, бытовые разговоры на экологические темы и др. Подобные тексты находятся в сфере пересечения экологического и бытового дискурсов.

Границы между названными разновидностями экологического дискурса не вполне отчетливы, нередко приходится наблюдать их взаимное пересечение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азначеева, Е.Н. К проблеме когнитивного моделирования институционального дискурса [Текст] / Е.Н. Азначеева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тез. III Междунар. науч. конф. Челябинск, 27-28 апр. 2006г. / Под ред. Л.А. Нефёдовой. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. – С. 83-84.

Бергман, С. Дух, освобождающий природу [Электронный ресурс] / С. Бергман. – <http://www.agnuz.info>.

Варшавская, А.И. Субкатегоризация и широкое/узкое понимание дискурса (грамматика дискурса) [Текст]: Материалы XXXII междунар. филол. конф. Вып. 3 / А.И. Варшавская / Филол. фак. СПбГУ. – СПб., 2003.

Гурочкина, А.Г. Понятие дискурса в современном языкознании [Текст] // А.Г. Гурочкина // Номинация и дискурс: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л.А. Манерко. – Рязань: Изд-во РГПУ, 1999. – С.12-15.

Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиаального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ [Текст]: Монография / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

Карасик, В.И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

Киров, Е.Ф. Язык в системе человеческой деятельности (фрагмент спекулятивной лингвистики) [Текст] / Е.Ф. Киров // Теория языкознания и русистика: Сборник статей по материалам международной научной конференции памяти Б.Н. Головина. – Н.Новгород, 2001. – С. 24-26.

Кислицына, Н.Н. Эколингвистика – новое направление в языкознании [Электронный ресурс] / Н.Н. Кислицына. – <http://www.nbuu.gov.ua>.

Красных, В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Красных. – М., 1999. – 463с.

Мечковская, Н.Б. Язык и религия [Текст]: пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство ФАИР, 1998. – 352 с.

Миронова, Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа [Текст] / Н. Н. Миронова // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1997. – Т.56. - № 4. – С.52-59.

Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Электронный ресурс] / А.П. Чудинов. – <http://www.philology.ru>.

Döring, Martin. Rinderwahnsinn: Das Unbehagen in der Kultur und die metaphorisch-diskursive Ordnung ihres Risikomaterials [Text] / M. Döring // Sprache transdisziplinär / R. Emons. – Frankfurt am Main: Lang, 2002. – S. 71-84.

Döring, Martin. Wir sind der Deich: Zur metaphorisch-diskursiven Kon-struktion von Natur und Nation [Text] / M. Döring. – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2005.

Fill, Alwin, Mühlhäusler, Peter. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment [Text] / A.Fill, P. Mühlhäusler. – Reissue: Continuum Inter. Publis., 2006. – 296 S.

Fill, Alwin. Contrastive Ecolinguistics – a New Field for Ploughshares? [Text] / A.Fill. – Tübingen: Narr, 1995.

Fill, Alwin. Ecolinguistics – State of the Art 1988 [Text] / A.Fill // Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. – Band 23. Heft 1. – Tübingen: Narr, 1998.

Fill, Alwin. Language and Ecology: Ecolinguistic Perspectives for 2000 and Beyond [Text] / A. Fill. – Tokyo, 2000.

Fill, Alwin. Ökologlinguistik. Eine Einführung [Text] / A. Fill. – Tübingen: Narr, 1993.

Fill, Alwin. Sprachökologie und Ökologlinguistik [Text]: Referate des Symposiums «Sprachökologie und Ökologlinguistik» an der Universität Klagenfurt, 27.-28. Oktober 1995 / A.Fill. – Tübingen: Narr, 1996.

Fill, Alwin. Wörter zu Pflugscharen. Versuch einer Ökologie der Sprache [Text] / A. Fill. – Wien, Köln: Böhlau, 1987.

Finke, Peter. Sprache als missing link zwischen natürlichen und kulturellen Ökosystemen. Überlegungen zur Weiterentwicklung der Sprachökologie [Text] / P. Finke // Sprachökologie und Ökologlinguistik. Referate des Symposiums «Sprachökologie und Ökologlinguistik» an der Universität Klagenfurt, 27.-28. Oktober 1995 / A. Fill. – Tübingen: Narr, 1996. – S. 27-48.

Halliday, Michael. Current Ideas in Systemic Practice and Theory [Text] / M. Halliday. – London: Pinter, 1991.

Halliday, Michael. New Ways of Meaning. The Challenge to Applied Linguistics [Text] / M. Halliday // The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment / A. Fill, P. Mühlhäusler. – London: Continuum, 2001. – P. 175-202.

Haugen, Einar. The Ecology of Language [Text] / E. Haugen // The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment // A. Fill, P. Mühlhäusler. – London, New York, 2001.

Haugen, Einar. The Ecology of language. Essays by Einar Haugen [Text] / E. Haugen. – Stanford: Stanford University Press, 1972.

Mühlhäusler, Peter. Language of Environment: Environment of Language: A Course in Ecolinguistics [Text] / P. Mühlhäusler. – London: Battlebridge Publications, 2003. – 256 S.

Stork, Yvonne. Die Rolle des Ökonomiebegriffs in der Ökologlinguistik. [Text] / Y. Stork // Sprachökologie und Ökologlinguistik: Referate des Symposiums 'Sprachökologie und Ökologlinguistik' an der Universität Klagenfurt, 27.-28. Oktober 1995 / A.Fill. – Tübingen: Narr, 1996. – S. 72-93.

Stork, Yvonne. Ecologie. Die Geschichte zentraler Lexien des französischen Umweltvokabulars seit 1968 [Text] / Y. Stork. – Tübingen: Narr, 1998. – S. 381.

Trampe, Wilhelm. Die Sprachökologie Wittgensteins [Text] / W. Trampe // Zeitschrift für Kommunikationsökologie. – Nr. 1/2002 (4). – S. 6-13.

Trampe, Wilhelm. Ökologische Linguistik. Grundlagen einer ökologischen Wissenschafts- und Sprachtheorie [Text] / W. Trampe. – Opladen, 1990.

Trampe, Wilhelm. Ökosysteme und Sprache-Welt-Systeme [Text] / W.Trampe // Sprachökologie und Ökologlinguistik // A. Fill. – Tübingen: Stauffenburg, 1996. – S. 59-75.

Trampe, Wilhelm. Sprache und ökologische Krise. Aus dem Wörterbuch der industriellen Landwirtschaft [Text] / W. Trampe // Neue Fragen der Linguistik, Akten

des 25. Ling. Kolloquiums // E. Feldbusch, R. Pogarell, C. Wei. - Bd. 2, Innovation und Anwendung. – Tübingen, 1991. - S. 43-149.

© Иванова Е. В., 2007

Кабаченко Е.Г.

Екатеринбург, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ОРАТОРА И АУДИТОРИИ**

Abstract

The article shows some metaphoric images of a public speaker analyzed from the point of cognitive linguistics. The results are based on metaphors that find their way into articles and books of professional speech writers both in Russia and abroad.

В современных публикациях, посвященных искусству публичной речи и умению проводить презентации, ключевой фигурой является человек говорящий – оратор. Часто для описания его поведения и действия используются метафорические определения. А кому как ни ведущим специалистам в области публичных выступлений с многолетним опытом в обучении ораторскому искусству знать, каким должен быть оратор.

По мнению Поля Сопера, ОРАТОР, прежде всего – ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК, который должен искренне общаться с аудиторией, а не пытаться выступать перед ней. Но все-таки хорошая речь требует подготовки. Для донесения этой мысли до читателей создается метафора ОРАТОР – это АКТЕР СЦЕНЫ. Именно поэтому необходимо много репетировать, зубрить, отрабатывать каждую строчку, реплику и движение, не опасаясь показаться неестественным. Аудитория воспринимается как зрительный зал, и поэтому при наличии хорошо выстроенного сюжета интерес публики нарастает. Неопытный оратор оправдывается отсутствием навыков публичного выступления и уподобляется начинающему МУЗЫКАНТУ: «желающий учиться игре на музыкальном инструменте сначала увлекает из него какой-то скрежет» [Сопер 2005: 14]. Такая аналогия позволяет осознать, что для достижения результата необходимо приложить много усилий, что в итоге оправдывается. Уже готовый к выступлению оратор уподобляется СПОРТСМЕНУ: «Футболист борется с нервным возбуждением перед началом игры энергичной разминкой. Действуйте подобным же образом: не бойтесь приступить сразу к делу» [Сопер 2005: 26]. Этот метафорический совет учит пользоваться своим физическим и моральным подъемом для лучшего выполнения поставленной задачи – завоевать аудиторию. Уподобление оратора ПОЛКОВОДЦУ обращает внимание выступающего на необходимость продуманного выбора стратегий и тактик и умение пленить слушателей или сделать своими союзниками. Для победы над аудиторией, по мнению Поля Сопера, «необходимо создавать

ощущение упорядоченного поступательного движения» [Сопер 2005: 194], то есть развивать захваченную инициативу.

В обзорной статье Э. В. Будаева, А. П. Чудинова аналитически исследуются зарубежные публикации о функционировании метафоры в педагогическом дискурсе. Авторы статьи со ссылкой на работы Осборна, описывают три метафоры, которые возможно использовать при обучении публичной речи. Оратора предлагается представлять в образе АЛЬПИНИСТА, АРХИТЕКТОРА или ТКАЧА «Основной смысл метафоры архитектор «заключается в формировании представления о том, что необходимо изменить окружающий мир в соответствии с нашими целями и потребностями, привносить порядок и целесообразность в окружающий нас хаос». Вторая метафора учит искусству *вплетения* символов в *ткань* выступления, а фактов в *гобелен* веских аргументов. Метафора *альпиниста* призвана обозначить препятствия, с которыми сталкивается начинающий оратор [Будаев, Чудинов 200: 69-75].

Ник Морган, один из ведущих спичрайтеров в мире, известный как автор речей политических деятелей и руководителей корпораций Fortune 50, предлагает метафору ОРАТОР – это ОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК. По его мнению, сюжет в жанре приключения действует безотказно в любых аудиториях. Ценности, лежащие в основе приключенческого сюжета – это смелость, решительность, удача перед лицом непреодолимых на первый взгляд обстоятельств и финальное торжество героя. Призыв «вперед, в путешествие» является названием одной из глав книги Ника Моргана. Метафора путешественника указывает на необходимость четко обозначать цель. Намеченный путь будет успешно пройден лишь в том случае, когда оратор будет держать своих слушателей в поле зрения, учитывать их потребности и постоянно интересоваться, каково им в этом путешествии. Далее Морган приводит список вопросов, которые опытный проводник обязательно задаст, чтобы учесть эмоциональное, интеллектуальное и физическое состояние своих спутников. «Стоит представить себя в роли человека, заботливо ведущего аудиторию в нужном направлении, а не ...адвоката, выступающего с финальной речью перед присяжными» [Морган 2005: 42]. Метафора *путешествия* подчеркивает взаимосвязь оратора и публики, помогает описать подход, в центре которого находится аудитория; учит постоянно помнить о том, кого и куда вы ведете. Например: «Представьте себе путь, в который собираетесь взять аудиторию (от пункта «почему» в пункт «как»)» [Морган 2005: 30]; «слушателям надо дать ориентиры» [Морган 2005: 29]; «ваша задача бросить аудиторию в долину отчаяния, прежде чем вознести на горы надежды» [Морган 2005: 95], «нет ничего более удручающего, чем оратор, заблуд-

дившийся в лесу внутреннего смятения и не представляющий, как из него выбраться» и т.д. На развитии этой метафоры построен весь текст книги Ника Моргана «Ораторское искусство». Все практические советы логически вытекают из удачно найденной метафоры. Выступающий, размышляя о себе в образе путешественника, имеет возможность почувствовать себя опытным, знающим, сильным и престать видеть в аудитории устрашающую безликую массу.

Ник Морган использует также распространенное метафорическое представление оратора как АКТЕРА и призывает быть собственным хореографом и «сделать вашу пластику безупречной» [Морган 2005: 132], «устроить настоящий театр, начинающийся с хорошего освещения и звука и с истории, которая уведет нас в волшебное королевство» [Морган 2005: 230]. Актерствовать нужно для того, чтобы удержать внимание аудитории. Употребляются метафоры «арена публичных выступлений», «генеральная репетиция», «сценография». Театральная метафора акцентирует важность этапа произнесения речи.

Карстен Бредмайер, автор книг «Черная риторика: власть и магия слова» «Искусство словесной атаки» считает современную риторику агрессивной и пользуется метафорой ОРАТОР – это ВОИН. Соответственно, говорящий должен распознать «убийственные фразы», предотвратить «удары ниже пояса» и суметь достойно на них ответить. Оратору необходимо быть во всеоружии, ведь «партизаны словесных войн успели превратиться в снайперов» [Бредмайер 2005: 14], а «вербальные мины, приправлены словами, по действию сравнимыми с мышьяком» [Бредмайер 2005: 16]. К тому же мешает «дымовая завеса коммуникации» [Бредмайер 2005: 33], а «меткие ответы подобны точным уколам рапиры», и в итоге «коммуникативная петля затянута» [Бредмайер 2005: 42] и «вербальная перестрелка» проиграна. Нарушители военных правил, ораторы, владеющие черной риторикой, «ведут междоусобные войны», «разрушают при помощи убийственных фраз или мотивов старые, проверенные мосты», «вероломно объединяются с другими партнерами, разрывают и заключают соглашения, находят новых союзников» [Бредмайер 2005: 34]. Таким образом, в книгах доктора Карстена Бредмайера, ведущего консультанта в области коммуникативной техники для всей немецкоговорящей Европы, создается образ оратора-воина, умеющего профессионально реагировать на вербальные (в том числе и запрещенные) удары.

С подачи *Радислава Гандапаса* (самого популярного тренера по риторике в России 2004 и 2006 года по версии проекта trainings.ru) публичное выступление превращается в обольщение аудитории-женщины. Книга этого автора называется соответствующим образом – «Ка-

масура для оратора». Гендерная аналогия (ОРАТОР и аудитория – это МУЖЧИНА и женщина) успешно развивается и умело переносится на многие аспекты публичной речи. Первый постулат: важно не столько овладеть приемом воздействия на публику, сколько научиться получать максимальное удовольствие от собственных публичных выступлений. Второй основополагающий тезис книги: оратор вступает с аудиторией в своеобразную «интимную» связь, в которой он выступает с позиции мужчины (независимо от биологического пола), а аудитория с позиции женщины. Взаимодействуют активное и пассивное начало, воздействующее и воспринимающее, инь и ян. Значительное число примеров подтверждает право этой метафоры на существование. Ср.: «Чтобы убедить публику, нужно сначала ей понравиться, желательно сделать комплимент. После этого она воспримет информацию гораздо благосклоннее» [Гандапас 2005: 15]; во время выступления очень важен зрительный контакт, когда «мы пристально смотрим красоте прямо в глаза» [Гандапас 2005: 50]; композиция речи похожа на композицию интимной связи с прелюдией, постепенным нарастанием эмоционального накала, за которым следует кульминация, и прощальными ласками; «Публику можно очаровать. Публику можно соблазнить. Публику можно изнасиловать. Разве нет? Публику можно влюбить в себя. И еще: в нее можно влюбиться» [Гандапас 2005: 16]. По мнению Радислава, у публики женская психология и логика предпочтений. Все, что срабатывает в отношениях мужчина-женщина, срабатывает и в отношениях оратор-публика.

Сергей Ребрик, учит публику не соблазнять, а побеждать, используя для этого метафору ОРАТОР – это СНАЙПЕР. На *прицеле*, естественно, надо держать аудиторию, что *попасть в яблочко*, поразить слушателей и завладеть их вниманием и эмоциями. «Презентатор во время выступления должен быть внутренне сильнее любого из активных слушателей» [Ребрик 2005: 25]. Кроме того, профессиональный оратор – это СЦЕНАРИСТ и РЕЖИССЕР. В сценарии необходимо прописать ключевые слова и фразы, задающие направление развития мысли и лишь затем приступить к постановочному этапу подготовки речи: выбрать технические средства, позаботиться о демонстрационных материалах, отработать мимику и жесты, обратив особое внимание на зрительный контакт и движения рук, продумать позы и перемещения. И, конечно, ОРАТОР-РЕЖИССЕР умеет правильно распределять роли и находиться в разных амплуа – оптимиста или пессимиста, наблюдателя или предпринимателя.

С помощью метафор общеизвестные мысли облекаются в новые формы. Прагматика подобных метафор разнообразна. Они помогают, во-первых, справиться с волнением и высокой

степенью неизвестности; во-вторых, выбрать правильную стратегию поведения; в-третьих, почувствовать свою власть над аудиторией и умение управлять вниманием публики, одним словом, сделать публичное выступление более эффективным.

Итак, в руководствах по искусству речи, написанных отечественными и зарубежными авторами, оратор это ВОИН, СНАЙПЕР, ПОЛКОВОДЕЦ, АКТЕР, МУЗЫКАНТ, АРХИТЕКТОР, СЦЕНАРИСТ, РЕЖИССЕР, СПОРТСМЕН, ПУТЕШЕСТВЕННИК, АЛЬПИНИСТ, МУЖЧИНА. Театральные, военные, и спортивные метафоры, по мнению их авторов, помогут выступающему перестать чувствовать себя кроликом перед удавом-аудиторией, более того, сумеет представить сидящих в зале милыми кроликами, с просвечивающими ушками; осознать силу ораторского искусства, возможность вести за собой людей одним только словом и завоевывать публику.

Прагматика метафоры – одно из направлений анализа метафорических словоупотреблений. И, безусловно, перспективным с этой точки зрения представляется анализ школьных и вузовских учебников по риторике и культуре речи, дающий возможность выявить, идеальный, по мнению специалистов, образ современного оратора и узнать, какие метафоры воздействуют на сознание учащихся и студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бредемайер К. Искусство словесной атаки / К. Бредемайер – М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. – 187 с.

Бредемайер К. Черная риторика: власть и магия слова / К. Бредемайер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – 224 с.

Будаев Э. В., Чудинов А.П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // Политическая лингвистика. Выпуск (1) 21 – Екатеринбург, 2007 – с. 69-75.

Гандапас Р. Камасутра для оратора. Десять глав о том, как получать и доставлять максимальное удовольствие, выступая публично / Р. Гандапас. – М. : ЗАО «Олимп-Бизнес», 2007. – 272 с.

Гандапас Р. Презентационный конструктор / Р. Гандапас. – М. : 2006. – 178 с.

Морган, Н. Ораторское искусство / Н. Морган. – М. : «Вершина», 2005. – 240 с.

Ребрик С. Презентация: 10 уроков / С. Ребрик. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 200 с.

Сопер П. Основы искусства речи. Книга о науке убеждать / П. Сопер. – Ростов/н-Дону: 2005, – 448 с.

© Кабаченко Е.Г., 2007

Кушнерук С. Л.

Челябинск, Россия

РАСШИРЕНИЕ

КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА: СПЕЦИФИКА ТЕКСТОВ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ В СРАВНЕНИИ С ПЕЧАТНЫМИ

Abstract

The paper deals with the hypertextual technologies in the field of electronic publication as compared with linear texts in print media. The typology of contextual advertising hyperlinks is set up and discussed in connection with textual category of cohesion.

Выход на более сложный этап развития человеческой цивилизации во второй половине прошлого века ознаменовался расширением коммуникативного пространства и появлением новой среды – электронной коммуникации, в которой сосуществуют самые разные информационные потоки. В связи с этим все чаще появляются работы, в фокусе которых языковые особенности компьютерного дискурса (Е. Н. Галичкина, О. В. Дедова, Л. Ю. Иванов, М. М. Лукина, С. Н. Михайлов, М. Ю. Сидорова, Ф. О. Смирнов и др.).

Электронная коммуникация рассматривается как коммуникативное действие, подразумевающее обмен информацией между людьми посредством компьютера [Галичкина 2001, Смирнов 2004]. Данный тип коммуникации может включать общение в локальных сетях, что отличает его от близкого, но более узкого термина «интернет-общение», предполагающего взаимодействие коммуникантов в Интернете (Ф. О. Смирнов).

Электронная коммуникация это не просто канал передачи информации, но принципиально новый тип взаимодействия, имеющий, однако, большую область пересечения с дискурсом СМИ [Галичкина 2001, Какорина 2005].

Цель нашей статьи – выявить специфику текстов СМИ, имеющих распространение через Интернет, в сравнении с аналогичными печатными изданиями. Интерес представляет то, как ведут себя печатные тексты, будучи погруженными в гиперсреду. Для анализа использовались материалы выпусков высокотиражного еженедельника «Аргументы и факты», и соответствующие электронные ресурсы, представленные на сайте газеты как «сокращенная версия».

Первый и наиболее существенный параметр расхождений между указанными разновидностями СМИ легко связывается со способами организации текстового пространства – линейным и нелинейным. Последний характеризует электронные СМИ и требует экспликации термина «гипертекст».

Большинство исследователей сходятся в том, что гипертекст – это средство нелинейного представления информации [Хартунг, Брейдо 1996, Смирнов 2004]. А. А. Ворожбитова конкретизирует термин, подчеркивая, что гипертекст – «особая форма хранения и презентации текстовой информации, которая преобразует многочисленные конечные тексты в единое целое, характеризующееся бесконечностью воз-

можных интерпретаций» [Ворожбитова 2005: 223].

Два основных типа организации гипертекстового пространства предполагают, с одной стороны, возможность линейного чтения с параллельным вызовом какой-либо информации через обращение к ссылке, с другой – не предусматривают такой возможности, поскольку гипертекст не имеет «ни начала, ни конца», а читатель каждый раз создает новый текст в измененной интерпретации [Ворожбитова 2005: 224; Дедова 2001: 25-27].

Важнейшими свойствами гипертекста являются 1) принципиальная возможность существования только в компьютерном виде; 2) нелинейность; 3) множественность виртуальных структур; 4) незавершенность; 5) виртуализация информации [Хартунг, Брейдо 1996: 67].

Перечисленные свойства гипертекста качественно отличают его от текста печатного, формируя новую культуру восприятия информации.

Многочисленные ссылки, вплетенные в ткань электронных СМИ, обеспечивают нелинейное представление структуры текста и межтекстовых связей, что открывает для реципиента возможность выбора и самостоятельного конструирования текстового пространства. Читатель принимает решение, какую ссылку активизировать, чтобы выйти на очередной интерактивный уровень.

Интерактивность в электронных СМИ предполагает *непосредственное* взаимодействие с участниками коммуникации, то есть читателями, их немедленную реакцию на полученную информацию. Ссылки «*оставить комментарий к этой статье*» или «*к этой статье имеется ... (указывается количество) комментариев(ев)*» являются средствами реализации данного свойства. Они стимулируют заинтересованных читателей поделиться своим мнением с другими пользователями сайта, что одновременно повышает его рейтинг. В отличие от виртуальных вариантов печатные версии газет не могут установить непосредственный контакт с аудиторией, однако, применяют приемы, повышающие взаимодействие с читателями, например, включением таких рубрик, как «*Вы спрашивали – отвечаем*», «*Глас народа*» (АиФ) и др.

Применение гипертекстовой технологии в качестве построения виртуального текстового пространства обуславливает специфику синтаксиса электронных СМИ. Гипертекстовые ссылки функционально близки когезивным средствам, обеспечивающим глобальную связность линейного текста (ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст). Принципиальное различие между ними усматривается в том, что ссылки связывают различные уровни многомерного текста [Смирнов 2004]. В электронной медиа-коммуникации ссылки являются внешними структурными пока-

зателями, обеспечивающими глобальную связность гипертекста как смыслового целого.

В этом отношении гипертекстуальность имеет много общего с интертекстуальностью – термином, служащим для обозначения общего свойства текстов, которое выражается в наличии «структурных связей между двумя или более текстами» [Chandler / http.] Предполагается, что текст формирует собственный смысл через имплицитные или эксплицитные ссылки на другие тексты [Bloom & King Dail 1997: 610-617].

Важно подчеркнуть, что в электронных СМИ в отличие от печатных глобальная связность эксплицитна, то есть узлы гипертекста *намеренно* демонстрируются, чтобы обнаружить связи между несколькими текстами. Установка эксплицитировать заложенный смысл объясняется экстра-лингвистическими причинами, которые предопределяют появление самого разного рода ссылок.

Не претендуя на исчерпывающий анализ, мы установили типологию ссылок, формирующих гипертекстовое пространство виртуальных СМИ.

Интратекстуальные ссылки – демонстрируют наличие связей внутри одного уровня гипертекста, объединяют его видимые и невидимые фрагменты в единое целое. Например, на главной странице сайта газеты «АиФ» представлены только заголовки и начальные абзацы текстов, распределенных по разным рубрикам. Полный текст появляется на условной странице непосредственно после активации ссылок заголовка или «*Читать далее*». К этой же группе относятся ссылки «*Версия для печати*», позволяющие материализовать виртуальный текст.

Отдаленным соответствием данной разновидности в печатной версии можно считать знаки на первой странице газеты, стимулирующие прочтение сенсационного материала на последующих страницах издания.

Интертекстуальные ссылки устанавливают взаимосвязи между разными уровнями гипертекста.

В их числе можно выделить автоссылки как репрезентанты автоинтертекстуальности (self-referential intertextuality), суть которой в том, что более поздние тексты отсылают к более ранним [Goddard 1998: 70]. Применительно к электронным СМИ понятие интерпретируется в узком аспекте: поздние тексты газеты содержат отсылки к архивным материалам того же издания. Средствами выражения межтекстового взаимодействия преимущественно выступают прецедентные имена или названия, которые подчеркивают преемственность текстов в едином текстовом континууме электронных ресурсов. Проиллюстрируем сказанное.

Примером интертекстуальной автоссылки является имя Романа Абрамовича: «*СЕГОДНЯ половина акций «Южжубассуля» принадлежит концерну Evraz Group (совладельцами ко-*

торой являются структуры [Романа Абрамовича](#)), другие 50% акций — управленцам компании ...» (БеспЕредел. АиФ, № 22, 30 мая 2007, <http://gazeta.aif.ru/>). Переход по указанной ссылке предлагает перечень из нескольких десятков архивных документов, в которых встречается прецедентное имя. Таким образом, читатель получает возможность ознакомиться со всеми материалами, опубликованными ранее, то есть в любое время «подключиться» к проблеме и в короткий срок исследовать, как на протяжении продолжительного периода времени в газете освещался интересующий вопрос.

Узлы гипертекста могут быть представлены ссылками контекстной рекламы, которая зачастую «сцеплена» с информационно-аналитическими материалами. Это разновидность Интернет-рекламы, которая способствует достижению различных коммерческих целей (продвижение ресурсов в «топ-позицию» поисковой системы, реализация крупных партий товаров при распродажах, распространение большого тиража билетов и пр.) посредством оптимизации поиска.

С прагматической точки зрения контекстная реклама — это объявление о товарах или услугах, размещаемое на Интернет-страницах с близким тематическим смыслом. В настоящее время контекстная реклама признается эффективным способом донесения информации до целевых посетителей, поскольку рекламные блоки «привязаны» к конкретным запросам по ключевым словам. Реклама появляется только в том случае, если пользователь сделал соответствующий запрос. Крупными системами контекстной рекламы считаются *Яндекс.Директ*, *Google Adwords* и *Бегун*.

Ссылки контекстной рекламы являются знаковыми средствами, актуализирующими связи между электронными СМИ и коммерческими сайтами. При этом один и тот же знак характеризуется множественностью означаемых, то есть может иметь несколько десигнагов.

Так, в статье «*Визит: «Газпром» роет яму Европе*» прецедентное название «Газпром» предусматривает переход на коммерческий сайт, предлагающий услуги консультационного управления. Ср.: «*Кроме пуска первой очереди подземного газохранилища «Хайдах» «Газпром» отметил договорённостью о покупке доли в Центрально-Европейском газораспределительном центре*». Вместе с тем это же название активирует более четырехсот архивных документов: «*Днём раньше в Австрии один из местных журналистов поинтересовался: не собирается ли «Газпром» для строительства подземного хранилища газа «Хайдах» в окрестностях Зальцбурга использовать ядерный взрыв? ...*» (АиФ, № 22, 30 мая 2007, <http://gazeta.aif.ru/>).

Знаками, вводящими контекстную рекламу, являются лексемы, которые разграничиваются

по особенностям реализации актуального значения:

1. Актуальное значение лексемы в тексте СМИ совпадает со значением, реализуемым в рекламном тексте.

Это случай абсолютного совпадения контекстов на микро- и макроуровнях. Согласно Ф. А. Литвину, за микроконтекст принимается предложение независимо от его характеристик (неполное, сложное и т. п.), а макроконтекст — это контекст любой протяженности за пределами предложения [Литвин 2005: 45]. Ср.: «*Пещера в некоторых местах расширялась, образуя что-то наподобие вздутых трубы. А в некоторых местах были видны массивные каменные арки, напоминавшие муфты, сделанные для укрепления трубы*» (http://gazeta.aif.ru/online/aif/1387/05_01). Реализуемое значение: «*длинный пустотелый предмет, обычно круглого сечения*» [Ожегов 1986: 705]. Сайт, на который ведет ссылка, предлагает приобрести новые и лежалые трубы.

«*В первую очередь для этого надо сменить собственника и, возможно, отозвать лицензию у управляющей компании*» (АиФ, № 22, 30 мая 2007, <http://gazeta.aif.ru/>). Реализуемое значение: «*разрешение, выдаваемое государственными органами на тот или иной вид деятельности*» [ТСРЯ 2006: 545]. Коммерческий сайт рекламирует услуги по получению лицензий на все виды деятельности.

Подвидом указанных ссылок являются лексемы, актуальное значение которых совпадает на уровне микроконтекстов и отличается на уровне макроконтекстов. Ср.: «*Тем не менее в конце мая в Госдуме были рассмотрены поправки к закону об ограничении курения табака. Они предполагают ужесточение наказания за продажу сигарет несовершеннолетним, а также требуют уменьшения содержания никотина и смол в сигаретах*» (АиФ, № 22, 30 мая 2007, <http://gazeta.aif.ru/>). Интернет-магазин предлагает элитные сорта табака для ценителей насыщенных ароматов. Макроконтекст рекламы расширяет реализуемый содержательно-семантический диапазон. В тексте СМИ «ограничение табака» ассоциируется с запретом, наоборот, в рекламном тексте продажа элитного табака пропагандирует курение.

2. Актуальное значение лексемы в тексте СМИ дополняется и расширяется в рекламном тексте. Ср.: «*Авария на «Юбилейной» — уже вторая за последние три месяца в Кузбассе. Напомним, что 19 марта метан взорвался на шахте «Ульяновская», погибли 110 шахтёров*» (Безопасность шахтёрам невыгодна? <http://gazeta.aif.ru/>). Значение, реализуемое в тексте СМИ, — «*повреждение какого-нибудь механизма, машины, устройства во время работы, движения*» [Ожегов 1986: 705]. Коммерческий сайт предлагает выход из проблемной ситуации, связанной с неудачей, провалом какого-

нибудь дела или предприятия, приглашая на курсы, семинары, тренинги, посвященные комплексному обучению руководителей и специалистов.

«В. НОВОДВОРСКАЯ, лидер «Демсоюза»: «Я готова полоний ложками есть, если это кому-нибудь нужно» (<http://gazeta.aif.ru/>). Реализуемое значение: «глава, руководитель политической партии, общественно-политической организации» [Ожегов 1986: 278]. Рекламуемая бизнес-школа располагает арсеналом средств, чтобы улучшить эффективность руководства компании, а также создать дополнительную мотивацию персонала.

К этой же группе можно отнести случаи использования ссылок-топонимов, имеющих конкретную предметную соотнесенность. Ср.: «Кто-то добавил, что и шансы Сочи в борьбе с Зальцбургом за право провести Олимпиаду в 2014 году тоже заметно выросли бы» (АиФ, № 22, 30 мая 2007, <http://gazeta.aif.ru/>). Название города отсылает на сайт, продающий туры в Австрию и другие страны.

«И они отправились в Италию, на тренировочную базу в Формио. Здесь же накануне очередного дня рождения перед утренней тренировкой Елена ответила на вопросы «АиФ». Топоним активизирует материалы, рекламирующие туристические SIM-карты, которыми удобно пользоваться за рубежом.

3. Актуальное значение лексемы в тексте СМИ метафорично, в рекламном тексте эксплуатируется прямое значение.

«Благотворительный фонд «АиФ. Доброе сердце», номер счёта 40703810940170358401 в АКБ «Промсвязьбанк» (ЗАО) ...» (Тем, кто хочет помочь, <http://gazeta.aif.ru/>). На коммерческом сайте дается подробная информация о работе биохимических экспресс-анализаторов крови, которые рекомендуется применять для лечения больных с патологией сердечнососудистой системы.

4. Актуальное значение лексемы в тексте СМИ не совпадает со значением, реализуемым в рекламном тексте. Это случай семантической омонимии. Ср.: «Как это ни банально звучит, но всё указывает на то, что смерть Джона Кеннеди стала действительно результатом заговора, который был осуществлён, вероятнее всего, спецслужбами» (Мой папа грохнул Кеннеди, <http://gazeta.aif.ru/> online/). Реализуемое значение: «тайное соглашение о совместных действиях против кого-нибудь в политических и других целях» [Ожегов 1986: 174]. Контекстная реклама предлагает услуги ведьмы для женщин. В данном случае реализуется значение «магические слова, обладающие колдовской или целебной силой» [Ожегов 1986: 174], что создает эффект обманутого ожидания.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на содержательное тождество информационных материалов в исследуемых печатных и элек-

тронных СМИ, последние приобретают новое качество текста, обусловленное существованием в компьютерном виде, нелинейной структурой презентации материалов, возможностью множественных интерпретаций, а также свойством интерактивности. Намеренная экспликация связей между уровнями гипертекста в электронных СМИ служит их принципиальным отличием от печатных изданий, где структура текста имплицитна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ворожбитова А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление: учеб. пособ. / А. А. Ворожбитова. – М., 2005. – 367 с.

Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) / Е. Н. Галичкина // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 19 с.

Дедова О. В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма / О. В. Дедова // Вестник Московского университета. – Сер. 9. – № 4. – 2001. – С. 22–36.

Какорина Е. В. СМИ и интернет-коммуникация (области пересечения и проблемы взаимодействия) / Е. В. Какорина // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С. 67–98.

Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – М.: КомКнига, 2005. – 120 с.

Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках / Ф. О. Смирнов // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2004. – 21 с.

Хартунг Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа / Ю. Хартунг, Е. Брейдо // Вестник Московского университета. – Сер. 9. – Филология. – № 3. – 1996. – С. 61–77.

Bloome, David; King Dail, Alanna Rochelle. Toward (re)defining miscue analysis: Reading as a social and cultural process // Language Arts. – Vol. 74. – Issue 8. – Urbana, Dec. 1997. – P. 610–617.

Chandler, Daniel. Intertextuality // Semiotics for beginners // <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem09.html>.

Goddard, Angela. The Language of Advertising. – London & New York: Routledge, 1998.

СЛОВАРИ

Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

© Кушнерук С. Л., 2007

Нахимова Е. А.

Екатеринбург, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА,
ВОСХОДЯЩИЕ К ТЕКСТАМ Н. В. ГОГОЛЯ,
В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Abstract

Here we discuss some metaphors that exist in Russian daily speech and are applied when we want to stress out some relevant features and traits of our contemporaries (political leaders for the most part). The metaphors presented in this article are based on N. Gogol's characters and their names (Chichikov, Nozdrev, Khlestakov, Manilov, etc.). Further detail concerns the way this precedent frame functions in modern Russian press.

В современной коммуникации текст часто оказывается «многослойным», то есть насыщенным элементами интертекстуальности: в нем обнаруживаются множество прецедентных феноменов, цитат и квазичитат, реминисценций и аллюзий, явной и скрытой полемики. Адекватное восприятие такого текста возможно только с учетом множества фоновых знаний из различных областей культуры, а следовательно, требует специального подхода, учитывающего современные методики интерпретации текста, включающего концептуальные метафоры, аллюзии, прецедентные феномены и иные проявления интертекстуальности [Бабенко, Васильев, Казарин 2000; Костомаров, Бурвикова 2006, Нахимова 2004, 2005; Сметанина 2002, Чудинов 2003 и др.]. В подобных случаях, столь характерных для постмодернистской парадигмы, интертекстуальность становится не единичным приемом, а ведущим композиционным принципом.

Важное место в арсенале средств интертекстуальности занимают прецедентные имена, то есть широко известные имена собственные, которые используются в тексте не только для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), но и в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, психотипов, событий, судеб. Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются в мышлении для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов.

Внимание лингвистов к рассматриваемому явлению в полной мере соответствует его роли в современной массовой коммуникации. В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон Жуан* и *Ловелас* уже много веков выступают как знак чрезмерного женолюбия, *Вольтер* – как символ свободомыслия, *Дон Кихот* – как символ бескорыстной борьбы за справедливость. Вместе с тем значительное место в российской массовой коммуникации играют национальные концепты (*Александр Невский*, *Иван Сусанин*, *Скалозуб*, *Обломов*, *Наташа Ростова*, *Павел Корчагин* и др.), которые отражают национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского

народа. Прецедентные имена – это важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей.

Специальные наблюдения показывают, что прецедентные феномены, восходящие к одной сфере-источнику, нередко образуют своеобразное поле прецедентных феноменов, в составе которого выделяется целая система прецедентных имен, событий, высказываний и текстов, образующих развернутую подсистему фреймов. Подобное поле во многом оказывается аналогичным ментальному полю, служащему источником для метафорической модели, однако между двумя указанными феноменами можно обнаружить и существенные различия.

Целенаправленный анализ прецедентных феноменов, функционирующих в современных текстах, с учетом источников прецедентности и возможных смысловых трансформаций может способствовать обнаружению специфических свойств современной интертекстуальности и выявлению тенденций в ее развитии.

В современной отечественной прессе значительное место занимают прецедентные концепты, восходящие к текстам Н. В. Гоголя. В частности, в «Национальном корпусе русского языка», представленном в Интернете (режим доступа: ruscorpora.ru), содержится более 120 документов (около 230 контекстов), включающих прецедентные имена указанной группы. Аналогичные материалы широко представлены и на сайтах ведущих российских газет («Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Завтра», «Российская газета», «Независимая газета»). Именно эти источники и послужили основным предметом рассмотрения в настоящей публикации.

Особенно часто наши соотечественники обращаются к прецедентным концептам *Хлестаков*, *Ноздрев*, *Манилов*, *Собакевич*, *Коробочка*, *Чичиков*, *Акакий Акакиевич*. Вполне закономерно, что произведения выдающегося сатирика представляют собой мощный источник преимущественно отрицательных образов, они помогают журналистам бичевать пороки современного общества. Так, Павел Иванович Чичиков постоянно выступает как символ лживости, лести, лицемерия и мошенничества. Ср.: *Что же до избранного председателем Совета федерации члена Политбюро ЦК КПСС Егора Строева, то ему даже не пришлось менять имидж, ибо сочлены по верхней палате обращались к Строеву совершенно как Павел Иванович Чичиков к идеальному помещику Костанжогло, восхваляя его «муд-*

рость управлять трудным кормилом сельского хозяйства, мудрость извлекать доходы верные, приобрести имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тем долг гражданина, заслужа уважение (Максим Соколов // Коммерсантъ-Daily, 1996). Тронная речь бессменного председателя [Союза кинематографистов] по интонации напоминала признания **Чичикова** о том, что много в жизни претерпел, а все потому что и сироте, и вдове ни в чем не отказывал. Кроме того, **Павел Иванович** обладал чувствительным сердцем и, завидя нищего, обязательно давал ему грошик. Так Михалков рассказывал о какой-то нищей вдове актрисе и о не менее нищем знаменитом актере, которым он, конечно, помог. Похоже, что эти нищие и уволокли миллион (К. Кедров // Новое время, 2004).

Главный герой «Ревизора» в современных СМИ часто выступает как лжец, фантазер, склонный к безответственным советам и обещаниям. Ср.: Эксперты, не видевшие других гор, кроме Альп и Аппалачей (и те порой лишь на фотографиях), с легкостью **Хлестакова** и с его же безответственностью дают почти директивные рекомендации Москве по проведению кавказской политики (В. Третьяков // Российская газета, 2005). Похоже было, что **Хлестаков** никуда не уехал, а переквалифицировался в политика и баллотируется в депутаты Государственной Думы (Е. Коврова // Независимая газета, 2005). Какое впечатление произвел на вас Литвиненко?— Как не нашедший себя в жизни человек. И (пусть простят меня его родные и близкие) не очень умный. Взрывной, авантюрный, очень пакий на какие-то внешние эффекты. **Хлестаков этакий...** А в последнее время мне стало казаться, что у него вообще что-то с психикой случилось. Стал грезить близким переворотом в России, на полном серьезе утверждал, что станет новым директором ФСБ, а меня обещал взять замом. Бред в общем... (В. Жарко // Завтра, 2007).

Показательно, что сферой мишенью «гоголевских» по сфере-источнику прецедентных имен чаще всего оказываются политики: именно они особенно часто обозначаются как современные Чичиковы, Хлестаковы, Маниловы или Нозревы.

Прецедентные имена, восходящие к текстам Н. В. Гоголя, нередко выступают символом прецедентных ситуаций. Особенно часто в современной прессе встречаются аллюзии, связанные со следующими ситуациями: «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «К нам едет ревизор», мошенничество с использованием «мертвых душ». Ср.:

А затем — пошло, поехало. Ломать — не строить. **О том, как поссорились Гарри Кимыч с Анатолием Евгеньевичем, мог бы написать рассказ новоявленный Гоголь.** А об

использовании последнего властными структурами написано немало книг, сняты фильмы. Но не будем спускать всех собак на 12-го чемпиона. Кастарова можно оценивать тоже по-разному (Виктор Кордовский. // Вестник США, 2003). Северо-Восточный округ первым испытал на себе плюсы и минусы новой системы. Теперь здесь школьников оказалось в 2,5 раза меньше, чем до проведения эксперимента. Интересно, сколько тысяч учащихся окажутся **«мертвыми душами»** после 1 мая, когда будут отменены старые неперсональные проездные? (Г. Шейкина // АиФ, 2001). Сегодня, когда **«к нам едет ревизор»**, это еще вопрос, откуда он. Чаще всего им оказывается представитель так называемого «внутреннего» (ведомственного) финансового контроля — сотрудник соответствующего подразделения минфина или иного органа исполнительной власти (Н. Канатик // Российская газета 2004).

Значительный интерес представляет рассмотрение закономерностей использования прецедентных имен, относящихся к рассматриваемому фрейму, в конкретных текстах. На первом этапе исследования разграничим следующие случаи.

1. Упоминание о гоголевском персонаже оказывается в тексте единичным, не связанным с другими прецедентными феноменами.

2. Прецедентный концепт выступает в составе целого фрейма прецедентных феноменов, восходящих к текстам одного писателя.

3. Прецедентный концепт выступает в составе группы прецедентных феноменов, восходящих к произведениям различных авторов.

По количеству словоупотреблений заметно преобладает первый вариант использования указанного концепта. Например, Михаил Успенский обращаясь к Виктору Шендеровичу, пишет:

*И мне знакомо чувство отчаяния, когда кажешься себе слепой лошадей, ходящей по кругу, поднимая шахтерскую клеть. Да, кстати, чего это вы в Москве все разом перепугались этого и.о. Мечется, как **Хлестаков** по гостиничному номеру. Скорей, скорей, наперед высказать тирану и сатрапу все претензии свободолюбивой столичной души. Некоторые уже, должно, быть сушат сухари и приготовили чемоданчик со сменой белья. Но пока можно — обличать, обличать, обличать! Даже из твоего изящного «Итого» вдруг поперла такая ангажированность, как из трех **Доренок** вместе взятых (Михаил Успенский. Открытое письмо Виктору Шендеровичу; 2003).*

Образ представляется достаточно интересным, но он в данном тексте нет его развигия, названный фрейм не является для данного текста доминантным. В близком контексте встречается еще одно преце-

дентное имя (поперла такая ангажированность, как из трех Доренок), но оно относится уже не к литературной сфере. В качестве единичного выступает рассматриваемый концепт и в следующем фрагменте.

Он [Бурбулис] взял меня за руку и увлек в дальний, самый прокуренный голос: – Как вы думаете, нам стоит отделяться? – От кого? – спросил я дрожащим шепотом, потому что «Хлестаков» во мне уже начал вздрагивать. – От остального Союза. Хорошо ли России отделяться? (М. Захаров. Суперпрофессия 1998-2000).

Значительно меньше распространен (но более интересен) второй вариант использования рассматриваемого концепта, когда гоголевские герои выступают в составе целого фрейма прецедентных феноменов, играющего важное место в композиционной и эстетической организации текста. Ср.: *О мертвых душах* (в количестве, которое и не грезилось предприимчивому Павлу Ивановичу Чичикову) в подписных листах иных претендентов на кресло петербургского губернатора не упомянул всуе лишь ленивый. Между тем остались без должного внимания другие, не менее характерные мотивы нынешней избирательной кампании. Тридцать с лишним соискателей, жадно алкавших губернаторский пост на старте предвыборной гонки, отдаленно напоминали сорочинскую ярмарку. В политическом лицедействе наряду с ряжеными казаками и купчиками легко угадывались Хлестаковы и Ноздревы, Бобчинские и Добчинские. С позволения сказать предвыборные платформы иных кандидатов и вовсе смахивали на записки сумасшедшего. Для этой публики именно охаянная всеми процедура сбора подписей избирателей стала тем самым заколдованным местом, потоптавшись возле которого, бузотеры от политики вынуждены были досрочно отправиться восвояси (М. Кореневский. // Петербургский Час пик 2003).

Отметим, что в данном фрагменте представлены не только прецедентные имена (Чичиков, Хлестаков, Ноздрев, Бобчинский, Добчинский), но и названия прецедентных текстов («Мертвые души», «Сорочинская ярмарка», «Записки сумасшедшего»). Показательно, что рассматриваемый комплекс прецедентных имен впервые обнаруживается уже в самом названии статьи «Гоголевские мотивы губернаторских выборов».

Активно представлен рассматриваемый фрейм и в следующих фрагментах: *Вскоре появился второй, даже более яркий национальный тип нашего времени. И снова – увы! – вобрал в себе наши особенности, которые уже предстали как мутация: Собакевич, Хлестаков и Ноздрев – все в одном флаконе, вдыхайте, обоняйте! Вот такие*

гоголевские персонажи-маски, оказавшись на вершинах власти, практически разрушили наши национальное самосознание («Под небом Шиллера и Гете». Читатель-соавтор // Известия 2002). Ну все, конечно же, помнят, как в 1999-2000-м народ разогревали опять же с двух концов – против Примакова – Лужкова и за Путина – «Единство». К выборам 2003-2004 гг. ничего этого нет. Нет врага, против которого проводят «пятиминутку ненависти» и издают газету «Не дай Бог», нет волшебного нового Ревизора (или хотя бы Хлестакова), который, свалившись неведомо откуда, «вдруг» сводит с ума и Марью Антоновну, и ее вроде бы неглупого папеньку, и всех прочих добчинско-бобчинских. Да ничего этого нет. И не предвидится (Л. Радзиховский // Время Московских новостей 2003).

Третий тип использование прецедентности представляет следующий контекст, в котором восходящий к пьесе «Ревизор» прецедентный концепт оказывается в комплексе с концептами, связанными с различными произведениями отечественной и зарубежной классики. Ср.: *Теневик – особый тип. Отличие теневика от интеллигента важнее, чем отличие еврея от русского. Этническое решает в примитивных племенах, в развитых нациях решает тип. Хлестаков не обязательно русский, он может быть евреем, армянином, итальянцем. В России были свои Гамлеты (не только в Цигровском уезде), свои Дон-Кихоты (Г. Померанц // Звезда, 2003.)*

Показателен и фрагмент, в котором аллюзии на произведения Гоголя причудливым образом соединяются с отсылками к творениям скандально известного политика В. В. Жириновского: *На политической сцене он [Жириновский] презентовал себя диктатором, самодуром и сумасбродом, являя собой гремучую смесь Хлестакова с Ноздревым. Интеллигентов отправлял с последним вагоном на Север, солдат посылал подальше на Юг, мыть сапоги в Индийском океане (Ю. Богомолов // Известия 2002).*

Насыщенность текста прецедентными именами, высказываниями и ситуациями, восходящими к творчеству Н. В. Гоголя, позволяет провести неожиданны параллели между различными событиями и эпохами. Примером может служить следующий фрагмент, в котором подготовка к юбилею Санкт-Петербурга сопоставляется с ожиданием ревизора, а современные политики – гоголевскими с героями. Множество легко узнаваемых цитат и аллюзий усиливают параллелизм и эффективность воздействия. Ср.:

По отношению к юбилейным торжествам в СМИ доминирует гоголевско-щедринский сарказм. И поводов для этого довольно: там не успели стену отремонтировать – так ее нарисовали; здесь оказался дом недостроен-

ным – так его декорировали; тут куча мусора – так ее заслонили свежепокрашенным забором. И т.д. Впору писать и ставить нового «Ревизора». Питерский голова Владимир Яковлев, который выглядит перед телекамерами несколько испуганным и самонадеянным одновременно, сгодился бы на роль городничего. Есть в нынешнем Питере своя Анна Андреевна, что, по наблюдению Гоголя, кокетлива и при случае выказывает тщеславие, а также власть: это Валентина Матвиенко. За роль Марьи Антоновны, более молодой соперницы Анны Андреевны, могла бы взяться Ирина Хакамада. Прочая номенклатура – окружение городничего – легко составила бы из чиновников питерской мэрии. Хлестаков – это и есть господин Юбилей. Такой собирательный образ мнимого ревизора. Будучи безобидным, хвастливым фантомом, он всех приводит в трепет и лишает иных сановитых людей разума. Юмор нового «Ревизора» состоит в том, что его действие происходит не в каком-то тьмутараканском городе N, откуда сто лет скачи – никуда не доскачешь, а в С-Пб, за окном коего – Европа. Юмор еще в том, что нынешний Хлестаков не врет на предмет своего веселого времяпрепровождения, знакомств с хорошенькими актрисами, «дружеских ног» больших начальников и знаменитых писателей, похвастаться на главнокомандующего. И насчет арбуза в семьсот рублей – не врет. И тридцать тысяч одних вивов – правда. А вист с французским и немецким посланниками – лишь малая часть ее. Тут уж речь о висте рангом повыше (теперь он саммитом зовется) – флаги около полусотни больших и малых государств спешат к Его Величеству Юбилею, чтобы перекинуться с ним в картишки (Ю. Богомолов // Известия, 2003).

Рассмотренные примеры (а также многие другие) показывают, что ментальное поле прецедентных имен со сферой-источником «Произведения Н. В. Гоголя» обладают широкими возможностями для развертывания в современных текстах. Среди наиболее активных в названном поле следует отметить прецедентные имена Хлестаков, Манилов, Собакевич, Ноздрев и Чичиков. Значительным интертекстуальным потенциалом обладают прецедентные названия «Мертвые души», «Ревизор», «Записки сумасшедшего», «Повесть о том как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифорофичем».

Специальные подсчеты показывают, что прецедентные феномены, восходящие к творчеству Н. В. Гоголя, используются в современных СМИ заметно чаще, чем прецедентные феномены, связанные с произведениями А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Достоевского, Л. Н. Толстого или иных писателей «золотого века» русской классической литера-

туры. Несколько чаще в наших материалах встречались только аллюзии связанные с личностью и творчеством А. С. Пушкина.

Использование в современных СМИ прецедентных феноменов, восходящих к творчеству Н. В. Гоголя, позволяет выразить негативное отношение к некоторым участникам соответствующей ситуации, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем аллюзии, связанные с произведениями классика отечественной литературы, легко воспринимаются читателями и нередко помогают автору ярко представить какие-то важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных участников.

Активное использование в текстах современных СМИ подобных прецедентных феноменов далеко не случайно. Специалисты по русской культуре уже отмечали ее «литературоцентризм», высокий авторитет писателей и постоянное обращение к художественным текстам в самых различных сферах коммуникации [Кондаков 2005]. Вместе с тем, как показывает специальное исследование, лучше всего наши соотечественники воспринимают прецедентные феномены, восходящие к текстам, изучаемым на уроках литературы [Боярских 2006, Кузьмина 2004]. Поэтому обращение к ресурсам произведений, которые представлены в школьной программе, позволяет надеяться, что соответствующие аллюзии будут правильно восприняты.

Заканчивая рассмотрение закономерностей реализации прецедентного фрейма «Произведения Н. В. Гоголя» в современной массовой коммуникации, можно сделать следующие выводы:

1. В текстах, ориентированных на массовую коммуникацию, часто можно обнаружить прецедентные феномены, играющие важную роль в смысловой и эстетической организации содержания. Для русской культуры особенно характерны прецедентные феномены, восходящие к художественным текстам, в том числе текстам Н. В. Гоголя

2. Восприятие прецедентного феномена становится более ярким, если он акцентируется в тексте при помощи тех или иных средств, способствующих привлечению внимания читателей к форме выражения соответствующих смыслов. Особую значимость для восприятия прецедентности приобретает использование соответствующего феномена в заголовке текста, в его начальной фразе и в концовке.

3. Доминантные прецедентные феномены представляют собой одно из важных средств обеспечения связности и цельности текста, они усиливают эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Удачное использование прецедентного феномена — мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании. Примене-

ние прецедентного феномена способно изменить отношение к обсуждаемой проблеме, создает эмоциональный фон, необходимый для принятия решений, и подсказывает решения за счет активизации аналоговых возможностей человеческого мышления.

4. Использование когнитивно-дискурсивного лингвокультурологического анализа существенно расширяет возможности традиционной лингвистики текста. Эффективный анализ текстообразующей роли прецедентных феноменов возможен только с учетом их интертекстуальных связей и дискурсивной организации текста. Такое исследование позволяет лучше понять развертываемые прецедентные феномены в их взаимосвязи не только внутри текста, но и в общем континууме современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабенко Л.Г., Васильев И.Е., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.

Боярских О.С. Вербализация литературных прецедентных феноменов в СМИ // Современное открытое образовательное пространство: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 27 – 29 марта 2007 г. – Екатеринбург, 2007.

Боярских О.С. Особенности употребления некоторых прецедентных имен со сферой-источником «Литература» в современной российской прессе // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание: материалы II межрегиональной научно-практической конференции. – Тюмень, 2006. – Ч. 2.

Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. – СПб, 2006.

Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 4.

Кондаков И. В. Антропология русской словесности: литературоцентризм // Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. – М., 2005.

Кузьмина Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Новосибирск, 2004.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Том. 14. Урал.гос.пед. ун-т. Екатеринбург, 2004.

Нахимова Е.А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 15. Екатеринбург, 2005

Национальный корпус русского языка. Интернет-ресурс. Режим доступа: ruscorpora.ru.

Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). – СПб, 2002.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

© Нахимова Е. А., 2007

Сергиенко Н. А.
Сургут, Россия

ПРИЕМЫ АРГУМЕНТАЦИИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Abstract

The article presents analysis of creating environmental effect in advertising texts: 1. using visual effects such as graphical images (nonverbal components); 2. Using words and terminology typical of environmental communication.

В условиях актуальности экологических проблем, особенно когда перед общественностью возникла тенденция демонстрировать сознательный подход при выборе товаров или услуг, имидж ценителей и защитников природы является достаточно выгодным для коммерческих компаний. С этой точки зрения коммерческие компании можно поделить на два класса: 1) предлагающие услуги, связанные с улучшением состояния окружающей среды, например, переработка мусора, строительство экологически чистых домов, разработка альтернативных источников энергии, т.е. так называемые «экологические услуги» («environmental services»); и 2) занимающиеся деятельностью, которая вызывает сопротивление со стороны экологов.

Деятельность коммерческих компаний по отношению к окружающему миру обозначается словосочетаниями «environmental performance» и «environmental track record». При этом достаточно часто употребляются словосочетания, содержащие отрицательную оценку как, например, «poor environmental track records» или более эмоционально окрашенные как «rotten records». Компании, которые воплощают в своей практике принципы бережного отношения к окружающему миру, получили название «green companies», а изменения в отношении компаний к развязыванию экологических проблем обозначаются глагольными словосочетаниями «to go green» и «to paint oneself green» по аналогии со словосочетаниями «to go red», «to paint smth red / yellow / black».

Каналом общения коммерческих компаний с общественностью выступают рекламные объявления, которые стали самым распространенным инструментом влияния на потребителей в условиях рыночной экономики. Смещение тематики в экологическую сферу, в связи с чем появилось выражение «to show off one's colours», обусловленное стремлением рекламодателей ориентироваться на социальные факторы с целью максимально эффективно

ного влияния на разные сегменты аудитории, поскольку в системе «реклама-потребитель» деятельность последнего является познавательно-оценочной» [Смирнова 1997: 155], и любое сообщение модифицируется в соответствии с системой ценностей и среды, в которой живет индивид [Harris 1994: 77]. Поэтому, усилия рекламистов направляются на потребителей, которые становятся все более экологически сознательными: «... Common themes of the ads include fuel efficiency, recyclability and safety, and invariably the ads exhibit a vehicle surrounded by nothing but the nature. Gone are props like large-breasted women, scantily clad and suggestively draped over the hoods of gas guzzlers. To sell eco-cars, automobile companies display their goods in wide open spaces, fresh air, and lush vegetation. It's clear that the auto-executives want to capture the attention of the entirely new audience, environmentalist who fell guilty about reliance on cars» (Greenpeace International Toxics Campaign. – www.greenpeace.org).

С другой стороны, реклама товаров с ярлыком «environmentally friendly» способна обеспечить положительный отклик другого сегменту общества – людей, которые безразлично относятся к проблемам экологии, но будут покупать этот товар потому, что демонстрировать свою экологическую сознательность становится модным. Кроме того, «экологически чистые товары», как правило, дороже обычных, поэтому, создавая экологическую рекламу, ее авторы рассчитывают на состоятельных потребителей, которые будут покупать товар лишь для того, чтобы подчеркнуть свой статус, материальную обеспеченность и положение в обществе.

Смещение рекламной тематики в экологическую сферу свидетельствует об изменениях, происходящих в обществе, когда на первый план выходят не материальные потребности потребителей, а их этические и эстетические принципы. Особенно это касается индустриально развитых стран, большинство жителей которых живут в достатке (affluence).

Иногда компании сообщают потребителям о своей экологической деятельности через газетные статьи или опосредованно, например, финансируя конференции или конкурсы, предназначенные для того, чтобы привлечь внимание к экологическим проблемам. Однако участие бизнес структур в экологических мероприятиях, а также статьи о них, появляющиеся в прессе, часто носят чисто рекламный характер и является результатом хорошо спланированных PR-кампаний, которые обозначаются в языке понятиями environmental campaign или green image campaign, а сама практика создания «зеленого имиджа» называется «environmental public relations».

Исследование рекламных объявлений некоторых известных корпораций позволяет вы-

делять приемы, которые обеспечивают экологичность рекламы и способствуют созданию «зеленого имиджа» компании. Итак, первым приемом создания экологичности рекламы является привлечение визуальных эффектов – использование графических образов, изображающих природную идиллию, диких животных – т.е. невербальных компонентов, применение которых является характерной чертой экологических рекламных объявлений, и которые способны в современной рекламе полностью вытеснить язык.

Довольно часто коммерческие компании прибегают к языковому описанию картин природы, пытаясь создать причинно-следственные связи между «экологически чистым товаром», который они выпускают, и улучшением состояния внешней среды.

Bluer sky, greener grass, cleaner air. These are elements we see in the vehicles we're developing at FORD MOTOR COMPANY. Like the Synthesis 2010. A car whose body is made of 100% RECYCLABLE aluminum. Which is just as strong as steel, yet gentler on the gas pump. Today Ford is an industry LEADER in aluminum fabrication and RECYCLED plastics. It's all part of our continuing effort to build ENVIRONMENTALLY RESPONSIBLE cars that combine even better fuel economy and HIGH RECYCLABILITY. We believe this visionary thinking powered by the latest technology will make cars and trucks safe on the road and on the ENVIRONMENT. Which has always been our original idea (Ford Motor Company ad in the Popular Science – May 1996).

В данном рекламном объявлении важную роль играет использование слов (greener grass, bluer sky, cleaner air, recyclable, recyclability, recycled, environmentally responsible, safe on the environment), которые обычно появляются в текстах, посвященных экологической тематике. Они привлекают внимание благодаря средствам параграфематики и повторам.

Еще одним приемом создания экологичности рекламы следует считать использование языка экологического движения, то есть слов и терминов, функционирующих в сфере экологической коммуникации. Компании, принадлежащие к первому классу, то есть те, которые предлагают «экологические услуги», обычно пытаются подчеркнуть свою преданность экологическим принципам:

RAISING ENVIRONMENTAL STANDARDS IS NOT PART OF OUR JOB. IT'S OUR WHOLE BUSINESS. And whatever we do, and wherever we do it, Waste Management International strives to do it better. (Waste Management International – FT, May 19, 1994).

Анализируя экологичность данного отрывка рекламного объявления можно выделить маркер – словосочетание «environmental standards», а функцию убеждения выполняют противопоставления «part – whole», «job – business», повторы

грамматической основы «we do» и элемента морфемного уровня «ever», использование прилагательного обще-оценочного значения (better) [Арутюнова 1988: 71] в сравнительной степени.

Коммерческие компании, принадлежащие ко второму классу, преимущественно занимаются изготовлением автомобилей, добычей нефти и газа, производством горюче-смазочных материалов, т.е. видами деятельности, которые наносят вред окружающей среде. Таким компаниям приходится прилагать больше усилий для того, чтобы убедить общественность в своей экологичности. В их рекламных объявлениях наиболее часто встречаются слова, характерные для экологической коммуникации: Discover how Toyota is developing technologies for **a greener tomorrow**... The U.S. EPA and the International Organization for Standardization have also recognized Toyota as a corporation that is committed to **Mother Earth** (Toyota homepage – www.toyota.org).

Достаточно распространенной практикой среди больших корпораций является рекламирование в «зеленом свете» только некоторых аспектов своей деятельности, которые можно считать экологическими, как, например, разработка альтернативных источников энергии. Таким способом рекламисты пытаются достичь эффекта, когда название их корпорации будет ассоциироваться у потребителей с экологической деятельностью: BP SOLAR INTERNATIONAL, a wholly owned subsidiary of British Petroleum, is one of the world's largest solar power companies. Latest figures indicate that BP has a ten percent share of the \$800 million market and is the largest solar company in the world in the terms of sales revenue. It was established in 1981 and has enjoyed 17 years of uninterrupted growth... The industry is small but growing. In 1997 manufacturers shipped modules capable of generating around 100 megawatts of electricity between them. Projections for the year 2010 suggest a probable world market 10 to 20 times larger and worth \$3-45 billion a year... (BP Solar Ad).

На первый взгляд, данное рекламное объявление отличается логикой, простотой изложения, однако при учете некоторых факторов становится очевидным, что BP Solar Ad является результатом очень тщательного отбора информации: в первом предложении подчеркивается, что BP Solar International является собственностью British Petroleum. Во втором предложении название Solar International даже не употребляется вместе с известной аббревиатурой BP – таким способом рекламистам удается изменить пресуппозицию сообщения, которая теперь звучит не как «Solar International, a BP-owned subsidiary, is an environmental company», а «BP is an environmental company». В рекламном объявлении также содержится техническая и финансовая информация, чтобы подчеркнуть, насколько прибыльной, а значит,

и широкомасштабной является экологическая деятельность BP, при этом не упоминается, какую долю эта прибыль составляет по сравнению с прибылью, которую BP получает от продажи газа и нефтепродуктов. Кроме того, в данном рекламном объявлении подчеркивается, что компания существует уже достаточно длительный период.

Проанализированное выше рекламное объявление (BP Solar Ad), выступало одним из элементов громкой рекламной кампании под названием «Plug in the Sun». Главный слоган данной рекламной кампании звучит как «We can fill you up with sunshine!». Для лингвистики эти примеры интересны тем, что они свидетельствуют о взаимосвязи развития технологии и языка. Благодаря новым разработкам и находчивости рекламистов существительное «the Sun», который обозначает уникальный объект, снижает свой статус, приближаясь по значению к существительным «socket», «outlet» и «petrol», «gasoline», «diesel fuel», приобретая таким способом новые комбинаторные связи (to plug in the sun, to fill up a car with sunshine).

Анализ текстов рекламных объявлений, которые создаются рекламными компаниями с целью убеждения общественности в своей экологичности, позволяет сделать вывод, что среди современных рекламистов все более распространенным становится тенденция при организации рекламных кампаний, целью которых является создание «зеленого имиджа» для коммерческих компаний, отдавать предпочтение использованию методов PR. Public Relations определяется в Оксфордском словаре как «the work of presenting a good image of an organization to the public, especially by providing information» (OALD). Вместе с тем, опытные специалисты считают, что главной целью индустрии PR является «создание в сознании людей идей, желательных для тех, кто их создает, причем эти идеи не обязательно должны быть правильными или истинными» [Martin Nun, Lecture on PR, April 12, 1998]. Такая цель определяет методы, к которым прибегают специалисты PR при создании экологической рекламы – и манипуляции с сознанием человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
- Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. – К.: КГУ, 1997.
- Смирнова Т.В. Эффективные средства рекламной деятельности /Язык и культура/ Материалы Пятой Международной Конференции. – К., 1997. – Т.3 – С. 153-160.
- Harris, Richard Jackson. A Cognitive Psychology of Mass Communication. – Lawrence Erlbaum Associated Publishers, 1994.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford University Press, 1995.

© Сергиенко Н. А., 2007

**РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

**Г. ЛАССВЕЛЛ И Д. БЛЮМЕНСТОК
О ЯЗЫКЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПРОПАГАНДЫ В США***

«Мы живем в век пропаганды». Этой фразой Гарольд Лассвелл и Дороти Блюменсток начинают первую главу своей книги «World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study» («Мировая революционная пропаганда: чикагское исследование») [Lasswell, Blumenstock 1939]. Столь важную роль, которую авторы приписывают пропаганде, связана с реальной социально-политической ситуацией, сложившейся в мире в 20-30-е гг. XX в.

На пропаганду обратили самое пристальное внимание после Первой мировой войны. Немецкие генералы отказывались признавать свое поражение, объясняя это тем, что Германия проиграла войну не на полях сражений, а в результате разрушения гражданского единства внутри страны. Именно недовольные властями граждане, «одурманенные» вражеской и коммунистической пропагандой, стали теми «предательскими элементами», которые нанесли «удар ножом в спину бравого немецкого солдата». Такие аргументы выглядели убедительно, особенно на фоне победы большевиков в России в 1917 г. (мало кто сомневался, что пропаганда сыграла важнейшую роль в ряду беспрецедентных социально-политических трансформаций российского общества). Потребность в изучении пропаганды стала еще более актуальной после того, как режимы Б. Муссолини и А. Гитлера получили массовую поддержку в Италии и Германии.

В этой ситуации исследование коммунистической пропаганды – тема для жителей США весьма актуальная, о чем можно судить по основным вопросам, которые Г. Лассвелл и Д. Блюменсток формулируют в начале своей книги: Завоюет ли коммунизм Америку? Находимся ли мы на стадии перехода от «индивидуалистской Америки» к «советизированной Америке»? Для ответа на эти вопросы авторы ставят перед собой задачу определить относительную силу факторов, определяющих *распространение* и *ограничение* (diffusion and restriction) коммунистических идей в США. В качестве предмета для своего исследования Г. Лассвелл и Д. Блюменсток выбирают функционирование коммунистической пропаганды в г. Чикаго. Так как Чикаго – промышленный город, то в нем значима доля целевой для ком-

мунистической пропаганды аудитории – пролетариата. Период исследования – годы Великой депрессии, а известно, что общество склонно к радикальным средствам преобразования действительности в условиях экономического кризиса.

Для определения искомого соотношения авторы последовательно рассматривают множество факторов. Поставленные задачи потребовали детального и многоаспектного анализа, включающего рассмотрение таких вопросов как уровень безработицы, количество эвикций, средний уровень расходов по оказанию помощи рабочим и другим данным, позволяющих комплексно оценить факторы, способствующие распространению или ограничению коммунистической пропаганды. Однако основная часть работы посвящена политической семиотике, что вполне понятно, если учитывать, что пропаганда рассматривается авторами как манипуляция символами, в ходе которой символы политической элиты должны быть заменены символами контр-элиты, с вытекающей отсюда переоценкой действительности.

Второй раздел исследования посвящен *каналам коммунистической пропаганды*, которые Г. Лассвелл и Д. Блюменсток объединяют в несколько групп:

1) демонстрации (понимаются довольно широко, в эту группу включаются пикеты, забастовки, бойкоты образовательной деятельности и т.п.);

2) публикации (газеты, журналы, карикатуры, книги, памфлеты, листовки, плакаты, резолюции Коммунистической партии и др.);

3) «организации прикрытия» (советы безработных, клубы изучения иностранных языков, негритянские организации и др.);

4) дополнительные каналы пропаганды (пролетарский театр, кинофильмы, радио, балет, песни, картины, скульптуры, флаги, значки, шутки, летние «пионерские лагеря» и др.).

Третий раздел книги посвящен способам пропаганды и значениям символов. Авторы классифицируют анализируемые коммунистические символы на три группы: «символы-требования» (призывающие к каким-либо изменениям), «символы-идентификации» (например, «народы мира», «пролетариат») и «символы-факты» (указание на то, что считается фактом, напр., «грядущая мировая революция»). Отдельно авторы рассматривают соотношения «позитивных» и «негативных», «определенных» и «туманных», «устаревших» и «новых» символов.

Одна из глав третьего раздела посвящена слоганам. Именно эта глава и предлагается вниманию читателей. Наряду с главами, рассматриваемыми тексты СМИ, выступления коммунистов и свидетельства участников демонстраций, она относится к собственно «лингвистическим» составляющим рассматриваемых

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

мого семиотического исследования. Наряду с некоторыми другими исследованиями [см. Будаев, Чудинов 2007] этот анализ входит в классический фонд публикаций по политической лингвистике.

Четвертый раздел книги посвящен анализу «объема пропаганды». Объем пропаганды оценивается посредством двух показателей: *индекса содействия* (количество людей, затрачивающих на пропаганду определенное время, от общего количества членов заданной группы) и *временного индекса содействия* (число часов, посвященных пропаганде, в пропорции к общему времени бодрствования членов некой группы). Также изучение «объема пропаганды» включает в себя анализ количества людей, обративших внимание на коммунистические символы от общего числа аудитории; объем партийных взносов; финансовые затраты на пропаганду и другие нюансы.

В последнем разделе, озаглавленном как «Влияние пропаганды», авторы задаются вопросом: «была ли коммунистическая пропаганда успешной в Чикаго?». В целом на этот вопрос авторы дают отрицательный ответ.

В период Великой депрессии в условиях относительно свободной политической конкуренции коммунистическая партия не получила большей, чем другие крупные политические движения, поддержки. Количество членов партии уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом. Отдельное внимание авторы уделяют недостаточной искусности коммунистической пропаганды. К примеру, коммунистическая пропаганда характеризовалась использованием штампов и от этого теряла привлекательность, в то время как пропаганда социалистов активно задействовала нестандартные образы, иронию, чаще использовала комбинирование утвердительных и вопросительных форм. Так, авторы указывают, что удачный слоган (например, «Есть ли Санта Клаус для безработных?») не мог появиться у коммунистов. Отмечается императивность коммунистической пропаганды, которая обычно призвала к каким либо немедленным действиям (маршировать, голосовать, посещать). Подобные штампы не всегда были уместны, так как конкретные условия предъявления символов варьировались.

К ограничивающим пропаганду факторам авторы относят «чуждость» ее происхождения: американцы уже с опасением относились к пропаганде, по сути, исходящей из иностранного государства. Некоторые ключевые символы коммунистической пропаганды несли в себе негативные для американцев смыслы. Так, символ «мировой революции» приносил только пессимистические ожидания по поводу будущего национальных американских институтов, создавал сценарий их неизбежного и катастрофического исчезновения.

Книга Г. Лассвелла и Д. Блюменсток «World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study» стала одним из первых фундаментальных исследований теории и практики пропаганды. Анализ, представленный Г. Лассвеллом и Д. Блюменсток, характеризуется детальностью проработки вопроса и целым набором ранее не применявшихся методов исследования, которые давно вошли в методологический фонд зарубежной теории и практики политической коммуникации, но по ряду причин малоизвестны отечественным читателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Основные этапы развития и направления политической лингвистики // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Выпуск 5. – Ставрополь: изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2007. – С. 82–91.

Lasswell H., Blumenstock D. World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study. – New York; London: Alfred A. Knopf, 1939. – 393 p.

© Будаев Э. В., 2007

Лассвелл Г., Блюменсток Д.
Чикаго, США

Перевод: Григорьева О., Владимирова Е.
МЕТОДИКА ОПИСАНИЯ ЛОЗУНГОВ

Abstract

Исследование Гарольда Лассвелла и Дороти Блюменсток – седьмая глава из их книги (Lasswell H. D., Blumenstock D. World Revolutionary Propaganda: A Chicago Study. New York; London: Alfred A. Knopf, 1939.), посвященной анализу коммунистической пропаганды в Чикаго в период Великой депрессии

Если цель пропаганды заключается во внедрении символов, способных повлиять на общественную оценку тех или иных дискуссионных вопросов, то главное место в исследовании этого явления должно быть отведено изучению значения символов. Безусловно, важную роль играет выбор способа распространения символов, но для творческого ума гораздо интереснее изобретать сами символы и давать им жизнь в обществе.

Научный анализ символов, которые так живописно раскиданы и так ярко оживают в творениях практиков пропаганды, может показаться пресным и скучным по сравнению со всем жаром и блеском политических баталий. Пора безудержной изобретательности, часы дерзких споров, моменты счастливых случайностей – все они редко находят отражение в методичном хладнокровии критического разбора, больше напоминающего аутопсию. Когда ученый препарирует окоченевшие трупы символов минувших дней, что кроме отвращения или равнодушия это может вызвать у непосвященного?

Тем не менее, разница между состоянием после смерти и до рождения не так уж велика, и жар воображения – далеко не все, что нужно для создания символов пропаганды. Рутинат утомительных и однообразных деталей разработки символов и методичные поиски способа их внедрения оставляют мало места для полетов гения. Острота ума часто обнаруживается именно в тех случаях, когда пропагандист намеренно отдает предпочтение привычному и надежному, нежели, новому и сомнительному. Способы подачи определенного набора символов быстро входят в такое русло, которое само обеспечит дальнейшее движение основных идей в хорошо знакомом направлении. В то же время, увлеченность теоретика анализом общих черт проблемы иногда наводит практика на такое увлекательное и ценное открытие, от которого просто захватывает дух.

Эта глава скорее имеет отношение к методике критического разбора, чем к технике практической пропаганды. Существующие способы описания и сопоставления кампаний, использующих пропаганду, настолько несовершенны, что нам кажется уместным обратить внимание на широчайшие возможности, которые остаются неисследованными. Первые попытки научного анализа вряд ли дадут ощутимый результат и существенно пополнят наше знание о пропаганде, однако терпеливое применение и расширение существующих процедур может быть полезно как теоретикам, так и практикам.

То, что нам необходимо знать о символах пропаганды в целом и революционных символах в частности, предельно ясно. Мы хотим выяснить, при каких условиях некоторые символы одерживают победу над другими. Символы, которые распространяются пропагандистами, являются частью среды тех, на кого направлено воздействие. Какой же тип символа скорее всего найдет отклик, если нам известна предрасположенность этого социума?

Одна из приоритетных задач нашего исследования состоит в выявлении способа описания символов, который даст возможность диахронически сопоставлять изменения, постоянно затрагивающие набор символов той или иной кампании. Эта задача была частично выполнена нами в исследовании коммунистической пропаганды в Чикаго, результаты которого приведены в настоящей главе. В дальнейшем предстоит убедиться, что наши критерии позволяют сопоставлять любые типы пропаганды совершенно разных политических течений, независимо призывают ли они к революционной борьбе или нет. В какой-то степени, мы использовали выделенные критерии для описания пропаганд Чикаго, которые соперничают с коммунистическими технологиями. Однако задача была выполнена лишь частично и мы не можем быть уверены в том, что эти критерии полностью отвечают задачам со-

поставительного анализа. Тем не менее, мы не сомневаемся, что многие из этих критериев не могут не найти отклика у специалистов.

В нашу задачу входило выявить новые способы описания символов пропаганды, поскольку существующие процедуры не стандартизированы и во многих аспектах неудовлетворительны. В то же время, увлекательнейшая литература по данному вопросу изобилует гипотезами, которые не могут не вызвать интереса (В качестве справочника по библиографии можно рекомендовать H. D. Lasswell, R. D. Casey, and B. L. Smith: *Propaganda and Promotional Activities: An Annotated Bibliography* (Minneapolis, 1935). С новыми публикациями по этому вопросу можно ознакомиться в *Public Opinion Quarterly*).

Какую классификацию символов можно предложить для описательных и компаративных целей? Наши категории были сформулированы с учетом результатов исследований одного из авторов (H. D. Lasswell: *World Politics and Personal Insecurity* (New York, 1935). В главах II–VI описываются символы). Таким образом, на основании целого ряда основных параметров символы подразделяются на **«символы-требования»**, **«символы идентификации»** и **«символы-факты»** (Символы-факты в числе прочих включают такую подгруппу как «символы ожидания», которые более подробно описаны в работе одного из авторов (см. выше). Эту подгруппу можно иначе охарактеризовать как символы, нацеленные на будущее).

Символы-требования – это символы, выражающие желательность или указывающие на неизбежность определенных событий. Модели символов революционной пропаганды отличаются от неревolutionонных присутствием или отсутствием требований кардинальных перемен. Это означает, что революционная модель по определению должна включать требования коренных перемен в основных символах и подходах. Коммунистическая пропаганда в годы Депрессии постоянно включала требования таких кардинальных перемен (Символы-факты в числе прочих включают такую подгруппу как «символы ожидания», которые более подробно описаны в работе одного из авторов (см. выше). Эту подгруппу можно иначе охарактеризовать как символы, нацеленные на будущее).

Радикальные революционные модели символов отличаются от более умеренных революционных моделей характером символов-требований. Радикальные модели требуют более решительных мер для свершения коренных перемен, умеренные – не требуют. Коммунистическая пропаганда в течение Депрессии носила относительно резкий характер в сравнении с пропагандой политических оппонентов в ситуации, сложившейся в Чикаго (*Прим. редакции* – имеется в виду Великая депрессия (1929–1940), крупнейший экономический кризис, охвативший США.).

Коммунисты прибегали к несравнимо большему числу призывов к экстремальным действиям, чем социалисты (Соблюдение чистоты эксперимента требует установить минимальное число случаев использования призывов к «радикальным переменам» для того, чтобы характер той или иной пропаганды был признан революционным. Термин «радикальный» будет трактоваться исходя из тех общественных устоев, которые доминировали в американском обществе до начала Великой депрессии. Таким образом, «радикальный» относится к таким изменениям в обществе, проведение которых может быть оправдано (если их вообще можно оправдать) только в условиях жесткой необходимости).

Революционные, также как и другие, модели символов отличаются друг от друга скорее символами идентификации, чем символами требованиями. Можно предъявлять требования во имя несметного множества групп: некоторые революции происходили во имя определенного класса (напр., пролетариата), другие – целых народов. Коммунистическая пропаганда призывает к «мировому пролетариату». В этом отношении она отличается от социалистической пропаганды лишь в количественном, а не в качественном отношении, поскольку социалистическая пропаганда также выступает от лица мирового пролетариата. Во время Депрессии коммунистическая пропаганда гораздо чаще содержала требования совершить мировую революцию при помощи радикальных методов, гораздо чаще пестрела пламенными речами с призывами к пролетариату всего мира, чем социалистическая пропаганда. Следовательно, коммунистическая пропаганда была более «мировой», «радикальной», и «революционной», чем ее прямые конкуренты (Соблюдение чистоты эксперимента требует установить минимальное число случаев использования определенных идентификаторов (напр., имен, названий групп) для того, чтобы признать, что та или иная пропаганда ведется от лица и во имя той или иной группы. Эти идентификаторы включают личные имена и названия групп, некоторые из них принадлежат «своим», другие – «чужим»).

Еще одним способом установить необходимые различия среди революционных (как и других видов) пропаганд является выделение не только символов-требований или символов идентификации, но и символов-фактов. Символ-факт – это термин, относящийся, прежде всего, к предметам и объектам, а не к конкретным лицам или группам, или предложение, в котором высказывается предположение и не выражается предпочтений. Подчеркнем, что при этом, в отличие символа идентификации, символ-факт не называет каких-либо определенных групп. Для решения поставленных задач, символы-факты можно классифицировать не по степени их реалистичности, а по их значениям. Слова «грядущая мировая революция» («the coming world revolution») являются

ссылкой на факт, поскольку они определенно указывают на события, которые могут произойти в будущем. Они не являются символами-требованиями, так как не содержат эксплицитно выраженного одобрения или порицания. Люди могут согласиться, что новая мировая революция возможна, но в одно и то же время один человек будет сокрушаться по этому поводу, а другой – громогласно ликовать. Коммунистическая пропаганда представляла собой тип радикальной мировой революционной пропаганды как в отношении символов-фактов, так и символов-требований и символов идентификации; она занималась распространением символов, которые подтверждали необходимость свершения мировой революции и требовали его во имя группы, символически ассоциируемой с этим процессом (Соблюдение чистоты эксперимента требует установить минимальное число случаев использования определенных фактов для того, чтобы на этой основе вести классификацию различных типов пропаганды. Высказывания, в которых содержится описание определенных возможностей, которые откроются в результате событий, находящихся с точки зрения говорящего на временной шкале предстоящего, а также сочетания, призванные обозначить эти события («the coming world revolution») получают название «символы ожидания»).

Пока категории требований, идентификации и фактов были полезны в выделении основных различий среди революционных пропаганд. На их примере можно показать, как совершенствуются наши методы и инструментарий при описании пропаганды (Пионером систематического исследования символов стал Дж. Томпсон (George Carslake Thompson: *Public Opinion and Lord Beaconsfield* (2 vols. London, 1886)). Современное использование количественного метода, которое дало плодотворные результаты, принадлежит С. Ранульф (Svend Ranulf: *Moral Indignation and Middle Class Psychology* (Copenhagen, 1938)). С высокой точностью описываются памфлеты и другие политические сочинения английских пуритан. С. 59-95).

Применение категорий требований, идентификации и фактов в будущем позволит нам собрать более надежные данные, выявляющие потенциальный заряд символов, которые распространялись пропагандистами.

Ранее нами была выдвинута гипотеза о том, что профессиональная революционная пропаганда зависит от стимуляции кризисов самосознания через освобождение людей от принуждений «старого самосознания» (H. D. Lasswell: «The Strategy of Revolutionary and War Propaganda», in *Public Opinion and World Politics*, Lectures on the Harris Foundation, Quincy Wright, editor (Chicago, 1933)). Структура самосознания отдельно взятого индивида определяет приоритеты «большинства». До тех пор пока та или иная модель не укоренится как моральная норма и не станет ценностным ориен-

тиром большинства членов того или иного социума, она не может считаться приоритетной. Поскольку достижение революционных целей зависит от разрушения определенной части базовых приоритетов, основной задачей пропаганды становится внедрение новых моральных ценностей, идущих вразрез с предыдущей системой приоритетов. Запросы такого сознания не знают предела, однако, не будучи подкреплены другими ценностными ориентирами, они не найдут отклика. Можно утверждать, что незамысловатое подстрекательство к действиям, противоречащим основным моральным ценностям общества, такое как «уничтожьте конституцию», может спровоцировать скорее отрицание, чем принятие. Мы можем предположить, что умелая манипуляция революционной пропаганды направлена на то, чтобы настроить один тип сознания против другого, что, по существу, происходит, когда символы основных ценностных ориентиров общества задействуются для внедрения символов, проповедующих совсем иные моральные устои. Мы можем в дальнейшем описать революционную пропаганду согласно пропорциям и взаимосвязям символов сознания большинства и сознания, вступающего с ним в противоречие (Мы не приводим здесь гипотезу о правильном пропорциональном соотношении, поскольку не можем представить данные в четкой научной форме).

Предмет нашего обсуждения тесно связан и с гипотезами пропорционального соотношения между «положительными» и «отрицательными» выражениями предпочтения. Поскольку одна из очевидных целей революционной пропаганды состоит в пробуждении враждебного отношения к символам и практикам установленного порядка, символы враждебности (или отрицательного предпочтения) должны играть в такой пропаганде ведущую роль. Другой целью революционной пропаганды является вызов симпатий и доверия в оценках конкретных символов-субститутов (некоторые из которых относятся к практикам все еще не принятым в обществе), а также иным подходам (напр., революционных движений), а это требует внедрения и позитивных символов. Существует ли максимально сбалансированная пропорция между положительными и отрицательными составляющими в революционной пропаганде? Наше описание чикагских данных, возможно, поможет сформулировать некоторые ответы на этот вопрос.

Для того, что получить постоянную поддержку определенного электората и занять определенную политическую нишу пропагандисты должны придерживаться ряда неизменных символов. В то же время, они должны их варьировать для усиления ключевых символов, чтобы постоянно удерживать подвижный фокус внимания общества, а также, чтобы расширить сферу своих действий и увеличить число своих сторонников. Какова же идеальная

пропорция «повторения» и «инновации» в революционной пропаганде? Каков показатель износа символов в революционной пропаганде?

Еще одна фундаментальная проблема, связанная с пропагандой, касается «полноты» символов, т.е. их исчерпывающего характера. С этого ракурса мы можем проанализировать соотношение «определенных» и «неопределенных» символов. Мы также можем описать фактор «включенности» символической модели с учетом требований конкретной группы.

Поскольку одна из явных целей революционной пропаганды часто состоит в подстрекательстве масс к немедленным действиям, динамичные свойства символов также достойны внимания.

Проблемы, выдвинутые в данном исследовании, ни в коей мере не исчерпывают возможностей анализа символов. Они касаются лишь тех вопросов, которые были особо актуальны на этой стадии работы над проблемой.

Материал, описанный в данной главе, состоит из лозунгов листовок, которые распространялись коммунистической партией в Чикаго во время Великой депрессии.

В изучении того воздействия, которое оказывает пропаганда на общество, особое внимание нужно уделить лозунгу. Революционная пропаганда – это пропаганда, ориентированная на массы, а символы, предназначенные массам, должны быть сжатыми, понятными и оказывающими сильное воздействие. Лозунги содержат ключевые слова, словосочетания или предложения, апеллирующие к массам с целью осуществления руководства над ними. Лозунг признается частью пропаганды коммунистами всего мира. Каждый их шаг сознательно и практически универсально способен сократится до лозунга. Этот принцип настолько укоренился в практиках коммунистов, что даже член партии ветеранов, повествуя о событиях былых дней, не отдавая себе в этом отчета, начинает речь со слов: «Our slogan of that time was...» – «Нашим лозунгом того дня было»....

Обнаруженные на листовках лозунги представляют собой весьма ценный материал для изучения революционных символов. Листовка апеллирует к массам на языке лозунгов. Она, подобно плакату, – в первую очередь, канал воздействия на массы.

Учитывая эфемерный характер листовок, применение компаративного анализа вызывает определенные сложности. Библиотеки не обеспечивают нас этим образным материалом, нет ни одного агентства, которое бы занималось сбором этих мимолетных разгадок того, что занимало многие умы и определяло жизнь столь многих. Коллекция листовок для нашего исследования составлялась в течение нескольких лет, она дает полную и объективную картину, начиная с 1931 г. Несмотря на то, что листовки, датированные 1930 г., немногочис-

ленны, они настолько схожи со своими преемниками, что мы можем с уверенностью говорить о характерных чертах и этого периода. Выборка включала и несколько сот листовок дочерних, сотрудничающих и соперничающих с коммунистической партией организаций; значительная часть этого материала анализируется в рамках данного исследования.

Исходя из наших первоочередных задач, основное внимание будет уделено анализу листовок, издание которых напрямую финансировалось Коммунистической партией и ее дочерними молодежными организациями: Молодежной Коммунистической Лигой и Юными Пионерами. 315 таких листовок пропорционально соотносятся следующим образом:

1930	1931	1932	1933	1934
20	99	93	44	59
<i>Эти 315 листовок включали 1.659 лозунгов:</i>				
62	455	591	261	340
<i>Среднее количество лозунгов в каждой листовке варьировалось от 3 до 6:</i>				
3	5	6	6	5

Лозунги – это шаблонные слова или словосочетания. Некоторые лозунги не содержат требований:

REFORESTATION CAMPS ARE NO AID TO THE UNEMPLOYED (May 1, 1933) ЛЕСНЫЕ ЛАГЕРЯ НЕ ПОМОГУТ БЕЗРАБОТНЫМ (1 мая, 1933) (*Прим. редакции* – В 1933 г. стала создаваться система лесных лагерей для безработной молодежи, где они содержались в течение шести месяцев на полном обеспечении и с выплатой им 30 долларов в месяц, 25 долларов из которых каждый был обязан направить своей семье. За 1933–1939 гг. через эти лагеря прошли 2 млн. человек в возрасте до 25 лет).

Подобные лозунги подтверждают факты. Следующие выражают требования:

VOTE FOR THE COMMUNIST PARTY (November 4, 1934) ГОЛОСУЙТЕ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ (4 ноября, 1934); AGAINST FASCISM! (May 1, 1934) ПРОТИВ ФАШИЗМА! (1 мая, 1934)

«Голосуйте» является символом-требованием, который указывает на способ. Символы-требования с указанием способа обычно выражены глаголом, который призывает к действию тех лиц, которым адресуется послание. Требования с указанием цели показывают, на какой результат направлено действие, выраженное имплицитно или эксплицитно. Слова «for the Communist Party» – «за Коммунистическую партию» указывают на цель, которую можно достигнуть при помощи голосования. Слова «Against Fascism» – «Против фашизма» иллюстрируют цель, не указывая на способ. С этой точки зрения лозунги можно подразделить на «символы-требования с указанием способа и цели», «символы-требования с указанием способа», «символы-требования с указанием цели» (Следует учитывать, что лозунг может содержать целый ряд целей. Часть из них

может находиться в инструментальных отношениях по отношению друг к другу. Напр., ORGANIZE AND FIGHT! (October 17, 1931) СПЛОТИТЕСЬ И СРАЖАЙТЕСЬ! (17 октября, 1931); ORGANIZE! FIGHT! STRIKE! DEMONSTRATE! (March 8, 1932) СПЛОТИТЕСЬ! СРАЖАЙТЕСЬ! БАСТУЙТЕ! МИТИНГУЙТЕ! (8 марта, 1932). Количественные данные говорят о том, что символы-требования с указанием способа обычно появлялись в коммунистических лозунгах в соотношении «2 единицы на один лозунг»).

Даже беглого взгляда на любую коллекцию коммунистических лозунгов, выражающих требования, достаточно для того, чтобы обнаружить эмфатический характер употребляемой в них лексики: FIGHT! SMASH! RESIST! DEMAND! PROTEST! DEMONSTRATE! ORGANIZE! STRIKE! JOIN! VOTE! SUPPORT! COME! ATTEND! DRIVE OUT! MOBILIZE! СРАЖАЙТЕСЬ! УНИЧТОЖЬТЕ! СОПРОТИВЛЯЙТЕСЬ! ТРЕБУЙТЕ! ПРОТЕСТУЙТЕ! МИТИНГУЙТЕ! СПЛОТИТЕСЬ! БАСТУЙТЕ! ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ! ГОЛОСУЙТЕ! ПОДДЕРЖИТЕ! ПРИХОДИТЕ! УЧАСТВУЙТЕ! ВЫТЕСНИТЕ! МОБИЛИЗУЙТЕСЬ!

Символы-требования с указанием способа можно подразделить на формы, которые помогут проследить динамические характеристики лозунгов коммунистической пропаганды в промежутке между 1930–1934 гг.

Форма 1. Глагол в повелительном наклонении с дополнением, выражающим адресата, который может быть либо указан, либо понятен из контекста (чаще последнее).

DEMONSTRATE AGAINST WAR! (August 1, 1932) МИТИНГУЙТЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ! (1 августа, 1932)

Форма 2. Уточненное повелительное наклонение глагола, в котором дополнение, выражающее адресата, всегда указано.

THE WORKERS MUST FIGHT FOR THE UNEMPLOYMENT INSURANCE BILL! (1930) ТРУДЯЩИЕСЯ ДОЛЖНЫ БОРОТЬСЯ ЗА ЗАКОН О ВЫДАЧЕ ПОСОБИЯ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ! (1930)

Форма 3. Сослагательное наклонение, выражающее пожелание.

LET US ORGANIZE TO POSTPONE WAR! (August 1, 1934) ДАВАЙТЕ СПЛОТИМСЯ, ЧТОБЫ ОТЛОЖИТЬ ВОЙНУ! (1 августа, 1934)

Форма 4. Словосочетание действия, которое представляет собой эллиптическое словосочетание со значением действия.

OUT ON THE STREETS ON MARCH 6TH! (March 6, 1930) НА УЛИЦЫ 6 МАРТА! (6 марта, 1930)

Первая форма простого императива, безусловно, обладает более сильным воздействием, чем вторая и третья. Четвертая форма, подобно первой, более выразительна, чем вторая и третья.

Форма прямого императива в требованиях с указанием способа была самой частотной в

коммунистической пропаганде изучаемого периода. От общего количества 732 требований действий, подобным образом был сформулирован 91% (или 670 единиц). Словосочетания действия (вышеупомянутая Форма 4) насчитывали 6 % (или 41 единицу) от общего количества. Процентное соотношение между четырьмя формами выглядело следующим образом:

	В процентах
Форма 1	91
Форма 2	1
Форма 3	2
Форма 4	6

Форма простого императива насчитывала 95% требований действий в 1930 и 1932 гг. Меньше всего к ней прибегали в 1933 г.: в этот год всего лишь 79 % символов-требований с указанием способа появилось в простом императиве. В течение этого года мягкая сослагательная форма присутствовала в 8% случаев, что является самым высоким показателем использования этой формы. В 1934 г. частотность простого императива также невысока по сравнению с двумя пиковыми годами; на этот раз второй по частотности была не форма сослагательного наклонения, выражающего желание, а словосочетание действия. Можно с уверенностью утверждать, что 1933 г. был годом с наименьшим количеством динамических символов-требований.

При изучении революционной пропаганды нас интересует вопрос «полноты», исчерпывающего характера символов. Символы-требования с указанием способа и символы-требования с указанием цели могут быть подразделены на «определенные» (т.е. относящиеся к конкретному и частному) или «неопределенные» (т.е. относящиеся к общему и универсальному). Термины «конкретные» и «общие» касаются природы способа или цели, представляемых символами, а термины «частные» и «универсальные» – их эксплицитно сформулированного и очевидного положения во времени и пространстве.

Таким образом, определенные (конкретные и частные) символы-требования относятся к отчетливо обозначенным и определенным действиям, которые должны быть осуществлены в конкретное время и в конкретном месте; неопределенные (общие и универсальные) символы-требования относятся к менее четко обозначенным действиям, которые не так конкретно локализованы во времени и пространстве. Итак, слова, указывающие на способ, такие как «голосуйте», «участвуйте» являются определенными и конкретными, в то время как термины «протестуйте», «будьте готовы» – неопределенные и общие.

Количество различных символов-требований с указанием способа, появляющихся в лозунгах Коммунистической партии, было относительно незначительным, а их значение почти никогда не вызывало сомнений. Лишь ино-

гда символ был определенным и конкретным в одном контексте, а в другом был представлен как неопределенный и общий. Символ «demonstrate» – «митингуйте» в лозунге «DEMONSTRATE, AT UNION PARK ON MAY DAY» – «МИТИНГУЙТЕ В ЮНИОН ПАРКЕ 1 МАЯ» – определенный и конкретный, в то время как это же слово в другом лозунге подразумевает целый спектр довольно неопределенных перспектив: «DEMONSTRATE YOUR STRENGTH» – «ПОКАЖИТЕ СВОЮ СИЛУ». Такое же различие в значении присуще слову «присоединяйтесь!» в двух лозунгах: «JOIN THE YOUNG PIONEERS OF AMERICA» – «ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ЮНЫМ ПИОНЕРАМ АМЕРИКИ» и «JOIN THE FIGHT AGAINST WAR» – «ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К БОРЬБЕ ПРОТИВ ВОЙНЫ».

Символ-требование с указанием цели является определенным (конкретным и частным), если он относится к четко обозначенной цели, имеющей вполне конкретный характер, которая должна быть реализована в ограниченном пространстве и времени; символ-требование с указанием цели называется неопределенным (т.е. общим и универсальным), если суть цели поддается альтернативным интерпретациям, также как и пространственно-временной контекст, к которому она относится. Таким образом, требование признания Советского Союза определено и конкретно, а требование прекращения плохого обращения с неграми является общим и неопределенным.

Пространственные характеристики символов-требований с указанием цели – это весьма полезные показатели географической «полноты» пропаганды. Именно поэтому нами было проведено специальное изучение «пространственных» отношений символов-требований с указанием цели. Для этого они были подразделены на «локальные», «региональные» и «мировые» (а также «пространственно немаркированные»). Символ-требование с указанием цели является локальным, если относится к цели, реализуемой в пределах Чикаго; он – региональный, если цель реализуется за пределами Чикаго, или относится к области, которая включает Чикаго, но охватывает меньшее пространство, чем мировые символы; символ-требование с указанием цели – мировой (или пространственно немаркированный), если цель относится к миру в целом и в случаях, когда пространственное отношение отсутствует.

В целях удобства, мы применим аббревиатуры для терминов вышеприведенной классификации:

Определенные (т.е. конкретные и частные) символы-требования с указанием цели и способа	А
Неопределенные (т.е. общие и универсальные) символы-требования с указанием цели и способа	В

<i>Дополнительно:</i>	
Локальные символы-требования с указанием цели (напр.: Чикаго)	1
Региональные символы-требования с указанием цели (т.е. находящиеся за пределами Чикаго, или включающие Чикаго, однако, охватывающие меньшую территорию, чем мировые)	2
Мировые или пространственно немаркированные символы-требования с указанием цели (охватывают мировое пространство, или не соотносятся с пространством вообще)	3

Эта аббревиатура используется ниже при иллюстрации различных видов символов-требований с указанием цели. В каждом из приведенных примеров символы представлены в контексте лозунга:

Примеры А1 (конкретные, локальные символы-требования с указанием цели)

EXTENSION OF STREET CAR SERVICE AT 47TH, 59TH, CICERO AND CRAWFORD AVE. NO DOUBLE FARES WITHIN CITY LIMIT. FIVE CENT CARFARES (January 31, 1933) РАСШИРЕНИЕ СЕТИ ТРАМВАЙНОГО ДВИЖЕНИЯ НА 47-М, 59-М, ЦИЦЕРОН И КРАУФОРД АВЕНЮ. НИКАКИХ ДВОЙНЫХ ЦЕН В ЗОНЕ ГОРОДА. ТРАМВАЙНЫЕ БИЛЕТЫ ЗА 5 ЦЕНТОВ (31 января, 1933)

REPLACEMENT OF THE OVERCROWDED SCHOOLS, LIKE THE BRYANT AND THE MASON, WITH SANITARY BUILDING, JUST AS IN THE WARDS INHABITED BY THE WEALTHY PEOPLE (February 4, 1931) ДАЕШЬ ВМЕСТО ПЕРЕПОЛНЕННЫХ ШКОЛ, ТАКИХ КАК БРАЯНТ И МЭЙСОН, СИСТЕМУ ВОДОПРОВОДА И КАНАЛИЗАЦИИ, КАК В БОГАТЫХ РАЙОНАХ (4 февраля, 1931).

В1 (общие, локальные символы-требования с указанием цели)

LONG LIVE THE UNITED FRONT OF THE WORKING CLASS OF CHICAGO! (February 17, 1934) ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНЫЙ ФРОНТ РАБОЧЕГО КЛАССА ЧИКАГО! (17 февраля, 1934)

SOLID UNITED CHICAGO WORKING CLASS AGAINST THE BOSSES AND THEIR LACKEYS! (July 1934) СПЛОЧЕННЫЙ ЧИКАГСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС ПРОТИВ БОССОВ И ИХ ЛАКЕЕВ! (июль, 1934)

А2 (конкретные, региональные символы-требования с указанием цели)

FOSTER FOR PRESIDENT (November 1932) ФОСТЕРА В ПРЕЗИДЕНТЫ (ноябрь, 1932) *(Прим. редакции – Уильям З. Фостер – активист организации Индустриальные рабочие мира, был членом Компартии США с 1921 г., занимал в ней руководящие посты и выдвигался кандидатом на пост президента в 1924, 1928 и 1932 гг. Историк-марксист. В 1920-1935 гг. руководил Лигой профсоюзной пропаганды и Лигой профсоюзного единства)*

AGAINST THE DIES DEPORTATION BILL (August 1, 1932) ПРОТИВ ЗАКОНОПРОЕКТА ДАЙСА О ДЕПОРТАЦИИ (1 августа, 1932)

(Прим. редакции – Мартин Дайс – член Демократической партии. Избирался членом Палаты представителей от штата Техас в 1931 – 1945 гг. В 1938 г. создал и возглавил комитет Палаты представителей по антиамериканской деятельности, известный как «комитет Дайса»)

В2 (общие, региональные символы-требования с указанием цели)

FOR A WORKERS AND FARMERS GOVERNMENT IN THE U.S.A. (November 7, 1933) ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО РАБОЧИХ И ФЕРМЕРОВ В США (7 ноября, 1933).

FOR DEFENSE OF THE SOVIET UNION (March 14, 1931). НА ЗАЩИТУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (14 марта, 1931).

А3 (конкретные, мировые и пространственно немаркированные символы-требования с указанием цели)

6 HOUR DAY, 5 DAY WEEK (May 1934) ШЕСТИЧАСОВОЙ ДЕНЬ, ПЯТИДНЕВНАЯ НЕДЕЛЯ (Май, 1934).

FREE FOOD FOR UNEMPLOYED (March 8, 1932). БЕСПЛАТНОЕ ПИТАНИЕ БЕЗРАБОТНЫМ. (8 марта, 1932).

В3 (общие мировые или пространственно не маркированные символы-требования с указанием цели)

FOR THE INTERNATIONAL SOLIDARITY OF THE WORKING CLASS! (March 10, 1934) ЗА МЕЖДУНАРОДНУЮ СОЛИДАРНОСТЬ РАБОЧЕГО КЛАССА! (10 марта, 1934)

AGAINST IMPERIALIST WAR (July 15, 1932). ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (15 июля, 1932).

На данном этапе можно суммировать результаты исследования символов-требований с указанием способа и символов-требований с указанием цели. Общие символы заняли лидирующие позиции в группе символов-требований с указанием способа. Общие символы-требования ежегодно составляли не менее 55% от общего количества, 58 % упоминаний были средним показателем за все пять лет. Конкретные символы-требования с указанием способа чаще всего использовались в 1932 г., а наименее часто в 1933 г. Процентное соотношение конкретных символов-требований с указанием способа следующее:

1930	1931	1932	1933	1934
39%	41%	45%	36%	44%

Самый ограниченный характер носили символы-требования с указанием цели преимущественно локального типа, которые выше были обозначены как «А1 конкретные, локальные символы-требования с указанием цели».

Следует помнить, что символы были подразделены согласно их эксплицитной составляющей; поэтому в данную категорию были включены только те символы, которые явно упоминали локальные явления. Именно такие узкие рамки привели к тому, что эта группа насчитывает ограниченное число примеров (они составляют 4% от общего количества символов-требований).

лов, внесенных в классификацию). Аудитория, которой адресованы лозунги, подобные «FOR PROMPT RELIEF» – «ЗА НЕМЕДЛЕННОЕ ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ», в большинстве случаев будет уверена, что речь идет исключительно о Чикаго (*Прим. редакции* – В июле 1930 г. в Чикаго состоялся первый общенациональный съезд безработных. Делегаты съезда, прибывшие из самых различных частей страны, единодушно одобрили выдвинутую коммунистами программу борьбы за оказание *немедленной помощи рабочим*, лишившимся работы, и за введение федеральной системы социального страхования. Съезд создал Национальный совет безработных, ставший авторитетным органом всего движения. Поэтому требование немедленного пособия на тот момент расценивалось как относящееся только к Чикаго).

Однако такие требования попадают в категорию А1 только в том, случае, если сформулированы подобным образом: «FOR PROMPT LOCAL RELIEF» – «ЗА НЕМЕДЛЕННОЕ ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ МЕСТНЫМ»; «FOR CHICAGO RELIEF» – «ЗА ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В ЧИКАГО».

Конкретные, локальные символы-требования с указанием цели, ограниченные временем, пространством и охватом действия, варьировались в отношении общего числа символов с указанием цели следующим образом:

1930	1931	1932	1933	1934
5%	6%	1	0%	2%

Диаметрально противоположной им категорией выступает В3 (общие, мировые или пространственно немаркированные символы-требования с указанием цели). В 1931 г., в котором, согласно предшествующей таблице, предпочтение отдавалось конкретным и локальным символам, наблюдалось наименьшее количество общих, мировых и пространственно немаркированных символов:

1930	1931	1932	1933	1934
58%	38%	52%	47%	54%

Еще одним способом изучения всестороннего характера символа может считаться учет фактора включенности. Его показателем стало количество групп, чьи конкретные требования суммировались в изданных лозунгах. Иногда конкретные требования локальных групп были напрямую связаны с общими, универсальными и пространственно немаркированными символами-требованиями с указанием цели:

EX-SERVICE MEN! WORKING-CLASS FATHERS AND MOTHERS! FROM COLEMAN BRONZE, SEARS ROEBUCK, DRYDEN RUBBER, CHICAGO SCREW! COME TO THIS DEMONSTRATION OF INTERNATIONAL WORKINGCLASS SOLIDARITY – INTERNATIONAL YOUTH DAY (August 31, 1934). БЫВШИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ! ОТЦЫ И МАТЕРИ, РАБОТАЮЩИЕ НА ФАБРИКАХ! ИЗ КОУЛМАН БРОНЗ, СИЕРС РОЙБАК, ДРАЙДЕН РАББЕР, ЧИКАГО СКРЮ! (*Прим. редакции* – названия крупных корпораций Чикаго). ПРИХОДИТЕ НА

ЭТУ ДЕМОНСТРАЦИЮ СОЛИДАРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА В МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ (31 августа, 1934).

Группы, которым была адресована пропаганда коммунистов, и чьи конкретные требования они пытались выразить, приведены в конце главы в приложении, состоящем из лозунгов. Группы были подразделены следующим образом: класс, квалификация, семейный статус, возраст и пол, раса и национальность, местожительство. Эти лозунги передают всю лихорадочную атмосферу тех беспокойных дней, когда коммунистическая пропаганда была особенно активна.

В рамках категории «полнота» мы подразделили символы на конкретные, частные или включающие. Что касается параметров точности (частные и конкретные символы), то в рассматриваемом периоде были обнаружены такие пиковые годы, в которые эти параметры поражали воображение. Таким образом, данные можно представить в форме, которая предполагает подробное рассмотрение взаимосвязей символов с многих ракурсов (Однако эта задача выходит за рамки данной главы).

В отношении же иных важных отличительных особенностей, присущих лозунгам и их символам, описание будет продолжено. Коммунистическое движение пытается сохранить свою четкую идентификацию в сознании обществности во многих странах уже долгие годы. Кроме организационных связей, самым важным фактором, который относится к такой постановке проблемы, является общий набор символов, которые повсеместно присутствуют у коммунистов. В Кантоне или Чикаго, также как в Москве или Нью-Йорке, внедрение общих символов предполагает схожесть мировосприятия и опыта, что, в свою очередь, ведет к похожему целенаправленным действиям. Не столь важно, сколько групп (и их конкретных требований) будет учтено – приоритетной остается необходимость сохранения символического единообразия в пространстве и времени при помощи повторения ядерного набора символов.

Основным символом, несомненно, выступает слово «коммунистический», оно было обнаружено нами на листовках в следующих контекстах:

LONG LIVE THE COMMUNIST INTERNATIONAL! (November 24, 1934) ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ! (24 ноября, 1934)

VOTE FOR THE ONLY PARTY OF THE WORKING CLASS THE COMMUNIST PARTY (November 4, 1930). ГОЛОСУЙТЕ ЗА ЕДИНСТВЕННУЮ ПАРТИЮ РАБОЧЕГО КЛАССА КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ (4 ноября, 1930).

FIGHT WITH THE COMMUNIST PARTY AGAINST LYNCHING AND TERROR! (November

Политическая лингвистика 3(23)'2007

4, 1930). СРАЖАЙТЕСЬ С КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ ПРОТИВ ЛИНЧЕЙ И ТЕРРОРА! (4 ноября, 1930).

JOIN THE COMMUNIST PARTY, THE PARTY OF LENIN, THE PARTY OF STRUGGLE, THE PARTY OF THE MARCHING VICTORIOUS PROLETARIAT OF THE WORLD! (November 7, 1931). ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ПАРТИИ ЛЕНИНА, ПАРТИИ БОРЬБЫ, ПАРТИИ ПОБЕДОНОСНО МАРШИРУЮЩЕГО ПРОЛЕТАРИАТА ВСЕГО МИРА! (7 ноября, 1931).

Символ идентификации был нацелен на благоприятный резонанс у будущих членов и последователей партии, и, таким образом, он представляет собой символ положительной идентификации. Термин «коммунистический» был использован в лозунгах, которые появлялись на листовках в Чикаго, относительно нечасто. Абсолютные числа производят более яркое впечатление, чем проценты, хотя данные приводятся только для того, чтобы дать понятие об истинном и относительном соотношении.

1930	1931	1932	1933	1934	Всего
40	17	6	21	29	113
65%	4%	1%	8%	9%	7%

Символ «советский» относится не только к Советскому Союзу, но и к той форме власти, которая должна наступить в ходе революционной борьбы и после грядущей революции:

FORWARD TO SOVIET AMERICA! (November 24, 1934) ВПЕРЕД К СОВЕТСКОЙ АМЕРИКЕ! (24 ноября, 1934)

DEFEND THE SOVIET UNION! (MARCH 18, 1932) ЗАЩИТИМ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ! (18 МАРТА, 1932)

DEFEND THE SOVIET UNION, THE CHINESE AND CUBAN PEOPLE! (November 7, 1933) ЗАЩИТИМ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, КИТАЙСКИЙ И КУБАНСКИЙ НАРОДЫ! (7 ноября, 1933)

DEFEND THE SOVIET UNION – THE FATHERLAND OF THE WORKERS OF THE WORLD! (May 1, 1932) ЗАЩИТИМ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ – ОТЧИЗНУ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА! (1 мая, 1932)

DEFEND AND FIGHT FOR YOUR FATHERLAND – THE UNION OF SOCIALIST SOVIET REPUBLICS! (October, 1930) ЗАЩИЩАЙТЕ И СРАЖАЙТЕСЬ ЗА ВАШУ ОТЧИЗНУ – СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК! (октябрь, 1930)

Термин «советский» использовался 125 раз в течение пяти лет. Относительные цифры его употребления в процентном выражении выглядят так:

1930	1931	1932	1933	1934	Всего
8%	10%	9%	7%	2%	8%

Прочие символы положительной идентификации, между которыми существует тесная связь, адресованы различным социальным группам, от лица которых действует партия:

«трудящиеся», «рабочий класс», «труженики», «массы», «пролетариат», «угнетенные». Наиболее показательны следующие лозунги:

LONG LIVE THE SOLIDARITY OF THE INTERNATIONAL WORKING CLASS (February 26, 1934). ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЛИДАРНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО КЛАССА (26 февраля 1934).

WORKING CLASS AGAINST CAPITALIST CLASS (January 1, 1931). РАБОЧИЙ КЛАСС ПРОТИВ КАПИТАЛИСТОВ (1 января, 1931).

FOR WORKING-CLASS UNITY AGAINST HUNGER AND WAR! (August 1, 1934). ЗА ЕДИНСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА ПРОТИВ ГОЛОДА И ВОЙН! (1 августа, 1934)

WORKERS OF THE WORLD, UNITE! (September 14, 1930) ТРУДЯЩИЕСЯ ВСЕГО МИРА, ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ! (14 сентября, 1930)

TOILERS OF THE UNITED STATES! UNITE WITH THE OPPRESSED OF ALL COUNTRIES! (January 1933) ТРУЖЕНИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ! ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ С УГНЕТЕННЫМИ ВСЕХ СТРАН! (январь, 1933)

WORKERS OF EUROPE ARE HOLDING HIGH THE BANNER OF PROLETARIAN EVOLUTION! (February 26, 1934) РАБОЧИЕ ЕВРОПЫ ВЫСОКО ДЕРЖАТ ФЛАГ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ! (26 февраля, 1934)

WORKERS! COMRADES! HELP THE PARTY OF YOUR CLASS (November 1934). РАБОЧИЕ! ТОВАРИЩИ! ПОМОГИТЕ ПАРТИИ СВОЕГО КЛАССА (ноябрь, 1934).

Термин «трудящиеся» был самым частотным, за пятилетний период он использовался в лозунгах 383 раза. Относительные цифры его применения отображены в следующих процентах:

1930	1931	1932	1933	1934	Всего
3%	30%	8%	31%	28%	23%

Словосочетание «рабочий класс» присутствовало в лозунгах 83 раза в промежутке между 1930 и 1934 гг. Проценты выглядят следующим образом:

1930	1931	1932	1933	1934	Всего
11%	4%	1%	7%	9%	5%

Прочие символы появлялись лишь от случая к случаю. Термин «класс» появлялся как в негативных, так и в положительных комбинациях. Например, в словосочетаниях «капиталистический класс» и «классовый враг», которые противопоставлялись «рабочему классу», он был представлен в негативном контексте. Иллюстрация негативного значения: FIGHT AGAINST OUR CLASS ENEMY – THE RICH OPPRESSORS! (March 8, 1931) СРАЖАЙТЕСЬ ПРОТИВ НАШЕГО КЛАССОВОГО ВРАГА – БОГАТЫХ УГНЕТАТЕЛЕЙ! (8 марта, 1931).

Другим ключевым символом с прямо противоположными характеристиками был термин «социалистический». В некоторых случаях символ был позитивен: NAIL VICTORIOUS SOCIALIST CONSTRUCTION (November 4, 1934) ПРИВЕТСТВУЙТЕ ПОБЕДОНОСНОЕ

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА (4 ноября, 1934) (Этот лозунг отсылал к плану второй пятилетки в Советском Союзе).

В других случаях термин был явно отрицательным:

DOWN WITH THE A. F. OF L. AND SOCIALIST TOOLS OF THE BOSSES! (August 1, 1931). ПОКОНЧИМ С АМЕРИКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ТРУДА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ ИНСТРУМЕНТАМИ БОССОВ! (1 августа, 1931).

Во многих случаях присутствует попытка сохранить положительную окраску символа и устранить влияние негативного контекста, переложив всю ответственность за возможный негативный оттенок на политических оппонентов, которые использовали символ в своих целях, исказив его внутреннее содержание.

THE COMMUNIST PARTY FIGHTS AGAINST: A. F. OF L. AND «SOCIALIST» FAKERS! (April 3, 1931) КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СРАЖАЕТСЯ ПРОТИВ АМЕРИКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ТРУДА И ИММИТАТОРОВ «СОЦИАЛИЗМА»! (3 апреля, 1931)

Самые отрицательные символы «капиталисты» и «капитализм» появлялись в следующих лозунгах (В нашей классификации, «капитализм» относится к тем «кто одобрял капитализм». Согласно данному выше определению, он представляет собой символ идентификации):

DOWN WITH CAPITALISM (March 14, 1931). ПОКОНЧИМ С КАПИТАЛИЗМОМ (14 марта 1931).

DOWN WITH BLOODY CAPITALISM WHICH BREEDS WARS, HUNGER, STARVATION AND UNEMPLOYMENT! (August 1, 1933). ПОКОНЧИМ С ПРОКЛЯТЫМ КАПИТАЛИЗМОМ, КОТОРЫЙ ВСКАРМЛИВАЕТ ВОЙНЫ, ГОЛОД, ЛИШЕНИЯ И БЕЗРАБОТИЦУ! (1 августа, 1933).

CAST YOUR VOTE ON NOVEMBER 4TH AS A BLOW AGAINST CAPITALISM – AGAINST POLICE TERROR, WAGE-CUTS, SPEED-UP, MASS UNEMPLOYMENT, PART-TIME EMPLOYMENT, AND THE COMING IMPERIALIST WORLD-WAR (November 4, 1930). ПУСТЬ ВАШ ГОЛОС 4 НОЯБРЯ НАНЕСЕТ УДАР ПО КАПИТАЛИЗМУ – ПРОТИВ ТЕРРОРА ПОЛИЦИИ, УРЕЗКИ ЗАРАБОТКА, ПОВЫШЕНИЯ НОРМЫ ВЫРАБОТКИ БЕЗ ПОВЫШЕНИЯ ЗАРПЛАТЫ, МАССОВОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ, НЕПОЛНОЙ ЗАНЯТОСТИ И ГРЯДУЩЕЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (4 ноября, 1930).

Символы «капитализм» и «капиталист» были использованы 38 раз в течение пяти лет. Их, в целом, нечастое упоминание в каждый год представлено в следующих процентах:

1930	1931	1932	1933	1934	Всего
0%	4%	3%	2%	1%	2%

Термин «буржуазия» почти не использовался. Это замечание верно и в отношении термина «средний класс».

Основной символ-требование, который делает революционную пропаганду единым це-

лым – это призыв к самой революции. В течение изучаемого периода нам довольно редко встречались символы-требования с указанием цели, которые явно призывали к революции, и символы-требования с указанием способа, которые бы откровенно подстрекали к гражданской войне. Среди редких исключений были:

FOR THE REVOLUTIONARY WAY OUT OF THE CRISIS (April 10, 1934). ЗА РЕВОЛЮЦИОННОЕ РАЗРЕШЕНИЕ КРИЗИСА (10 апреля, 1934).

LET US BUILD OUR UNITED POWER TO TURN WAR INTO CIVIL WAR FOR THE VICTORY OF THE WORKERS AND TOILING MASSES AGAINST THE CAPITALIST CLASS! (August 1, 1934). ДАВАЙТЕ СКРЕПИМ НАШИ ОБЪЕДИНЕННЫЕ УСИЛИЯ, ЧТОБЫ ПРЕВРАТИТЬ ВОЙНУ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ РАБОЧИХ И ТРУДЯЩИХСЯ МАСС НАД КЛАССОМ КАПИТАЛИСТОВ! (1 августа, 1934).

WE CALL FOR THE UNITY OF ALL WORKERS IN ONE REVOLUTIONARY STRUGGLE FOR IMMEDIATE RELIEF AND FOR THE FINAL OVERTHROW OF CAPITALISM (March 14, 1931). МЫ ПРИЗЫВАЕМ К ОБЪЕДИНЕНИЮ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ В НАШЕЙ ОБЩЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ ЗА НЕМЕДЛЕННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ КАПИТАЛИЗМА (14 марта, 1931).

Общее количество различных символов идентификации, используемых в листовках коммунистической партии, было отображено в таблице, которая охватывает период 1930–1934 гг. Мы включали все символы, которые обозначали конкретных лиц, ассоциации, неорганизованные группы и сообщества. Всего их насчитывалось 549. Эти символы были использованы 3.009 раз. Ядерные термины, которые просто подразумевались, насчитывали от 30 до 30% от общего показателя. Пропорции использования символов по годам:

1930	1931	1932	1933	1934
54	240	126	141	161
32%	30%	19%	20%	25%

Сейчас мы переходим к анализу символов с точки зрения более глубоких психологических обоснований революционных действий и перед нами возникает весьма любопытный вопрос о должной мере использования негативных и позитивных символов.

По своей природе цель революционной пропаганды состоит в том, чтобы направить волну общественного недовольства и неприязни на те символы и тот образ жизни, которые прежде доминировали в обществе и которые перестали отвечать запросам нового дня. Вместо них вводятся новые символы и новый общественный уклад, которые раньше были неприемлемы. Цель пропаганды – сделать их максимально привлекательными. Иными словами, чтобы изменить настроения в обществе, нужно ярко подчеркнуть как новые приоритеты,

Политическая лингвистика 3(23)'2007

так и символы того привычного пути общества, который предположительно несет хаос и гибель.

В коммунистических лозунгах, начиная с 1930 г. и заканчивая 1934 г., чуть более 70 % от общего количества терминов идентификации были положительны. Еще больше в сторону положительной группы отклоняется показатель соотношения использования положительных и отрицательных символов идентификации.

	1930	1931	1932	1933	1934
За	85%	78%	71%	81%	76%
Против	15%	22%	29%	19%	24%

Эти показатели опровергают распространенное мнение о том, что отрицательные символы, создающие эффект враждебности, как правило, доминируют в революционной пропаганде. Напротив, акцент делается на положительных символах, призванных создать позитивный эффект.

Наши цифры ясно говорят и о той второстепенной роли, которая присуща символам идентификации, обозначающих конкретных лиц. Всего лишь 10 % от общего количества 549 единиц, которые использовались в течение пяти лет, были именами людей. Аллюзия на те или иные личности составила только 5 % от общего количества символов идентификации, использованных в течение данного периода. Ниже приводятся ежегодные данные, показывающие процентное соотношение использования личных символов в качестве символов идентификации:

1930	1931	1932	1933	1934
	1%	10%	5%	8%

Таким образом, лозунги, подобные приведенным ниже, встречались относительно нечасто:

ORGANIZE AND STRUGGLE AGAINST THE FORD-HOOVER-CERMAK GOVERNMENT OF STARVATION, TERROR, AND WAR! (March 18, 1932) ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ И БОРИТЕСЬ ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ФОРДА-ГУВЕР-СЕРМАКА (Прим. редакции – **Генри Форд** – один из крупнейших промышленников в истории США, основатель компании «Форд мотор». Осуществлял жесткий контроль над своей «империей». Стремился всеми средствами удерживать контроль над рабочими своих заводов. Не разрешал создавать профсоюзы на своих заводах. **Герберт Гувер** – 31-й президент США (1929–1933). В ходе предвыборной кампании обещал прогресс от «полного обедненного судка» к «полному гаражу». Но уже в 1929 г. разразилась Великая депрессия. Глагол, образованный от его имени (hooverize), приобрел второе значение «распространять нищету». **Энтони Сермак** – мэр г. Чикаго), **СЕЮЩЕГО ГОЛОД, ТЕРРОР И ВОЙНУ!** (18 марта 1932)

ANSWER THE HEARST FASCIST ATTACK! (December 28, 1934) ОТВЕТИМ ФАШИСТСКОЙ АТАКЕ ХЕРСТА! (Прим. редакции – **Уильям Херст** – издатель, крупный газетный магнат. К

1925 г. владел 25 газетами в 17 городах США. Поддерживал избирательную кампанию Ф. Рузвельта) (28 декабря 1934)

DOWN WITH HITLER! (June 24, 1933) ПОКОНЧИМ С ГИТЛЕРОМ! (24 июня, 1933)

AGAINST ROOSEVELT'S STRIKE-BREAKING, UNION SMASHING NRA! (August 1, 1934) ПРОТИВ РАЗГОНА ЗАБАСТОВОК РУЗВЕЛЬТОМ, ПРОФСОЮЗЫ! РАЗГРОМИМ ЗАКОН О ВОССТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ! (Прим. редакции – **National (Industrial) Recovery Act**, 1933 г. Статья 7а НИРА провозглашала в общей форме право рабочих на создание профсоюзов и обязывала предпринимателей «соблюдать максимальную продолжительность рабочего времени, минимальную оплату и другие условия труда, одобренные или предписанные президентом». Статьи НИРА содержали множество двусмысленностей и во многих случаях поддавались альтернативной интерпретации далеко не в пользу рабочего класса) (1 августа, 1934)

Одна из задач революционной пропаганды состоит в разрушении того сдерживающего начала, которое призвано защищать существующую власть. Иными словами, революционная пропаганда самым прямым образом направлена против ряда устоев большинства, а именно, против сложившихся и принятых моделей поведения, соответствующих представлениям этого общества о приличиях и порядке. Для революционных свершений народные массы должны избавиться от чувства долга по отношению к сложившимся институтам власти и собственности, ведь любая власть гармонично существует лишь тогда, когда базовые моральные ценности общества сознательно поддерживаются подавляющим большинством.

Все мы появляемся на свет младенцами, и все мы начинаем свой жизненный путь свободными как от пут одежды, так и от устоявшихся норм поведения. С течением времени и младенец, и подрастающий ребенок постепенно учатся таким формам самовыражения, которые приняты в той среде, где они воспитываются. Поначалу умение вести себя прививается через систему поощрений и наказаний, но постепенно ребенок учиться обходиться без команд и ограничений, навязываемых извне. На место постоянного внешнего сдерживающего начала приходит практика внутреннего подчинения.

Исходя из ряда причин формального характера нам кажется уместным ввести специальную терминологию для обозначения различных каналов, участвующих в формировании личности. Для простейших каналов импульса (по аналогии с терминами психоанализа) мы вводим термин «ид-каналы», т.е. каналы, задействующие подсознание. Последнюю ступень, которую проходят импульсы, мы предлагаем называть «эго-каналы», т.е. каналы внутреннего Я, которое усложняется с те-

чением времени и приобретением опыта. Основные модели самоконтроля получают название «суперэго», которое мы понимаем как синоним слова «самосознание».

Таким образом, революционная пропаганда нацелена на то, чтобы сломать именно типичную структуру «суперэго», которая присуща тому или иному социуму на том или ином этапе существования, и делается это через влияние на людей, которые поддерживают установившиеся формы власти своего социума. Каналы «суперэго» пытаются защититься от враждебных импульсов подсознания, т.е. «ид-каналов» и направляют энергию личности в русло, которое блокирует «ид-импульсы». Внимательное изучение особенностей личности человека показало, что любая неожиданная и продолжительная потеря контроля со стороны «суперэго» приводит к энергетической вспышке и человек прибегает к разным средствам, чтобы подавить этот выброс энергии. То, как мы расходует этот энергетический сгусток, может вылиться не только в незначительные отклонения от привычного поведения и найти выражение не только в смене настроения.

Основной способ разрушить гармонию определенных элементов «суперэго» состоит в рассредоточении его структуры. Большинство из нас мало подвержено влиянию провокационных призывов покончить с законом, моралью и установившимися правилами поведения при условии, что эти попытки не подкреплены рядом символов. Сознательное большинство остается глухо к призывам «Долой закон!», «Покончим с моральным долгом!», «Нарушим приличия!». Но если призывы звучат: «Во имя справедливости, делай так», «От лица правопорядка, сверши то-то», «Ради блага, поступай таким образом», то вероятность совершения таких действий возрастает во много раз. Цель революционной пропаганды состоит в том, чтобы призвать к повстанческим действиям, не только не раскрывая их антиобщественной сути, но и выдавая их за чаяния большинства в тех случаях, когда их мятежная природа внезапно показывает свое истинное лицо или когда брошенный клич приводит к плачевным последствиям. Одни моральные принципы направляются против других с тем, чтобы оправдать изначально неприемлемую природу действий, к которым привели провокации.

Коммунистическая пропаганда направлена на то, чтобы ослабить «суперэго», не разрушая его. Точнее, ослабить только те составляющие «суперэго», которые мешают превратить его в «суперэго» с совершенно иным содержанием. Цель революционной пропаганды вовсе не в том, чтобы полностью уничтожить систему самоконтроля, что неизменно поведет к полному беззаконию и анархии. Напротив, пропаганда призвана насадить порядок, но порядок революционного характера. Поэтому волна возму-

щения не должна захлестнуть все символы и институты власти, в противном случае в их число неизбежно попадут и символы властных структур самого коммунистического движения. Осуждение насилия или убийства не должно исчезнуть из общественной практики навсегда, это возможно только на время захвата власти и только в отношении отдельных лиц.

В таких случаях революционная пропаганда пытается добиться своего не путем полного искоренения самосознания, а путем его изменения. Ведь на смену подчинению устоявшимся институтам власти должно придти признание нового правопорядка.

Возникает вопрос, в какой мере коммунистическая пропаганда в своих призывах к антиобщественным действиям использует символы, идущие вразрез с моральными устоями большинства, что не может не вызвать ответной волны возмущения со стороны тех, в чьем самосознании прочно укоренились приоритеты правопорядка. В эту категорию попадают короткие общие призывы к революции и революционному движению в Америке в частности. Например:

FOR A WORKERS' AND FARMERS' GOVERNMENT OF THE U.S. (January 15, 1932) ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО РАБОЧИХ И ФЕРМЕРОВ США (15 января, 1932).

FOR A SOVIET AMERICA – THE ONLY WAY OUT (August 1, 1934). ЗА СОВЕТСКУЮ АМЕРИКУ – ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД (1 августа, 1934).

Примером одного из самых возмутительных нарушений общественного устройства может служить не подкрепленный никакими символами призыв к стражам правопорядка нарушить присягу и обращение к служащим вооруженных сил покинуть свой пост во имя анархии.

FOLLOW THE EXAMPLE OF THE CALIFORNIA GUARDSMEN WHO REFUSED TO DO STRIKE DUTY! (August 31, 1934). (ADDRESSED TO NATIONAL GUARDSMEN). СЛЕДУЙТЕ ПРИМЕРУ КАЛИФОРНИЙСКИХ ГВАРДЕЙЦЕВ, КОТОРЫЕ ОТКАЗАЛИСЬ ПОДАВИТЬ ЗАБАСТОВКУ! (31 августа, 1934) (ПРИЗЫВ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ).

Другим актом, враждебным по отношению к общественному укладу, становится попытка обесценивания тех символов, которые неизменно вызывают самые трепетные чувства. Так, признание другого государства истинным отечеством американского работника – что может быть тяжелее для патриотической ауры слов «Америка» и «американский».

DEFEND THE SOVIET UNION, THE FATHERLAND OF THE WORKERS OF THE WHOLE WORLD (April 6, 1932). ЗАЩИТИМ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ОТЧИЗНУ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА (6 апреля, 1932).

DEFEND THE SOVIET UNION, THE WORKERS FATHERLAND (November 7, 1933). ЗАЩИ-

ТИМ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ, ОТЧИЗНУ ТРУДЯЩИХСЯ (7 ноября, 1933).

Постоянный призыв держать курс на «классовую» линию поведения вскользь наносит удар по символам, связанным с «национальной солидарностью» и «индивидуализмом». Слово «американский» иногда появлялось в контекстах с негативными терминами идентификации, такими как

DOWN WITH AMERICAN IMPERIALISM! (October 20, 1934) ПОКОНЧИМ С АМЕРИКАНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ! (20 октября, 1934)

A BLOW AT GERMAN FASCISM IS A BLOW AT THE INTERNATIONAL BANKERS AND ROBBERS, IT IS A BLOW AGAINST AMERICAN IMPERIALISM ALSO (October 20, 1934). УДАР ПО НЕМЕЦКОМУ ФАШИЗМУ ЭТО УДАР ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ БАНКИРАМ И ГРАБИТЕЛЯМ, ЭТО УДАР И ПО АМЕРИКАНСКОМУ ИМПЕРИАЛИЗМУ (20 октября, 1934).

DOWN WITH AMERICAN-JAPANESE IMPERIALISM! (January 28, 1933). ПОКОНЧИМ С АМЕРИКАНО-ЯПОНСКИМ ИМПЕРИАЛИЗМОМ! (28 января, 1933).

Это тоже своего рода скользящий удар по символу «Америка», удар, призванный лишь пошатнуть веру, но не уничтожить символ совсем. В первую очередь, нападки ведутся не на символ «Америка», а на символ «империализм», который на тот момент породил не мало враждебных настроений в американском обществе.

Лозунги коммунистической пропаганды часто содержали символы, которые уже прочно укоренились в обиходном языке США, стали привычными. Ряд этих слов носил положительную окраску и появление в их контексте должно было раскрыть значение коммунистических символов.

FOR FREE PRESS FREE SPEECH (April 10, 1934). ЗА СВОБОДУ ПЕЧАТИ, СВОБОДУ СЛОВА (10 апреля, 1934).

PROTEST YOUR CONSTITUTIONAL RIGHTS BY VOTING COMMUNIST ON NOVEMBER 6TH (November 4, 1934). ЗАЩИТИТЕ СВОИ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА, ГОЛОСУЯ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ 6-ГО НОЯБРЯ (4 ноября, 1934).

FOR JUSTICE! FOR HUMAN RIGHTS! (April 30, 1933). ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ! ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА! (30 апреля, 1933).

DEMONSTRATE FOR THE RIGHT TO LIVE AS HUMAN BEINGS (May 1, 1933).

МИТИНГУЙТЕ ЗА ПРАВО ЖИТЬ КАК ЛЮДИ (1 мая, 1933)

FOR THE RIGHT TO LIVE (November 1934). ЗА ПРАВО НА ЖИЗНЬ (Ноябрь 1934).

WORKERS, LETS ORGANIZE AND FIGHT, ONE FOR ALL, AND ALL FOR ONE (April 12, 1931). ТРУЖЕНИКИ, ОБЪЕДИНИМСЯ И СРАЗИМСЯ, ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО (12 апреля, 1931).

В качестве доказательства того, что политическое движение выражает самые сокровенные чувства всей нации, принято указывать общего врага.

FIGHT TO WIPE OUT OPPRESSION! (November 4, 1930) БОРИТЕСЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ СТЕРЕТЬ УГНЕТЕНИЕ С ЛИЦА ЗЕМЛИ! (4 ноября, 1930)

VOTE AGAINST HUNGER AND WAR (February 26, 1933). ГОЛОСУЙТЕ ПРОТИВ ГОЛОДА И ВОЙНЫ (26 февраля, 1933).

AGAINST IMPERIALIST WAR (July 15, 1932). ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (15 июля, 1932).

FIGHT AGAINST WAR AND FASCISM (August 31, 1934). БОРИТЕСЬ ПРОТИВ ВОЙНЫ И ФАШИЗМА (31 августа, 1934).

Когда политическое движение применяет символы, связанные с зарубежными странами, это не может рассматриваться как прямое нарушение моральных устоев той страны, в которой ведется пропаганда. Тем не менее, это приводит к тому, что та или иная политическая сила начинает выступать защитником ведущих символов иной культуры, другой страны. Здесь нет и тени влияния патриотизма высшего порядка, который заставляет открыто выразить свои чувства даже если это вступает в противоречие с пристрастиями большинства. В данном случае речь идет о более тонком восприятии «иноземного», которое передается через символы другой культуры. В контексте нашего исследования можно говорить о двух типах использования таких символов. Термины идентификации, такие как «Советский Союз», могут задействоваться применительно к отдельным лицам, объединениям, стихийным группам и сообществам, находящимся за пределами США. В этом случае мы имеем дело с «символами-упоминаниями другой культуры». Второй тип – это термины, которые не обладают вышеупомянутыми характеристиками и соотносятся с «символами-упоминаниями другой культуры» через систему ассоциаций. Например, слово «советский» в значении «совет, орган власти» (*Прим. редакции* – в данном случае обыгрывается схожесть звучания слов: английского прилагательного «советский» (Soviet) и русского слова «совет», произнесенного на английский лад) вызывает в памяти словосочетание «Советский Союз». В этом случае перед нами «ассоциативные символы другой культуры». Итак, «символы другой культуры» подразделяются на «символы-упоминания» и «ассоциативные символы». Символы-упоминания присутствовали в коммунистических лозунгах довольно часто. Приведем ряд наиболее ярких примеров:

AGAINST IMPERIALIST WAR; FOR THE DEFENSE OF THE CHINESE PEOPLE AND OF THE SOVIET UNION (May 28, 1932). ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ; НА ЗА-

ЩИТУ КИТАЙСКОГО НАРОДА И СОВЕТСКОГО СОЮЗА (28 мая, 1932).

DEMONSTRATE AGAINST THE BLOODY JAPANESE IMPERIALIST BANDITS AND IN SUPPORT OF THE HEROIC JAPANESE REVOLUTIONARY WORKERS! (January 1933). ВЫСТУПИТЕ ПРОТИВ ПРОКЛЯТЫХ ЯПОНСКИХ БАНДИТОВ-ИМПЕРИАЛИСТОВ В ПОДДЕРЖКУ ДОБЛЕСТНЫХ ЯПОНСКИХ РАБОЧИХ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ! (21 декабря, 1934).

ATTEND THE COMBINED KIROV MEMORIAL AND ELECTION RALLY! (December 21, 1934) УЧАСТВУЙТЕ В МИТИНГЕ В ПАМЯТЬ О КИРОВЕ И СЪЕЗДЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ! (21 декабря, 1934)

Мы подсчитали абсолютные и относительные данные и частотность использования символов идентификации, содержащих упоминания другой культуры. Около 5% от общего количества (549 символов идентификации) были построены исключительно на символах-упоминаниях. Частотность этой группы составила 11 % от всех случаев употребления:

1930	1931	1932	1933	1934
10	55	95	140	72
6%	7%	15%	20%	11%

Если к этому показателю добавить символы, которые ранее приводились в качестве примера ярких символов мирового коммунизма (или согласно нашей терминологии ассоциативных символов), то общий показатель использования зарубежных символов составит около 40%:

1930	1931	1932	1933	1934
38%	37%	34%	40%	36%

Одним из способов уменьшить присутствие зарубежной культуры можно считать замену ряда лексем, которые неизменно расцениваются как «чужеродные», и введение более привычных слов. Мы уже говорили, что термины «пролетариат» и «буржуазия» появлялись довольно редко. Что касается появления новых элементов, можно заметить ряд разговорных слов и выражений. В качестве яркого примера можно привести использование слова «босс», «боссы» в качестве альтернативы «капиталисту». В течение пяти лет к этим терминам прибегали 86 раз; процентное соотношение частотности их появления видно из следующих показателей:

1930	1931	1932	1933	1934	Всего
10%	6%	6%	3%	3%	5%

У коммунистической пропаганды очень тонкая задача – поселить в умах пренебрежение к существующему порядку и закону, не провоцируя преступных действий в интересах одного человека. Последнее, как правило, открыто осуждается партией, которая неустанно подчеркивает, что во времена всеобщего недовольства нужно пытаться прибегнуть к организованным действиям по захвату власти, а не поддаваться на провокации вредоносных вспышек насилия со стороны отдельных лич-

ностей, когда нужный момент еще не настал. «Партизанская война» решительно клеймится позором, ибо битва должна вестись армией пролетариата под организованным руководством, а отнюдь не отдельными личностями или маленькими группами, чья деятельность дает лишь на эпизодические вспышки гнева и протеста. Такие «романтические» или «инфантильные» поступки ожидает серьезное осуждение. Тем не менее, в пылу борьбы некоторые бойцы стройных рядов склонны преступить заветную черту, не дожидаясь сигнала к действию. Голодный и обозленный рабочий класс иногда может разгромить бакалею по всей округе или кидать камни в полицейских. Лидеры коммунистической партии официально выражают свое сожаление по поводу таких случаев, но в то же время такие происшествия рассматриваются как неизбежный этап того длинного пути, который научит неорганизованные массы более сложным и упорядоченным формам борьбы и согласованным действиям. Чтобы поддерживать тесную связь с более активными и агрессивными слоями рабочего класса, должна присутствовать определенная степень сочувствия и к таким, в целом осуждаемым, формам «индивидуального» революционного поведения.

Коммунистические лозунги дают пример двойственного подхода, в котором отражены и осуждение, и одобрение системы закона и правопорядка. В целом, в коммунистических лозунгах не содержится прямых призывов к насилию и беспорядкам, но в них есть определенная доля оправдания действий тех, кто участвовал в откровенном беззаконии. Обычно это проявляется в форме намека либо на то, что люди, преступившие закон, были доведены до такой степени отчаяния, либо, что большая часть вины лежит на стражах правопорядка (и тех, кто за ними стоит), которые проявили неоправданную жестокость.

Часто это принимает форму явного порицания действий полиции, и обращения с теми, кто от нее пострадал, как с «мучениками». Например:

WORKERS! PREPARE TO PARTICIPATE EN MASSE, AT THE FUNERAL OF OUR MURDERED FELLOW WORKERS (August 3, 1931). ТРУДЯЩИЕСЯ! ГОТОВЬТЕСЬ К МАССОВОМУ УЧАСТИЮ В ПОХОРОНАХ НАШИХ УБИТЫХ ТОВАРИЩЕЙ-РАБОЧИХ (3 августа, 1931).

DEATH PENALTY FOR THE POLICE WHO MURDERED THE WORKERS! (August 3, 1931). СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ПОЛИЦИИ, КОТОРАЯ УБИЛА РАБОЧИХ! (3 августа, 1931).

DEATH TO THE MURDERERS! (August 1, 1931) СМЕРТЬ УБИЙЦАМ! (1 августа, 1931).

Такие случаи используются как возможность «разоблачить» классовую природу правосудия и власти:

FIGHT FOR THE RELEASE OF THE IMPRISONED KENTUCKY MINERS, THE

SCOTTSBORO BOYS, MOONEY, AND ALL CLASS WAR PRISONERS! (March 2, 1932)

СПРАЖАЙТЕСЬ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ ЗАСТЕНКОВ ШАХТЕРОВ ИЗ КЕНТУККИ (Прим. редакции – Кентукки тяжело пережил годы Великой депрессии, спад продолжался до начала второй мировой войны. Особенно пострадала угольная промышленность), РЕБЯТ ИЗ СКОТТСБОРО (Прим. редакции – (1931 г.) Девять афроамериканских подростков, обвиненные в групповом изнасиловании двух белых женщин легкого поведения. Восемь человек были приговорены к смертной казни, а 13-летний подросток – к пожизненному заключению. После многочисленных апелляций, укazyвавших на предвзятость судебного разбирательства, все смертные приговоры были отменены. Дело «ребят из Скоттсборо» стало известно во всем мире и долгие годы служило сильным аргументом в устах борцов за гражданские права афроамериканцев), ТОМАСА МУНИ (Прим. редакции – Томас Муни – деятель рабочего движения. Руководитель профсоюза литейщиков в Сан-Франциско, играл ключевую роль в профсоюзном движении на Западном побережье. Провел 22 года в тюрьме Сан-Кветин. После многочисленных протестов общественности (обстоятельства дела говорили о возможной невинности) был помилован губернатором штата в 1939 г.) И ВСЕХ ЗАЛОЖНИКОВ КЛАССОВОЙ ВОЙНЫ! (2 марта, 1932)

RESIST THE FASCIST ATTACKS OF THE BOSSES AND THEIR GOVERNMENT (May 1, 1931). НЕ ПОДДАВАЙТЕСЬ ФАШИСТСКИМ АТАКАМ БОССОВ И ИХ ПРАВИТЕЛЬСТВА (1 мая, 1931).

В некоторых случаях нами были отмечены и прямые провокации к насилию. Тем не менее, они были выражены в «оборонительных» терминах, направляющих одни моральные устои против других. Это помогает скрыть полностью антисоциальный характер таких призывов.

BUILD YOUR DEFENSE CORPS! (July 1930) СОЗДАДИМ НАШЕ ОПОЛЧЕНИЕ! (Июль 1930)

Число примеров подобных лозунгов слишком незначительно, чтобы приводить количественные соотношения.

В этой главе были описаны модели символов коммунистической пропаганды в Чикаго с учетом сравнительно новых категорий и методик. Диахроническое описание изменений определенных черт коммунистической пропаганды приведено в форме количественных показателей. Это позволит определить те факторы, которые стали причиной изменений, и те факторы, которые сами подверглись изменениям.

Группы, на которые в первую очередь рассчитана коммунистическая пропаганда
А. КЛАССОВЫЕ ГРУППЫ

Трудящиеся (неквалифицированные, средней квалификации, квалифицированные)

WORKERS OF THE 46TH WARD! PROTEST! (February 3, 1933) ТРУДЯЩИЕСЯ

46-ГО РАЙОНА! ПРОТЕСТУЙТЕ! (3 февраля, 1933)

WORKERS OF THE WEST SIDE: LET US ORGANIZE FOR RESISTANCE AGAINST THE POLICE ATTACKS IN DOUGLAS PARK (July 22, 1932) ТРУДЯЩИЕСЯ УЭСТ-САЙДА (Прим. редакции – Уэст-сайд (традиционно Вестсайд) – часть нью-йоркского района Манхэттен. После Великой депрессии 1930-х район пришел в упадок, стал местом, где селилась городская беднота и этнические меньшинства): ДАВАЙТЕ ДАДИМ ОТПОР АТАКАМ ПОЛИЦИИ В ДУГЛАС ПАРКЕ (22 июля, 1932).

CHICAGO WORKERS STAND BY YOUR BROTHERS! (June 1, 1934). ТРУДЯЩИЕСЯ ЧИКАГО ПРИМКНИТЕ К РЯДАМ ВАШИХ СОБРАТЬЕВ! (1 июня, 1934).

WORKERS IN THE STEWART & WARNER LET US JOIN WITH ALL OTHER WORKERS THROUGHOUT THE WORLD IN DEFENSE OF THE SOVIET UNION (November 7, 1931). РАБОЧИЕ КОМПАНИЙ СТЮАРТА И УОРНЕРА (Прим. редакции – крупные производители и продавцы тканей, галантерейных товаров, фурнитуры). ДАВАЙТЕ ОБЪЕДИНИМСЯ С ДРУГИМИ ТРУДЯЩИМИСЯ МИРА В ЗАЩИТЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (7 ноября, 1931).

\$13 MINIMUM FOR A 30 HOUR WEEK FOR UNSKILLED \$18 FOR 30 HOUR WEEK FOR SEMI-SKILLED \$22.50 FOR 30 HOUR WEEK FOR SKILLED WORKERS \$30 FOR 30 HOUR WEEK FOR HIGHLY SKILLED (September 24, 1934). НЕ МЕНЬШЕ 13 ДОЛЛАРОВ ЗА 30 ЧАСОВ РАБОТЫ В НЕДЕЛЮ ЗА НЕКВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД, 18 ДОЛЛАРОВ ЗА 30 ЧАСОВ РАБОТЫ В НЕДЕЛЮ ЗА ТРУД СРЕДНЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ, 22 ДОЛЛАРА 50 ЦЕНТОВ ЗА 30 ЧАСОВ РАБОТЫ В НЕДЕЛЮ ЗА КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД И 30 ДОЛЛАРОВ ЗА 30 ЧАСОВ РАБОТЫ В НЕДЕЛЮ ЗА ВЫСОКО КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД (24 сентября, 1934).

\$1.00 PER HOUR MINIMUM WAGE FOR COMMON LABOR, OTHER TRADES TO BE INCREASED IN PROPORTION (May 1934). МИНИМАЛЬНУЮ ПЛАТУ ЗА НЕКВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ ТРУД РАЗМЕРОМ В ДОЛЛАР ЗА ЧАС, ПРОПОРЦИОНАЛЬНО УВЕЛИЧИТЬ ЗАРАБОТКОВ РАБОТНИКАМ ДРУГОГО УРОВНЯ КВАЛИФИКАЦИИ (Май, 1934).

(FOR) LIMITING THE NUMBER OF MACHINES EACH WORKER MUST TEND (September 24, 1934). КАЖДЫЙ ТРУДЯЩИЙСЯ ДОЛЖЕН СТРЕМИТЬСЯ К ОГРАНИЧЕНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИКИ (24 сентября, 1934).

FOUR WEEKS VACATION WITH PAY EACH YEAR! (August 1, 1931). ЧЕТЫРЕХНЕДЕЛЬНЫЙ ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ОТПУСК ЕЖЕГОДНО! (1 августа, 1931).

HAIL YOUR VICTORY – VICTORY OF SOPKIN STRIKERS! FORCE SYMPATHY STRIKES IN YOUR TRADES AND UNION IN

SUPPORT OF THE BUS DRIVERS! (July 1934). ПРИВЕТСТВУЙТЕ ВАШУ ПОБЕДУ – ПОБЕДУ БАСТУЮЩИХ СОПКИН! УСТРОЙТЕ ЗАБАСТОВКИ ЧЛЕНОВ ВАШИХ КОМПАНИЙ И ПРОФСОЮЗОВ, ЧТОБЫ ВЫРАЗИТЬ СВОЮ СОЛИДАРНОСТЬ И ПОДДЕРЖКУ ВОДИТЕЛЕЙ АВТОБУСОВ! (июль, 1934).

FIGHT FOR THE RIGHT TO ORGANIZE, STRIKE, AND PICKET! (1931). СРАЖАЙТЕСЬ ЗА ПРАВО СПЛОТИТЬСЯ, БАСТОВАТЬ, И УСТРАИВАТЬ ПИКЕТЫ! (1931).

Безработные («пролетаризированные» квалифицированные группы и неквалифицированные рабочие)

HONOR THE MEMORY OF THE THREE MARTYRS OF THE UNEMPLOYED! (August 1931). ПОЧТИМ ПАМЯТЬ ТРЕХ БЕЗРАБОТНЫХ МУЧЕНИКОВ! (Август, 1931).

FREE GAS, ELECTRICITY AND WATER FOR ALL UNEMPLOYED AND PART-TIME WORKERS (February 3, 1933). БЕСПЛАТНЫЙ ГАЗ, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И ВОДОСНАБЖЕНИЕ ДЛЯ ВСЕХ БЕЗРАБОТНЫХ И ЗАНЯТЫХ НЕПОЛНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ (3 февраля, 1933).

NO EVICTIONS OF THE UNEMPLOYED! (August 3, 1931) НЕТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ ВЫСЕЛЕНИЯМ БЕЗРАБОТНЫХ! (3 августа, 1931)

FREE RENT AND NO EVICTION OF UNEMPLOYED (February 2, 1931). БЕСПЛАТНАЯ АРЕНДА И НИКАКИХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСЕЛЕНИЙ БЕЗРАБОТНЫХ (2 февраля, 1931).

UNEMPLOYED WORKERS SHALL HAVE FREE USE OF GAS, ELECTRICITY, WATER AND STREET CARS (March 25, 1931). БЕЗРАБОТНЫЕ ДОЛЖНЫ БЕСПЛАТНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ГАЗОМ, ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ, ВОДОПРОВОДОМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ ТРАНСПОРТОМ (25 марта, 1931).

FOR SOCIAL INSURANCE TO THE AMOUNT OF \$15.00 PER WEEK FOR THE UNEMPLOYED (August 3, 1931). ЗА ВЫПЛАТУ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАХОВКИ В РАЗМЕРЕ 15 ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ ДЛЯ БЕЗРАБОТНЫХ(3 августа, 1931).

Нуждающиеся в пособиях по безработице и трудоустроенные («пролетаризированные» квалифицированные группы и неквалифицированные рабочие)

LEARN HOW TO FIGHT AGAINST THE PAUPERS AFFIDAVITS! (May 28, 1933)

УЧИТЕСЬ БОРЬБЕ ПРОТИВ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВА НИЩИХ! (28 мая, 1933)

JOBS AT UNION WAGES OR CASH RELIEF FOR ALL UNEMPLOYED WORKERS! (May 1, 1934) РАБОТА И ЗАРАБОТОК НА УСЛОВИЯХ ПРОФСОЮЗОВ ИЛИ ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ ДЛЯ ВСЕХ БЕЗРАБОТНЫХ! (1 мая, 1934)

FOR RECOGNITION OF RELIEF COMMITTEES AT THE RELIEF STATIONS (November 24, 1934). ЗА ПРИЗНАНИЕ КОМИТЕТОВ НА-

БЛЮДАТЕЛЕЙ В ПУНКТАХ ВЫДАЧИ ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ (24 ноября, 1934).

MEN TO BE PROTECTED AGAINST ACCIDENT AND INJURY AS PROVIDED BY ILLINOIS WORKMEN'S COMPENSATION ACTS (December 26, 1933). ЛЮДИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАЩИЩЕНЫ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ И ТРАВМ СОГЛАСНО СТАТЬЯМ ВЫПЛАТЫ КОМПЕНСАЦИЙ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ РАБОЧИМИ ИЛЛИНОЙСА (26 декабря, 1933).

FULL PAY FOR TIME LOST DUE TO SICKNESS AND BAD WEATHER (December 26, 1933). ПОЛНАЯ ОПЛАТА ТРУДА ЗА ВРЕМЯ, ПОТЕРЯННОЕ ИЗ-ЗА БОЛЕЗНИ И ПЛОХИХ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ (26 декабря, 1933).

IMMEDIATE AND REGULAR WEEKLY PAY DAYS (December 26, 1933). НЕМЕДЛЕННОЕ ВВЕДЕНИЕ РЕГУЛЯРНЫХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ ДНЕЙ ВЫПЛАТЫ ЗАРПЛАТ (26 декабря, 1933).

SHELTER AND FIRE TO BE PROVIDED FOR ALL JOBS IN THE OPEN (December 26, 1933). ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ ОТДОХНУТЬ И СОГРЕТЬСЯ ДЛЯ ВСЕХ РАБОТАЮЩИХ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ (26 декабря, 1933).

UNION WAGES ON ALL JOBS WITH A MINIMUM OF 83 CENTS AN HOUR (December 26, 1933). ЗАРАБОТОК НА УСЛОВИЯХ ПРОФСОЮЗОВ И МИНИМУМ 83 ЦЕНТА В ЧАС ДЛЯ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ (26 декабря, 1933).

RELIEF TO BE ISSUED IN CASE OF PART-TIME WORK AND IMMEDIATELY AT END OF JOB (December 26, 1933). ЗА ВЫДАЧУ ПОСОБИЯ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В СЛУЧАЕ НЕПОЛНОЙ ЗАНЯТОСТИ И СРАЗУ ПОСЛЕ УВОЛЬНЕНИЯ (26 декабря, 1933).

NO DISCRIMINATION AND MISTREATMENT IN THE FLOPHOUSES (March 8, 1932). НЕТ ДИСКРИМИНАЦИИ И ПЛОХОМУ ОБРАЩЕНИЮ В НОЧЛЕЖКАХ (8 марта, 1932).

Некрупные налогоплательщики (группы с малым доходом)

AGAINST THE SALES TAX, FOR REDUCTION OF TAXES OF SMALL TAXPAYERS AND INCREASE OF TAXES FOR THE RICH (February 28, 1933). ПРОТИВ НАЛОГА НА ПРОДАЖУ, ЗА УМЕНЬШЕНИЕ НАЛОГОВ ДЛЯ НЕКРУПНЫХ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ И УВЕЛИЧЕНИЕ НАЛОГОВ ДЛЯ БОГАТЫХ (28 февраля, 1933).

Некрупные вкладчики (группы с малым доходом)

STATE TO REFUND LOSSES OF SMALL BANK DEPOSITORS IN FULL (November 3, 1932). ГОСУДАРСТВО ОБЯЗАНО ПОЛНОСТЬЮ ВОЗМЕСТИТЬ УЩЕРБ НЕКРУПНЫМ ВКЛАДЧИКАМ (3 ноября, 1932).

FOR STATE RESPONSIBILITY FOR DEPOSITS IN FAILED BANKS! (August 9, 1932). ЗА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВКЛАДЫ ВО ВСЕХ ОБАНКРОТИВШИХСЯ БАНКАХ! (9 августа, 1932).

NO PAYMENT OF CITY DEBTS TO BANKERS, UNTIL ALL WORKING-CLASS DEPOSI-

TORS ARE PAID IN FULL (February 28, 1933). НИКАКОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ДОЛГА БАНКИРАМ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ВКЛАДЧИКАМ ИЗ РАБОЧЕГО КЛАССА НЕ ВОЗМЕСТЯТ УЩЕРБ ПОЛНОСТЬЮ (28 февраля, 1933).

Владельцы мелкой частной собственности (группы с малым доходом)

MORATORIUM ON ALL DEBTS OF SMALL PROPERTY OWNERS. NO FORCED SALES (January 31, 1933). МОРАТОРИЙ НА ВСЕ ДОЛГИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ МЕЛКОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. НЕТ ВЫНУЖДЕННЫМ ПРОДАЖАМ (31 января, 1933).

Некрупные домовладельцы (группы с малым доходом)

NO TAXATION OR MORTGAGE FORECLOSURES OF SMALL HOME OWNERS (November 3, 1932). НЕТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ ИЛИ ЛИШЕНИЮ ПРАВА ВЫКУПА ЗАЛОЖЕННОГО ИМУЩЕСТВА ДЛЯ НЕКРУПНЫХ ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ (3 ноября, 1932).

LOWER TAXES FOR THE WORKERS WHO HAVE HOMES (February 24, 1931). СНИЗИТЬ НАЛОГИ ТРУДЯЩИМСЯ, У КОТОРЫХ ЕСТЬ ДОМА (24 февраля, 1931).

UNEMPLOYED WORKERS OWNING THEIR HOUSES TO BE EXEMPT FROM PAYING TAXES! (August 1931) БЕЗРАБОТНЫЕ, ВЛАДЕЮЩИЕ ДОМАМИ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОСВОБОЖДЕНЫ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ! (Август, 1931).

FOR MORATORIUM ON ALL TAXES AND MORTGAGES OF SMALL HOME OWNERS FOR UNEMPLOYED AND PART-TIME WORKERS (February 28, 1933). ЗА МОРАТОРИЙ НА ВСЕ НАЛОГИ И ВЫПЛАТУ ИПОТЕКИ ДЛЯ БЕЗРАБОТНЫХ И ЗАНЯТЫХ НЕПОЛНЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ (28 февраля, 1933).

Фермеры (группы с малым доходом)

EMERGENCY RELIEF FOR THE IMPROVERISHED FARMERS WITHOUT RESTRICTIONS BY THE GOVERNMENT AND BANKS; EXEMPTION OF IMPROVERISHED FARMERS FROM TAXES, AND NO FORCED COLLECTION OF RENTS OR DEBTS (June 1932). НЕМЕДЛЕННАЯ ВЫДАЧА ПОСОБИЯ ОБЕДНЕВШИМ ФЕРМЕРАМ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И БАНКОВ; ОСВОБОЖДЕНИЕ ОБЕДНЕВШИХ ФЕРМЕРОВ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, НЕТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ ВЫПЛАТАМ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ ИЛИ ДОЛГОВ (Июнь 1932).

SUPPORT THE FARMERS STRIKE (September 10, 1932). ПОДДЕРЖИМ ЗАБАСТОВКУ ФЕРМЕРОВ (10 сентября, 1932).

В. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Учителя и персонал школ (в основном, специалисты, имеющие статус в обществе)

DEMAND THE IMMEDIATE CASH PAYMENT OF ALL SALARIES AND WAGES DUE TO TEACHERS AND SCHOOL BOARD EMPLOYEES (January 1, 1932). ТРЕБУЕМ НЕМЕДЛЕННОЙ ВЫПЛАТЫ НАЛИЧНЫМИ ВСЕХ

ДОЛГОВ ПО ЗАРПЛАТЕ УЧИТЕЛЯМ И ПЕРСОНАЛУ ШКОЛ (1 января, 1932).

WE DEMAND PAY FOR OUR TEACHERS (May 1, 1933). МЫ ТРЕБУЕМ ЗАРПЛАТЫ НАШИМ УЧИТЕЛЯМ (1 мая, 1933).

(FOR) TEACHERS PAY IN CASH NOT PROMISES (May 30, 1934). ОПЛАТА ТРУДА УЧИТЕЛЕЙ НАЛИЧНЫМИ, А НЕ ОБЕЩАНИЯМИ (30 мая, 1934).

TO ALL PUBLIC SCHOOL TEACHERS OF CHICAGO! ORGANIZE AND FIGHT! (January 21, 1932) ВСЕМ УЧИТЕЛЯМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ШКОЛ ЧИКАГО! СПЛОТИТЕСЬ И СРАЖАЙТЕСЬ! (21 января, 1932).

Бывшие военнослужащие (бывшие силовики)

FOR FULL PAYMENT OF THE BONUS TO THE EX-SERVICEMEN! (November 8, 1932) ЗА ПОЛНУЮ ВЫПЛАТУ СОЛДАТСКИХ НАДБАВОК (Прим. редакции – Летом 1932 г. в Вашингтоне прошла демонстрация безработных ветеранов первой мировой войны (Bonus March), в которой приняли участие около 15 тыс. человек. Ветераны надеялись убедить Конгресс выплатить им деньги по сертификатам о надбавке (bonus certificate), выданным в 1924 г. Они старались сохранить военную дисциплину в своем городке демонстрантов и изгнали коммунистов-агитаторов. Президент Гувер (см. выше) серьезно подмочил свою репутацию, приказав войскам выдворить бастующих из города. Ветераны были изгнаны из палаточного городка 28 июня 1932 г войсками под командованием генерала Макартура, а Конгресс решил вопрос о надбавке только в 1936 г. Принятием этого закона закончилась 17-летняя борьба ветеранов войны за выплату надбавки, которую они начали сразу после первой мировой войны) БЫВШИМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ! (8 ноября, 1932).

MAKE THE RICH BANKERS PAY THE BACK WAGES (BONUS) TO THE EX-SERVICEMEN! (August 1, 1932) ЗАСТАВИМ БОГАТЫХ БАНКИРОВ ВЫПЛАТИТЬ СОЛДАТСКИЕ НАДБАВКИ БЫВШИМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ! (1 августа, 1932).

Национальная гвардия и учебный корпус офицеров запаса (силовики)

DEMAND THE COMPLETE WITHDRAWAL OF RIOT TRAINING AND GAS DRILL FROM THE TRAINING SCHEDULE (August 31, 1934). ТРЕБУЕМ ПОЛНОГО ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ УЧЕБНОГО ПЛАНА ТРЕНИРОВОК В ПОДАВЛЕНИИ БУНТОВ И ОБУЧЕНИЯ ГАЗОВОЙ АТАКЕ (21 августа, 1934).

NATIONAL GUARDSMEN! MARCH FOR JOBS OR CASH RELIEF! (November 24, 1934) НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ! УЧАСТВУЙТЕ В МАРШАХ ПРОТЕСТА ПОД ДЕВИЗОМ: РАБОТА ИЛИ ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ НАЛИЧНЫМИ! (24 ноября, 1934).

Атлеты (люди, активно поддерживающие физическую форму)

UNITY OF ALL WORKER ATHLETES! (July 31, 1932) ЕДИНСТВО ВСЕХ ТРУЖЕНИКОВ-АТЛЕТОВ! (31 июля, 1932).

MASS PARTICIPATION IN ATHLETICS, AND AGAINST THE SYSTEM OF STARRING ONLY A FEW! (July 28, 1932) МАССОВОЕ УЧАСТИЕ В АТЛЕТИКЕ, ПРОТИВ СИСТЕМЫ, ГДЕ ЗВЕЗДАМИ СТАНОВЯТСЯ ЛИШЬ НЕМНОГИЕ (28 июля, 1932).

THE WORKERS' SPORTSMAN IN THE RANKS OF THE WORKING CLASS! (July 28, 1932) СПОРТСМЕНА-ТРУЖЕНИКА В РЯДЫ РАБОЧЕГО КЛАССА! (28 июля, 1932)

С. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВОЗРАСТ, И ПОЛ (Приведенные ниже группы относятся к группе «с системой социальных установок» исходя из нашего деления политически задействованных групп с учетом квалификации, классовой принадлежности, личных качеств и социальных установок лиц, входящих в их состав)

Семьи

SOCIAL INSURANCE FOR THE UNEMPLOYED IN THE AMOUNT OF \$15.00 PER WEEK AND \$3.00 ADDITIONAL FOR EVERY MEMBER OF THE FAMILY, AT THE EXPENSE OF THE BOSSES AND THE GOVERNMENT (August 8, 1931). СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ДЛЯ БЕЗРАБОТНЫХ В РАЗМЕРЕ 15 ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ И ПЛЮС 3 ДОЛЛАРА НА КАЖДОГО ЧЛЕНА СЕМЬИ ЗА СЧЕТ БОССОВ И ГОСУДАРСТВА (8 августа, 1931).

FOR CASH RELIEF OF \$7 PER WEEK FOR EVERY MARRIED COUPLE WITH \$2 ADDITIONAL FOR EACH DEPENDENT (February 3, 1933). ЗА ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ НА ЛИЧНЫМИ В РАЗМЕРЕ 7 ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ ДЛЯ КАЖДОЙ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ ПЛЮС 2 ДОЛЛАРА НА КАЖДОГО МАТЕРИАЛЬНО ЗАВИСИМОГО ЧЛЕНА СЕМЬИ (3 февраля, 1933).

Не состоящие в браке

\$6 PER WEEK FOR ALL SINGLE WORKERS (February 3, 1933). 6 ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ, НЕ СОСТОЯЩИМ В БРАКЕ (3 февраля, 1933).

RELIEF TO BE NOT LESS THAN \$7 PER WEEK FOR ALL SINGLE WORKERS (May 1, 1934). ПОСОБИЕ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ НЕ МЕНЕЕ 7 ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ ДЛЯ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ, НЕ СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ (1 мая, 1934).

Дети, учащиеся, родители

CARE FOR BABIES – MILK AND FRUIT (March 8, 1932). ЗАБОТА О МЛАДЕНЦАХ – МОЛОКА И ФРУКТОВ (8 марта, 1932).

FREE LUNCHEES FOR THE UNEMPLOYED WORKERS CHILDREN! (February 21, 1931). БЕСПЛАТНЫЕ ОБЕДЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ БЕЗРАБОТНЫХ! (21 февраля, 1931).

FREE LUNCHEES AND CLOTHING FOR THEIR (UNEMPLOYED) CHILDREN (February 4, 1931). БЕСПЛАТНЫЕ ОБЕДЫ И ОДЕЖДА ДЛЯ ДЕТЕЙ БЕЗРАБОТНЫХ (4 февраля, 1931).

FREE HOT LUNCHEES AND SCHOOL SUPPLIES FOR SCHOOL KIDS (March 8, 1932). БЕСПЛАТНЫЕ ГОРЯЧИЕ ОБЕДЫ И ШКОЛЬНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ (8 марта, 1932).

(FOR) SCHOOLS NOT BATTLESHIPS (May 30, 1934). (ЗА) ШКОЛЫ, А НЕ ЛИНКОРЫ (30 мая, 1934).

WE DEMAND THE GOVERNMENT GIVE US FREE HOT LUNCHEES, CAR-FARE AND CLOTHING IF OUR PARENTS ARE OUT OF WORK AND CANNOT AFFORD IT (September 8, 1931). МЫ ТРЕБУЕМ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОРЯЧИХ БЕСПЛАТНЫХ ОБЕДОВ, ПЛАТЫ ЗА ПРОЕЗД И ОДЕЖДЫ, ЕСЛИ НАШИ РОДИТЕЛИ ПОТЕРЯЛИ РАБОТУ И НЕ МОГУТ СЕБЕ ЭТО ПОЗВОЛИТЬ (8 сентября, 1931).

WE DEMAND FREE SHOES AND CLOTHING (May 1, 1933). МЫ ТРЕБУЕМ БЕСПЛАТНОЙ ОБУВИ И ОДЕЖДЫ (1 мая, 1933).

WE DEMAND FREE DOCTOR'S EXAMINATION AND CARE (March 26, 1932). МЫ ТРЕБУЕМ БЕСПЛАТНОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ (26 марта, 1932).

DEMAND SMALLER CLASSES AND A SEAT FOR EVERY CHILD (January 21, 1932). ТРЕБУЕМ РАЗГРУЗИТЬ КЛАССЫ И ДАТЬ МЕСТО ЗА ПАРТОЙ КАЖДОМУ РЕБЕНКУ (21 января, 1932)..

PARENTS! SUPPORT YOUR CHILDREN'S STRIKE FOR BETTER EDUCATIONAL OPPORTUNITIES! GO WITH THEM ON THE PICKET LINE! (December 1933). РОДИТЕЛИ! ПОДДЕРЖИТЕ ЗАБАСТОВКУ СВОИХ ДЕТЕЙ ЗА ПРАВО НА УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ И РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ! ВЫХОДИТЕ С НИМИ НА ПЕРЕДОВУЮ ПИКЕТА! (Декабрь, 1933).

Молодежь и студенты

FELLOWS AND GIRLS! JOIN THE PARADE AGAINST BOSSES' WAR AND FASCISM (August 31, 1934). ЮНОШИ И ДЕВУШКИ! ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ДЕМОНСТРАЦИИ ПРОТИВ ВОЙНЫ БОССОВ И ФАШИЗМА (31 августа, 1934).

THE IMMEDIATE GIVING OF A \$5 MEAL TICKET WEEKLY TO UNEMPLOYED YOUTH BY THE UNITED CHARITIES (October 13, 1931). ЗА НЕМЕДЛЕННУЮ ВЫДАЧУ ТАЛОНА РАВНОГО 5 ДОЛЛАРАМ НА НЕДЕЛЬНОЕ ПИТАНИЕ БЕЗРАБОТНОЙ МОЛОДЕЖИ ОТ СОЮЗА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (13 октября, 1931).

\$5 WEEKLY MEAL TICKET FOR YOUNG WORKERS, TO BE GIVEN BY RELIEF STATION AND FINANCED BY THE BOSSES (October 30, 1931). НЕДЕЛЬНЫЙ ТАЛОН НА ПИТАНИЕ РАВНЫЙ 5 ДОЛЛАРАМ ДЛЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ В ПУНКТАХ ВЫДАЧИ ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ И ЗА СЧЕТ БОССОВ (30 октября, 1931).

NO FORCED LABORCAMP, 1 DAYS WORK PER WEEK, \$5.00 CASH WAGE FOR ALL UNEMPLOYED YOUTH (May 1, 1933). НЕТ ПРИ-

НУДИТЕЛЬНОМУ РАЗМЕЩЕНИЮ В ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ, ХОТЯ БЫ ОДИН РАБОЧИЙ ДЕНЬ В НЕДЕЛЮ, ЗАРАБОТОК В 5 ДОЛЛАРОВ НАЛИЧНЫМИ ДЛЯ ВСЕЙ БЕЗРАБОТНОЙ МОЛОДЕЖИ (1 мая, 1933).

FOR THE REPLACEMENT OF ROOSEVELT'S CCC AND TRANSIENT CAMPS BY THE SYSTEM OF UNEMPLOYMENT AND SOCIAL INSURANCE FOR ALL UNEMPLOYED WORKERS (July 16, 1934) ЗА ЗАМЕНУ КОРПОРАЦИИ ТОВАРНОГО КРЕДИТА (*Прим. редакции – Commodity Credit Corporation (CCC)* – Корпорация товарного кредита, независимое федеральное ведомство, созданное с целью регулирования сельскохозяйственного производства и стабилизации цен на сельскохозяйственные продукты посредством кредитов и закупок, стимулирования экспорта сельскохозяйственной продукции, в том числе и в порядке помощи, и защиты прибылей фермеров. Основано в октябре 1933 г.) РУЗВЕЛЬТА И ЛАГЕРЕЙ ВРЕМЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ СИСТЕМОЙ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И ВЫПЛАТ ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ ДЛЯ ВСЕХ БЕЗРАБОТНЫХ (16 июля, 1934).

NO YOUNG WORKERS UNDER 21 TO BE EMPLOYED IN NIGHT WORK (August 1, 1931). НИ ОДИН МОЛОДОЙ ТРУДЯЩИЙСЯ, НЕ ДОСТИГШИЙ 21 ГОДА, НЕ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ В НОЧНЫЕ СМЕНЫ (1 августа, 1931).

EQUAL PAY FOR EQUAL WORK FOR YOUNG AND ADULT WORKERS! (August 1, 1931) РАВНУЮ ЗАРПЛАТУ ЗА РАВНЫЙ ТРУД МОЛОДЫМ И ВЗРОСЛЫМ! (1 августа, 1931).

A 6-HOUR DAY, A 5-DAY WEEK FOR ALL YOUNG WORKERS UNDER 18 YEARS OF AGE (October 30, 1931). ШЕСТИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ПЯТИДНЕВНАЯ НЕДЕЛЯ ДЛЯ ВСЕЙ МОЛОДЕЖИ, НЕ ДОСТИГШЕЙ 18 ЛЕТ (30 октября, 1931).

AGAINST ALL DISCRIMINATION OF YOUNG WORKERS IN NRA CODES (July 16, 1934). ПРОТИВ ЛЮБОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СТАТЬЯХ ЗАКОНА О ВОССТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (*Прим. редакции – National (Industrial) Recovery Act* (см. выше)) (16 июля, 1934).

YOUNG WORKERS IN CONTINENTAL CAN: FIGHT AGAINST WAGE CUTS (April 17, 1932). МОЛОДЫЕ ТРУЖЕНИКИ, ЖИВУЩИЕ В ЛАЧУГАХ ИММИГРАНТОВ: СРАЖАЙТЕСЬ ПРОТИВ УРЕЗКИ ЗАРАБОТКА (17 апреля, 1932).

THE SECURING OF HOMES, EMPTY ROOMS, ROOMS IN THE Y.M.C.A. BY THE UNITED CHARITIES FOR HOMELESS YOUTH (October 13, 1931) ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОМОВ, КОМНАТ, ЖИЛЬЯ В ОБЩЕЖИТИЯХ АССОЦИАЦИИ МОЛОДЫХ ХРИСТИАН (*Прим. редакции – Young Men's Christian Association (YMCA)*) – Ассоциация молодых христиан (ИМКА) – неполитическая международная организация. Американское отделение основано в 1851 г. в Бостоне. Со временем утратила черты чисто религиозной организации и сейчас объединяет моло-

дежь среднего класса, служащих, квалифицированных промышленных рабочих. Занимается организацией досуга и обучением молодежи, содержит общежития, клубы, гостиницы и т.д.) ДЛЯ БЕЗДОМНОЙ МОЛОДЕЖИ ЗА СЧЕТ СОЮЗА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (13 октября, 1931).

IMMEDIATE SUBSTANTIAL REDUCTION IN RENT FOR YOUNG WORKERS IN «Y'S» (September 8, 1931). НЕМЕДЛЕННОГО СУЩЕСТВЕННОГО СНИЖЕНИЯ ПЛАТЫ ЗА ЖИЛЬЕ ДЛЯ ЧЛЕНОВ АССОЦИАЦИИ МОЛОДЫХ ХРИСТИАН (8 сентября, 1931).

FULL FREEDOM OF DISCUSSION OF ALL POLITICAL QUESTIONS IN THE «Y» (September 8, 1931). ПОЛНАЯ СВОБОДА В ОБСУЖДЕНИИ ВСЕХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В РАМКАХ АССОЦИАЦИИ МОЛОДЫХ ХРИСТИАН (8 сентября, 1931).

NOMINATION AND ELECTION OF ALL MANAGERS AND OFFICIALS BY THE MEMBERSHIP (IN Y.M.C.A.) (September 8, 1931). ЗА ПРАВО ВЫДВИЖЕНИЯ КАНДИДАТОВ И ВЫБОРЫ НА ПОСТ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АССОЦИАЦИИ МОЛОДЫХ ХРИСТИАН И ЕЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ С УЧЕТОМ МНЕНИЯ РЯДОВЫХ ЧЛЕНОВ (8 сентября, 1931).

STUDENTS, TEACHERS, PARENTS, YOUNG WORKERS, NEGRO AND WHITE! SUPPORT THE DEMANDS OF THE STUDENTS STRIKE! (December 1933) СТУДЕНТЫ, УЧИТЕЛЯ, РОДИТЕЛИ, РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ, ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ! ПОДДЕРЖИТЕ ТРЕБОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЗАБАСТОВКИ (Декабрь, 1933).

Женщины

WOMEN! JOIN THE COMMUNIST PARTY (March 8, 1932). ЖЕНЩИНЫ! ВСТУПАЙТЕ В РЯДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (8 марта, 1932).

EQUAL PAY FOR EQUAL WORK (March 8, 1932). РАВНАЯ ПЛАТА ЗА РАВНЫЙ ТРУД (8 марта, 1932).

NO NIGHT WORK FOR WOMEN (March 8, 1932). НИКАКИХ НОЧНЫХ СМЕН ДЛЯ ЖЕНЩИН (8 марта, 1932).

D. РАСОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

Афроамериканцы

NEGRO AND WHITE WORKERS, LET'S UNITE OUR FORCES AGAINST THE BOSS POLITICIANS AND THEIR PRIMARIES! (April 11, 1932) ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ ТРУЖЕНИКИ, ДАВАЙТЕ ОБЪЕДИНИМ НАШИ УСИЛИЯ ПРОТИВ БОССОВ-ПОЛИТИКОВ И ИХ ВЫБОРОВ! (11 апреля, 1932).

FOR SELF DETERMINATION IN THE BLACK BELT (November 4, 1934). ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ШТАТАХ ЧЕРНОГО ПОЯСА (*Прим. редакции – Черный пояс* – штаты Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи и др. южные штаты страны, где негритянское население значи-

тельно превышает белое. Коммунистической партией был выдвинут лозунг за права афроамериканской диаспоры на самоопределение и за создание в районах Черного пояса самостоятельного негритянского государства) (4 ноября, 1934).

RAISE YOUR VOICE HIGH AGAINST THE ONSLAUGHT ON THE NEGRO PEOPLE! (April 14, 1933) СКАЖИ РЕШИТЕЛЬНОЕ НЕТ НАПАДКАМ НА НЕГРОВ! (14 апреля, 1933).

SELF DETERMINATION FOR NEGROES! (September 10, 1930) САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НЕГРАМ! (10 сентября, 1930).

AGAINST LYNCHING OF NEGRO AND WHITE WORKERS (1931). ПРОТИВ ЛИНЧЕВАНИЯ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ТРУЖЕНИКОВ (1931).

FIGHT FOR THE RELEASE OF THE SCOTTSBORO BOYS! (November 7, 1932) СРАЖАЙТЕСЬ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РЕБЯТ ИЗ СКОТТСБОРО! (Прим. редакции – Дело «ребят из Скоттсборо» (см. выше)) (7 ноября 1932).

PROTEST THE PLANNED LYNCHING OF THE SCOTTSBORO BOYS (December 8, 1933). ПРОТЕСТУЙТЕ ПРОТИВ ЗАПЛАНИРОВАННОГО ЛИНЧЕВАНИЯ РЕБЯТ ИЗ СКОТТСБОРО (8 декабря, 1933).

FOR FULL ECONOMIC, POLITICAL AND SOCIAL EQUALITY FOR NEGRO WORKERS (1931). ЗА ПОЛНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО ДЛЯ ЧЕРНЫХ ТРУДЯЩИХСЯ (1931).

NEGRO AND WHITE WORKERS! STOP THE KILLING OF THE NEGRO PEOPLE! (July 8, 1934) ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ ТРУЖЕНИКИ! ОСТАНОВИТЕ УБИЙСТВА НЕГРОВ! (8 июля, 1934).

DEMAND THE RIGHT OF NEGROES TO SWIM ON ALL BEACHES (June 14, 1933). ТРЕБУЕМ ДЛЯ НЕГРОВ ПРАВА КУПАТЬСЯ НА ВСЕХ ПЛЯЖАХ (14 июня, 1933).

WORKERS OF CHICAGO! NEGRO AND WHITE! COME TO THE HUGE MASS MEETING TO HEAR EMIL NYGART FIRST COMMUNIST MAYOR IN THE U.S. (February 26, 1933). ТРУДЯЩИЕСЯ ЧИКАГО! ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ! ПРИХОДИТЕ НА БОЛЬШОЙ МАССОВЫЙ МИТИНГ, ЧТОБЫ ПОСЛУШАТЬ ЭМИЛЯ НИГАРТА, ПЕРВОГО МЭРА-КОММУНИСТА В США (26 февраля, 1933).

NEGRO WORKERS: BEWARE OF THE LANDLORDS, POLITICIANS AND OTHERS WHO WILL TRY TO MISLEAD YOU AND TURN YOU AGAINST THE WHITE WORKERS (August 3, 1931). ЧЕРНЫЕ ТРУЖЕНИКИ: ОПАСАЙТЕСЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПОЛИТИКОВ И ПРОЧИХ, КТО ПОПЫТАЕТСЯ ПРОВЕСТИ ВАС И НАСТРОИТЬ ПРОТИВ БЕЛЫХ ТРУДЯЩИХСЯ (3 августа, 1931).

MEXICAN, NEGRO, AND WHITE WORKERS! COME AND BRING YOUR FRIENDS (October 13, 1933). МЕКСИКАНСКИЕ, ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ ТРУДЯЩИЕСЯ! ПРИХОДИТЕ И ПРИВОДИТЕ ДРУЗЕЙ (13 октября, 1933).

AGAINST HIGH RENTS IN NEGRO NEIGHBORHOODS (February, 2, 1933). ПРОТИВ ВЫ-

СОКОЙ ПЛАТЫ ЗА АРЕНДУ В НЕГРИТЯНСКИХ РАЙОНАХ (2 февраля, 1933).

DOWN WITH THE DOUBLE RENT FOR NEGROES (August 8, 1931). ПОКОНЧИМ С ДВОЙНОЙ ПЛАТОЙ ЗА АРЕНДУ ДЛЯ НЕГРОВ (8 августа, 1931).

JOBS FOR THE NEGRO YOUTH SO WE DON'T HAVE TO GO TO CAMP (May 1, 1933). РАБОТУ МОЛОДЫМ НЕГРАМ, И МЫ НЕ БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ ИДТИ В ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ (1 мая, 1933).

NO JIM-CROWISM OF NEGRO STUDENTS (September 1934). НЕТ СЕГРЕГАЦИИ В ОТНОШЕНИИ АФРОАМЕРИКАНСКИХ СТУДЕНТОВ (Сентябрь, 1934)..

DEMAND RECOGNITION OF NEGRO SPORTSMAN! ТРЕБУЕМ ПРИЗНАНИЯ СПОРТСМЕНОВ-АФРОАМЕРИКАНЦЕВ!

Евреи

NO ANTI-SEMITISM (August 1954). НЕТ АНТИСЕМИТИЗМУ (Август 1954).

Рожденные за рубежом

FOR THE PROTECTION OF THE FOREIGN BORN WORKERS, FOR THE UNITY OF THE TOILING MASSES! (December 1932) ЗА ЗАЩИТУ ТРУДЯЩИХСЯ, РОЖДЕННЫХ ЗА РУБЕЖОМ, ЗА ЕДИНСТВО ТРУДОВЫХ МАСС! (Декабрь 1932).

AGAINST THE PERSECUTION, REGISTRATION AND DEPORTATION OF THE FOREIGN BORN WORKERS! (August 1931) ПРОТИВ ГОНЕНИЙ, РЕГИСТРАЦИИ И ДЕПОРТАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ, РОЖДЕННЫХ ЗА РУБЕЖОМ! (август 1931).

AGAINST THE DEPORTATION OF MILITANT FOREIGN BORN WORKERS! (August 9, 1932) ПРОТИВ ДЕПОРТАЦИИ АКТИВИСТОВ-ТРУЖЕНИКОВ, РОЖДЕННЫХ ЗА РУБЕЖОМ! (9 августа, 1932).

Е. ГРУППЫ, ПРОЖИВАЮЩИЕ В ОПРЕДЕЛЕННОМ МЕСТЕ

Районы

FOR IMMEDIATE BEGINNING OF A PROGRAM OF PUBLIC WORKS IN THIS WARD – THAT IS TO INCLUDE PLAYGROUNDS FOR EACH SCHOOL; ALSO, MODERN BUILDINGS WITH A ROOM FOR EACH UNEMPLOYED SINGLE WORKER (February 28, 1933). ЗА НЕМЕДЛЕННОЕ НАЧАЛО ПРОГРАММЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ В ЭТОМ РАЙОНЕ, КОТОРЫЕ ВКЛЮЧАЮТ СТРОИТЕЛЬСТВО ИГРОВЫХ ПЛОЩАДОК ДЛЯ КАЖДОЙ ШКОЛЫ, А ТАКЖЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗДАНИЙ С ЖИЛЬЕМ ДЛЯ КАЖДОГО БЕЗРАБОТНОГО, НЕ СОСТОЯЩЕГО В БРАКЕ (28 февраля, 1933).

COME AND BRING YOUR NEIGHBORS. SHOW YOU STAND ON YOUR RIGHTS (January 23, 1933). ПРИХОДИТЕ И ПРИВОДИТЕ СОСЕДЕЙ. ПОКАЖИТЕ, ЧТО ВЫ ОТСТАИВАЕТЕ СВОИ ПРАВА (23 января, 1933).

© Лассвелл Г., Блюменсток Д., 2007

© Григорьева О.,
Владимирова Е., 2007 (перевод)

**РАЗДЕЛ 4.
ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ**

Гиниатуллин И. А.

Екатеринбург, Россия

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ
К 212.283.05 В 2007 ГОДУ**

Диссертационный Совет К 212.283.05. был создан приказом Высшей аттестационной комиссии № от 1 декабря 2000 г. на базе существовавшего в УрГПУ с 1997 года Диссертационного совета К 212.42.09.

Председатель Совета – д.ф.н., проф. А. П. Чудинов, заместитель председателя – д.ф.н., проф. З. И. Комарова, ученый секретарь – к.п.н., проф. И. А. Гиниатуллин.

Совет имеет право принимать диссертации по специальностям:

13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык, иностранные языки)

13.00.08 – теория и методика профессионального образования.

В 2007 году Диссертационный совет К 212.283.05 провел 26 заседаний, на которых были защищены следующие диссертации:

12 января

1. В 14.00 Дворжец Ольга Соломоновна (Омский ГУ). Методика работы с аутентичными материалами при обучении английскому языку студентов педагогического вуза. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева. Эксперты – Т. С. Серова и И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.пед.н., доц. А. В. Кустова. Ведущая организация – Томский ГУ.

2. В 16.00 Наугольных Антон Юрьевич (Пермский ГТУ). Навыки и умения осмысления и понимания в полном письменном переводе как дидактический объект профессиональной подготовки переводчика. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Т. С. Серова. Эксперты д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.пед.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Е. В. Ковалевская и к.пед.н., проф. О. Г. Скворцов. Ведущая организация – Пермский ГУ.

19 января

3. В 14.00 Кустова Ольга Леонидовна. (УрГПУ). Социально-ролевой подход в обучении как фактор становления профессионально-педагогической компетентности будущих учителей. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Е. В. Коротаева. Эксперты – д.ф.н., проф. М. Л. Кусова и д.фил.н., проф. А. П. Чудинов. Оппоненты – доктор философских наук, проф. Л. Я. Рубина и д.п.н., проф. Л. И. Савва. Ведущая организация – Челябинский ГПУ.

4. В 16.00 Аракелова Татьяна Леонидовна (Нижнетагильская ГСГА). Взаимное обучение как условие развития когнитивной мобильности у будущих учителей. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Е. В. Коротаева.

Эксперты – к.пед.н., доц. В. Н. Беляева и к.пед.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Н. О. Вербицкая и к.пед.н., доц. Г. В. Сорвачева. Ведущая организация – Иркутский институт повышения квалификации работников образования.

26 января

5. В 14.00 Алексеева Елена Демьяновна (УрГПУ). Развитие речевой культуры младших подростков в пятом классе. 13.00.02. Научный руководитель – Л. М. Линецкая. Эксперты д.ф.н., проф. З. И. Комарова и И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Л. А. Месеняшина и к.пед.н., доц. И. С. Чудинова. Ведущая организация – Башкирский ГУ.

6. В 16.00 Ежкина Татьяна Михайловна (Омский ГУ). Развитие социокультурной компетенции в процессе работы с учебным аутентичным текстом при обучении немецкому языку студентов-регионоведов. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева. Эксперты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.пед.н., доц. Л. В. Скопова. Оппоненты – Т. С. Серова и к.пед.н., доц. М. В. Югова. Ведущая организация – Уральский ГЭУ.

9 февраля

7. В 14.00 Ятаева Евгения Владимировна (Тюменский ГУ). Учебный глоссарий как средство развития компетенции в овладении иноязычной лексикой в профессиональном языковом образовании. 13.00.08. Научный руководитель – И. А. Гиниатуллин. Эксперты д.пед. наук, проф. Т. С. Серова и к.пед.н., доц. Л. В. Скопова. Оппоненты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.пед.н., доц. М. С. Багарядцева. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСГА.

18 мая

8. В 14.00 Григорьева Марина Александровна (Новосибирский ГПУ). Обучение студентов использованию речевых жанров в педагогическом общении. 13.00.08. Научный руководитель – к.п.н., проф. И. Н. Зайдман. Эксперты И. С. Чудинова и Н. Н. Сергеева. Оппоненты – д.п.н., проф. Л. Г. Антонова и д.п.н., доц. Т. А. Сутырина. Ведущая организация – Кузбасская ГПА.

9. В 16.00 Позняк Дарья Владимировна (УрГПУ). Обучение студентов языкового вуза самостоятельному совершенствованию сложных аудитивных умений иноязычной речи. 13.00.08. Научный руководитель – к.п.н., проф. И. А. Гиниатуллин. Эксперты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.ф.н., проф. О. Г. Скворцов. Оппоненты – Н. Н. Сергеева и к.пед.н., доц. М. А. Югова. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСГА.

30 мая

10. В 14.00 Солонина Лариса Владимировна (Шадринский ГПИ). Развитие учебной компетентности в профессиональном языковом образовании. 13.00.08. Научный руководитель – к.п.н., проф. И. А. Гиниатуллин. Эксперты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.пед.н., доц.

Л. В. Скопова. Оппоненты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.пед.н., доц. И. В. Возмилова. Ведущая организация – ЮУрГУ.

11. В 16.00 Ярошенко Ольга Николаевна (Челябинский ГУ). Развитие перцептивно-коммуникативной компетентности будущих переводчиков. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. С. А. Репин. Эксперты – Н. Н. Сергеева и И. А. Гиниатуллин. Оппоненты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.пед.н., доц. Н. В. Комиссарова. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСПА.

31 мая

12. В 9.00 Кирюшина Ольга Викторовна (НТГСПА). Диагностика познавательной компетентности в профессиональном языковом образовании. 13.00.08. Научный руководитель – И. А. Гиниатуллин. Эксперты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.пед.н., доц. Л. В. Скопова. Оппоненты – д.п.н., проф. Л. И. Корнеева и к.пед.н., доц. Л. В. Скопова. Ведущая организация – Шадринский ГПИ.

13. В 11.00 Малетина Лариса Васильевна (Томский ГУ). Обучение иноязычному монологическому говорению во взаимосвязи с информативным чтением в процессе профессиональной подготовки будущего инженера. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Т. С. Серова. Эксперты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.пед.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.пед.н., доц. В. М. Томилова. Ведущая организация – Кузбасский ГТУ.

15 июня

14. В 14.00 Ваганова Галина Васильевна (УрГА МЧС). Формирование организационно-исследовательского компонента профессиональной подготовки будущих специалистов службы спасения. 13.00.08. Научный руководитель – Ю. Б. Мельников. Эксперты – И. А. Гиниатуллин и И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. А. Г. Гейн и к.п.н., доц. А. В. Гришин. Ведущая организация – Академия государственной противопожарной службы МЧС РФ.

5 октября

15. В 14.00 Степанова Оксана Александровна (Челябинская ГАКИИ). Формирование информационной культуры студентов вуза на основе культурологического подхода. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Р. А. Литвак. Эксперты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и д.п.н., проф. К. М. Левитан. Оппоненты – д.п.н., проф. К. М. Левитан и к.п.н., доц. В. Н. Запорожец. Ведущая организация – УрГУ.

16. В 16.00 Колесникова Елена Александровна (Челябинская ГАКИИ). Формирование профессионально-педагогической направленности у будущих учителей русского языка и литературы. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Р. А. Литвак. Эксперты – д.ф.н., проф. М. Л. Кусова и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Л. В. Трубайчук и к.п.н.,

доц. И. С. Чудинова. Ведущая организация – Магнитогорский ГУ.

2 ноября

17. В 14.00 Демышева Алина Станиславовна (УрГПУ). Формирование языковой личности младшего школьника в процессе лингвистического образования. 13.00.02. Научный руководитель – д.ф.н., проф. М. Л. Кусова. Эксперты – к.п.н., доц. И. С. Чудинова и к.ф.н., доц. О. Г. Скворцов. Оппоненты – д.п.н., проф. Е. Ю. Никитина и к.п.н., доц. Г. И. Быкова. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСПА.

18. В 16.00 Шаламов Вячеслав Викторович (НТССШМ МВД России). Развитие познавательной компетентности учащихся профессиональных образовательных заведений деонтического типа в процессе самостоятельной работы по истории. 13.00.08. Научный руководитель – к.п.н., доц. З. И. Гузненко. Эксперты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. В. Д. Ширшов и к.п.н., доц. Н. А. Лис. Ведущая организация – РГППУ.

3 ноября

19. В 10.00. Воробьева Татьяна Васильевна (УрГПУ). Использование исследовательских методов в лексической работе на уроках русского языка в основной школе. 13.00.02. Научный руководитель – д.п.н., проф. М. Л. Кусова. Эксперты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева. Оппоненты – д.п.н., проф. Л. П. Сычугова и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Ведущая организация – Новосибирский ГПУ.

20. В 12.00 Кашникова Ирина Владимировна (УрГТУ). Предтекстовый этап работы над сочинением в старших классах. 13.00.02. Научный руководитель – д.ф.н., доц. Т. В. Попова. Эксперты – д.ф.н., проф. М. Л. Кусова и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. В. Я. Булохов и к.п.н., доц. Н. Е. Букина. Ведущая организация – Челябинский ГУ.

9 ноября

21. В 12.00 Горшкова Екатерина Евгеньевна (УрГПУ). Компьютерное обучение испанскому языку на начальном этапе профессионального языкового образования. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева. Эксперты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.п.н., доц. Л. В. Скопова. Оппоненты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.п.н., доц. В. А. Яковлева. Ведущая организация – Уральский ГЭУ.

22. В 14.00 Архипова Елена Игоревна (Ижевский ГТУ). Формирование иноязычного лексикона специалиста в интегративном обучении иностранному языку и общепрофессиональной дисциплине. 13.00.08. Научный руководитель – д.ф.н., проф. Т. С. Серова. Эксперты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.п.н., доц. Л. В. Скопова. Оппоненты – д.п.н., проф. Л. К. Мазунова и к.п.н., доц. Л. В. Скопова. Ведущая организация – Пермский ГПУ.

23. В 16.00 Стренадюк Галина Сергеевна (УрГПУ). Обучение омонимичным грамматическим структурам студентов-филологов в процессе иноязычного чтения. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева. Эксперты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.п.н., доц. Л. В. Скопова. Оппоненты – д.п.н., проф. Т. С. Серова и к.п.н., доц. О. П. Казакова. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСПА.

10 ноября

24. В 10.00 Факторович Татьяна Владимировна (Новосибирский ГПУ). Обучение студентов и учителей адекватным реакциям (на материале провокаций в педагогическом общении). 13.00.08. Научный руководитель – к.ф.н., проф. И. Н. Зайдман. Эксперты – к.ф.н., доц. О. Г. Скворцов и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Н. И. Махновская и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Ведущая организация – Красноярский ГПУ.

25. В 12.00 Сличная Нина Викторовна (УрГПУ). Формирование у студентов колледжа готовности к поликультурному взаимодействию. 13.00.08. Научный руководитель – д.п.н., проф. Л. В. Моисеева. Эксперты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Н. Н. Сергеева и д.п.н., проф. Т. Н. Третьякова. Ведущая организация – РГППУ.

26. В 14.00 Кузнецова Светлана Юрьевна (УрГПУ). Становление профессионального педагогического сознания в условиях бинарной образовательной системы «лицей-колледж». 13.00.08. Научный руководитель – к.п.н., доц. А. А. Симонова. Эксперты – д.ф.н., проф. З. И. Комарова и к.п.н., доц. И. С. Чудинова. Оппоненты – д.п.н., проф. Н. К. Чапаев и д.п.н., проф. С. А. Новоселов. Ведущая организация – УрГУ.

© Гиниатуллин И. А., 2007

Пирогов Н. А.

Екатеринбург, Россия

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ
Д 212.283.02 В 2007 ГОДУ**

Диссертационный совет Д 212.283.02 утвержден в Уральском государственном педагогическом университете г. Екатеринбурга приказом Минобразования Российской Федерации от 01 декабря 2000 года № 690-в.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по 10.02.01 – русский язык по филологическим наукам;

по 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание по филологическим наукам.

В 2007 году Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 26 заседаний.

По специальности 10.02.01 – русский язык были защищены 7 кандидатских диссертаций по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопостави-

тельное языкознание были защищены 18 кандидатских диссертаций и одна докторская.

2 февраля

1. В 13.00 Тихонова Светлана Александровна (Омский ГУ). Концепты *зло* и *evil* в российской и американской политической картине мира. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Н. А. Кузьмина. Эксперты – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский и А. П. Чудинов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева и к.филол.н., доц. Е. В. Колотнина. Ведущая организация – Кемеровский ГУ.

2. В 15.00 Глазырина Анна Игоревна (УрГПУ). Английские контактные элементы в русском компьютерном подязыке. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева и Н. В. Пестова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева и д.филол.н., проф. В. М. Лейчик. Ведущая организация – Пермский ГУ.

16 февраля

3. В 13.00 Алексеева Мария Леонардовна (УрО РАН). Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф. М. Достоевского. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – Н. А. Плещев. Эксперты – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский и д.филол.н., проф. М. Л. Кусова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Л. Мышкина и к.филол.н., проф. Г. Н. Бабич. Ведущая организация – Удмуртский ГУ.

4. В 15.00 Дондик Людмила Юрьевна (Нижний Тагил). Функционирование пунктуационных знаков в тексте: сопоставительное исследование на материале французского и русского языков. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский. Эксперты – д.филол.н., проф. О. А. Турбина и д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Оппоненты – д.филол.н., проф. О. А. Турбина и к.филол.н., доц. Ю. В. Богоявленская. Ведущая организация – Тюменский ГУ.

2 марта

5. В 13.00 Дронова Любовь Петровна (Томский ГУ). Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Специальность – 10.02.20. **Докторская.** Научный консультант – д.филол.н., проф. З. И. Резанова. Эксперты – д.филол.н., проф. А. Ф. Журавлев, д.филол.н., проф. Т. А. Гридина, д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Ж. Ж. Варбот, д.филол.н., проф. Т. А. Гридина, д.филол.н., проф. М. Э. Рут. Ведущая организация – Новосибирский ГУ.

6. В 16.00 Гашева Ольга Викторовна (УрГПУ). Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – Е. В. Ерофеева. Эксперты – д.филол.н.,

проф. В. И. Томашпольский и д.филол.н., проф. Н. В. Пестова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Л. В. Кушнина и к.филол.н.. доц. Ю. В. Вронская. Ведущая организация – Тюменский ГУ.

30 марта

7. В 13.00 Казанцева Юлия Сергеевна (УрГПУ). Субъективная модальность в русских и английских рекламных проспектах образовательных услуг. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова и А. П. Чудинов. Оппоненты – д.филол.н., проф. В. Д. Табанакова и к.филол.н.. доц. Е. В. Шустрова. Ведущая организация – Пермский ГУ.

8. В 15.00 Кабаченко Екатерина Геннадьевна (УрГПУ). Метафорическое представление ведущих концептов педагогического дискурса. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и К. И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., проф. К. И. Демидова и д.филол.н., проф. Т. В. Попова. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСПА.

27 апреля

9. В 13.00 Прокопьева Анастасия Александровна (Ханты-Мансийский ГУ). Сопоставительное исследование метафор в текстах романов В.В. Набокова на русском и английском языках. Специальность – 10.02.20. Научные руководители – к.филол.н., проф. О. Г. Скворцов и д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Эксперты – Н. В. Пестова и Н. А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Н. Белозерова и к.филол.н.. доц. Е. Л. Богуславская. Ведущая организация – РГППУ.

10. В 15.00 Сумина Екатерина Владимировна (Шадринский ГПИ). Толерантность: от феномена к концепту. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. Н. В. Пестова. Эксперты – д.филол.н., проф. Л. М. Майданова и д.филол.н., проф. М. Л. Кусова. Оппоненты – д.филол.н., проф. О. А. Михайлова и к.филол.н.. доц. М. А. Шабаяева. Ведущая организация – Пермский ГТУ.

25 мая

11. В 13.00 Зенченко Мария Александровна (УрГПУ). Сопоставительный структурно-семантический анализ бессоюзных сложных предложений в русском и немецком языке. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – Н. А. Пирогов. Эксперты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и В. И. Томашпольский. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Л. Мышкина и к.филол.н.. доц. Н. Д. Марова. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСПА.

12. В 15.00 Чернякова Мария Вячеславовна (Челябинский ГУ). Реализация манипулятивного потенциала метафоры в российском и американском дискурсе войны в Ираке. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель –

д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. К. И. Демидова и В. И. Томашпольский. Оппоненты – д.филол.н., проф. В. И. Карасик и к.филол.н.. доц. Е. В. Колотникова. Ведущая организация – Челябинский ГПУ.

29 мая

13. В 13.00 Моисеева Татьяна Валерьевна (ЮУрГУ). Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Эксперты – к.филол.н., проф. Н. А. Пирогов и д.филол.н., проф. О. А. Турбина. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. М. Нестерова и к.филол.н.. доц. Н. В. Багичева. Ведущая организация – Челябинский ГУ.

14. В 15.00 Воробьева Наталья Александровна. Русская сакральная идиоматика. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – Н. И. Коновалова. Эксперты – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина и М. Л. Кусова. Оппоненты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и к.филол.н.. доц. Ю. Н. Михайлова. Ведущая организация – Шадринский ГПИ.

28 сентября

15. В 12.00 Иванова Светлана Михайловна (УрГПУ). Семантизация термина в научно-учебном тексте (на материале терминологии радиотехники в русском и французском языках). Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова и д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева. Оппоненты – д.филол.н., доц. Н. Н. Лыкова и д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова. Ведущая организация – Пермский ГУ.

16. В 14.00 Черникова Елена Михайловна. Эвфемизация теонимов и демонимов в некоторых индоевропейских и афразийских языках. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский. Эксперты – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина и А. Ф. Журавлев. Оппоненты – д.филол.н., проф. М. Э. Рут и к.ф.н., доц. Е. А. Нахимова. Ведущая организация – Томский ГУ.

17. В 16.00 Краев Семен Владимирович. Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Эксперты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и К. И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., проф. К. И. Демидова и к.филол.н.. доц. Ю. Б. Феденева. Ведущая организация – УГТУ-УПИ.

19 октября

18. В 14.00 Ворожцова Ольга Александровна (НТГСПА). Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – А. П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. Н. А. Пирогов и д.филол.н.,

проф. Э. А. Лазарева. Оппоненты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева и канд.ф.н., доц. С. О. Макеева. Ведущая организация – Пермский ГТУ.

19. В 16.00 Завьялова Наталья Алексеевна (УрГПУ). Фразеологизмы с компонентом цветообозначения как отражение японской, английской и русской картины мира. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.ф.н., проф. Т. А. Знаменская. Эксперты – канд.филол.н., проф. Н. А. Пирогов и д.филол.н., проф. А. П. Чудинов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова и канд.ф.н., доц. Е. Л. Богуславская. Ведущая организация – Тюменский ГУ.

6 ноября

20. В 12.00 Злобин Андрей Александрович (Вятский ГГУ). Семантика и функционирование слова **СВОБОДА** в произведениях А. И. Солженицына. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., проф. С. В. Чернова. Эксперты – д.филол.н., проф. А. П. Чудинов и К. И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., проф. К. И. Демидова и к.ф.н., доц. И. М. Волчкова. Ведущая организация – Нижнетагильская ГСПА

21. В 14.00 Сурина Анна Владимировна (НТГСПА). Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – А. П. Чудинов. Эксперты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и д.филол.н., проф. Л. М. Майданова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Ю. В. Казарин и к.ф.н., доц. Н. В. Багичева. Ведущая организация – Вятский ГГУ.

22. В 16.00 Плаксина Елена Борисовна (УрГПУ). Метафорические заголовки во французской и русской прессе. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., доц. О. Г. Путьрская. Эксперты – д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский и д.филол.н., проф. К. И. Демидова. Оппоненты – д.филол.н., доц. Н. Н. Лыкова и д.ф.н., проф. Э. А. Лазарева. Ведущая организация – РГППУ.

14 ноября

23. В 10.00 Овешкова Анна Николаевна (УрГПУ). Сопоставительное исследование функционально-семантического поля определенности-неопределенности в афроамериканском варианте английского языка и современном английском литературном языке. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., доц. В. П. Хабиров. Эксперты – д.филол.н., проф. Н. В. Пестова и д.филол.н., проф. В. И. Томашпольский. Оппоненты – д.филол.н., проф. В. И. Карасик и к.ф.н. Е. В. Шустрова. Ведущая организация – Удмуртский ГУ.

24. В 12.00 Антонова Юлия Анатольевна (УрГПУ). Коммуникативные стратегии и тактики в дискурсе СМИ. Специальность – 10.02.01.

Научный руководитель – д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева. Эксперты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева и д.филол.н., проф. Г. Н. Плотникова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Э. А. Лазарева и к.ф.н., доц. А. Б. Ряпосова. Ведущая организация – Пермский ГУ.

25. В 14.00 Головенкина Нина Васильевна (ЮУрГУ). Метафорическое моделирование в художественной картине мира М.А.Булгакова. Специальность – 10.02.01. Научный руководитель – д.филол.н., доц. А. В. Кубасов. Эксперты – д.филол.н., проф. Т. А. Гридина д.филол.н., проф. З. И. Комарова. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Б. Руженцева и к.ф.н., доц. А. Ю. Ларионова. Ведущая организация – Челябинский ГПУ.

26. В 16.00 Назин Артем Сергеевич (СургутГУ). Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкиена «Хоббит, или туда и обратно» и его переводах на русский язык. Специальность – 10.02.20. Научный руководитель – к.филол.н., доц. Л. В. Черепанова. Эксперты – д.филол.н., проф. М. Л. Кусова и к.филол.н., доц. Н. А. Пирогов. Оппоненты – д.филол.н., проф. Н. Н. Белозерова и к.ф.н., проф. Г. Н. Бабич. Ведущая организация – Пермский ГУ.

© Пирогов Н. А., 2007

**Глория Альварес Бенито
Габриэла Фернандес Диас
Изабель Иньиго-Мора**
Севилья, Испания

Перевод: Будаев Э.В.

**ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«POLITICAL DISCOURSE STRATEGIES»
(«СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ»)**

Первая международная конференция «Стратегии в политическом дискурсе» проходила с 25 по 28 сентября 2007 г. на факультете филологии Севильского университета (Испания). Конференция была организована при финансовой поддержке исследовательской группы JRG (Севильский университет). Организационный комитет возглавили профессора Севильского университета Глория Альварес Бенито, Габриэла Фернандес Диас и Изабель Иньиго-Мора.

Программа конференции включала 37 докладов, представленных участниками со всего мира (Австралия, Великобритания, Венесуэла, Германия, Греция, Индия, Испания, Россия, США, Франция, Швеция, Япония), а также презентацию стендовых докладов, круглый стол по проблемам кинетической речи в политическом дискурсе и два семинара. Рабочие языки конференции – английский и испанский.

Конференцию открыла церемония, на которой декан факультета филологии и организаторы конференции выступили с приветственной речью к участникам конференции. Отдельного внимания заслуживают два пленар-

ных доклада и два семинара, подготовленных такими известными исследователями политического дискурса как Питер Булл (Йоркский университет, Великобритания) и Анита Фетцер (Люнебургский университет, Германия). В своем докладе Питер Булл анализировал стратегии, используемые в политических телеинтервью. Со своей стороны Анита Фетцер представила анализ того, как элементы личного и публичного взаимодействуют в политических интервью. С темами докладов были тесно связаны семинары «Микроанализ политической коммуникации» (П. Булл) и «Коммуникация и дискурс: уклонение во взаимодействии» (А. Фетцер).

Представленные на конференции доклады охватывали большинство тем, которые обычно связываются со сферой анализа политического дискурса. Мы разделили представленные доклады на десять основных групп.

1) Первая группа охватывает доклады, посвященные проблеме дискурсивных стратегий в политических кампаниях:

– Хуанг Ю-хсю (Национальный тайваньский университет, Тайвань) в докладе “The Power of Language: A Study of Persuasive Strategies Used by Chen Shui-Bian in Taiwan Presidential Election Campaign in 2000” рассмотрел персуазивные стратегии кандидата в президенты Чен Шуй-Бяна. Как показал автор, Чен Шуй-Бян использовал целый набор метафор, с помощью которых ему удалось представить сложные идеи в форме простых для понимания образов, а также демонстрировал эмпатию к избирателю, используя задушевные истории, и проявлял свои реформаторскую позицию с помощью риторических вопросов;

– в докладе “Political rhetoric of French presidential candidates' discourse: dissociation phenomena”, представленный Маго Вероник (Университет Тулон-Вар, Франция), была рассмотрена интенциональная природа французского электорального дискурса на примере выступлений Саркози, Руаяль и Байру. С одной стороны, Маго Вероник отметила диссоциацию понятий кандидатами, с другой – все политики использовали типичные приемы, направленные на упрощение излагаемых взглядов.

– Мануэль Мехиас Борреро (Университет Пабло де Олавиде, Испания) в докладе «Political language in the 2004 U.S. Presidential electoral process» анализирует концептуальные фреймы, задействованные Дж. Бушем и Дж. Керри в предвыборной кампании для выражения своей картины мира и убеждения электората;

– в коллективном докладе «La propaganda política en las elecciones presidenciales venezolanas del 2006: estudio de las estrategias de argumentación» Оскар Альберто Моралес, Эрнесто Илх Марин Альтуве и Каролина Гонсалес Пенья (Центральный венесуэльский университет, Венесуэла) проанализировали

основные стратегии в политическом дискурсе президентской кампании в Венесуэле в 2006 г.;

2) Ряд исследователей посвятили доклады анализу парламентского дискурса. Эта сфера исследований была представлена четырьмя докладами:

– Корнелия Илие (Университет Örebro, Швеция) в докладе “Argumentative functions of parentheticals in parliamentary debates” обсуждала аргументативную роль пояснительных замечаний, которыми изобилуют парламентские дебаты;

– Аурелия Карранза Маркес (Севильский университет, Испания) представила исследование “The uses of Memory in the Spanish and British Parliaments. Application of Edwards and Potter's Discursive Action Model (DAM)”. В нем с позиций дискурсивной психологии автор сопоставила различные способы использования прямых и не прямых цитат в испанском и британском парламентском дискурсе;

– в своем исследовании Ре Кубояма (Билефильдский университет, Германия) пытался найти ответ на вопрос: почему прежде безынтересный вопрос китайской и польской миграции резко вышел на повестку дня в парламентских дискурсах имперской Германии и США в конце XIX в («Constructing National Interests and Legitimacy for Immigration Control – Parliamentary discourses on "Polenpolitik" in Imperial Germany and "Chinese Exclusion" in USA of late 19th century»).

– Мария дель Маар Ривас Кармона и Аурелия Карранза Маркес (Севильский университет, Испания) в докладе “Discursive strategies of 'consensus' / 'polarization' in Spanish political debates on the process of European construction” проанализировали дискурс сессии Объединенного комитета по европейским делам в испанском парламенте. Докладчики противопоставили стратегии легитимизации / делегитимизации и консенсуса/поляризации, используемые политиками при обсуждении вопросов европейской политики.

3) Эта группа включает три доклада, объединенных сферой исследования «Политический дискурс и общество»:

– доклад Аны Марии Иглесиас Ботран (Университет Вальядолида, Испания) “La Canción como Estrategia del Discurso Político en Francia” был посвящен вопросу использования песен в качестве политической стратегии во Франции;

– Мария Хесус Ньето-и-Отеро (Центральный венесуэльский университет, Венесуэла) в докладе «Affective linking in political interaction of the Venezuela president» анализировала дискурс Уго Чавеса с позиций прагматической грамматики с целью выявить, как грамматические конструкции в речи президента способствуют эмоциональности политического взаимодействия.

– Лаура Филардо Льямас (Университет Вальядолида, Испания) в докладе “What Can We Do Through Political Discourse? Proposal for The Analysis of its Legitimatory Function” с позиций критического дискурс-анализа рассмотрены способы выражения и функции стратегии легитимизации в политическом дискурсе.

4) Следующие три докладчика из Севильского университета сфокусировали внимание на взаимодействии вербальных и невербальных стратегий в политическом дискурсе:

– Кармен дель Солар Вальдес предприняла попытку показать, что политический коммуникационный процесс основывается на прочной взаимосвязанности вербальных и жестовых составляющих дискурса

– Изабель Иньиго-Мора и Глория Альварес Бенито проанализировали использование вербальных и невербальных (визуальный контакт, жесты) сигналов при реализации стратегии уклонения в корпусе телеинтервью Родригеса Запатеро. Использование статистических данных позволило предположить корреляцию между реализацией стратегии уклонения и невербальными сигналами.

– Изабель Антунес Перес предприняла квантитативно-квалитативное исследование устных вопросов. Используя компьютерную программу ANVIL, И. А. Перес выявила различные типы вопросов и корреляции этих типов с паралингвистическими элементами политического дискурса.

5) Отдельное внимание привлекла тема «политический дискурс и СМИ»

– Нуриа Лоренцо-Дус (Уэльский университет, Великобритания) представила доклад «Sound-bite politics and television: Who is persuading whom?», в котором изложила результаты изучения дискурсивных практик «реконтекстуализации» и «метапрезентации», зафиксированных в британских теленовостях;

– Аннетте Беккер (Университет Иоганна Вольфганга Гете, Германия) в докладе “Drinking Hemlock, Dinner Party Wakes, and the Use of Graduation in British and German Election Night Interviews” продемонстрировала кросс-культурные различия между дискурсами британских и немецких политиков на основе анализа телеинтервью;

– Тьер Жильбер (Университетский центр исследований общества и политики, Франция) в своем исследовании “Persuasion by evidence” проанализировал корпус статей из французской прессы и рассмотрел, как персуазивные стратегии реализуется посредством использования риторических фреймов, прессупозиций, категоризаций по принципу «само собой разумеющееся».

– Карин Джерваси (Калифорнийский государственный университет, США) посвятила свое исследование “Politics and grammar in journalistic discourse” анализу «прямого» и «непрямого» дискурса в двух испаноязычных газе-

тах с противоположными идеологическими позициями: «Granpa» (официальная газета коммунистической партии Кубы) и «El Nuevo Herald» (газета, выходящая в Майами и отражающая взгляды высланных с Кубы оппозиционеров);

6) В современных исследованиях политического дискурса лингвисты неизменно обращаются к вопросам политики и гендера. По этой проблематике было предложено два доклада:

– Катерина Франци (Эгейский университет, Греция) в докладе “Male and Female Greek Parliamentary Discourse: A Corpus Linguistics Approach” изложила данные контент-анализа употребления определенных слов политиками-мужчинами и политиками-женщинами в греческом парламенте;

– Лидия Фернандес и Клара Убальдина Дорда (Университет Помпеу Фабра, Испания), обратив внимание на популярность С. Руаяль, обратились к исследованию ее электорального дискурса в 2007 г. (“Mujeres en la cumbre: los discursos de Ségolène Royal en la campaña para la elección presidencial francesa de 2007”);

7) Наибольшее число докладов было выполнено в рамках темы «Риторика и политика»:

– Эдуард Владимирович Будаев (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, Россия) представил исследование «Political families: A case study of Russian and British metaphors», в котором на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы показал различия в использовании метафор семьи в политическом дискурсе России и Великобритании;

– Тереза Фернандес Ульоа (Калифорнийский государственный университет, США) посвятила свое исследование “Análisis pragmático y retórico del discurso político del creador del nacionalismo vasco, Sabino Arana Goiri (1865-1903)” ретроспективной, но в то же время очень актуальной для современной Испании проблеме: анализу дискурса основателя баскского национализма Сабина Арана Гоири;

– Хавьер Мартин Паррага (Кордовский университет, Испания) обратился к исследованию риторических стратегий, используемых американскими властями в период войны во Вьетнаме (“In & out of Vietnam: Rhetorical strategies during the Vietnam War”). Для убеждения в необходимости начала войны использовалась «теория домино» (угроза расширения коммунизма из Вьетнама), для продолжения – «теория молчащего большинства» («шум поднимает недовольное диссидентское меньшинство»), для окончания – «теория почетного возвращения»;

– Вилельмини Сосони (Афинский Метрополитан Колледж, Греция) в докладе “Metonymy in Political Discourse and its Implications for Translation: The case of English and Greek” об-

судил ограничения, которые накладывают различия в английском и греческом языках на переводчика метонимий в политических текстах;

– Консепсьон Хернандес Герра (Университет де Лас Пальмас де Гран Канариа, Испания) сфокусировал внимание на анализе личных местоимений и ключевых понятий (свобода, равенство, Бог, права человека и др.) в дискурсе президентов США за последние 50 лет (“Political Discourse through last decades in the United States”).

– Венди Ален (Мельбурнский университет, Австралия) изучил дисфемизмы, используемые австралийскими политиками при характеристике своих оппонентов, а также структуру и функции политических оскорблений (“Dysphemism in Australian political discourse: insults, metaphor and delegitimization”);

– Тетяна Саенко (Нагойский университет коммерции и бизнеса, Япония) представила анализ выступлений политических лидеров США и Европы в обращениях к гражданам своих стран и международному сообществу на предмет использования ими универсальных и национальных ценностей («National and Universal Values in Political Argumentation»).

8) Два исследования были посвящены изучению «власти в политическом дискурсе»:

– доклад «Terrorism, Discourse, and the Mobilization of Power», представленный Джозефом Кампосом (Гавайский университет в Маноа, США), был посвящен анализу того, как понятие терроризма использовалось последние 30 лет властями США в контексте дискурса национальной безопасности;

– Оксана Чалмова (Томский государственный университет) рассмотрела риторические стратегии убеждения в российском и британском политическом дискурсе, которые, по мнению исследователя, варьируются в зависимости от личности политика (“Strategies of persuasion in Russian and British political discourses”).

9) Говоря о политике, нельзя обойти стороной вопрос вежливости:

– Шойи Азума (Университет Ритцумейкан, Япония) рассматривает японский политический дискурс 1945-2006 гг. в докладе “A study of emerging political discourse in post-war Japan”. По мнению автора, в поствоенной Японии сформировался новый тип дискурса, основанный на концепте «солидарность», который редуцировал психологическую дистанцию между обществом и политиками;

– Эстер Бренес Пенья (Севильский университет, Испания) представила исследование “Discurso político y descortesía: la expresión del desacuerdo en debates políticos televisivos”, в котором она рассмотрела проблемы вежливости в политическом дискурсе на основе анализа выражений несогласия в телевизионных интервью;

– Каталина Фуентес Родригес (Севильский университет, Испания) обсудила проявления (не)вежливости в испанских парламентских дебатах («(Des)cortesía parlamentaria y fuerza argumentativa: “decirles, señorías, que...”»);

10) Последняя тема, затронутая участниками конференции, связана с религией. Дебаты по этой проблеме показали особую дискуссионность этой темы:

– Росалия Вилья Хименес (Кордовский университет, Испания) в докладе “The Persuasive Politico-religious Discourse in C. Marlowe’s Dr. Faustus and G. W. Bush” выявляет значительную религиозную составляющую в политическом дискурсе Дж. Буша, которая призвана воодушевлять людей выполнять его священные команды в войне против арабского мира. Отдельное внимание уделяется сопоставлению дискурса Дж. Буша и персуазивного политико-религиозного дискурса в произведении К. Марло «Доктор Фаустус»;

– Б. Патнайк и Анил Такур (Центральный институт индийских языков, Индия) выступили с докладом “Two Styles in the Discourse of Resistance”, в котором выделили два стиля дискурса сопротивления: кооперативный-включающий, и некооперативный-исключающий. Примером первого стиля авторы считают труды М. Ганди, второго – дискурс Ноама Хомского;

– Мишель Дуфор (Парижский университет, Франция) проанализировал катехизисы XVIII-XIX вв., показав, что значительная часть их содержания носила политический характер (“When catechism meets politics and science”).

Помимо докладов на конференции была представлена стендовая сессия Глории Альварес Бенито и Кармен дель Солар Вальдес (Севильский университет) под названием «APOLLO I: An annotation tool for the Analysis of Political Language and Oratory», посвященная анализу политического языка и риторики в телевизионных интервью, и круглый стол под председательством Хуана Пабло Мора Гутьерреса (Севильский университет), на котором обсуждались проблемы кинетической речи в политическом дискурсе.

Четыре дня конференции предоставили участникам хорошую возможность обсудить вопросы, охватывающие самые разнообразные области анализа политического дискурса, включая как вербальный, так и невербальный компоненты. Также конференция способствовала налаживанию связей и обмену информацией между специалистами со всего мира.

© Глория Альварес Бенито,
Габриэла Фернандес Диас,
Изабель Иньиго-Мора, 2007
© Будаев Э.В. (перевод), 2007

Веснина Л. Е.

Кабаченко Е. Г.

Екатеринбург, Россия

**ИСТОРИЯ–ПОЛИТИКА–КУЛЬТУРА:
ПОЛЬСКО-РОССИЙСКАЯ ШКОЛА**

В период с 11 по 27 октября 2007 года в Польше состоялась Польшко-Российская Школа: История – Политика – Культура. Организатором Школы выступила Коллегия Восточной Европы при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Польши. В ней приняли участие студенты старших курсов, аспиранты и молодые ученые разных стран (Варшава, Вроцлав, Краков, Торунь, Познань; Москва, Екатеринбург, Киров, Новосибирск, Пермь, Санкт-Петербург, Тверь, Самара). Все без исключения гуманитарии – историки, политологи, философы, журналисты и филологи.

Целью первой Польшко-Российской Школы (ранее были проведены Польшко-Украинская, Польшко-Белорусская и Польшко-Литовская Школы) организаторы объявили «знакомство молодой российской интеллигенции с польской историей и культурой».

Польшко-Российская Школа открылась 11 октября в Варшаве круглым столом «Спор об истории. История спора» во главе с директором STUDIUM EUROPY WSCHODNIEJ UNIWERSYTET WARSZAWSKI Яном Малицким, где обсуждались вопросы истории взаимоотношений Польши и России. 12 октября дискуссия на круглом столе «Спор о политике. Политика спора», продолжилась, в центре внимания оказался острый для поляков и русских вопрос Катыни, руководителем круглого стола был профессор STUDIUM EUROPY WSCHODNIEJ UNIWERSYTET WARSZAWSKI Владимир Марчиняк

Помимо учебной программы в Варшаве кураторы Школы организовали культурную: организаторы Школы сделали все возможное, чтобы у российских участников осталось позитивное впечатление о Польше и поляках. 13 октября участники посмотрели художественный фильм культового польского режиссера Анджея Вайды «Катынь». После просмотра фильма состоялась встреча с Анджеем Вайдой, в ходе которой участники Польшко-Российской Школы смогли поделиться своими впечатлениями от фильма и задать ряд вопросов знаменитому режиссеру.

Культурная программа в Варшаве продолжилась поездкой в Zelazowa Wola – место рождения и первых лет жизни композитора Фредерика Шопена (в настоящее время – Народный институт имени Фредерика Шопена); во дворец в Неборове, принадлежавший знатной польской семье; экскурсиями «Варшава российская: 1815-1915» и «Варшава соцреалистическая», в рамках которых был посещен Варшавский Дворец культуры и науки, располо-

женный в «сталинской высотке», построенной в 1953-1956 годах.

Вторым городом, который посетили участники Школы, стал культурный центр Польши – Краков. Были организованы интересные и необычные экскурсии: экскурсия по историческому центру Кракова (Bazilika Mariacka, Wawel, Kazimierz); осмотр замка, картинной галереи в Неполомицах; посещение Соляных копий Wieliczka, где на глубине 153 метров находится единственный в мире действующий подземный костел; посещение бенедиктинского аббатства (Тупес), где на наши вопросы отвечал Przeor O. Wlodzimierz Zatorski.

Учебно-культурная программа продолжилась во Вроцлаве. Вот лишь некоторые темы лекций: «Легализационная функция биографического фильма в культуре эпохи Сталина» – dr. hab. Piotr Zwierzchowski (UKW, Bydgoszcz); «Российская геополитическая идентификация» – prof. dr. Marek Bassin (Universiti of Birmingham); «Поляки и Россияне во взаимной карикатуре» – prof. dr. hab. Andrzej de Lazari (Lodz), «Восточная Европа: между открытым и закрытым обществом» – prof. Roman Baecker (UMK, Torun); «Может ли государство быть здоровым после коммунизма? Опыт Польши и России» – dr. hab. Wlodzimierz Marciniak (UW); «Вокруг национально-религиозных стереотипов» – dr. Elzbieta Przybyl (UJ, Krakow).

Была организована работа Мастер-классов по литературной критике, средствам массовой информации и межкультурной психологии. С нами работали лучшие специалисты в этих областях. На последнюю неделю также запланировали выступление участников Польшко-Российской Школы с докладами на семинарских занятиях. Постоянно вспыхивающие дискуссии по отдельным историческим и политическим вопросам, а также неформальное общение с поляками позволили узнать страну изнутри. Кроме того, состоялся просмотр фильма «Кароль – человек, который стал Папой Римским»; посещение премьеры оперы Мусоргского «Борис Годунов» в Зале Столетия Модест; экскурсия по Району Взаимного Уважения, где на одной улице расположены представительства разных религиозных конфессий; а также встречи с Воеводой Нижней Силезии Кшиштофом Гжельчыком и Рафалем Дуткевичем – президентом Вроцлава.

Одним из важнейших результатов Школы стало позиционирование Польши по отношению к России, создание концепта ПОЛЬША в сознании российской молодежи, установление научных контактов между польскими и российскими учеными, сближение позиций по ряду дискуссионных проблем.

© Веснина Л. Е., 2007
© Кабаченко Е. Г., 2007

Ворошилова М.Б.
Екатеринбург, Россия
**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ПРИОБЩЕНИЯ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
КАК ПУТЬ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
К ПРОЖИВАНИЮ В РОССИИ»**

С 12 по 14 ноября 2008 года в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда проходила Международная научная конференция «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России».

Информация о предстоящей конференции за 6 месяцев до ее начала была размещена в Интернет на популярном лингвистическом портале «gramota.ru», на официальном сайте Уральского государственного педагогического университета www.uspu.ru а также на Интернет-странице, созданной лингвистами Уральского федерального округа, – cognitiv.narod.ru. В это же время данная информация была разослана письмами-приглашениями в ведущие вузы России и ближнего зарубежья (а также Китая), в различные организации, существующие в Уральском Федеральном округе (Министерства образования и Министерства культуры субъектов Федерации, консульства зарубежных государств, уполномоченным по правам человека в УрФО). Были также направлены приглашения непосредственно ведущим исследователям настоящей проблематики, проживающим в России, Казахстане, Китае, Таджикистане, Киргизии, Туркменистане, Узбекистане, а также руководителям национальных культурных обществ (киргизское, таджикское, узбекское, казахское, азербайджанское), объединяющих мигрантов, проживающих на Урале.

В результате организационным комитетом конференции было получено более 160 заявок на личное участие в научной конференции и на заочное участие в форме стендового доклада. Отметим в качестве факта подтверждающего актуальность проблематики конференции то, что кроме российских специалистов заявки на участие также подали 9 специалистов из стран ближнего (Киргизия и Таджикистан) и дальнего Зарубежья (Китай, Франция, Германия, Польша). Показательно, что среди участников были не только ученые, но и «практики» межкультурной коммуникации.

В целом в Международной научной конференции «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России» приняли участие 163 специалиста. Специфика состава

участников настоящей конференции в том, что две трети составляли «молодые специалисты»: студенты, аспиранты и «молодые кандидаты наук» (не старше 35 лет).

Перед началом конференции все ее участницы и гости получили «пакет участника», который включал программу конференции и тезисы выступлений.

В очной форме в конференции приняли участие 55 студентов: которые обучаются в Уральском государственном педагогическом университете, Уральской государственной юридической академии, Уральском государственном университете им. А.М. Горького. Также в конференции приняли активное участие 24 аспиранта и 27 молодых ученых (кандидаты наук в возрасте до 35 лет) из различных регионов России (Омск, Сургут, Челябинск, Орск и другие) и из за рубежа (Китай, Таджикистан).

Необходимо отметить обширную географию участников Международной научной конференции, среди которых были и представители зарубежных научных школ, и ведущих российских. В конференции приняли активное участие такие зарубежные специалисты как Ли Минь, Чжан Лэй (Китай), Тагаев Мамед Джакыпович, Токсунов Алмаз (Киргизия), Эрве Корина (Франция), Эрхард Франк Хуго (Германия). Тиллоева Саодат Махмадуловна (Таджикистан).

Среди российских исследователей были представители следующих региональных научных школ: Москва (проф. В.Н. Базылев, доц. В.М. Шетеля), Санкт-Петербург (проф. М.В. Гаврилова, доц. Т.Г. Скребцова), Омск (проф. О.С. Иссерс, М.Х. Рахимбергенова), Красноярск (проф. А.Д. Васильев), Кемерово (доц. Р.Д. Керимов), Липецк (доц. В.М. Никонов, Сургут (доц. Л.В. Черепанова, И.А. Русова), Курган (доц. А.А. Яковлев), Челябинск (доц. Н.Н. Кошкарлова, доц. С.Л. Кушнерук, доц. О.А. Солопова), Тверь (доц. А.Б. Бушев), Орск (Т.А. Волкова), Нижний Тагил (О.С. Боярских, доц. Э.В. Будаев, доц. О.А. Ворожцова, Е.Е. Соколов, доц. А.М. Стрельников). Больше всего участников представляли Екатеринбург.

К началу Международной научной конференции Организационный комитет и редакционная коллегия во главе с ректором Уральского государственного педагогического университета Борисом Михайловичем Игошевым подготовили и опубликовали сборник материалов «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России», в котором были представлены 87 работ – тезисы и статьи участников.

12 ноября на пленарном заседании, посвященном открытию Международной научной конференции, с приветствиями к участникам выступили: Мерзлякова Татьяна Георгиевна – Уполномоченный по правам человека в Свердловской области; Умникова Евгения Ле-

онидовна – начальник Управления образования г. Екатеринбурга, Фирсова Раиса Овсеевна – заместитель министра общего и профессионального образования Свердловской области, Бенсгир Нурзида Валерьевна – председатель Межнационального информационного центра, а также лидеры национальных диаспор: Орозбаев Турдали Орозбаевич – Генеральный консул Кыргызской Республики в городе Екатеринбурге, Соорбеков Респект Парыхчеевич – общественный представитель государственного комитета Кыргызии по миграции и занятости, Исаев Асамбек Болотович – заместитель Генерального консула Кыргызской Республики в городе Екатеринбурге и Асадов Максед Маджидович – Председатель Азербайджанского Конгресса; Тиллоева Саодат Махмадуловна – представитель таджикской диаспоры.

В пленарном докладе ректора УрГПУ Б.М. Игошева было подчеркнуто, что в соответствии с Указом Президента В.В. Путина 2007 год объявлен годом русского языка – государственного языка России (Указ от 27.12.2006). Поддержка русского языка – это важная часть работы по совершенствованию имиджа России. В последние годы все чаще обнаруживается, что русский язык остается языком межнационального общения народов. В советскую эпоху названная функция русского языка проявлялась преимущественно на территории национальных республик, но в последнее десятилетие интенсифицировалось межнациональное общение во многих исконно российских регионах. Проблемы межнационального общения обостряются в связи с массовой миграцией в Россию граждан из Центральной и Восточной Азии (Китай, Корея, Вьетнам, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан и др.) и других регионов. Миграция стала существенным социальным явлением в нашем обществе, миграционные процессы активно проявляются и в Свердловской области. Только с начала 2007 года на миграционный учет в Свердловской области поставлены около ста тысяч иностранцев. Больше всего их пребывает из государств Средней Азии – бывших советских республик. В некоторых микрорайонах Екатеринбурга мигранты уже составляют значительную часть населения. Миграция создает проблемы столкновения культур. Как гражданам России, так и мигрантам часто не хватает навыков межкультурной коммуникации, сознательной толерантности. Проблема негативного отношения местных жителей к «чужакам» существует во всем мире. В нашей стране на это долго закрывали глаза. Надеялись на врожденное терпение русского народа и на традиции интернационального воспитания. Проблема усугубляется тем, что трудовые мигранты часто плохо знают русский язык и еще хуже знакомы с русской культурой и российскими традициями. Все это нередко приводит к меж-

национальной агрессивности, которая может выступать не только в вербальной форме. Вся Россия должна помнить об уроках межнациональных столкновений, которые произошли в карельском городе Кондопога. Если этой проблемой не заниматься, то придется ожидать новых конфликтов. Урал с давних пор был регионом, в котором проживали люди самых разных национальностей, однако в последние годы в Уральском федеральном округе складывается совершенно новая этническая ситуация, новые социальные условия межнационального взаимодействия. Наши земляки все отчетливее понимают, что мигранты нужны уральской экономике. Но нам нужны не любые мигранты, а люди, которые знают русский язык, уважают российскую культуру и в полной мере выполняют наши законы. Это означает, что мигранты нуждаются в специальном обучении.

В пленарном докладе Татьяны Георгиевны Мерзляковой – Уполномоченного по правам человека в Свердловской области – содержались важные сведения о проблемах, с которыми мигранты и их представители обращаются в правозащитные организации. Но часто мигранты даже не знают, как и куда они могут обратиться, кто им может помочь. Многие из этих проблем, с которыми сталкиваются мигранты, связаны с тем, что мигранты недостаточно знакомы с русской культурой, плохо знают русский язык. Надо организовать по существу языковой всеобуч для мигрантов.

В докладе проректора УрГПУ, доктора филологических наук, профессора А.П. Чудинова рассматривались проблемы языковой политики в отношении мигрантов и практики межнациональной коммуникации. Было отмечено, что все острее встает проблема обучения детей из семей мигрантов. Мировой опыт знает два решения этой проблемы. Первое – это совместное обучение всех детей. Таких дети из семей мигрантов быстрее осваивают язык и культуру метрополии. Но это усиливает межнациональную напряженность: многие родители недовольны. Второе решение – это создание особых школ для мигрантов. Но ученики этих школ медленнее осваивают русский язык, им сложнее воспринимать русскую культуру. При любом подходе к решению образования мигрантов встает вопрос о подготовке учителей, которые смогут работать с мигрантами. Уральский государственный педагогический университет уже начал подготовку своих студентов к работе с детьми из семей мигрантов. Но это только начало большого и сложного пути. Проведение крупной научной конференции по проблемам создания атмосферы межнациональной и межконфессиональной терпимости, развития навыков межнациональной коммуникации, решению проблем образования мигрантов будет способствовать обмену опытом между представителями науки, бизнеса,

органов государственной власти. Мы должны стремиться к созданию отношений партнерства и предотвращать межнациональные столкновения.

В выступлении доктора филологических наук, профессора УрГУ им. А.М. Горького Т.Н. Дмитриевой была обобщена практика лингвоюридического анализа документов мигрантов. В документах, выданных в различных постсоветских государствах одно и то же имя, принадлежащее конкретному человеку, пишется по-разному. Например, Турсун-заде и Турсунув; Анастасия, Настя, Настасья; Абдулла и Абдулло. В милиции эти документы не признают идентичными, требуют предоставить справку с места рождения. Но это сделать иногда невозможно, например, армянам, жившим в Азербайджане, оттуда не высылают никаких документов. В других случаях милиция требует, чтобы решение принял суд. Но судьи – не лингвисты и они отправляют документы на лингвистическую экспертизу. Такая экспертиза проводится вузами Екатеринбурга, но существующий опыт требует научного обобщения и регламентации.

С организационной точки зрения специфика проведения конференции определялась тем, что работа 12 ноября была организована в помещениях Уральского государственного педагогического университета, а 13 и 14 ноября заседания конференции проходили в помещениях базы отдыха «Остров сокровищ», расположенной в 14 километрах от Екатеринбурга. В эти дни часть участников постоянно проживали на указанной базе, а остальных доставляли на заседания на специальных автобусах. Таким образом, в помещениях Уральского государственного педагогического университета было проведено одно пленарное заседание и три круглых стола. Остальные заседания проходили на базе отдыха.

Программа конференции была составлена не вполне обычно. Специфической её чертой было сочетание традиционных (пленарное заседание, круглый стол) и оригинальных форм работы, например, организация работы мастер-классов.

Некоторые участники конференции представляли свои исследования в форме развернутых стендовых докладов. Порядок работы в этом случае был следующим. Ведущий мастер-класса знакомился с текстом доклада и в определенное время встречался с докладчиком. Во время встречи могли быть заданы вопросы, сделаны замечания, рекомендована дополнительная научная литература, дана оценка сделанного, определены перспективы дальнейшего изучения проблемы и тому подобное. Подобная организация работы на конференции позволила превратить её в своеобразную «школу молодого специалиста», что было обусловлено составом участников, две

третьих которых были студенты, аспиранты и молодые кандидаты наук.

Программа конференции была составлена таким образом, чтобы пленарные и секционные заседания оставляли достаточное количество времени для других видов работы. Среди других форм работы можно выделить презентацию новой литературы, индивидуальные и групповые консультации, не включенные в официальную программу, но постоянно вспыхивающие дискуссии по отдельным вопросам проблематики конференции.

Подведение итогов конференции было организовано в форме «круглого стола», на котором обобщены основные итоги дискуссий и приняты рекомендации по дальнейшей организации работы по проблемам адаптации мигрантов в России.

На пленарных заседаниях и «круглых столах», в стендовых докладах на конференции были представлены следующие аспекты адаптации мигрантов к проживанию в России.

1. Социальные, политические и экономические проблемы адаптации мигрантов к проживанию в России.

В рамках данной проблематики авторы поднимали актуальные вопросы современной миграционной политики государства, в частности были рассмотрены такие темы, как адаптации иностранных студентов в российских вузах (Е.Р. Афлатонова, А.В. Тропин), социальная защита мигрантов в свете политических преобразований (Л.С. Лукашева, А.Н. Ковтунова, М.Ю. Малых), социально-экономические последствия миграции (Н.Е. Попова), трудоустройство мигрантов (Е.А. Загвоздкина, Н.А. Шульц, И.А. Порядин), Мигранты в идеологическом пространстве российского общества (М.А. Арапова) правовые отношения мигранта и государства (Д.А. Овчинникова, О.А. Харченко, В.Н. Руденкин, Г.С. Тумалевич и др.).

Отметим, что наиболее частотными были выступления, посвященные проблемам толерантного отношения российских граждан к мигрантам, особенно трудовым (Е.Г. Балобанова, Т.В. Майданова, Д.В. Руденкин и др.).

2. Психолого-педагогические проблемы изучения мигрантами русского языка и их приобщения к русской культуре.

В выступлениях и стендовых докладах ученые-методисты поднимали в основном общие теоретические вопросы, что, несомненно, было обусловлено новизной настоящей проблематики (Ю.В. Нестерова, Э.Ю. Попова, С.М. Тиллоева, А.Ю. Чеканова, И.С. Чудинова), но исследователями также был рассмотрен ряд прикладных вопросов, предложены новые и оригинальные методики, например: русская интонация как необходимое средство вхождения мигрантов в русскую языковую и культурную среду (Л.П. Попов), использование учебного диалога при изучении детьми-миг-

рантами русского языка (А.А. Соколова). Особый интерес у собравшихся вызвало выступление кандидата филологических наук, доцент Э.Ю. Поповой, которая обобщила реальную практику обучения мигрантов в школах Свердловской области. Наши учителя ищут формы и методы такой работы и уже добились серьезных успехов. Многие дети мигрантов очень быстро усваивают русский язык, приобщаются к русской культуре.

3. Политическая лингвистика и межкультурная коммуникация.

Очные и заочные доклады в рамках данной секции касались общих вопросов современной политической коммуникации (А.Д. Васильев, Т.А. Волкова, О.А. Ворожцова, М.Б. Ворошилова, А.В. Чемагина, М.В. Гаврилова, А.А. Каслова, Р.Ю. Шебалов, В.М. Никонов, Ю.А. Ольховикова, И.А. Русова, А.П. Чудинов), проблем освещения миграции в средствах массовой информации (Э.В. Будаев, Р.Д. Керимов) и аспектам межкультурной коммуникации (В.Б. Попова, И.Н. Суспицына), столь актуальным в свете проблематики миграционной политики.

Выступления авторов, посвященные мигрантам, затрагивали такие темы, как законодательные акты в области миграционной политики Российской Федерации, область языковой политики и социальной практики. Многие специалисты анализировали зарубежный опыт работы с мигрантами в США, Германии, Франции и др. странах. Нам не нужно всегда «изобретать велосипед», мы должны в полной мере учитывать чужой опыт. В Екатеринбурге уже давно существует научная школа, занимающаяся политической лингвистикой, а поэтому уровень обсуждения проблем был достаточно высоким.

4. Русский язык как язык межнационального общения и системы образования в современной России.

На заседаниях данной секции обсуждались актуальные сегодня проблемы обучения русскому языку мигрантов и их адаптации к проживанию в России (Б.М. Игошев, Т.Н. Дмитриева, Н.Н. Кошкарлова, С.Л. Кушнерук, Ли Минь, Е.А. Нахимова, О.Ю. Новикова, Е.В. Соколов, М.Д. Тагаев), а также статус и возможности, перспективы русского языка в современном мире (В.Н. Базылев, М.Л. Кусова, Д.Р.Шарафутдинов). Участники секции затрагивали не только теоретические аспекты данной проблемы, но предлагали конкретные методики изучения русского языка и русской культуры иностранцами.

5. Культурологические и лингвокультурные проблемы восприятия мигрантов.

Авторы докладов в рамках указанной проблематики обсуждали не менее актуальную проблему восприятия мигрантов российскими гражданами на примере языкового материала ассоциативных экспериментов (Н.В. Багичева, М.Б. Ворошилова, О.В. Васильева, Л.Е. Весни-

на, Е.С. Верещагина, Е.В. Дзюба, Ю.В. Коровякова, В.И. Могильникова, Е.Г. Кабаченко, Е.Г. Ямбаршева, С.А. Еремина, Ю.Р. Хабирова), на основе анализа русского фольклора (Е.В. Дзюба), русской литературы и критики XX века (Н.Б. Руженцева). Исследователи изучали данную проблему на материале различных социальных групп (студенты, школьники и др.).

Также учеными были подняты и рассмотрены такие лингвокультурные проблемы, как национальные особенности восприятия названия американских фильмов (Чжан Лэй) и иноязычные элементы в названиях музыкальных коллективов, принадлежащих русской рок-культуре (Н.И. Григорьева).

6. Проблемы миграции в современных средствах массовой информации.

Выступления в рамках настоящей секции были посвящены анализу работы современных российских и зарубежных средств массовой информации как основному источнику, отражающему и формирующему общественное мнение. Авторы очных и заочных докладов (О.С. Боярских, О.С. Иссерс, М.Р. Рахимбергенова, Н.А. Красильникова, П.В. Кропотухина, О.А. Михайлова, Ю.Н. Михайлова, Т.Г. Скребцова, А.М. Стрельников, Ю.Р. Тагильцева, Т.А.Шабанова) представили многосторонний анализ различных текстов средств массовой информации, посвященных вопросам освещения тем миграции.

Все материалы конференции представлены в Интернете на широко известном специалистам по политической лингвистике сайте cognitiv.narod.ru.

На заключительном пленарном заседании, прошедшем под руководством А.П. Чудинова, выступили руководители секций. Далее состоялась общая дискуссия и была принята резолюция по итогам конференции, в которой отмечается.

1. Участники конференции единодушно высказывают благодарность РГНФ за финансовую помощь в организации. Выделенные средства помогли пригласить в Екатеринбург широко известных ученых, организовать быт участников конференции, опубликовать ее материалы.

2. Участники конференции единодушно высказывают благодарность Уральскому государственному педагогическому университету за финансовую и иную помощь в организации. Выделенные средства помогли организованно провести заседания, использовать технические средства, организовать быт участников конференции.

3. Участники конференции считают, что проведение крупной научной конференции по проблемам изучения мигрантами русского языка и русской культуры будет способствовать созданию атмосферы межнациональной и

межконфессиональной терпимости, развитию навыков межнациональной коммуникации.

4. Необходимо продолжать привлекать внимание федеральных и региональных властей к проблемам миграции, способствовать решению проблем образования мигрантов. Необходимо организовать на Урале подготовку учителей, которые будут специализироваться на работе с мигрантами.

5. Для решения проблем миграции необходимо продолжить обмен идеями и опытом между представителями науки, бизнеса, органов государственной власти. Мы должны стремиться к созданию отношений партнерства и предотвращать межнациональные столкновения.

6. Участники конференции будут прилагать усилия для проведения новой конференции по проблемам миграции и межкультурного сотрудничества, что особенно важно в рамках подготовки к саммиту в Екатеринбурге глав государств Шанхайской организации сотрудничества (2009 г.).

7. Опубликовать информацию о конференции в журналах «Политическая лингвистика», «Известия Уральского государственного университета», «Известия Южноуральского государственного университета». Предоставить информацию об итогах конференции в другие журналы России, Польши, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана. Представить соответствующую информацию на различных Интернет-сайтах и порталах.

© Ворошилова М.Б., 2007

Красильникова Н.А., Чудинов А.П.

Новоуральск, Екатеринбург, Россия

ДЕСЯТИЛИТИЕ

«ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РОССИИ»

Состоялась юбилейная всероссийская (с участием специалистов из Эстонии и Белоруссии) конференция «Политический дискурс в России». Как всегда в Москве, как всегда 20 апреля, но на этот раз в Институте русского языка имени А. С. Пушкина. Как всегда впечатляющий состав участников: мэтры, знаменитости, приближающиеся к этому статусу, а также молодые и талантливые.

Юбилей предопределил повышенную торжественность. Конференцию открыли президент Института русского языка В. Г. Костомаров и проректор Н. Д. Бурвикова (ректор Ю. Е. Прохоров находился в дальней командировке).

Как всегда В. Н. Базылев все тщательно срежиссировал и задал тон своим ярким докладом «Методы исследования языка российской общественно-политической мысли российского политического дискурса (традиции и новации)»

На пленарном заседании также были заслушаны следующие доклады:

Чудинов А. П. (Екатеринбург) Политическая метафорология: идиостилистический аспект.

Плотникова С. Н. (Иркутск) Технологичность политического дискурса.

Гаврилова М. В. (Санкт-Петербург) Перспективы и направления исследования президентского дискурса.

Кара-Мурза Е. С. (Москва) Политический дискурс через призму лингвистической экспертизы.

Панова М. Н. (Москва) Актуальные проблемы и направления исследования современного административного дискурса.

Дуличенко А. Д. (Тарту) От СССР к России: некоторые особенности политического дискурса ранней московской демократии

Среди наиболее ярких докладов, сделанных во второй половине дня, выделяются следующие:

Бушев А. Б. (Тверь) Политики-писатели: современная хлестаковщина.

Пастухов А. Г. (Орел) Образы российских политиков в жанре газетного фельетона.

Голованевский А. Л. (Брянск) Ф. И. Тютчев как политик по данным его поэтического дискурса.

Рещикова И. П. (Новокузнецк) Дискурс власти в метаописании г. Сталинска.

Стрельников А. М. (Нижний Тагил) Особенности оценочного портрета кандидата в президенты РФ в 2004 году.

Купина Н. А. (Екатеринбург) Речевой портрет современного уральского политика.

Данилевская Н. В. (Пермь) Речевой портрет современного политика (критико-аналитический взгляд).

Скребецова Т. Г. (Санкт-Петербург) Предвыборный дискурс оппозиционного кандидата: возможности тактического выбора.

Немирова Н. В. (Сыктывкар) Прецедентность газетного дискурса.

Докучаева Р. М. (Сыктывкар) Восприятие законопроектов в зеркале политического мониторинга.

Волкова Н. И. (Сыктывкар) Имена и формулы именования региональных политиков Республики Коми в психолингвистическом осещении.

Хахалова С. А. (Иркутск) Метафора: манипулирует ли она сознанием?

Ухванова И. Ф. (Минск) Дискурс-портрет В. Путина.

Баженова Е. А. (Пермь) Имидж политика в аспекте оппозиции «свой-чужой».

Столярова Е. В. (Архангельск) Влияние текста политической рекламы на мнение и поведение избирателя (на примере материалов предвыборной политической рекламы г. Архангельска в период с 2003-2005 гг.).

Солодовникова Н. Г. (Волгоград). Функция фотографии в навязывании волгоградскому избирателю эмоционального фантома полити-

ка (на материале креолизованных текстов «Первой газеты»).

Чернышова Т. В. (Барнаул). Образ политика сквозь призму газетных и электронных СМИ разной социально-политической направленности.

Красильникова Н. А. (Новоуральск) «В плену у русского медведя».

Резунова М. В. (Брянск). Об особенностях современного российского общественно-политического дискурса (на материале дискурса С. Миронова).

Светлова О. Ю. (Москва) Стихотворный фельетон И. Иртеньева как элемент политического дискурса.

Фокина О. В. (Москва) Отечественные политические афоризмы в СМИ начала XXI века

Медведев М. В. (Москва) Специфика речевого имиджа женщины-политика.

Луканина М. В. (Москва) Дистанцирование как метод косвенного воздействия в текстах СМИ.

Карпова Т. Б. (Пермь) Жанрово-стилевые особенности политического дискурса в Рунете.

Масленникова Е. М. (Тверь) Выборы и региональный политический дискурс.

Марьянчик В. А. (Архангельск) Ценностная система вербальной политической автопрезентации в политическом интервью.

Семенова Т. И. (Иркутск) Модус кажимости в политическом дискурсе.

Мы вполне осознанно не стали пересказывать содержание докладов: читателям лучше обратиться к соответствующему сборнику (Политический дискурс в России. Материалы 2007), где все представлено максимально полно. Но еще большее впечатление производит одновременно вышедшая книга, в которую включено все лучшее из материалов предшествующих конференций (Политический дискурс в России. Хрестоматия 2007). Среди авторов статей, включенных в первый (общеметодологический) раздел, – В. Н. Базылев, Ю. А. Сорокин, Ю. Е. Прохоров, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, С. Ю. Данилов, Ю. В. Ковалев. Во втором разделе представлены статьи, посвященные портретам и автопортретам современных политических лидеров (авторы – А. Н. Баранов, Ю. А. Сорокин, В. Н. Базылев, А. М. Холод, И. Т. Вепрева, И. Н. Небышева, Л. В. Енина, Л. Б. Матевосян и М. Т. Фрунджян, В. И. Шаховский, М. Н. Панова и др.). В разделе, посвященном эмоционально-когнитивной характеристике политических лидеров, напечатаны статьи Г. И. Богина, В. И. Шаховского, Т. М. Цветковой, Н. А. Купиной, В. Г. Красильниковой, Т. М. Цветковой).

Единственное, что огорчает, так это то, что не удалось послушать анонсированных выступлений В. В. Шаповала, А. Д. Васильева, И. Т. Вепревой, В. И. Шаховского и некоторых других широко известных специалистов.

Хочется пожелать, чтобы второе десятилетие «Политического дискурса в России» стало не менее плодотворным, чем первое.

© Красильникова Н. А.,
Чудинов А. П., 2007

Суспицына И. Н.

Екатеринбург, Россия

О ПЕЙЗАЖАХ, НАПИСАННЫХ СЛОВЕСНЫМИ КРАСКАМИ

(рецензия на книгу И. Коженевской-Берчинской «Мосты культуры»: Диалог поляков и русских»)

Минское издательство «ЭКОНОМПРЕСС» в 2006 г. выпустило книгу профессора Варминско-Мазурского университета г. Обштын Иоанны Коженевской-Берчинской «Мосты культуры: Диалог поляков и русских» [1] Исследование, выполненное в русле антропологической парадигмы лингвистики, является отражением многолетних лингвистических и лингводидактических изысканий автора – филолога-русиста, пристально следящего за общественной и научной жизнью в России и принимающего в ней активное участие, обеспокоенного проблемами лингвокультурного образования русистских кадров в Польше.

Метафорическое название рецензируемой книги содержит в себе глубокий вертикальный контекст: по мнению автора, диалог культур – это взаимослышание и взаимовнимание, он «не является данностью, ...и его воплощение в реальность требует кропотливого труда» (с. 6). Именно такой кропотливый труд проделала И. Коженевская-Берчинская, собрав, проанализировав и представив на суд читателей лингвистические изыскания, отражающие выражение в языке фактов сознания и культуры поляков и русских (см. библиографический раздел, работы 80-90, 287-290). В польской символике «мост» – это надежное средство сближения и объединения. Двигаясь по мосту, построенному И. Коженевской-Берчинской, русский и польский читатель смогут лучше понять и услышать друг друга.

Рецензируемое исследование состоит из пяти глав, каждая из которых служит раскрытию общего замысла автора. Самостоятельную ценность имеет библиографический список, включающий 391 работу: 199 публикации русских ученых и 192 труда польских лингвистов и общественных деятелей. «Польская» библиография представляет особый интерес для русистики, поскольку богатый исследовательский опыт коллег и их достижения в анализе взаимосвязи языка и культуры не нашли пока широкого применения в студиях русских ученых (с. 12). В качестве материала для анализа выбран публицистический дискурс двух стран в его политическом, экономическом и социальном функционировании, отражающий меняющийся ценностный мир российского и польского культурного пространства последних десятилетий.

Проблематику книги можно очертить следующим образом: во-первых, какие вопросы волнуют россиян в перестроечное и постпере-

строечное время и как проблемы новой русской ментальности отражаются в языке; во-вторых, что собой представляет «русский человек» в польском общественном сознании на рубеже веков и в начале XXI века; и в-третьих, в чем проявляется сходство и различия поляков и русских с точки зрения лингвокультурологии? Анализ этих проблем позволяет читателю с помощью И. Коженевской-Берчинской «увидеть невидимое, услышать неслышимое, понять непонятное и настораживающее» (с. 128), осуществить плодотворный диалог, поскольку «архитекторы польско-российского публицистического пространства с бескорыстной доброжелательностью освоили гонимое ремесло - искусство лепки общих значений» (с. 67).

Анализируя современное российское публицистическое пространство, автор отмечает, что для инокультурного читателя оно представляет собой «тезаурус знаний о российском человеке, наследнике человека советского, о его внешнем мире, о проснувшихся и активных экзистенциальных вопросах» (с.69). И. Коженевская-Берчинская выделяет 20 групп лексики, в которой проявляет себя национальный дух: новые языковые единицы, называющие непонятные «иноземцам» реалии; новые значения общеизвестных слов: *партия, паспортная система* и др.; общеизвестные понятия подвергающиеся общему осмыслению: *коллективизация, капитализм* и др.; церковная лексика; лагерно-экспрессивная лексика; антропонимы новой генерации и т.д.

Особенно подробно в монографии проанализированы перифрастические новообразования, которые включают в себе богатый арсенал национально-культурных смыслов (гл. 3 § 3) и повышают образность текста; приемы пародийности (гл. 3 § 4), которые проявляются в использовании лексико-семантических и стилистических средств советского новояза (ср. анализ полифоничности *нового антикоммунистического порядка, Единственно Правильного Нечто*); когнитивные потенции метафорического изображения *Рынка*, которое уточняется и конкретизируется через метафоры *Болезни, Кругового путешествия, Дырявой лодки* (гл. 3 § 5). Рассматривая факты русского публицистического дискурса – «чуткого сейсмографа» (с.73), И. Коженевская-Берчинская выступает не в роли беспристрастного лингвиста, а в качестве заинтересованного человека, которого чрезвычайно волнует то, что происходит в России и с Россией.

Восприятие польским общественным сознанием России, ее общественной и политической жизни – следующая проблема, которая разбирается в рецензируемой книге. Отношения России и Польши в своем развитии прошли несколько этапов, они не всегда отличались гладкостью и добрососедством, и поэтому польский публицистический дискурс воспринимает нашу страну не просто как соседа, а

сквозь призму тех моральных и политических коннотаций, которые печальным шлейфом тянутся из прошлого. И. Коженевская-Берчинская показывает читателю, что известные политические деятели, социологи, историки и журналисты Польши (Р. Парадовский, Ш. Оссовский, Й. Помяновский, А. Валицкий и др.) заинтересованы российской историей и современностью, они пытаются определить менталитет россиян, разобраться в их мифологизированной инаковости, определить, куда же направляется Россия (перечень сюжетных линий, представленных в польской публицистике о польско-русском межпространстве, см. с. 60, 61). Решение этих вопросов поможет полякам лучше понять и себя, и собственные проблемы.

К сожалению, автор вынужден констатировать, что в польском мышлении преобладают отрицательные эмоции, которые нередко предопределяют стереотипное видение России и россиян (с. 19), а материал, характеризующий российское восприятие мира, характеризуется недопониманием и незнанием (с. 25). Вместе с тем И. Коженевская-Берчинская полна оптимизма: если видение русской действительности из польской перспективы не всегда толерантно (в чем, кстати, зачастую виноваты сами русские со своим высокомерным отношением соседям, см. негативные оценки польской истории и современности действительности в российских СМИ: ср. с.25), это не означает, что межкультурный диалог между нашими странами невозможен. И он ведется! Имеются многочисленные переводы, существует заинтересованность современным литературным миром, развиваются и крепнут гуманитарные связи. «Лишь бы мы вместе стали чем-нибудь больше, нежели просто суммой знаний!» (с.67).

На наш взгляд, наибольший интерес для русского читателя представляют сопоставительные изыскания И. Коженевской-Берчинской. К сожалению, мы не достаточно хорошо знакомы с достижениями польских коллег (Е. Бартминского, А. Лазари, В. Хлебды, И. Смаги) в области русско-польских лингвокультурологических соответствий, поэтому материалы и выводы, представленные в рецензируемой монографии, являются ценными. Так, в сравнительном ключе автор проводит «новую перепись населения» (с. 34-38) и анализирует лексические средства, которыми описываются концепты «новые лишенцы»; рассуждает о толерантности и «новой охоте на ведьм» в концептосфере русского и польского языков, которая особенно ярко проявляется в функционировании антропонимических единиц, с помощью которых клеймят всех «не наших» (*комухи, солидарухи, жидакомуна, масоны, криптокоммунисты* в польском дискурсе – и соответственно в русском *трубадуры административно-командной системы, твердоголовые, индивидуальные кассандры*); раз-

мышляет о былом и настоящем интеллигенции в русском и польском этосах, см.: «Кондиция современной интеллигенции в русском и польском социумах в основном не отличается. Она перестала быть не только отдельным классом, но, пожалуй, и прослойкой» (с. 58) (к сожалению, автор не использует данные В. И. Карасика, который приходит практически к такому же выводу [2]). Эти изыскания имеются в первой и второй главах.

Главы четвертая и пятая полностью посвящены лингвокультурному анализу. Четвертая глава *Гендер в публицистическом дискурсе* вводит в оборот не только публицистические, но и паремиологические и афористические тексты. Автор отобрал по 150 русских и польских пословиц и 200 афоризмов и на основании их анализа показал что, хотя имеются различия в концептуализации гендерной философии у двух этосов, в целом гендерные стереотипы в дискурсе обеих культур имеют сексистский характер и отражают мужской шовинистический взгляд на противоположный пол. Не вызывает сомнения цель, в связи с которой исследователь включает эту главу в свою работу: плодотворный диалог необходим и возможен не только между людьми разных культур, но и в равноправном феминистско-маскулистском мире, только тогда «мы можем надеяться на аутентичный праздник разнообразия» (с. 101). Если принять во внимание тезис И. Коженевска-Берчинска, что к изучению гендера польские исследователи подключились лишь недавно (с. 97), то проведенный ею анализ становится еще более ценным.

Последняя глава *Культура как совокупность ценностей*, по замыслу автора, – «своеобразное резюмирование проблематики поисков тождественности, а также потенциальных предпосылок для возможности диалогического контакта» (с. 109). В данной главе И. Коженевска-Берчинска описывает аксиологические поиски русских и поляков (это семиотический пейзаж из живых картинок: движение, перемещение, изменение направления – *вояж в Неизвестное Далекое*; поиски *дороги к Храму* через общечеловеческие и традиционно русские и польские ценности); рассматривает новое мифотворчество в дискурсах публичной коммуникации двух этосов (в российской ментальности: *миф об идеальной демократии, об обогащении любой ценой, о всемогуществе Церкви и ее конфессий, о необходимости сильной руки; миф об обожествлении собственности, о превосходстве по отношению к восточным славянам, чрезмерная мифологизированность Запада, как резюме – миф о польской толерантности* – в польском публичном дискурсе; тоска обоих народов по *мифу социальной справедливости*), причем миф для автора – это особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное (с. 114). И в качестве апогея мифотворчества

И. Коженевска-Берчинска выводит феномены «*польскость*» и «*русскость*», которые, на наш взгляд, можно определить как лингвокультурные концепты, поскольку именно в феноменах *польскости* и *русскости* типизируются как лучшие, так и худшие черты двух этосов.

Начиная исследование, И. Коженевска-Берчинска в § 1 гл. I определяет свои методологические позиции с точки зрения лингвострановедения и лингвокультурологии. Опираясь на труды корифеев первой дисциплины Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [3], а также основоположников лингвокультурологии в русистике В.А. Масловой [4] и В.В. Воробьева [5], подробно разбирая их теоретические концепции и сопоставляя пространство интересов и достижений этих двух отраслей лингвистики, автор рецензируемой монографии приходит к мысли, что «есть основания сомневаться в неординарности лингвокультурологических идей» (с. 9), поскольку «лингвокультурология как отдельная дисциплина возникла в результате растущего количества исследовательских вопросов, обилие которых просто не вмещалось в рамки одной единственной дисциплины – лингвострановедения»; «используем ли мы термин «лингвострановедение» или «лингвокультурология», мы так или иначе изучаем вопросы о взаимодействии и взаимообусловленности языка и культуры» (с.11). В итоге остается неясно: пред нами лингвострановедческое или лингвокультурологическое исследование? С одной стороны, И. Коженевска-Берчинска декларирует свою приверженность взглядам Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, т.е. позициям лингвострановедения, с другой стороны, в дальнейшем этот термин в исследовании не употребляется, а вот термины лингвокультурология и лингвокультурологический в монографии используются постоянно.

Очевидно, вышеизложенная терминологическая неопределенность рецензируемого исследования предопределена как общим состоянием теоретической научной мысли, так и профессиональными пристрастиями автора. Во-первых, в лингвистике закрепилось понимание того, что лингвострановедение – это изучение этнокультурных особенностей, закрепленных в языке и проявляющихся в речи, а лингвокультурология – это выявление через язык национально-культурной специфики, хотя в последнее время высказываются гипотезы, что лингвокультурология – это не языковая дисциплина, а культурологическая [6]. Во-вторых, «лингвострановедческая» приверженность И. Коженевской-Берчинской предопределена ее профессиональными пристрастиями: она – преподаватель русского языка как иностранного с многолетним стажем работы, поэтому дидактический опыт объяснения польским студентам российской культуры сквозь призму языка наложил отпечаток на теоретические пристрастия ученого.

Теоретические «разночтения» автора четко прослеживаются в тексте рецензируемого исследования. Так, страницы посвященные разъяснению лингвокультурных лакун в сознании носителей польского языка, связанных с российской действительностью, написаны в лингвострановедческом ключе. Главы, в которых речь идет о сопоставлении русской и польской ментальности, отраженном в языке, выполнены в лингвострановедческом аспекте. Таким образом, перед нами своего рода «зонтичное» (термин С.Г. Воркачева, [7]) исследование по соприкасаемости с другими ветвями лингвистики, которое можно определить как кросскультурное, отвечающее нуждам лингводидактики, объединяющее в себе достижения лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Ср.: кросскультурность «через общее и различное обогащает языковую культуру носителя всем этническим спектром отражения мира в языке» [8].

Методические находки И. Коженевско-Берчинской окажутся полезны и ее русским коллегам. Автор рецензируемой книги с помощью анкетного опроса с 1993 г. проверяет понимание ключевых концептов советской, а также культуры наших дней польскими студентами-русистами. Результаты анкетирования показали, что респонденты во многих случаях поверхностно понимают явления российской действительности, а зачастую и не понимают вообще (с. 13-14). Нас заинтересовали результаты, полученные И. Коженевской-Берчинской, и мы решили провести подобный опрос среди русских студентов с целью выяснить, насколько носители русского языка знакомы с концептами *чрезвычайщина*, *враг народа*, *оттепель*, *новое мышление*, *поколение дворников и сторожей* (слова из списка И. Коженевской-Берчинской). В качестве респондентов выступали студенты исторического факультета Уральского государственного педагогического университета (30 чел.), экономического факультета Уральского государственного университета (20 чел) и Уральской государственной юридической академии (20 чел). Результаты анкетирования оказались для нас неожиданными: первое понятие смогли объяснить только 7 человек, второе – 12 (для основного количества опрошенных студентов *враг народа* – это тот, кто идет против интересов и блага народа); последнее понятие не смог объяснить ни один из опрошенных (ср.: Это в основном пенсионеры, которые вынуждены ради копейки заниматься любым трудом). *Оттепель* и *Новое мышление* попытались объяснить все респонденты, но толкования дают очень поверхностные. И. Коженевской-Берчинской ведется спецсеминар «Новые лики России» с целью заполнения лингвокультурологических лакун в языковом сознании польских студентов-русистов. А что можно предложить нашим будущим историкам, экономистам и юристам?

Очевидно, кросскультурное образование необходимо и русским студентам.

Конечно, «придирчивый» читатель (кстати, по мнению И. Коженевской-Берчинской, обилие закавыченных смыслов – характерная черта современного российского дискурса (с. 75), найдет в рецензируемой монографии и недочеты, и спорные положения. Так, вызывает удивление, что автор, так хорошо знакомый с состоянием теоретических изысканий русских коллег, обходит вниманием социолингвистические штудии, например, Е.А. Земской и Л.П. Крысина [9], а ведь их исследования во многом пересекаются с мыслями, излагаемыми в книге. Не вызывает поддержки тезис И. Коженевской-Берчинской о том, что лишь немногие ученые посвящают свое внимание изучению публицистики (с. 70).

Но так поступит только «придирчивый» читатель. А читатель, заинтересованный в расширении своего культурологического кругозора, с благодарностью воспримет монографию И. Коженевской-Берчинской, поскольку в ней рассматриваются интереснейшие факты, свидетельствующие о разносторонней и глубокой эрудиции автора, заинтересованного в плодотворности как научного, так и общенародного общения двух этосов.

Литература

1. Коженевская-Берчинская И. Мосты культуры: Диалог поляков и русских. – Мн.: Экономпресс, 2006.
2. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // В сб.: Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы. – Волгоград: Парадигма, 2005. С.25-62.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990; Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка: В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М., 2000.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
5. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
6. Городецкая Л.А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема. М., 2007.
7. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый» термин //Язык, сознание, коммуникация. Вып.24, - М., 2003. С. 5-12.
8. Алиева Н.Н. Кросскультурная лингводидактика. Махачкала, 2006.
9. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М.: языки славянской культуры, 2003.
10. Язык современной публицистики: сб. статей. – М.: Флинта : Наука, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

АНИКИН ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – преподаватель Челябинского государственного педагогического университета, защита диссертации назначена на январь 2008 г.

БАЗЫЛЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

БЕЛТ ТОДД – доктор философии, профессор Гавайского университета, г. Хило (США).

БЕНИТО ГЛОРИЯ АЛЬВАРЕС – доктор философии, профессор, Севильского университета (Испания).

БЕРНОЛЬД АННА – аспирант Цюрихского университета.

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ВАЙС ДАНИЭЛЬ – доктор философии, профессор Цюрихского университета (Швейцария).

ВАСИЛЬЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор Сибирского института МВД РФ (Красноярск).

ВОРОЖЦОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, преподаватель Нижнетагильской социально-педагогической академии

ВОРОШИЛОВА МАРИЯ БОРИСОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ВЕСНИНА ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА – преподаватель Уральского государственного педагогического университета.

ГИНИАТУЛЛИН ИГОРЬ АХМЕДОВИЧ – кандидат педагогических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета.

ГРИГОРЬЕВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета.

ДЕЛИДЖОРДЖИ КАТЕРИНА – доктор философии, профессор Университета Суссекса (г. Брайтон, Великобритания)

ДИАС ГАБРИЭЛА ФЕРНАНДЕС – доктор философии, профессор Севильского университета

ИВАНОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат филологических наук, преподаватель Челябинского государственного университета.

ИГОШЕВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ – профессор, ректор Уральского государственного педагогического университета.

ИНЬИГО-МОРА ИЗABELЬ – доктор философии, профессор Севильского университета.

ИССЕРС ОКСАНА СЕРГЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой

Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

КАБАЧЕНКО ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, старший преподаватель Уральского государственного педагогического университета.

КЕРИМОВ РУСЛАН ДЖАВАНШИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Кемеровского государственного университета.

КРАСИЛЬНИКОВА НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, директор филиала Уральского государственного педагогического университета в городе Новоуральске.

КУШНЕРУК СВЕТЛАНА ЛЕНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

ЛАССВЕЛЛ ГАРОЛЬД (1902-1978) – доктор философии, профессор университета в Чикаго, политолог, психолог, социолог, один из основоположников политической лингвистики.

ЛЕКАРЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирант Уральского государственного педагогического университета.

НАХИМОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета

ПИРОГОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета.

РАХИМБЕРГЕНОВА МАЙРА ХАДЖИМУРАТОВНА – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

РУЖЕНЦЕВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

СЕРГИЕНКО НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Сургутского государственного университета.

СКРЕБЦОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

СТРЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

СУСПИЦЫНА ИНЕССА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ЧЕРВИНСКИ ПЕТР – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Силезского университета

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

